

Б И О Г Р А Ф И И   В Е Л И К И Х   С Т Р А Н

Г Е Н Р И   В .   М О Р Т О Н

# ШОТЛАНДСКИЕ ЗАМКИ

ОТ ЭДИНБУРГА ДО ИНВЕРНЕССА



## Annotation

В Шотландии мало что изменилось со времен Роберта Бернса и Вальтера Скотта: высится на скале ничуть не изменившийся Эдинбург, сторожит истоки реки Форт замок Стерлинг, плодоносит «Пояс» — как называют местные жители территорию между Эдинбургом и горными районами — и, разумеется, привлекает и подчиняет своей неоспоримой магии знаменитый Хайленд.

Пусть килты, боннеты и отороченные мехом кошель превратились в приманку для туристов — шотландцы по-прежнему верны себе и своему прошлому.

---

- [Генри Мортон](#)
  - [Шотландия As She Is\[1\]](#)
  - [Введение](#)
  - [Глава первая](#)
  - [Глава вторая](#)
  - [Глава третья](#)
  - [Глава четвертая](#)
  - [Глава пятая](#)
  - [Глава шестая](#)
  - [Глава седьмая](#)
  - [Глава восьмая](#)
  - [Глава девятая](#)
  - [Глава десятая](#)
  - [Глава одиннадцатая](#)
  - [Глава двенадцатая](#)
  - [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

- [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
  - [55](#)
  - [56](#)
  - [57](#)
  - [58](#)
  - [59](#)
  - [60](#)
  - [61](#)
  - [62](#)
  - [63](#)
-

# **Генри Мортон Шотландские замки. От Эдинбурга до Инвернесса**

***Памяти Маргарет Констанс Маклин  
Юарт***

*Меж вами он стихи строчит  
И верит, что издаст...*

*Роберт Бернс*

## Шотландия As She Is<sup>[1]</sup>

Сегодня уже мало кто читает сэра Вальтера Скотта, хотя еще сравнительно недавно в бардовской песне от имени пирата предлагалось пустить все на свете книги, кроме его романов, «на производство якорей». Однако я принадлежу к тому поколению, которое росло на «Айвенго» и «Квентине Дорварде»; более того, меня всегда тянуло за «рамки предписанного», и я прочел также и «Эдинбургскую темницу», и «Пуритан», и «Легенду о Монтрозе» — словом, все, до чего смог добраться, — и так, благодаря Скотту, открыл для себя Шотландию. Конечно, это было чисто умозрительное представление, Шотландия воображаемая, вымышленная, подобная Лондону «по Конан Дойлу» или Парижу «по Дюма»; но образ запечатлелся — и, как выяснилось впоследствии, оказался весьма близок к действительности.

Вальтер Скотт открыл Шотландию для мира, и — поразительный факт! — с его времен в стране мало что изменилось. Конечно, добавились многочисленные приметы наших дней, прежде всего технического свойства, вместо проселочных дорог проложили асфальтированные трассы, конные повозки уступили место автомобилям, даже на Куллоденском поле, где окончательно обратились в прах мечты якобитов, сотовый телефон ловит сигнал сети... А в остальном все осталось как прежде: высится на скале ничуть не изменившийся Эдинбург, немим укором ревнителям протестантизма стоят развалины аббатства Сент-Эндрюс, сторожит истоки реки Форт замок Стерлинг, плодоносит «Пояс», как называют местные жители территорию между Эдинбургом и горными районами, и, разумеется, привлекает и подчиняет своей неоспоримой

магии знаменитый Хайленд — Северо-Шотландское нагорье.

Без сомнения, любое впечатление, составленное «по книжкам», всяко окажется бледнее реальности, но нужно отдать должное сэру Вальтеру: его описания Шотландии способны подготовить к встрече со страной куда лучше, чем, допустим, описания Александра Дюма — к встрече с Парижем (конечно, это не вина классика исторического романа: он никак не предполагал, что старый Париж будет фактически уничтожен бароном Османом). И если в крупных городах черты современности проступают явственно, то за городской чертой Эдинбурга, Глазго, Абердина все выглядит едва ли не точно так же, как выглядело, когда по этим местам проезжал Волшебник Севера, как прозвали Скотта соотечественники.

Приверженность старине и традициям и местный патриотизм — характерные особенности шотландской жизни по сей день. Пусть килты, боннеты и отороченные мехом кошель превратились в приманку для туристов, пусть в Эдинбургском замке выстроили трибуну, перед которой проходит парад военных оркестров, пусть на берегах озера Лох-Несс сформировалась полноценная развлекательная индустрия, а Хайленд пустует — шотландцы по-прежнему верны себе и своему прошлому.

Пожалуй, одно из самых ярких впечатлений об Эдинбурге — паб на Королевской миле, при входе в который выгравированы на доске памятные слова Роберта Бернса:

У которых есть, что есть, — те подчас не могут  
есть,  
А другие могут есть, да сидят без хлеба.  
А у нас тут есть, что есть, да при этом есть, чем  
есть, —

Значит, нам благодарить остается небо!<sup>[2]</sup>

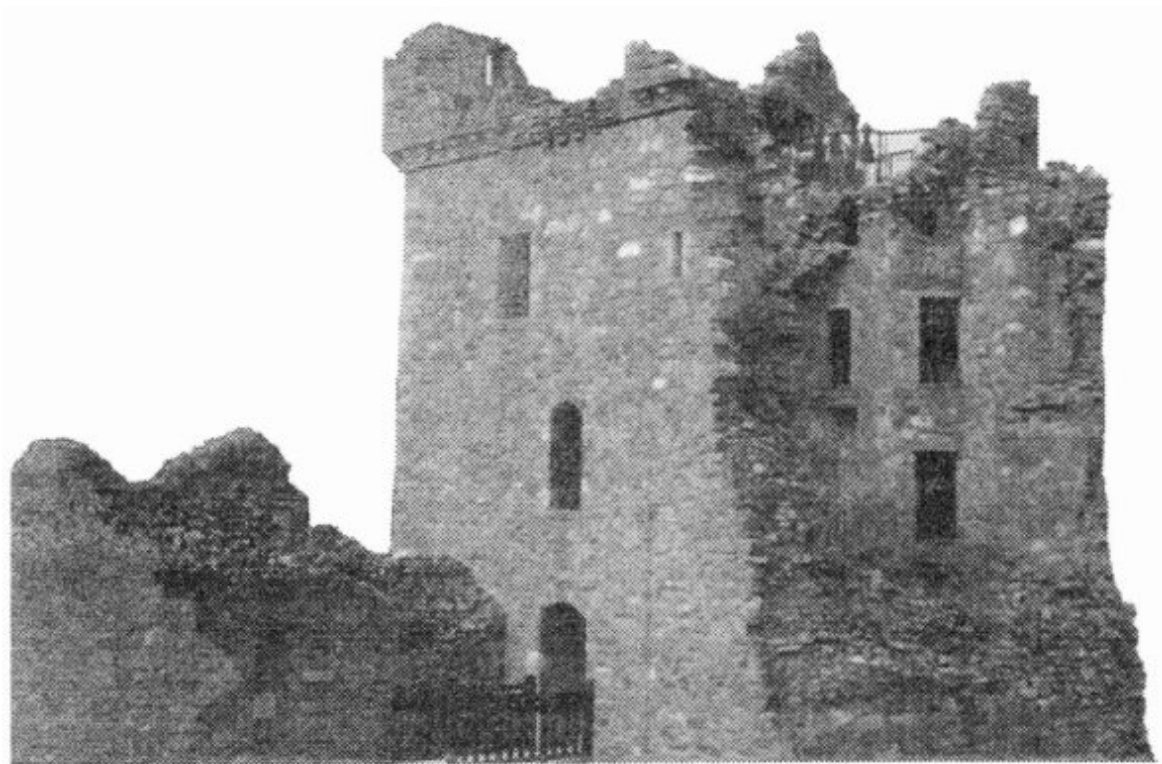
В этих простых словах — суть шотландского отношения к миру, отношения, которое не меняется на протяжении столетий.

Приятных прогулок по Шотландии!

***Кирилл Королев***



## Введение



Достаточно взглянуть на внушительный каталог букинистических изданий со звучным названием «Шотландская библиотека», и сразу становится ясно: только полный глупец может надеяться сказать что-то новое о Шотландии — вдобавок к тому, что уже сказано именитыми предшественниками. Тем не менее, обдумывая данную книгу, я обнаружил весьма курьезный факт: оказывается, подобных произведений — такого же характера и объема, как мой предполагаемый опус — не появлялось с XVIII столетия (или, если уж быть точным, то с начала XIX века).

По самым приблизительным оценкам, в «Шотландской библиотеке» содержатся тысячи работ по топографии этой страны, сотни исследований отдельных ее областей, а также поистине бесчисленное количество

произведений, посвященных шотландским пейзажам, фольклору, обычаям и тому подобному. Но напрасно будете вы перерывать пыльные тома в поисках живых и заинтересованных заметок путешественника по Шотландии.

Если Англия по ряду очевидных причин была подробно исследована и описана еще со времен «Записок императора Антонина» и вплоть до Коббета, то с ее северной соседкой ситуация складывалась совсем иначе.

Сегодня, когда мы заводим речь о Шотландии, то имеем в виду не только Низины — Лоуленд, но и Хайленд, причем благодаря сэру Вальтеру Скотту я бы даже сказал, в первую очередь Хайленд. Однако еще сто восемьдесят лет назад под Шотландией подразумевался только Лоуленд. Что же касается горной части страны (северной и северо-западной), то она в основном представляла собой дикие неисследованные земли. Вы, возможно, не задумывались, но фактически шотландский Хайленд (и я развиваю эту мысль в своей книге) был открыт на несколько столетий позже, чем Америка!

Дабы оценить абсурдность ситуации, представьте себе, что Уэльс покрывает три четверти площади Англии. Для наглядности проведите линию наискосок вниз от залива Уолша до Уэймута и вообразите, что к северу от этой границы раскинулась нехоженная территория — сплошные горы, заселенные воинственными племенами, у которых нет ничего общего с жителями Восточной Англии, Лондона и южных земель, кроме разве что страстной привязанности к своей собственности. Так вот, подобное положение царило и в Шотландии каких-нибудь полтора столетия назад.

Во времена Александра Поупа и Аддисона шотландский Хайленд интересовал путешественников

не более чем, скажем, нынешний Афганистан. Даже сами шотландцы, жители равнинного Лоуленда, если им доводилось отправляться на север, считали нужным оставить посмертные распоряжения относительно имущества. Для них, также как и для англичан, шотландское Нагорье было нецивилизованной, чуждой страной — столь же отличающейся от Лоуленда, как Уэльс отличается от собственно Англии. Это было страшное место, где дикие горцы вели бесконечные клановые войны, а в перерывах между ними разводили и угоняли друг у друга скот. И лишь после 1746 года ситуация начала меняться. Сокрушительное поражение принца Чарльза Эдуарда привело к распаду устоявшейся клановой системы, к насильственному разоружению гэльской Шотландии и последующему объединению Хайленда и Лоуленда.

Потребовалось еще какое-то время, чтобы клеймores горцев навсегда спрятались в ножны, а в стране воцарился относительный мир и порядок. И только тогда писатели обратили взоры на Шотландию. Пеннант совершил свое путешествие в 1769 году. А в 1773 году доктор Сэмюел Джонсон в сопровождении верного Босуэлла проехал всю Шотландию — как ее низинную часть, так и Хайленд. За этими пионерами последовали еще несколько любознательных исследователей, увы, незаслуженно забытых в наше время. Среди них был и сэр Джеймс Карр — в некотором роде мой предшественник: в 1809 году он проделал верхом и на повозках тот же путь, что я на автомобиле в 1928 году. Однако сохранилось крайне мало книг с описанием подобных странствий. Дороги в те времена были исключительно плохими. Что же касается гостиниц, то достаточно заглянуть в «Дневник» Босуэлла, дабы убедиться: и размещение путников оставляло желать лучшего. По правде говоря, оно было настолько отвратительным, что лишь полный безумец или же

человек, одержимый манией писательства, добровольно согласился бы подвергнуться такому испытанию. И тем не менее Шотландия привлекала путешественников, правда, передвигались они несколько иными путями, чем нынешние автолюбители.

Сэру Вальтеру Скотту, родившемуся в исключительно подходящий момент, принадлежит честь создания современного представления о Шотландии. Именно он облагородил горные кланы и обрядил всех шотландцев в килты, придав этому одеянию (прежде малопопулярному) ореол романтики и аристократизма. Эстафету подхватила королева Виктория, которая ежегодно по осени отправлялась в замок на берегу реки Ди. Тем самым она доказала, что шотландский Хайленд может похвастать не только благородством пейзажей, но и полной безопасностью проживания. Так было положено начало шотландскому туризму.

В наше время железная дорога и Каледонский канал сильно облегчили передвижение по стране. Благодаря этим двум достижениям цивилизации туристы могут путешествовать с комфортом и забыть о всех тяготах пути через шотландское Нагорье. Принимая во внимание слабость человеческой натуры и нашу извечную склонность поддаваться соблазнам, не приходится удивляться отсутствию новых книг с описанием путешествий по Шотландии — последние новинки этого жанра относятся к эпохе конных экипажей.

Однако по мере того, как автомобиль все более утверждался в правах, мы вновь начали ощущать вкус к сухопутному передвижению по старым дорогам. Так что, вполне возможно, в ближайшем будущем появятся новые произведения в духе Пеннанта, Босуэлла и Карра — свидетельства о свободных, не ограниченных железнодорожными путями путешествиях по Шотландии и контактах с ее жителями.

Я ни в коей мере не ставил своей целью создать серьезный, всеобъемлющий труд о Шотландии. Скорее, это просто отчет об автомобильной поездке по стране. И, как все подобные книги, она не лишена специфических недостатков, к коим можно отнести множество неточностей, упущений и других грехов. Честно говоря, сейчас прошло еще слишком мало времени, чтобы судить о достоинствах моего детища. Основой повествования — так сказать, его скелетом, который уже позже оброс обильной плотью, — послужила серия моих статей для «Дэйли экспресс». Помнится, я написал их вскоре после состоявшегося в 1928 году открытия типографии этого издания в Глазго. Однако старые материалы были использованы лишь в главах, посвященных Эдинбургу, Глазго и острову Скай. Во всем остальном это совершенно новая книга.

Хочется сказать несколько слов в защиту авторов, которые, подобно мне, в начале пути ничего не знали о Шотландии. Их описания не обременены общеизвестными знаниями, напротив, они проникнуты духом первооткрывательства, который — чем черт не шутит! — может подвигнуть таких же неискушенных читателей на повторение путешествия. С другой стороны, более сведущая публика получит особое удовольствие, наблюдая, как свежий взгляд преобразует хорошо известные факты. Наверняка их также позабавит, сколь часто простофиля-автор едва не проскочил на своем автомобиле мимо чего-то, достойного внимания. В общем и целом я убежден: чем меньше человек знает, отправляясь в подобное путешествие, тем лучше. Ни к чему заранее отягощать себя излишними сведениями. Все, что вам потребуется в пути, — это неумное любопытство.

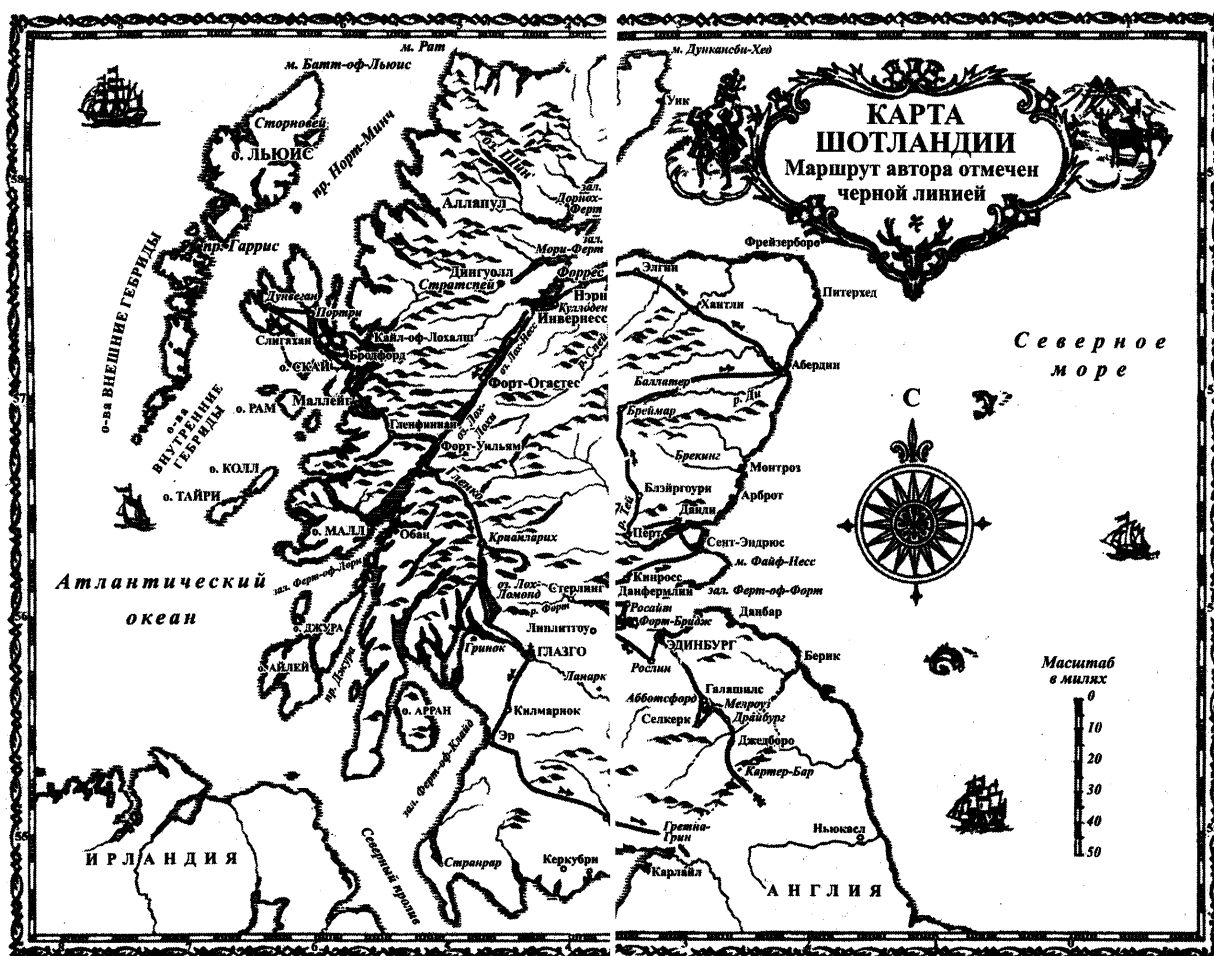
Подводя итоги, должен сказать: знакомство с Шотландией доставило мне огромное удовольствие, и я полюбил шотландцев. Если мне удалось хоть в какой-то

мере отразить эти чувства в своей книге, что ж... тогда я могу свысока посмотреть на своих критиков и сказать:

Итак, за нас!  
За всех за нас!  
И черт нас побери!<sup>[3]</sup>

Если вам не вполне понятен юмор этих строк, мой совет: отправляйтесь в Шотландию и самостоятельно выясните, что к чему.

Г. В. М.  
Лондон



# Глава первая

## Приграничье и сэр Вальтер Скотт

*Я отправляюсь на поиски Шотландии, выезжаю из Лондона и пересекаю границу; вас ждет рассказ о маленьких городках шотландского Приграничья и его аббатствах. Я расскажу, как стоял на берегу легендарного ручья, как посетил жилище сэра Вальтера Скотта и увидел рыцаря-разбойника.*

### 1

Как-то осенью маленький, выдавший виды автомобиль выехал на рассвете с одной лондонской площади и направился в сторону Великой Северной дороги.

В тот ранний час площадь выглядела чистой и невинной — как бывает лишь на рассвете. Старые дома-греховодники, стоявшие здесь со времен королевы Анны и много повидавшие на своем веку, затаились за чугунными оградами и спущенными шторами.

На всем лежала печать осени и глубокого сна.

В предрассветной тишине город, похоже, отказался от привычных пороков. Он временно обрел чистоту и прощение — в самом сердце Лондона я наслаждался подлинным дыханием осени. Оно было насыщено теплыми запахами земли, наводившими на мысли о фруктовых садах и спелых колосьях в поле. Под воздействием этой магии худосочные лондонские скверики — с их таинственным переплетением ветвей — временно превратились в маленькие фрагменты

деревни, которую так любят англосаксы и которую неизменно тщатся (порой насильно) принести с собой в город. Я замер, полной грудью вдыхая этот сладкий, располагающий к ленивой истоме запах. Он порождает мысли о бездействии и мирном отдыхе — точно так же запах боярышника обычно подталкивает к движению и приключениям.

Пробились первые солнечные лучи, предметы отбрасывали те странные тени, которые знакомы лишь молочникам, выезжающим из дома рано поутру. Все вокруг выглядело безжизненным и таинственным. А посреди этого странного мира сидел в маленькой машинке человек, порвавший с привычной жизнью и решившийся на дальнейшее путешествие в неизвестную Шотландию.

Что ждет его впереди, в далеком краю? Кого он там встретит? Каких новых друзей обретет? Какие новые песни узнает? Над чьими могилами замрет в грустном раздумье?

Кто знает... Пока же мне предстояло провести поистине сказочную ночь в Йорке. Я остановился в гостиничном номере, который некогда занимала сама королева Виктория. Со всех сторон меня обступали воспоминания. Они до сих пор живут в этой старинной комнате и в предрассветные часы шелестят по углам подобно выцветшему от времени черному шелку.

За волшебной ночью последовал ранний старт.

Ньюкасл.

И вновь передо мной простирается дорога, которая рано или поздно приведет в Шотландию.

## 2

Эта дорога бодро петляла по безлюдным просторам. Временами она отклонялась от прямого курса на север,



вынужденная огибать чересчур крутые холмы. А порой взбегала на склон и вновь устремлялась вниз, в укромные лощины. Иногда она сужалась до тропы, а затем вновь распаивалась в необъятную пустошь, поросшую темно-лиловым вереском. Вокруг царила почти полная тишина, нарушаемая лишь далеким блеянием овец да пением ветра в телеграфных проводах.

Над самыми вершушками холмов проплывали облака. Время от времени между этими белыми пуховыми подушками возникали черные контуры, напоминавшие клочки обгорелой бумаги, — вороньи стаи с хриплым карканьем пикировали с горных вершин в далекие долины. Взгляд скользил по пустынной местности, там и здесь натываясь на следы человеческой деятельности: местные жители, подверженные все той же удивительной всеобъемлющей любви к собственности, старательно возводили овечьи загоны. Эти стенки высотой в половину человеческого роста, сложенные из коричневого камня, обычно огораживали несколько акров пустоши, на которой паслись черномордые овцы. В жизни не видал более бодрых и жизнерадостных животных! Лохматые, довольно неряшливые на вид, они с неизменным оптимизмом бродили по скудной болотистой почве и, помахивая на ветру своими длинными мягкими хвостами, разыскивали пропитание.

Вот оно, шотландское Приграничье.

Попав в него, начинаешь ощущать одиночество, как посреди открытого океана. Бесконечные подъемы и спуски по склонам холмов напоминают скольжение по замерзшим морским волнам. И вот уже вы, подобно бывалому моряку, обшариваете взглядом окрестности в поисках признаков человеческого присутствия — пастуха с отарой овец, фермера на вспаханном поле, а лучше всего маленького белого домика с выющим над крышей дымком. Подобная картинка радует глаз, ибо

предполагает наличие трех столпов цивилизации — домашнего очага, женщины и детишек.

Я ехал все дальше, испытывая радостное волнение. Мне казалось: вот за очередным поворотом передо мной наконец откроется земля обетованная. Ведь не могут же безлюдные пустоши тянуться вечно! Так скиталец в пустыне заранее чувствует приближение оазиса, задолго до того, как на горизонте обозначатся контуры пальм. Я неугомонно катил по проселочной дороге, поднимался на склоны холмов и съезжал в вересковые долины, пересекал ручьи, огибал горные отроги и всеми фибрами души ощущал: скоро, совсем скоро меня ждет встреча с Шотландией. Как же я ошибался! Приграничье тянется, кажется, бесконечно. Эта пустынная ничейная земля между Англией и Шотландией обладает собственной душой. Она сохранила воспоминания о тех временах, когда каменистые утесы, хищно очерчивающиеся посреди бурых пустошей, служили убежищем местным жителям — древним пиктам. Те трудились в зарослях вереска, прислушиваясь к мирному жужжанию своих пчел, и время от времени бросали бдительные взгляды на юг: не замаячит ли вдалеке дымный столб? А, возможно, сработает своеобразный гелиограф — медный щит, установленный на границе с римскими землями и подающий сигнал боевой тревоги. Пришлым римлянам так и не удалось покорить эту часть острова к северу от Адрианова вала. Здесь холмы неоднократно становились свидетелями военных действий. Местное население заключало множество союзов, но не терпело над собой хозяев. Здесь рождались героические и романтические баллады, а не сухие законы.

Я остановил машину и вытащил дорожную карту. Затем вскарабкался на каменную стену, чтобы свысока обозреть бесконечные вересковые пространства и определиться с дальнейшим направлением движения.

Ага, вот он, мой маршрут! Вы только вслушайтесь в названия холмов, отмеченных на карте! До чего же точно они отражают суровый и негостеприимный характер здешней местности. Слева от меня высились Корби-Пайк (Воронья высотка) и Уинди-Крэг (Ветренный утес), Дуэр-Хилл (Суровый холм) и Хангри-Ло (Бесплодный холм); в нескольких милях от них маячили Бладибуш-Эдж (Край Кровавого Вереска) и Бифстэнд-Хилл. Шесть удивительных колоритных имен, будто взятых из шотландской баллады! Справа же неясно вырисовывалась громада Блэкмен-Ло (Холма Черного Человека), за ней вздымался крутой Оу-Ми-Эдж (Горе-Мне-Край). Нет, это слишком великолепно, чтобы быть правдой! Хотел бы я знать, кто и когда придумал это звучное название — Оу-Ми-Эдж? Может быть, здесь — как и в случае с нашим Виэри-Олл-Хилл в окрестностях Гластонбери — отражено то пагубное воздействие, которое непокорная высота оказывала на конечности несчастных путников, вынужденных штурмовать ее склоны?

Вересковый ковер послушно пригибался под порывами ветра. Головки цветов клонились к земле, при этом обнажались дымчато-серые стебли и вся пустошь приобретала характерный блеск атласного дерева. Недавно прошел дождь и изрядно промочил почву: там, где я недавно стоял, уже образовались маленькие лужицы ржавой болотной воды. От них поднимался специфический торфяной запах, который для меня однозначно ассоциируется с ранней осенью. Все вместе — ветер, колышущийся вереск, ржавая водица под каблуками, непрерывная цепочка холмов, тянувшихся на горизонте, далекое блеяние овец и назойливое жужжание насекомых в вереске — порождало всепоглощающее ощущение одиночества, затерянности между небом и землей, но вместе с тем несло в себе какую-то неясную угрозу. Оно повергло меня в

двойственное состояние: я чувствовал себя умиротворенным и одновременно взволнованным. За этой реальной картиной мира мне мерещилось присутствие невидимых, но бессмертных враждебных сил. Ох, недаром я зачитывался балладами шотландского Приграничья!

Я отыскал островок сухого вереска и улегся со своей картой. Полежал, рассеянно наблюдая, как разгулявшийся ветер сносит дымок от трубки. И тут у меня в памяти вдруг возникло забытое название. Боже, какой же я глупец! В своем невежественном нетерпении я проехал замечательное место. Что же теперь делать? Снова отмотать пятнадцать миль по дороге, чтобы взглянуть-таки на Оттерберн? Ведь это — ворота в Шотландию, навеки запечатленные в первой романтической балладе:

В день жатвы это произошло,  
Когда мечут в лугах стога,  
В Английских землях Дуглас решил  
Поохотиться на врага.

Он выбрал Гордонов, Грэмов взял  
И Линдсеев, славных ребят,  
А Джорданы с ним не пустились в путь  
И о том до сих пор скорбят<sup>[4]</sup>.

Мне припомнилось высказывание сэра Филипа Сидни: «...никогда не слушал я старинную песню о Перси и Дугласе, чтобы мое сердце не было тронуто больше, чем звуками боевой трубы»<sup>[5]</sup>. То была достойная схватка, и в ней, как в зеркале, отразился рыцарский дух далеких героических времен. Вновь и вновь перечитывая Фруассара — замечательные по своей искренности и достоверности строки, — я

испытывал горькие сожаления о том, что родился слишком поздно и не мог все видеть собственными глазами. Помните тот отрывок, где Фруассар описывает погоню шотландского рыцаря, сэра Джеймса Линдсея, за правителем Берика, англичанином Мэттью Редманом? Он нравится мне даже больше баллады о гибели Дугласа — той самой, где тело шотландского вождя спрятали в вересковых зарослях до победоносного окончания сражения. Я позволю себе пересказать часть истории Фруассара, чтобы читатель мог по достоинству оценить благородство и отвагу, присущие той дикой эпохе.

Итак, видя, что схватка проиграна, сэр Мэттью вскочил на коня и изо всех сил припустил к Ньюкаслу, сулившему ему защиту и безопасность. Но победитель, Джеймс Линдсей, вовсе не собирался упускать добычу. Он тоже пришпорил коня, на скаку взывая к англичанину: «Эй, сэр рыцарь, постойте! Неужели вам не стыдно улепетывать во все лопатки? Обернитесь же, с вами говорю я, Джеймс Линдсей!» Однако сэр Мэттью не желал его слушать, он изо всех сил нахлестывал коня, стремясь оторваться от преследователя. Таким образом они проскакали около трех миль. Внезапно конь англичанина споткнулся, и седок кубарем скатился на землю. Ликующий Линдсей выхватил оружие и бросился к поверженному врагу. Выбора у сэра Мэттью не оставалось. Он тоже обнажил меч и приготовился к бою с приближавшимся всадником. Мгновение, и Линдсей налетел на него с копьем наперевес. Сэр Мэттью умудрился не только парировать удар, но и расщепить вражеское копье. Очко в пользу англичанина! Не помня себя от ярости, Линдсей соскочил с коня и бросился на неприятеля. В руке он сжимал боевой топор, который всегда носил за спиной. Завязалась ожесточенная схватка. Долго они сражались, пока силы не покинули сэра Мэттью. Чувствуя, что уступает неумолимому

шотландцу, он опустил меч и сдался на милость победителя. И как вы думаете, что же произошло дальше? После кровопролитного сражения оба рыцаря обменялись рукопожатием и разговорились, будто добрые друзья! Весь их воинственный пыл куда-то испарился. Ниже привожу их беседу, слегка модернизировав архаичный язык Фруассара.

— Вы победили меня, — честно признал Редман. — Теперь я ваш пленник. Скажите же, как вы намерены со мной поступить?

И добавил, словно невзначай:

— Вообще-то мне обязательно нужно попасть в Ньюкасл. Если вы отпустите меня, сэр, обещаю вернуться через две недели и снова сдаться вам в плен.

Лично меня бы насторожило подобное предложение — откуда взяться столь беспечному тону у человека, только что чудом избегнувшего смерти? Однако Линдсей, похоже, мыслил иначе. Он удовольствовался словом джентльмена и решил отпустить недавнего противника.

— Будь по-вашему, поезжайте, — сказал он, — но дайте мне слово христианина, что в течение месяца вернетесь ко мне в Эдинбург. И еще одно условие: я хочу, чтоб повсюду, куда бы вы ни направились, люди знали, что вы мой пленник.

На том и порешили. Бывшие враги разъехались: сэр Мэттью направился в Ньюкасл, а Линдсей повернул обратно, в родное Приграничье. И тут, по словам Фруассара, вступила в силу «удивительная военная фортуна», придавшая ситуации особую пикантность. Линдсей преспокойно возвращался к себе домой, когда навстречу ему попался многочисленный конный отряд — всадников было не менее четырех сотен. Вначале он принял их за своих соотечественников, но, как выяснилось, ошибся. Это оказался английский резерв во главе с епископом Даремским. Теперь уже сам Линдсей

оказался в роли пленника и несколько минут спустя уже ехал по той самой дороге в Ньюкасл, по которой совсем недавно удалился сэр Мэттью. По прибытии в город шотландского рыцаря разместили в доме епископа. И представьте себе, первым же, которого он встретил, был его недавний визави, сэр Мэттью. Тот зашел в кабинет и обнаружил Линдсея, «лежащего у окна».

— Что вы тут делаете? — в удивлении воскликнул англичанин.

— Боюсь, что вам уже не придется возвращаться ко мне в Эдинбург, — отвечал Линдсей. — Как видите, мы поменялись ролями.

— Не огорчайтесь, сэр, — по словам Фруассара, ответил сэр Мэттью, — мы уладим дело прямо сейчас. Сегодня же вы будете обедать вместе со мной.

(Как по-английски это звучит! Должно быть, он учился в Итоне!)

— Я был бы рад отобедать с вами, — вздохнул Линдсей.

Вся эта история — с отчаянной утренней схваткой, с рыцарским обменом любезностями и расставанием — завершилась ближе к вечеру обильным возлиянием в Ньюкасле. О, как бы мне хотелось услышать, о чем они беседовали за пиршественным столом!

На мой взгляд, это прекрасная камея темных веков, свидетельство дружбы между двумя нациями, позже сгинувшей в многовековой вражде.

Итак, я смотрел на Оу-Ми-Эдж и все глубже погружался в воспоминания. В этом и заключается действие чар Приграничья. Стоит только проехать Оттерберн и углубиться на север, и вы начинаете ощущать их действие. Как передать словами очарование этой дикой, непокорной земли, где все углы и закоулки словно сошли со страниц рыцарского романа! Трудно представить себе более романтический край, отмеченный таким количеством дерзких, героических

деяний. На протяжении многих поколений люди здесь любили и ненавидели, и благодаря этому все детали окружающего ландшафта приобрели особое значение. Казалось, сама земля пропиталась человеческими страстями, и от этого каждая скала, каждый клочок зеленой травы стали особенными.

Я вернулся на дорогу и поехал дальше. Меня по-прежнему не покидало ощущение близости Шотландии. На каждом повороте я невольно вглядывался вдаль, ожидая, что вот-вот передо мной распахнется дикая, неизведанная страна. Внезапно дорога пошла резко в гору, и я в азарте добавил газа. Наконец-то! Местные жители называют это место Картер-Бар. Внизу передо мной расстилалась Шотландия...

### 3

Во всех странах есть такие пейзажи, которые безошибочно трогают сердце путника. Именно такой вид открывается с вершины Картер-Бар. Перед вами Шотландия. Но не та страна, о которой сказал поэт: «О Каледония, твой лик / Порою строг, порою дик!»<sup>[6]</sup> Нет, эта Шотландия напоминает женщину в хорошем настроении: она вам рада, встречает с улыбкой на лице, пирогом на противне и горячим чайником над очагом. Именно такой образ милой и уютной Шотландии навечно запечатлелся в сердце самого великого из всех сынов Приграничья — сэра Вальтера Скотта. Я думаю, ни один шотландец, возвращающийся домой после долгого отсутствия, не сумеет сдержать чувств на вершине этого холма. То, что предстает его взору, — несомненно, Шотландия и ничем другим быть не может. Мне кажется, для каждого шотландца эта картина — такой же безошибочно распознаваемый образ, как и меловые утесы Дувра для англичанина.



Весь пологий склон холма зарос вереском. Солнце садилось, и небо над Ламмермурскими холмами тревожно алело. Ветер стих. Внизу, в долине, собирался осенний туман: крадучись, он переползал от леса к лесу. В домах топились печи, и из труб неподвижными колоннами тянулся в небо дым. На фоне зеленых лугов извивались белые призрачные змеи — это туман струился над поверхностью реки или ручья. Весь пейзаж выглядел потрясающим этюдом в голубых тонах. На переднем фоне — подобно обещанию далекого Хайленда — маячили вершины Эйлдонских холмов. Синие, как тепличный виноград, они поднимались над зелеными берегами Твида. На горизонте тоже громоздилась цепочка холмов, а за ней еще одна... и еще... пока все не растворялось в сплошной голубизне. Длинные пологие склоны Ламмермурских холмов на западе переходили в очертания Морфут-Хиллз и Пентленд-Хиллз. На всем лежала печать тишины и покоя. Было так тихо, что я мог различить далекий лай деревенских собак. В полном одиночестве я стоял на границе: одной ногой в Англии, другой в Шотландии. Рядом торчал металлический щит с надписью «Шотландия». Он казался совершенно излишним; и так было ясно, что Англия осталась за спиной. Картер-Бар действительно служит воротами в Шотландию, на протяжении веков эта возвышенность обозначала границу между кельтами и англосаксами.

Я долго сидел на вершине холма, наблюдая, как гаснет дневной свет, туман сгущается, а голубизна наливается темными оттенками. В этот вечерний час, когда на небе зажигались первые звезды, я особо остро ощутил очарование Приграничья. Его чары приблизились и окутали меня подобно колдовскому заклинанию. Как описать эту странную извечную осведомленность Приграничья? Его почти сверхъестественную наблюдательность? Его диковинную способность

затаиться и присматриваться, и прислушиваться? Меня не покидало ощущение, будто некто невидимый следит за всеми моими передвижениями. В каждом скрюченном дереве мне виделся затаившийся соглядатай. Я так и ждал, что вот сейчас из вересковых зарослей навстречу мне тихо выедет королева эльфов. Я вспоминал, как в этих самых местах подобная история приключилась с Томасом из Эрсилдуна, или Томасом Рифмачом: он повстречал королеву, та ехала верхом, и «пятьдесят девять серебряных колокольчиков» позвякивали в конской гриве.

Вокруг по-прежнему царил тишина, но я беспокойно обшаривал взором окрестные пустоши, на которых кровавыми пятнами алел вереск. Мне казалось, будто что-то должно произойти. Приграничье грозило вот-вот пробудиться, осыпаться искрами огня с верхушки дерева, пронестись со склона на склон, наполнив тихий закат звоном мечей, стуком копыт и диким пограничным кличем: «Шотландцы! Шотландцы!» В моих ушах звучали тревожные клики: «Армстронг!», «Эллиот!» В глазах стояла картина: темная толпа заполнила пустошь, она несется под «бледным светом луны».

Нет, что ни говорите, а Приграничье все еще населено былыми призраками. Оно спит — но вполглаза! Тем временем заметно похолодало. Я все дальше углублялся на шотландскую территорию.

Приближались сумерки. По пути мне попадались маленькие пограничные деревушки — выстроенные из серого камня, строгие, замкнутые, упрямо отгородившиеся от дороги глухой стеной. Я остановил машину, вдохнул поглубже местный воздух, прислушался к доносившимся звукам. Мне хотелось проникнуть в жизнь этих людей. Запахи были привычными, уютными: как и в любой нормальной деревне, к запаху торфяного дыма, кутившегося над

печными трубами, примешивались незатейливые, честные ароматы коровника. Что же касается звуков... Я услышал, как во дворе неподалеку беседовали мужчина и женщина. Их голоса явственно разносились в вечерней тишине.

— Вот уж не знаю, — говорила женщина. — Уж не мастер ли Армстронг едет по дороге?

— Ну да, — отвечал ей муж.

— Куда это он собрался? Никак к мистеру Фергюсону, что живет по соседству со священником.

— Выходит, что так.

Затем к их разговору присоединился новый голос: некто, очевидно прохожий, распевно произнес:

— Вечер до-обрый!

— И вам того же, — ответила женщина.

Вот и все, что я подслушал. Короткий обыденный разговор, но для меня он значил так много. Подлинный голос Шотландии! Я поехал дальше, но мягкий говор жителей Приграничья продолжал звучать в моих ушах. Про себя я повторял незатейливые слова, пытаюсь произносить их так же тягуче, нараспев. По мне, так «до-ом» звучит гораздо милее и приятнее, чем просто «дом». Наверняка в «до-оме» чувствуешь себя куда уютнее... во всяком случае мне так кажется.

Уже совсем смеркалось, когда в одном из переулков я повстречался с местным пастухом — он гнал свою отару домой. Хотя, по правде сказать, всю работу за пастуха выполняла его маленькая овчарка. Мне она показалась исключительно умной — ни дать ни взять профессор математики. Она была настоящей красоткой: черная, как смоль, лишь морда и грудка да кончик хвоста белые. В отличие от наших пастушеских собак в Саут-Даунс, эта собака не подавала голоса. Она безмолвно кружила вокруг стада, проявляя при этом непреклонность высшего божества. Если требовалось призвать к порядку какую-нибудь заблудшую овцу, она

просто мягко тыкалась носом той в бок. Этого оказывалось достаточно: отара трусила себе дальше, а собака — внимательная и неутомимая — продолжала патрулировать серую лавину.

И мне подумалось: такого не увидишь ни в одной английской деревне — овцы, умница-собака и согбенный пастух с волосами цвета льна.

— Вечер до-обрый, — на ходу оборонил старик.

— И вам того же! — ответил я.

И они пошли дальше, а в моей памяти навечно запечатлелась эта картинка — характерная виньетка шотландского Лоуленда: пастух в сумерках гонит стадо к родной деревушке, которая призывно подмигивает ему освещенными окнами и манит запахами готовящейся вечерней трапезы...

Я же, несмотря на подступавшую ночь, продолжал ехать в сторону Джедборо — туда, где на склоне холма лежало разрушенное аббатство. И вот уже мой автомобиль катит по улицам города. В этот поздний час они полны жизни. Я дотошно отмечаю встречающиеся по пути маленькие шотландизмы. Так, оказывается, мясник здесь называется «флешер» — тот, кто торгует мясом животных. А вот вход в аптеку — его украшают огромных размеров ступка и пестик... забавно! Я купил вечернюю газету и пробежал ее глазами. Внимание мое привлекла рубрика «In Memoriam»: целая колонка некрологов по шиллингу за строчку (каждое объявление минимум по 3 шиллинга). Аналогичные объявления мне доводилось видеть в ирландских газетах. Полагаю, это чисто гэльская черта: лишь кельты способны облечь свое горе в стихи. Хотя, на мой взгляд, это не всегда уместно: порой неудачные вирши мешают прочувствовать простую и искреннюю человеческую боль. Судите сами, как вам понравились бы такие стихи:

Покойся с миром, милый Вилли.  
Тебя мы помним, не забыли.  
И не забудем никогда.  
Покуда жизнь наша длится,  
Мы помним о тебе всегда.

Или такие:

О доброй, сердечной, правдивой  
Мы вспоминаем сегодня.  
Агнесса, пребудут с тобою  
Любовь и милость Господня.

Увы, не всегда соленые слезы скорбящих способны  
раствориться в сладком сиропе салонной баллады.

#### 4

Заночевать мне пришлось в гостиничном номере  
Джедборо — скудно обставленной и чопорной комнате.  
Главенствовали в ней два предмета — обширное ложе с  
потертым чугунным изголовьем и не менее солидный  
одежный шкаф светлого дерева и отвратительных  
пропорций. Кроме них в номере имелись: письменный  
стол, стул и небольшой туалетный столик, который, судя  
по всему, в прошлом неоднократно служил посадочным  
полем для выкуренных сигарет. Голые стены комнаты  
украшала единственная картина — идиллия в духе  
Маркуса Стоуна. На ней на фоне роскошных холмов был  
изображен пылкий молодой человек, он стоял,  
склонившись над грубой садовой скамейкой, на которой  
восседала жеманная девица — в кокетливом наряде и с  
таким сладким выражением лица, что невольно  
вспоминалась витрина кондитерской лавки.

Надо сказать, обычно я проявляю крайнюю щепетильность в отношении спален — черта, которая мне самому изрядно отравляет жизнь. Дело в том, что эти комнаты, прикидываясь безликими, надолго запечатлевают и сохраняют индивидуальность своих бывших гостей. Что касается меня, то я с трудом засыпаю в чужой постели. Оказавшись в такой ситуации, я буду долго вертеться, гадая, чья голова покоилась на этой подушке прошлой ночью, какие мысли бродили в ней, какие сны посещали ее во время той тревожной имитации смерти, которую мы обычно зовем ночным отдыхом. В этой комнате царили флюиды двоякого рода — коммерческие и романтические. В ящике письменного стола я обнаружил обрывок газеты с пометками предыдущего постояльца. Очевидно, он принадлежал к племени коммивояжеров, потому что подробно исследовал возможности приобретения использованного оцинкованного железа. Романтическая же составляющая была представлена легким запахом, поселившимся в гардеробе. Это был тонкий, едва уловимый аромат неизвестной женщины, который всегда тревожит сердца одиноких впечатлительных путешественников.

Гостиничная спальня встретила меня не слишком приветливо. Вы, наверное, тоже сталкивались с подобной категорией комнат: они обращают к вам свою суровую, насупленную физиономию, словно сомневаясь в вашей платежеспособности. И я знаю лишь единственный способ сделать такую комнату относительно приятной, вернуть подобие улыбки на ее лицо — это завалить ее с ног до головы книгами! Нагромоздите всевозможные тома на столах, стульях, умывальниках, каминной доске, а, если получится, то и на полу. Уверяю вас: ни одна, самая безнадежная спальня не сможет противиться вашей попытке превратить ее в библиотеку. Книги и тепло очага способны оживить любое помещение, и если вы, подобно

мне, путешествуете с багажом, в котором книги преобладают над предметами гардероба, то вам нечего бояться. Можете смело заявляться в любую гостиницу — покой и уют вам гарантированы. Место же, где я остановился, представляло собой старую добрую гостиницу, каких раньше было немало в сельской местности. Полагаю, в прошлом она принимала под свой кров немало замерзших путников, которые устало выгружались из дорожных карет (напомню, в эпоху, когда железных дорог на Британских островах еще не существовало, такое путешествие было тяжким испытанием).

Увы, в этом номере не хватало прикроватной лампы. На мой звонок явилась горничная — рыжеволосая девушка с россыпью веснушек на носу. С собой она принесла свечу, укрепленную на голубом эмалевом подсвечнике. Воистину, если б я и согласился стать членом парламента, то лишь с единственной целью — протащить билль, который бы обязал все британские гостиницы обеспечить номера приличным освещением. На мой взгляд, очень важно иметь под рукой хорошую лампу, которую можно потушить перед сном, не поднимаясь с кровати. Те, кто подобно мне любят читать в постели, знают, насколько раздражают сложные сооружения из шнуров, скоб, кожаных ремней и веревок. Представьте себе эдакого отвратительного питона, беспорядочным клубком свернувшегося возле вашего ложа. Вы поглядываете на него с робкой надеждой, что в нужный миг вам достаточно будет лишь дернуть за полосатый шнурок, и вся конструкция — в полном соответствии с законами механики — обеспечит выключение света. И какое горькое разочарование ждет вас, когда выясняется, что — дергай, не дергай — а лампа как горела, так и горит. Во имя всего святого, пусть мне кто-нибудь объяснит, почему в нашем мире, битком набитом диковинными (и часто абсолютно

бесполезными) изобретениями, никто не удосужился придумать электролампу с дистанционным управлением?

Устроившись в постели, я погрузился в ту приятную полудрему, которая является промежуточной стадией между бодрствованием и глубоким сном. Сквозь смеженные веки я наблюдал за игрой каминных отсветов на потолке и прислушивался к звукам засыпавшего города. Время от времени до меня доносились голоса запоздалых прохожих, бой часов на городской ратуше, далекие гудки прямых потомков древних дилижансов — пулмановских омнибусов на пневматическом ходу, которые в этот поздний час уносили своих пассажиров в Ньюкасл или даже, может быть, в далекий Лондон.

Посреди ночи меня разбудил стук копыт. И в полусне мне подумалось: должно быть, это Мария, королева Шотландская, спешит в замок Джедборо, к своему возлюбленному Босуэллу. О, то была лихая скачка, но она дорого обошлась Марии: враги королевы выжали из этого эпизода все, что возможно. И именно здесь, в Джедборо, Мария свалилась в смертельной горячке. Она выглядела такой больной, что слуги распахнули настежь все окна — дабы выпустить прочь ее исстрадавшуюся грешную душу.

Сколько раз в дальнейшем Мария Стюарт повторяла: — Лучше б я умерла тогда в Джедборо!

Под окнами прозвучали одинокие шаги последнего путника, и на город опустилась ночная тишина.

## 5

Солнечным утром я выехал на дорогу, которая ввела через мост Джедфорт в сторону Келсо. Приблизившись к этому городку, я замер в изумлении.



Похоже, меня каким-то чудом занесло во Францию! Во всяком случае планировка Келсо была самая что ни на есть французская. В сердце города лежала великолепная *grande place* (центральная площадь) — мощеная темным базальтом и со всех сторон окруженная высокими многоэтажными домами. Эти дома со сдержанными фасадами, напоминавшими постную физиономию парижской консьержки, немало повидали на своем веку и хранили множество секретов. Нет, как же все-таки похоже на Францию! Для полноты иллюзии не хватало лишь деревянных ставенок.

Не в силах сдержать свое любопытство, я поинтересовался мнением одного из горожан, без дела слонявшегося по площади.

— Скажите, ваш город имеет какое-то отношение к Франции?

Мужчина посмотрел на меня с видимым неудовольствием и лаконично ответил:

— Это Ш'тландия, сэр!

Вот уж нет! Келсо нес явный отпечаток нездешности. В шотландском Лоуленде он выглядел таким же «иностранцем», как Бостон в Линкольншире или Брэдфорд-на-Эйвоне в Уилтшире. И не странно ли, что именно этот городок, столь французский с виду, не оказал никакой реальной помощи Красавцу Принцу Чарли в 1745 году. Единственное, что снискал принц в Келсо — улыбки и слезы умиления местных женщин.

Поскольку уже давно перевалило за полдень, я решил немного подкрепиться. С этой целью я направился в солидный отель, стоявший на центральной площади Келсо. Вход во внутренний двор украшала высокая арка, строившаяся еще в расчете на громоздкие дилижансы. Пройдя под ней, я — в полном соответствии со своими ожиданиями — окунулся в подлинную атмосферу Франции восемнадцатого столетия. Гостиничный двор являлся точной копией того, на

котором Стерн искал экипаж для сентиментального путешествия со своей прекрасной горничной.

Потемневшие от времени ступени привели меня в огромный обеденный зал, окнами выходящий на площадь. В тот миг, когда я вошел, юная официантка с белой наколкой на волосах как раз обслуживала одинокого посетителя, по виду коммивояжера. Своей аккуратной миниатюрной фигуркой девушка напоминала француженку, да и ловкости ей было не занимать. Она проворно выставляла на стол компоненты той обильной и сложной трапезы, которую сами шотландцы с присущим им юмором именуют не иначе как «чай».

Одержимый «французской» теорией, я решил поделиться своими наблюдениями с коммивояжером, и — к немалому удивлению — встретил полное понимание с его стороны.

— Вы попали в самую точку! — воскликнул он. — Келсо чрезвычайно похож на французский город, особенно в такой солнечный день, как сегодня. Мне и самому это часто приходило в голову!

Высунувшись из окна, мы любовались видом великолепной площади, ярко блестящей в солнечном свете. Как странно выглядели старинные приграничные названия на витринах окрестных магазинов!

— Здесь все настолько напоминает Францию, — продолжал мой собеседник, — что я бы не удивился, увидев вывески вроде «Estaminet» и «Brasserie»<sup>[7]</sup>. Так и кажется: выглянешь в окошко, а там посреди площади стоит жандарм в синих форменных штанах и курит сигару.

Этот человек определенно читал мои мысли! Думаю, жители Келсо из числа бывших солдат нисколько бы не удивились, если б где-нибудь возле «Головы королевы» их остановил придирчивый военный патруль. Да и зрелище артиллерийской батареи, грохочущей по

базальтовым плитам площади, тоже, пожалуй, их не смутило бы.

Пока мы так беседовали, маленькая изящная официантка быстро накрыла для меня стол — еще один вариант «шотландского чая». Нет, боюсь, никогда нам, англичанам, не постигнуть бездумной расточительности шотландских чаепитий. Вообще-то они существуют в двух вариантах — плотный и легкий, что соответствует «раннему ужину с чаем» и «просто чаю». Первый из них фактически включает в себя весь мыслимый (и немислимый) набор снеди, подаваемый вместе с традиционной чашкой чая. Можете не ограничивать себя в выборе: заказать ветчину и яйца, половину холодной куропатки и пудинг. И все это — в сопровождении таких несущественных (но изумительно вкусных!) яств, как плоские пресные лепешки, кексы и разнообразные сорта хлеба. На мой взгляд, шотландцы вполне могут поспорить с жителями Вены в борьбе за звание самых искусных кондитеров в мире.

На сей раз, однако, наша трапеза ограничилась «голым чаем». На столе стояли горячие кексы, масло, белый и черный хлеб, фруктовый пирог, блюдо под названием «селкеркская лепешка», напоминавшее наш сливовый пудинг, имбирные пряники и блюдечко с пурпурным яблочным желе. Стол выглядел, как праздничная витрина кондитерского магазина.

— Может, желаете вареные яйца? — тихо спросила девушка.

Клянусь, она не шутила!

Нет уж, благодарю покорно! При таком богатстве стола мне и в голову не пришло бы «пожелать» вареные яйца.

В меру своих способностей вкушив от каждого блюда, я покинул гостеприимную гостиницу и медленно спустился по широким ступенькам. В планах у меня стояла прогулка по городу. Очень скоро выяснилось, что

сходство с Францией, столь поразившее меня при первом впечатлении, заканчивалось на мосту через реку Твид.

Миновав указанный мост и пройдя немного по дорожке, я остановился, очарованный открывшимся видом. Приграничье лежало передо мной во всей своей красе! Среди заливных лугов извивалась прелестница Твид, над ней перекинулся мост, казавшийся младшим братом лондонского моста Ватерлоо. За ним виднелись утопавшие в зелени черепичные крыши Келсо, среди которых выделялся острый шпиль церкви. И над всей этой красотой господствовала высокая норманнская башня из розового песчаника, принадлежавшая разрушенному аббатству.

Великолепное зрелище! Оно напомнило лучшие пейзажи Уилтшира и заставило позабыть все аналогии с Францией, не дававшие мне покоя в центре Келсо. Казалось, вся сладость и мягкость шотландского Лоуленда сосредоточилась в этом маленьком городке.

Позже я выяснил, что сходство местного моста с мостом Ватерлоо в Лондоне отнюдь не случайно. Оказывается, Джон Ренни построил его в 1803 году — в качестве «пробной модели» знаменитого моста через Темзу.

Я вернулся к своей машине, оставленной на центральной площади Келсо. Солнце уже клонилось к закату, но от этого *grande place* не утратила своей прелести. Эта площадь занимает особое место в шотландской истории. Именно здесь в 1715 году Джеймс Стюарт был провозглашен королем Иаковом VIII; и сюда же тридцать лет спустя привел свою армию его сын, принц Чарльз Стюарт. Полагаю, воспоминания о тех славных событиях навечно сохранятся в базальтовых плитах центральной площади Келсо! Они до сих пор помнят французскую речь, звучавшую здесь в 1745 году.

Наверное, подобные размышления настроили меня на особый лад. Посему, покидая город, я не смог побороть искушения и созорничал: помахал полицейскому и бросил ему в открытое окно «Au revoir!» Впрочем, судя по его непроницаемому виду, он так ничего и не понял...

## 6

Хотелось бы мне знать, каково это — бродить по колосющимся полям Приграничья? Что чувствует человек, сидя с книжкой в руках на берегу ручья или прогуливаясь по склонам приграничных холмов? Какие мысли роятся у него в голове? Какие мечты одолевают? И самое главное, какую книгу он берет с собой на прогулку? Для меня единственная книга, уместная в здешних местах — это «Песни шотландской границы» Вальтера Скотта. За данный сборник стихов мы навечно останемся у него в долгу. Хотя стихи ли это? Баллады Вальтера Скотта так же соотносятся с поэзией, как скромная полевая смолевка с садовой гвоздикой. Или скажу проще: произведения великого шотландца столь же похожи на традиционные стихи, как крепкое крестьянское рукопожатие на церемонное приветствие ученого академика. Бесполезно даже пытаться познать эту землю, не прочитав «Песен шотландской границы». Отправляясь исследовать Приграничье, обязательно возьмите с собой томик Вальтера Скотта. В его балладах вы найдете и шум осенних дождей, и завывание ветра в вересковых пустошах. В них отразится мерцание углей в зимнем камине и тихое звучание далекой арфы. Вчитайтесь в эти строки, и они откроют вам дверь совсем в иной мир. Они искренни, просты и бесхитростны. Они такие же весомые и настоящие, как меч, который шотландец выкапывает из земли накануне

боя. Мне не хочется вступать в полемику с литературными критиками, этими педантами, которые в целях изучения пытаются разложить радугу на составляющие элементы. Бог с ними! Пусть, коли пожелают, слово за словом разбирают баллады Скотта и выясняют, что же хотел сказать автор. Они могут хоть под лупой разглядывать каждую строчку — подобно тому, как продавец мебели исследует стоящий перед ним ореховый стул эпохи королевы Анны... дюйм за дюймом будет он разглядывать изделие, пока не найдет наималейший дефект. Это занятие для скучных людей, а мне достаточно и того, что «Песни» великолепно воссоздают дух эпохи. Настолько точно, что, читая их, я начинаю ощущать конские бока под своими коленями и тяжесть боевого копья у седельной луки.

Загляните в эти баллады, и вашему взору предстанет цепочка четырехугольных пограничных крепостей, протянувшаяся от Берика до самого Карлайла. Ночь оживет и наполнится стуком копыт; из лесной чащи появится бродячий рыцарь и медленно проедет мимо. Что ищет он? Любовь или муку? Или и то, и другое вместе? На вересковых пустошах вы повстречаете прекрасную королеву эльфов. Медленно, молча поднимет она на вас взгляд... и навсегда похитит вашу душу. Собственными ушами вы услышите тяжелый стук в дверь и дикие крики под окнами. Увидите, как над горизонтом вьется пыльное облако — то возвращаются из набега шотландские разбойники, перед собой они гонят угнанное у соседей стадо. Ах, что это были за времена! То и дело кланы поднимались на войну и, потрясая своими клейморами, скрывались за холмами. Сколько снаряжалось военных экспедиций: шотландские отряды бесстрашно скакали к границе с намерением подпалить бороды баронам — хранителям марок (пограничных владений). Сколько слез пролили шотландские девы, прислушиваясь в ночи: не слышен ли

стук копыт, не возвращается ли милый домой? И не думайте, что это писательские выдумки, большая часть описываемых событий приключилась на самом деле. Перед нами разворачивается реальная история минувшей эпохи, облагороженная фантазией автора и сохраненная для многих поколений благодарных потомков. Уж они-то знают, что все это чистая правда! Достаточно однажды прочитать баллады Вальтера Скотта, и они навсегда останутся с вами. Недаром писал Александр Смит: «Стихи и отрывки из этих баллад постоянно живут в моей памяти, они непрерывно шелестят и щебечут подобно ласточкам, живущим под карнизом крыши». Как верно подмечено! Строки Вальтера Скотта действительно живут в веках и не устаревают. Только вслушайтесь:

О, скорбный час! О, скорбный час!  
Туманит горе нам глаза!

Но в железной броне он сидит на коне;  
Наточил он свой меч боевой;  
И покрыт он щитом; и топор за седлом  
Укреплён двадцатифунтовой.

Там, где руины между скал  
Казались дикими камнями,  
Бойниц раздвинулся оскал  
И плещет рыцарское знамя.

Вот замок в горах на утесе крутом,  
И с посохом длинным стоит под окном  
В плаще пропыленном седой пилигрим.  
Прекрасная леди в слезах перед ним.

Был крив король Мейдор, и Доналд был хром,  
А Лот от рождения был горбуном.

Но Эдолф, на тех шестерых непохож,  
Был молод и весел, учтив и пригож<sup>[8]</sup>.

Для меня «Погоня в Супорте» является истинным воплощением грубого реализма тех далеких времен! Увы, в английской литературе не существует ничего подобного. Это же боевой танец краснокожего индейца! Горестный вопль жительницы английского Приграничья, которая проснулась поутру и обнаружила, что банда проклятых шотландцев угнала скот и опустошила ее закрома. Каждый куплет баллады оканчивается такими строками:

Живей, ребята! Крикнем: «Эгей!»  
И клинки наголо!

Женщина зовет на помощь своих односельчан, рассказывает о приключившейся беде: в одну ночь она лишилась двадцати четырех коров и всех лошадей. Сколько боли и жажды мести вкладывает она в последние напутствия участникам погони:

Так берегись, злодей!  
Пусть мало со мною людей,  
Но в доме моем Топпет Хоб ночевал.  
Он встал у двери, копьем врагов потчевал.  
Его оттеснили гурьбой, колено ему поломали,  
И кровь его пролилась — враги не дремали.  
Отныне он хром и побежит едва ли.

Живей, ребята! Крикнем: «Эгей!»  
И клинки наголо!



Если бы бедный хромой Топпет Хоб каким-то чудом воскрес, даже он не сумел бы рассказать больше о разбойничьих налетах в Приграничье, чем сообщил нам автор баллады. А ведь подобные налеты в то время не были редкостью. То, о чем рассказывает автор, могло случиться в любую ночь и в любом доме. Почитайте «Джейми Теффлера» или плач «Вдовы с границы». А чего стоит история Кинмонта Вилли, чье освобождение из замка Карлайла в апреле 1596 году стало самым дерзким деянием шотландского Приграничья!

И пусть сегодня Приграничье стало спокойным и безопасным, но призраки тех далеких и жестоких времен все еще живы, они по-прежнему бродят в здешних местах. Путешествуя вдоль границы, переезжая от одной пограничной башни к другой, обратите свой взор в прошлое, дайте волю воображению. И, может быть, тогда вы увидите одинокого всадника, который, натянув поводья, останавливается и зорко оглядывается по сторонам. Он все примечает и запоминает, он знает о Шотландии больше, чем кто-либо другой. Этот человек — главный хранитель местных преданий, и имя ему — Вальтер Скотт.

## 7

Думаю, ни один путешественник, приехавший в Шотландию, не упустит возможности посетить дом сэра Вальтера Скотта в Абботсфорде. Это место примечательно еще и тем, что некогда превратилось в подмостки, на которых разыгралась величайшая в истории литературы драма. Так уж сложилось, что на склоне своей жизни Вальтеру Скотту пришлось пережить жесточайший финансовый кризис. Его партнеры по издательскому делу довели предприятие

до разорения, убытки составили катастрофическую сумму в 117 тысяч фунтов стерлингов. В те времена еще не существовало такого понятия, как общество с ограниченной ответственностью, и все долги тяжким бременем легли на плечи пятидесятипятилетнего писателя. Многих людей подобные обстоятельства сломали бы и подтолкнули к самоубийству, но только не Вальтера Скотта. На тот момент он находился на вершине своей литературной славы. Исторические романы, которые он писал, приносили ему доход в размере 10 тысяч фунтов в год. Это была немалая сумма — особенно если учесть, что американцы еще не успели изобрести систему гарантированных писательских гонораров и авторских прав на экранизацию произведений.

Так или иначе, Вальтер Скотт решил потратить остаток своей жизни на то, чтобы расплатиться с долгами. Мужественное решение, но привело оно, увы, к трагическим последствиям. Выглядело так, будто сама судьба обратилась против писателя, испытывая на прочность его могучий интеллект и талант, не уступавший по своим масштабам таланту Шекспира. Шесть лет Скотт трудился не покладая рук: он писал все новые и новые романы и в конце концов загнал себя в могилу. Ценой невероятных усилий ему удалось выплатить за этот срок 80 тысяч фунтов.

Оглядываясь назад, можно сказать, что в последние годы своей жизни писатель беспрестанно вел героическую борьбу, вполне соизмеримую с рыцарскими деяниями его героев.

Абботсфорд представляет собой живописный особняк — утопающий в зелени, со множеством башенок. Он стоит на возвышенности, откуда открывается замечательный вид на протекающую мимо реку Твид. Дом выглядит потрясающе — словно рыцарский замок, сошедший со страниц «Айвенго». Пока

вы рассматриваете его со стороны, а затем идете вдоль высоких стен, которыми обнесено поместье, у вас создается ощущение причастности к миру средневековой аристократии. Так и кажется, будто вот-вот под торжественные звуки труб выйдет герольд и, склонившись в почтительном поклоне, поинтересуется вашим статусом в дворянском справочнике «Дебретт». К сожалению, магия скоро рассеивается — посетителей проводят в дом через задние двери, предназначенные для слуг и заезжих коммивояжеров.

В сопровождении особого гида вы поднимаетесь по лестнице в просторный холл и попадаете в настоящий музей. Здесь все осталось, как при Скотте — подчеркнуто готический интерьер, перенасыщенный деталями. Кажется, будто автор исторических романов попытался втиснуть в одну комнату все средневековье. Я незаметно покосился на других посетителей и увидел, что они пребывают в состоянии легкого ошеломления. Приехавшие из Америки шотландцы недоверчиво взирали на богатую коллекцию средневековых сувениров, на их лицах явственно читалось: «Как же можно жить в таком доме?» Полагаю, для нас с вами это стало бы нелегкой задачей. Однако хочу напомнить: это все же дом Вальтера Скотта! И он идеально соответствовал внутреннему миру своего хозяина, был для него столь же естественным и гармоничным, как те костюмы, что Скотт носил при жизни.

Чего здесь только не было: резные орнаменты из монастырей, гобелены, коллекция оружия, служившая грозным напоминанием о пограничных набегах, а также зловещие реликвии старого Эдинбурга — ключи от темницы, палаческие мечи и топоры. Больше всего интерьер дома напоминал декорации для съемок исторического фильма. Но я понимал: Скотт не просто так собирал все эти экспонаты, они помогали автору

создавать особое настроение, в них он черпал вдохновение.

— А скажите, сэр, — обратился к гиду один из американцев, — Скотт был богат? Он, должно быть, потратил чертову уйму денег на строительство такого дома и приобретение всего этого хлама!

— Поместье строилось постепенно, — отвечал слуга, — по мере того, как поступали деньги от издателей.

Вот еще одна интересная особенность характера Скотта. Едва начав прилично зарабатывать писательством, он сразу же — с какой-то почти женской страстью — кинулся тратить деньги на обустройство дома. Абботсфорд был любимым детищем Скотта, идеальной рамкой для обрамления его необычной индивидуальности, тем местом, где писатель наиболее полно мог себя выразить.

Дом действительно строился в рассрочку. Когда Вашингтон Ирвинг в 1817 году посетил Абботсфорд, он нашел Скотта живущим в маленькой хижине на участке. Временные неудобства не пугали писателя, он продолжал работать и с удовольствием наблюдал, как на его глазах вырастают стены и башни будущего особняка. Ему пришлось трудиться долгих десять лет, чтобы построить Абботсфорд. И, на мой взгляд, этот дом стал одним из лучших творений писателя, не уступающим его знаменитым историческим романам. Долгое время Вальтер Скотт жил мечтой об Абботсфорде. Любой литературный успех немедленно сказывался на строительстве: добавлялась еще одна комната, перекрывался новый потолок, появлялась панельная обшивка, резные стулья — точная копия церковных сидений из аббатства Мелроуз — или еще какая-то необычная деталь, помогавшая воссоздать необходимую атмосферу.

Я не знаю другого случая, когда человек потратил бы столько труда на создание идеального дома. Это монументальное строение, в которое Скотт вложил все свои сбережения и которое с мрачным пафосом назвал «Далилой», стало его единственным утешением на склоне лет, когда на писателя обрушился финансовый крах.

Я не являюсь экспертом в творчестве Скотта. Каюсь, руки у меня так и не дошли до его «Дневников», да и Локхарта я давно уже не перечитывал. Но почему-то мне кажется, что этот несчастный человек придавал большое значение возможности доживать век в Абботсфорде. Смятенная душа писателя отдыхала в убежище, созданном силой его воображения.

То мужество, с которым Вальтер Скотт сражался с судьбой, его непреклонное желание выплатить до смерти огромный долг в 117 тысяч фунтов не может оставить равнодушным ни одного посетителя Абботсфорда. Ежедневно множество людей приходят в этот маленький, заставленный книгами кабинет. Они поднимаются на галерею, в самом углу которой притаилась незаметная дверь, ведущая в спальню писателя. Я хорошо представляю себе, как ранним утром Скотт проходит по этой галерее, спускается в кабинет и усаживается за рабочий стол. И вот уже его великолепная крупная голова склоняется над бумагами. В ней роится множество замыслов, рождаются образы отважных рыцарей галантного века. Скотт не задумывается о том, что он и сам является благородным рыцарем, заложником чести.

Он зарабатывал огромные деньги. Современные писатели, которые гордятся своими авторскими гонорарами, наверное, удивились, если б узнали, что за одну только «Жизнь Наполеона Бонапарта» — книгу, более известную в Эдинбурге, нежели в Лондоне — Скотту заплатили авансом 19 тысяч фунтов. У него

вошло в привычку брать авансы. За «Вудсток» он получил таким же образом сумму в 6075 фунтов, за «Хроники Кэнонгейта» — 11 400 фунтов и 4200 за «Анну Гейерштейнскую». Так что кредиторы Скотта могли жить спокойно, их средствам ничего не угрожало.

Спешу успокоить шокированных авторов нынешних бестселлеров: эти цифры отнюдь не являлись рекордными. Известно, например, что Маколею за его «Историю Англии» выплатили 20 тысяч фунтов стерлингов (причем тоже авансом, за девять месяцев до окончания книги). И напомним, что дело происходило в прошлом веке, когда еще не было Голливуда, а нью-йоркские издатели не успели взвинтить авторские гонорары.

Под впечатлением своих подсчетов я дал себе слово перечитать кое-что из последних романов Скотта, написанных с целью погашения издательского долга.

Визит в Абботсфорд произвел на меня большое впечатление. Каждое помещение в доме писателя несет столь явный отпечаток яркой индивидуальности его хозяина, что невозможно не восхищаться этим человеком. Полагаю, даже те посетители, которые еще в школе распростились с романами Вальтера Скотта, испытали новый интерес к его творчеству.

Если подняться на Бемерсайд, оттуда открывается прекрасный (возможно, самый эффектный во всем Приграничье) вид на Эйлдонские холмы. Местные жители называют его «Променадом сэра Вальтера»: писатель частенько приезжал сюда на экипаже — отдохнуть и полюбоваться пейзажем. Это была его родная земля, он любил ее народ и всю жизнь собирал местные исторические предания.

Ранним вечером я тоже пришел на Бемерсайд. Закат окрасил небо над Мелроузским аббатством в алый цвет. Легкий дымок курился над крышами далеких ферм, он поднимался ввысь, чтобы позже в виде ночного тумана

осесть на берегах реки Твид. Было так тихо, что я смог расслышать, как где-то в долине лает собака. По мере того, как солнце садилось, меж холмами залегали густые тени, и казалось, будто невидимая рука накинула на них серую вуаль.

Мне повстречался старик, возвращавшийся с работы, и мы разговорились. Сначала он говорил только о недавнем соревновании рыбаков, в его рассказе то и дело всплывали корзины, полные «фор-рели». Но незаметно мне удалось свернуть разговор на Вальтера Скотта, и я нисколько не удивился, узнав, что за всю свою жизнь старик не прочитал ни одной из его книг. Но это вовсе не означало, что он не восхищался своим знаменитым земляком! Как же могло быть иначе, они ведь оба выросли в Приграничье! Старик поведал мне историю о похоронах сэра Вальтера, когда здесь, на Бемерсайд, собралась длинная очередь экипажей. И все потому, что лошади Скотта, в этот день запряженные в катафалк, дошли до привычного места и остановились. Они терпеливо простояли полчаса — как делали на протяжении последних лет — и лишь потом тронулись дальше.

— Что там говорить... великий был человек! — вздохнул на прощание мой собеседник, не прочитавший ни строчки из Вальтера Скотта.

И мне подумалось, что, пожалуй, в этом нет ничего смешного. Возможно, именно так выражается народная любовь. Ведь для местных жителей Скотт был чем-то большим, нежели просто писателем. Да, он являлся признанным королем баллады. Но, помимо этого, в нем видели еще и великого человека, одного из вождей Приграничья. И именно так его воспринимали простые люди, не читавшие книжек, всю жизнь проработавшие косой и лопатой.

Разглядывая карту, я увидел, что неподалеку от Мелроуза протекает небольшой ручей с названием, которое меня сразу очаровало. Богл-Берн... Ну разве можно проехать мимо и не взглянуть на подобную достопримечательность?

Любой знаток местного фольклора скажет вам, что «богл» — это злой дух. И не надо его путать с нашим английским боуги, куда более мелкой нечистью. Последний появился не так давно, в эпоху наполеоновских войн, и изначально назывался вовсе не «боуги», а «бони». Слово это происходит от имени французского завоевателя Бонапарта, которым английские матери пугали непослушных детей: «Вот будешь баловаться, придет бони и заберет тебя!» На мой взгляд, «богл» куда страшнее «боуги». В самом этом слове есть нечто жуткое, кладбищенское... такое, от чего мурашки по коже бегут. Так и представляется пучеглазое страшилище, темной ночью выползающее из могилы. Повстречаться с таким — это вам не шутки!

Короче, я свернул с дороги и направился к означенному ручью. Богл-Берн обнаружился где-то на полпути между Мелроузом и Ньютаун-Сент-Бозуэлс. Он весело журчал, протекая по дну неглубокого оврага с заросшими густым подлеском склонами. Оставив машину на дороге, я стал спускаться к ручью, продираясь сквозь заросли папоротника и колючий кустарник. По-моему, местность идеально подходила для обитания всякого рода духов — по виду настоящая зачарованная лощина. Время от времени я терял ручей из вида, он прятался под сплетением зеленых ветвей. Но я продолжал идти, безошибочно ориентируясь на звук.

Неожиданно я вышел на маленькое поле, где трудился старик. Его красное обветренное лицо



украшала челюсть, сильно смахивавшая на стальной капкан. Поздоровавшись, я завел беседу.

— А кто такой богл? — закинул я удочку.

— Призрак, вестимо, — откликнулся старик.

— И что ж, у этого ручья действительно есть свой призрак?

— О чем вы говорите, — отмахнулся он. — Все эти рассказы о призраках — сплошная ерунда... бабы выдумки.

Ну, меня так просто не проведешь! Я уже сталкивался с подобным, когда путешествовал по Корнуоллу и Сомерсетширу: в глубинке люди не любят пересказывать чужакам свои предания и легенды. Боятся, что их поднимут на смех. Помню, мне тогда пришлось немало потрудиться — и так обхаживал, и эдак, прежде чем завоевал доверие. Однако здешний старик, похоже, был крепким орешком — сто очков вперед сомерсетцам. Напрасно я пытался его разговорить. Он простодушно хлопал нахальными ярко-голубыми глазами (подозреваю, самыми голубыми и самыми нахальными во всем Приграничье) и продолжал отнекиваться. Почему Богл-Берн? Нет, ничего не помнит... вроде, что-то такое слышал, да позабыл. Да и какой смысл всякую чепуху запоминать?

Когда я уже совсем потерял надежду и готов был отступить, старик неожиданно смягчился. Он присел рядом со мной на ограду, помолчал немного, а затем не спеша поведал одну из типичнейших историй Приграничья.

— Ну, так слушайте, — начал он. — Давным-давно в местечке Эрлстон жил человек по имени Томас-Рифмач...

И тут меня осенило: старик пересказывает мне легенду о Томасе Лермонте. Однако я продолжал тихо сидеть и слушать. Кое-где в деталях старик допускал неточности, но я позже сверился по печатному варианту легенды.

Итак, тот, кого он окрестил Томасом-Рифмачом, на самом деле звался Томасом из Эрсилдуна или же Томасом Лермонтом. Жил он в тринадцатом веке неподалеку от Эйлдонских холмов, и по всему Приграничью о нем шла молва как о великом человеке, выдающем рифмованные пророчества. У нас в Англии тоже был подобный персонаж — Матушка Шиптон. Наверное, самое известное пророчество Томаса касалось графов Хейгов (уж его-то повторяли по всему миру):

Годам несчетным пролететь,  
А Хейг Бемерсайдом будет владеть.

В тринадцатом веке — когда в Приграничье вовсю пылал пожар войны и люди гибли один за другим — это было очень смелое утверждение. Но, как ни странно, оно оказалось верным! Неважно, сколько бы Хейгов ни сошло в могилу, всегда в их роду находился лэрд, который наследовал Бемерсайд. В восемнадцатом веке репутации Томаса Рифмача возникла серьезная угроза, когда у тогдашнего графа Хейга одна за другой рождались девочки! Однако можете себе представить, пророк Приграничья и тут не подкачал: после двенадцати дочерей на свет наконец-то появился сын, наследник Бемерсайда!

Самым значительным событием в жизни пророка оказалась встреча с королевой эльфов, которая, испытывая парня, предложила ему себя поцеловать. Будучи настоящим шотландцем — дерзким, безрассудным — Томас принял предложение: не успели слова сорваться с губ королевы, как он вскочил и действительно поцеловал ее. После чего и сгинул на долгие семь лет. Королева эльфов увела его в волшебную страну, под холмы.

— Вот здесь, на берегу Богл-Берн, это все и случилось, — рассказывал старик. — В этой самой долине...

Я слушал одну из самых прелестных легенд Приграничья, и фоном к ней было журчание ручья, который весело бежал в своем зеленом туннеле и перекатывался по камешкам.

В сборнике баллад говорится, что Томас уснул под «Эйлдонским деревом» и не видел, как из леса показалась «прекрасная леди» в «зеленом, как молодая трава, платье», ехавшая на молочно-белом коне. Она приблизилась к Томасу, и тот сначала подумал, что ему явилась сама Дева Мария. Однако красавица поспешила его разуверить, сообщив, что она не кто иная, как королева эльфов.

Побудь часок со мной вдвоем,  
Да не робей, вставай с колен,  
Но не целуй меня, мой Том,  
Иль попадешь надолго в плен.

— Ну, будь что будет! — он сказал. —  
Я не боюсь твоих угроз! —  
И верный Том поцеловал  
Ее в уста краснее роз<sup>[9]</sup>.

Вышло все так, как хотела королева эльфов.

— Ты позабыл про мой запрет,  
За это — к худу иль к добру —  
Тебя, мой рыцарь, на семь лет  
К себе на службу я беру!

Королева села на своего белоснежного коня, усадила сзади Томаса и, как ветер, умчалась в волшебную Страну эльфов.

По истечении семи лет она отпустила Томаса домой, наградив даром пророчества. Вот как это было. Королева сорвала с дерева яблоко и протянула Томасу. Она объяснила, что яблоко это не простое: съев его, Томас обретет «правдивый язык, не способный лгать». Бедняга понимал, как такая награда усложнит его жизнь, и попытался отказаться от подарка. Но королева эльфов проявила завидную настойчивость, заявив:

— Попридержи, мой Том, язык  
И делай то, что я велю!

Что было дальше? Конечно же, Томас Рифмач послушался прекрасную королеву:

В зеленый шелк обут был Том,  
В зеленый бархат был одет.  
И про него в краю родном  
Никто не знал семь долгих лет.

После этого Томас вернулся в родную Шотландию и стал удивлять соотечественников своими пророчествами, которые помнят и по сей день. Увы, баллада утверждает, что счастья пророк так и не обрел. Он не мог забыть свою истинную любовь. Все время вспоминал годы, проведенные в Стране эльфов, и грезил об «устах краснее роз». Он долго мучился и все надеялся, что в один прекрасный день королева эльфов снова его позовет. Так и случилось.

Как-то вечером Томас устроил пир для друзей в Эрсилдунекой башне. Вдруг в зал вошел гонец и сообщил хозяину о странном случае: в деревне

объявился олень с самочкой. Якобы вышли они из леса и бок о бок пошли по улице. Пока гости удивлялись такому чуду, Томас Эрсилдунский поднялся из-за пиршественного стола и, ни слова не говоря, вышел на улицу. Односельчане видели, как он приблизился к необычной парочке и встал между ними. Они пересекли всю деревню, поднялись по склону холма и скрылись в лесу. Больше Томаса никто не видел.

Долго я стоял на берегу ручья, прислушиваясь к журчанию воды, шелесту листвы и птичьему щебету...

Можно ли вообразить себе более прекрасную сказку?

У меня было такое чувство, будто эта зачарованная страна — как правило, упрямо скрывающаяся и прячущая свое лицо от пришлых чужаков — на мгновение сжалилась надо мной, откинула покрывало и позволила заглянуть в свои загадочные глаза.

## 9

Здесь, в Приграничье, представлявшем собой причудливое сочетание поля боя и Волшебной страны, у меня была еще одна цель: я намеревался осмотреть руины лоулэндских аббатств. Их разрушенные нефы по-прежнему вздымаются к небу из зеленых зарослей вереска и шиповника. Монахи всегда славилась умением выбирать подходящие места. Свои аббатства они построили на излучинах реки Твид — там, где русло изгибается и делает широкие петли посреди редколесья и заливных лугов. И на протяжении столетий стояли эти храмы, возведенные во славу Божью. Подобно островкам мира и спокойствия, возвышались они над бурным морем нескончаемых пограничных войн. Считалось, что аббатства ничьи — ни английские, ни шотландские. Это были владения матери-церкви, а значит, в некотором

смысле, они принадлежали обеим странам. Вокруг них раскинулась исстрадавшаяся, выжженная земля — что ни год, здесь случались грабежи и убийства. Но аббатства жили по собственным законам, в их священных приделах царил навечно заведенный распорядок: заутренняя служба сменялась вечерней, плыл над округой благовест, в праздничные дни священники проводили торжественные мессы, и нередко так случалось, что аромат ладана смешивался с едким запахом дыма.

Пограничные аббатства Келсо, Джедборо, Драйбург и Мелроуз выполняли важную функцию — в мир ненависти и насилия они несли благую весть любви и смирения. Все они, по образцу йоркширских аббатств, строились неподалеку друг от друга и напоминали четырех *падре*, бесстрашно вышедших на передовую. Неспособные остановить волну насилия, они тем не менее дарили утешение страждущим, не разбирая, кто перед ними — друг или враг.

Если осматривать все аббатства в один день (как это сделал я), то легко себе представить, что ощущали жители Лоуленда, когда ужасные новости одна за другой распространялись по Приграничью: «Мелроуз горит! Джедборо в огне! Келсо больше нет!»

Покушение на святые обители выглядело страшным святотатством даже в этой земле, долгие годы жившей среди бед и напастей.

Для шотландцев было слабым утешением сознание, что этот тяжкий грех лег на душу Англии. Но надвигалась очередная беда, неотвратимая, словно морской шторм. В отношениях между двумя странами уже наметился новый этап, оказавшийся, пожалуй, самым печальным за всю историю.

Начиналось все хорошо: в Эдинбурге был торжественно объявлен бессрочный мир между Англией и Шотландией! Генрих VIII сидел в Вестминстере, как

злой великан из сказки, и радостно потирал руки. А, может, этот хитрый и проницательный Тюдор уже предвидел, что все интриги и махинации пойдут прахом и его мечте не суждено сбыться. Как бы то ни было, он решил повысить ставки и ввел в игру козырную карту — собственного сына Эдуарда. Этому худосочному, болезненному принцу предстояло стать мужем шотландской королевы Марии Стюарт и навечно скрепить дружбу между двумя державами. Соответствующий договор был заключен в Гринвиче первого июля 1543 года. Однако не всем в Шотландии понравилась такая перспектива, многие католики были ориентированы на союз с Францией. Заручившись поддержкой большей части народа, прокатолическая партия одержала верх, и в декабре Шотландия разорвала Гринвичский договор. Тем самым она фактически бросила вызов Англии — стране, уже нанесшей ей тягостное поражение при Флоддене тридцатью годами ранее. У меня лично эта часть истории порождает множество вопросов. К примеру, как сложилась бы судьба двух стран, если бы — в соответствии с планами Генриха VIII — Мария Стюарт действительно приехала в Англию и несчастный принц Эдуард успел бы жениться на шотландской королеве? Впрочем, что толку теперь гадать... Не более чем предаваться интригующим, но бесполезным размышлениям: по какому пути пошло бы религиозное развитие Европы, если бы принц Артур, старший брат Генриха VIII, не скончался в 1502 году, а был бы коронован на правление Англией? Ведь напомним: он стоял первым в очереди наследников и после смерти Генриха VII должен был принять бразды правления. Что же касается Генриха VIII — второго сына и фактического родоначальника реформации, — тот мог рассчитывать лишь на церковную карьеру!

Узнав о вероломстве шотландского парламента, король Генрих пришел в ярость и не замедлил нанести ответный удар. Начался период так называемого «жесткого ухаживания» — Англия попыталась склонить Шотландию к брачному союзу при помощи меча и огня. Сохранилось свидетельство графа Хертфорда о той поре. Он писал: «Не то чтобы я был против этого брака, но мне претили методы сватовства». В мае 1544 года в заливе Ферт-оф-Форт объявился английский флот, и упомянутый граф Хертфорд высадился на шотландскую землю во главе большой армии. Англичане разграбили Эдинбург и разрушили Холирудское аббатство. Вслед за тем войска Хертфорда промаршировали к границе, сея вокруг смерть и разрушения. В последнее время зрелище горящего аббатства стало привычным для англичан, в их собственной стране подобное случалось нередко. Где бы ни селились монахи — в уютных йоркширских долинах или на плодородных землях центральных графств Англии — везде рано или поздно монастыри настигала беда. В результате объявленной королем практики «разграбления монастырей» 3219 мелких и средних аббатств оказались разрушенными, а казна его величества пополнилась солидной суммой в 161 тысячу фунтов стерлингов. Так что ни Хертфорду, ни сменившему его герцогу Сомерсету, «лорду-протектору королевства», не пришлось изобретать ничего нового. В ситуации с шотландскими аббатствами оба действовали по хорошо отработанной схеме: отыщи тлеющую головню и, как бы случайно, подложи под стену, а уж там пусть попробуют потушить разгоревшийся пожар. Вот так и случилось, что по всей Шотландии прокатилась волна кощунственных поджогов. И пока все добрые католики в стране содрогались от ужаса, на исторической сцене обозначилась новая яркая фигура. Некий немолодой священник, полковой капеллан и наставник Керса Самюэлстона, тоже, естественно,



слышал о гибели шотландских аббатств, но у него эти вести вызвали мрачное удовлетворение. Пройдет два года, и этот священник вместе со своим соратником, протестантским мучеником Джорджем Уишартом, обойдет графство Восточный Лотиан. С собой они будут нести грозный символ — огромный двуручный меч. Именно таким мы и видим Джона Нокса сквозь пророческий дым пожара: его религиозные теории еще не оформились, но оружие уже при нем.

А еще через три года начнется второй этап «жесткого ухода». Английские войска вернутся в Шотландию, дабы захватить все, что упустили в первый раз. За эти три года позиции протестантизма в Шотландии значительно окрепли, причем без всякой помощи со стороны Англии. Дело дошло до открытого восстания, среди мятежников был и Джон Нокс. Поэтому ему не пришлось наблюдать, как английские пушки по второму разу обстреливали руины пограничных аббатств. В это время Джон Нокс отбывал наказание за участие в сент-эндриусском мятеже. В числе прочих шотландских протестантов он сидел, прикованный к веслу французской галеры с весьма символическим названием «Нотр-Дам». У воинственного священника было достаточно времени поразмыслить над своим, казалось бы, совершенно безнадежным положением. Однако, как выяснилось, Джона Нокса рано было списывать со счетов. Причудница-судьба не имела намерения погубить его окончательно. Напротив, она оказала благодеяние шотландскому проповеднику, до поры до времени припрятав его в относительно безопасном (хотя и не самом приятном) месте.

Еще не успели остыть пепелища на месте шотландских пограничных аббатств, как Англия вновь принялась беззастенчиво флиртовать со своей северной соседкой. Снова зашла речь о браке принца Эдуарда с

шотландской королевой. В то время во всех английских церквях можно было услышать следующую молитву:

Оставим же все дела и обратим свои сердца к Всемогущему Богу. Помолимся о том, чтобы Он даровал мир и покой всем христианским странам, а в особенности же о том, чтобы воцарился вечный мир и единство между нашим королевством и Шотландией. Вы знаете, дети мои, что с Божьего соизволения это должно произойти в скором времени — благодаря долгожданному и богоугодному браку между его королевским высочеством и молодой шотландской королевой. Так попросим же Всемогущего Господа, чтобы Он дал силы, мудрости всем сторонникам этого благого дела и одновременно смутил и расстроил ряды его противников. Ибо только через объединение наших стран оба королевства обретут спокойствие и благодать...

Хорошая молитва, ничего не скажешь... Жаль, что Всемогущий Господь ее не услышал.

## **10**

Завершив осмотр Мелроузского аббатства, я устроился на отдых неподалеку от разрушенного северного нефа. Сидел на камне посреди заросшей маргаритками полянки и прислушивался к беззаботной песне, которую выводила невидимая пичуга. Я пребывал в приятно-расслабленном настроении: в недавнем прошлом остался бокал пива, выпитый в обществе местного жителя — кривоногого мужчины, который без устали потчевал меня сомнительными историями о

псарне герцога Боклю. И вот сейчас я сидел, немного осоловевший, и лениво размышлял о лежавших передо мной развалинах. На мой взгляд, Мелроуз является одним из самых красивых из всех пограничных городков. Надо думать, он значительно похорошел за последние сто лет, ибо, помнится, сэр Вальтер Скотт отдавал предпочтение Келсо, считая его если не самым прекрасным, то уж точно самым романтичным местом во всем Приграничье. Лично мне непонятно, как кто-то может предпочитать Келсо Мелроузу. Ведь последний является подлинным воплощением духа Лоуленда. Он настолько же шотландский город, насколько Келсо — французский.

В этом месте я вынужден был прерваться, ибо по ту сторону каменной стены, возле которой я расположился, кто-то шаркал и скребся. Такое впечатление, будто этот самый «кто-то» пытался пройти по узкому карнизу, тянувшемуся вдоль всей стены. Осторожные шаги достигли угла, и затем моему взгляду предстало абсолютно странное и несуразное зрелище (нечто подобное иногда случается во время долгих странствий). Длинная изящная ножка в коричневом шелковом чулке высунулась из-за угла и в нерешительности застыла в воздухе, ее обладательница явно вслепую шарила в поисках надежной опоры для ступни.

Ножка опускалась все ниже и ниже, щедро демонстрируя красоту молодости и здоровья. Я совсем уж было собрался броситься на помощь отважной скалолазке, но меня остановил вид подвязки с тартановым узором — видно, юбка у девушки задралась непозволительно высоко. В следующее мгновение из-за угла появилась незнакомка, тут же выяснилось, что, помимо очаровательных ножек, она является счастливой обладательницей пары пронзительно-голубых глаз.

Заметив меня, девушка поспешно одернула юбку и прикрыла колени.

— О Боже! — воскликнула она. — Я и не знала, что здесь кто-то есть.

Акцент безошибочно выдавал в ней жительницу Бостона.

Я поспешил уверить незнакомку, что сладко спал и очнулся лишь мгновение назад. Мне уже доводилось сталкиваться с юными американками подобного сорта. Обычно они путешествуют по миру веселой восторженной стайкой под присмотром почти такой же молоденькой (и хорошенькой) воспитательницы. Я невольно оглянулся в поисках остальных подружек.

— Вы нигде здесь не видали путеводителя? — спросила девушка.

— Нет, — отвечал я, поспешно обшаривая взглядом заросли маргариток.

— Вот черт! — огорчилась американка. — Я ведь специально за ним вернулась. Хотела почитать историю Сердца.

— Вы имеете в виду сердце Брюса?

— Ну да, конечно.

— Если хотите, я перескажу эту историю, — предложил я.

— А что, вы ее знаете? — простодушно удивилась девица.

Я даже не стал отвечать на ее вопрос, просто уселся поудобнее и предложил ей сигаретку. Поколебавшись, девушка взяла сигарету и приготовилась слушать.

Эта история известна любому местному школьнику, ибо в Шотландии она не менее популярна, чем, скажем, в Англии легенда о короле Альфреде и подгоревших лепешках. Итак, вот вам история в кратком виде. Умирая, король Брюс завещал, чтобы его сердце вырезали из груди, поместили в специальную шкатулку и отвезли на захоронение в Святую Землю. Верный

Дуглас исполнил последнюю волю героя: он сделал все, как было велено, но до Иерусалима не доехал. По дороге судьба занесла его в Испанию, где он погиб в битве с маврами. После этого шкатулка с сердцем Брюса вернулась на родину и была похоронена у главного престола Мелроузского аббатства.

— По-моему, совершенно жуткая история, — безапелляционно заявила американка. — В старину мужчины были ненормальные! Они просто напрашивались на неприятности... и с ними случались ужасные происшествия, причем как при жизни, так и после смерти.

Некоторое время она молча курила, погружившись в размышления. Затем спросила:

— По-вашему, все это правда?

— Как сказать... Я знаю совершенно точно (со слов одного знакомого из управления общественных работ), что в 1920 году во время раскопок тут обнаружили шкатулку, в которой действительно лежало человеческое сердце. Все, естественно, решили, что это и есть сердце Брюса. Однако потом кто-то обратил внимание, что шкатулка лежала совсем не там, где бы ей полагалось. Из чего сделали вывод, что, скорее всего, сердце принадлежало одному из монахов аббатства.

— Ничего себе! — воскликнула девушка, и я перевел ее бессмысленное восклицание, как американский аналог нашего британского «не может быть!»

Окинув свою собеседницу критическим взглядом, я понял, что сердиться на нее бесполезно. Девушка сидела, скрестив свои великолепные спортивные ноги и небрежно стряхивая пепел на ковер из маргариток. Типичное дитя Нового Света! Прелестная, непосредственная и абсолютно невежественная. Все эти истории казались ей невероятными выдумками. По-моему, всем юным американкам присуща одна и та же беда: они настолько торопятся постигнуть историю

чужой страны, что в их очаровательных головках воцаряется сплошной хаос — некий сумасшедший калейдоскоп, где «Эдуард Завоеватель» и «Вильгельм Исповедник» гонятся друг за другом по непостижимым лабиринтам истории. Чувствуя себя неуверенно, бедные девочки пытаются спрятаться за барьером наигранного высокомерия...

— Вам нравится Шотландия? — поинтересовался я.

— Нет, я тащусь от Парижа!

Я хотел спросить, зачем же тогда она носит подвязки с узором тартаны, но в этот миг из-за угла показался новый персонаж — болезненного вида американец в интеллигентных очках. Он сразу же напустился на девушку:

— Вот ты где! Мы с мамочкой тебя обыскались, уже все горло надорвали...

— Привет, па! А я тут практикуюсь в истории.

С виду ее отец выглядел обычным американцем — средних лет, невозмутимый, со стальным взглядом серо-голубых глаз. Но подозреваю, что в душе у него скрывался комок подавленных эмоций. Ведь неспроста же он — как и тысячи его успешных соотечественников — отправился в это сентиментальное путешествие. Не буду говорить об американцах польского, немецкого, итальянского или чешского происхождения... Не знаю, возможно, они тоже наводняют бесчисленные европейские кладбища, жадно читая древние таблички на могилах и пряча в глазах томительную неуверенность. Но мне доподлинно известно, что все американцы, в чьих жилах течет хоть капелька английской, ирландской или шотландской крови, рано или поздно приезжают на землю своих предков. Они бродят по маленьким деревушкам и захудалым городкам; подобно шайкам вампиров, отираются на сельских кладбищах, разглядывая покосившиеся надгробия и сосредоточенно изучая записи в церковно-

приходских книгах. В этой неодолимой тяге к своим национальным корням я вижу одну из самых трогательных черт американского характера.

Для этого человека Шотландия воплощала в себе все самое прекрасное и романтическое на свете. Не удивлюсь, если он много лет планировал путешествие сюда. И, наверное, скептицизм его дочурки выработался как противодействие чрезмерному отцовскому энтузиазму. Но сейчас он спокойно сидел рядом со мной и говорил ровным голосом — так хороший гребец работает на длинной дистанции. Он рассказывал, что впервые приехал в Шотландию, вернулся, чтобы оживить целую кучу воспоминаний его отца, дедушек и бабушек. И чем дольше он говорил, тем теплее становился его тон, холодное выражение глаз куда-то испарилось, уступив страстному желанию поделиться своей радостью.

— Предки мои из Перта, — говорил он. — Приехали где-то в сороковых годах. Мы сами принадлежим к одному из септов клана Макдональдов.

— У вас славная тартана, — заметил я, бросив лукавый взгляд на девушку.

— Вот свинья, — пробормотала она вполголоса.

— Мне кажется, — продолжал ее отец, — здесь уже не осталось никого из нашей родни. Однако я точно помню: отец говорил, что дед похоронен в Перте. Так здорово наконец-то оказаться на родине...

И он застенчиво улыбнулся. Мне понравился этот тихий американец. Какая жалость, что он не оставил своих женщин в Париже! Он не такой, как они. В его жилах еще жива та самая капелька шотландской крови, которая бурлит и волнуется, и порождает непонятное ему самому томление. Интересно, подумал я, многим ли из этих скитальцев повезло обнаружить свои корни. И не только обнаружить, но и признать.

Вскоре вся семейка уселась в огромный автомобиль и скрылась в направлении Эдинбурга.

Солнце все еще висело над Мелроузским аббатством. На кладбище мне повстречался человек, отличавшийся крайне меланхоличным хобби — он коллекционировал эпитафии. Желая, очевидно, похвастаться последним приобретением, он провел меня к старому надгробию из красноватого камня, на котором виднелись полустертые строки. Не без труда я сумел прочесть следующее посвящение:

Прах ложится к праху,  
Как золото на дно.  
Прах ложится к праху,  
Как заведено.  
Из праха вознесутся  
Замки и ворота.  
Из праха вековая  
Сбудется мечта.

## **11**

На мой взгляд, Драйбург является самым прекрасным из всех четырех аббатств. Оно лежит в излучине реки Твид, там, где русло делает крутой изгиб, образуя небольшой уютный островок. Драйбург практически со всех сторон окружен широкой лентой коричневатой воды. Уверен, что здешние монахи никогда не испытывали недостатка в форели и прочей рыбе. Аббатство стоит в окружении высоченных ливанских кедров, завезенных в Англию еще рыцарями-крестоносцами. Красотой и древностью с ними могут поспорить наши родные тисовые деревья, некоторым из них, по слухам, больше семи веков.



В Шотландии издавна существовала традиция паломничества в Драйбург. Это и неудивительно, ведь здесь покоится прах Вальтера Скотта, величайшего из сынов Приграничья. По моему твердому убеждению, в Англии нет и не может существовать такой страстной литературной привязанности, какую демонстрируют шотландцы по отношению к своему Скотту. Они испытывают к нему непреходящее чувство благодарности. Ведь Вальтер Скотт сумел силой своего творческого воображения выразить и обессмертить все то, за что местные жители любят Приграничье.

Когда я слышу, как высоколобые умники болтают про «страну Вордсворта» или «страну Лорны Дун», мне хочется взять их за шиворот и хорошенько окунуть в ближайший пруд. Другое дело страна Скотта — она действительно существует, это не надуманное понятие. Вальтер Скотт был и навечно останется королем Приграничья. При одном только взгляде на Эйлдонские холмы или на протяженные пустоши Ламмермура в памяти неминуемо встает его образ. Что касается меня, то стоит мне лишь услышать журчание пограничного ручья или увидеть, как утренний туман стелется по поверхности Твида или Тевиота, как я сразу вспоминаю Вальтера Скотта. Никто — ни до него, ни после — не знал Приграничье так хорошо и не писал о нем с такой любовью.

Рядом с гробницей писателя находится и место захоронения графа Хейга. Выглядит оно довольно примечательно: на свежем дерне круг, образованный цветущими фландрскими маками, а в центре — простая плита, на которой указано лишь имя почившего. Это стандартное военное надгробие для рядовых солдат, и граф сам выбрал его для своей могилы.

В Драйбурге царила атмосфера безмятежного покоя. Полуденную тишину нарушал лишь шорох волн Твида, монотонная песенка дрозда в ветвях ближайшего

тисового дерева, да незатейливые звуки шотландской деревни, время от времени приплывавшие со склонов Бемерсайда.

## 12

В Галашилс я прибыл с последними лучами солнца. На западе догорал закат, на улицах уже зажглись уличные фонари, и под ними прогуливались стайки миниатюрных симпатичных девушек. То там, то здесь над крышами домов торчали печные трубы — они вздымались в небо подобно уродливым растопыренным пальцам.

Прежде Галашилс был мне известен как центр шерстяного производства, и я никак не ожидал, что в этом краю маленьких фабрик и водяных мельниц моим глазам предстанет зрелище, исключительное по своей красоте и силе воздействия. Уверен, лишь человек, искренне и глубоко одержимый историей шотландского Приграничья, мог создать подобное...

Представьте себе ночное небо, а на его фоне великолепную сторожевую башню из серого камня. Башня снабжена узкими окнами-бойницами и увенчана трехскатной крышей. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это — всего лишь современная реконструкция средневековой башни. Но реконструкция, выполненная настолько удачно, что казалось, будто одна из подлинных пограничных башен каким-то чудом воскресла из руин и переместилась сюда, на городскую площадь. На фасаде здания было вырезано некое подобие алтаря со скрытой подсветкой. Неяркого золотого света ламп как раз хватало на то, чтобы разглядеть медную табличку со списком имен галашильцев, погибших в последнюю войну. Перед алтарем застыла скульптурная фигура женщины с двумя

лавровыми венками в руках. Причудливая игра света и теней превращала ее в ангела с призрачными крыльями за спиной.

Как ни хороша была башня и сколь эффектной ни казалась алтарная композиция, но все же больше всего запомнились мне не они. Подлинное потрясение я испытал при виде конного памятника, установленного на пьедестале перед башней — так, чтобы четко выделяться на фоне освещенной стены. Памятник изображал приграничного рыцаря-«разбойника», облаченного в боевой шлем и нагрудник. Наверное, неискушенный англичанин мог бы принять всадника за одного из «железнобоких» воинов Кромвеля, однако для шотландцев он однозначно символизирует древнего защитника Приграничья, одного из героев многочисленных преданий, вошедших в «Песни шотландской границы» Вальтера Скотта. На боку у него тяжелый меч, легкое копье вскинута на правое плечо. Наверное, что-то встревожило рыцаря, так как он осадил коня, поставив чуть ли не на дыбы. Слегка пригнувшись, шотландец уверенно сидит в седле и зорко вглядывается вдаль — туда, где заметил опасность. Меня поразила естественность и правдоподобие позы: всадник выглядел, как живой. Да он и был живым! Так и казалось, что вот сейчас он сорвется с места и вихрем умчится за горизонт... Или же, круто развернувшись, скроется в зарослях вереска.

Этот великолепный памятник жители Галашильса посвятили всем «бравым парням», сложившим свои головы на полях сражений.

Если какие-то английские города планируют возвести у себя военные мемориалы, то я бы посоветовал им поучиться у Галашильса. Пусть члены распорядительного комитета приедут и посмотрят на здешний памятник — самый прекрасный и вдохновляющий из всех, что я когда-либо видел.

И хотя я еще плохо знаю Шотландию (мое знакомство с ней только началось), но почему-то мне кажется, что эта страна питает отвращение к второразрядным военным мемориалам — вроде железнодорожного обелиска сэра Эдвина Лютенса в Норке или непонятного кенотафа в Манчестере. И, слава богу, пока мне не встречалось здесь памятников, которые с известной долей снисходительности можно описать как «девяносто девять процентов чувства, один процент мастерства».

Шотландцы обладают врожденным вкусом и чувством меры, так что даже самые скромные мемориалы становятся высокохудожественными произведениями. Если какая-нибудь деревня не может позволить себе грандиозный памятник, то она ограничится скромной мемориальной табличкой, но это будет заслуживающее внимание зрелище.

Если же говорить о Галашилсе, то здесь шотландцы превзошли сами себя. Если бы на Британских островах объявили конкурс на самый удачный военный мемориал, то я, не задумываясь, отдал бы пальму первенства Галашилсу. Его композиция — пограничная башня и памятник всаднику — просто великолепны! И мне видится несправедливым, что этот маленький городок отмечают лишь за его мельницы. Пора исправить досадное упущение и отвести Галашилсу достойное место на туристической карте страны — так, чтобы ни один автомобилист, пересекающий границу, не проехал мимо. И поверьте моему опыту, друзья, вы не пожалеете о потраченном времени, особенно, если будете осматривать памятник ночью, как это сделал я. Именно в такое время он выглядит наиболее эффектно!

Я все думаю, как хорошо, что местные мастера не пошли по легкому пути, проторенному традициями южноафриканских войн. Ведь легко могло случиться, что на пьедестале стояла бы фигура в железном шлеме

и с винтовкой в руках. Но нет, они создали абсолютно свой памятник, достойный той призрачной вереницы шотландцев, которые встали на защиту родного дома и сгинули на широких просторах Приграничья.

За поздней трапезой я познакомился с интересным человеком. В прошлом этот немолодой эдинбуржец служил в армии, сейчас же подвизался в роли коммивояжера. Ему тоже довелось побывать в Галашиилсе, и он восторженно отзывался о тамошнем мемориале. После этого разговор естественным образом перешел на воспоминания военных лет.

— Шотландцы очень держатся друг за друга, — заявил мой собеседник. — Такой уж мы народ, привыкли жить кланами... Задень одного шотландца и будешь иметь дело со всеми. Вот, помнится...

И он поведал мне одну из своих фронтовых историй. Его речь — простая и образная, местами грубая, пересыпанная армейским сленгом — оказалась прекрасным инструментом для воссоздания картины сражения на гряде Вими<sup>[10]</sup> сырой весной 1916 года. Будто воочию увидел я грязные окопы и заграждения из колючей проволоки; услышал разговоры саперов, ставивших мины перед вражескими укреплениями; почувствовал зловоние отбросов, которые немцы выбрасывали из своих окопов, норовя закинуть к канадцам.

— А я, понимаете ли, состоял в разведслужбе при канадцах, — рассказывал он. — Ну, типа бесплатного приложения, которое никому на фиг не нужно! Они, гады, даже на довольствие меня не поставили. Ох, и набедовался я тогда! Поверите ли: чтоб не сдохнуть с голоду, вынужден был воровать еду в окопах. Да уж, страшно вспомнить... Короче, три месяца я терпел, а потом плюнул на все и решил идти в Обиньи. У них там, понимаете ли, штаб-квартира располагалась... у

канадцев этих. Ну а я-то был старый кавалерист и тертый калач. Знал: где склады, там всегда в интендантах шотландец ходит. Глядишь, и поможет земляку. Видок у меня был еще тот — на ногах резиновые сапоги, и оба левые. Я их увидел в грязи на бруствере, ну и прихватил, конечно. Один, помнится, еле-еле выдрал из глины... ну да ладно, не о том речь.

Идти я уже не мог — ноги стерты до мяса, да и отощал я вконец на такой кормежке. Приходилось ползком ползти. Ползу я, значит, а сам по сторонам поглядываю: как бы мне кавалерийскую часть не пропустить. Там, глядишь, по старой памяти перекусить дадут и попонку какую-нибудь завалящую... Я-то под дождем вымок — зуб на зуб не попадает. Одежда в грязи, так к телу и липнет. Да еще вши донимают, будь они неладны! Короче, выполз я к бивуаку. Вокруг ночь, а впереди палатка стоит освещенная. Я глянул внутрь, а там огромный такой детина-канадец варит себе на спиртовке какао. Мать моя женщина! Что за запах! Верите ли, приятель, мне этот запах до конца жизни сниться будет. Я уж настолько ослабел, что и на ногах не держался. Просовываю, значит, голову в палатку и начинаю канючить: не найдется ли одеяла какого старого или попонки там ненужной? А канадец этот здоровенный смотрит на меня так и спрашивает:

— Откуда будешь, парень?

— Из Эдинбурга! — говорю. — А *ты-то* сам откуда?

— А я из Галашилса, — отвечает. А затем протягивает мне свою банку с какао и говорит: — Давай, Джок<sup>[11]</sup>, входи, попей горяченького.

Я ушам своим не поверил! Ввалился в палатку, отогрелся чуток, разговорились. Оказывается, в Галашилсе он не был с тех пор, как эмигрировал. Чуть не прослезился... и все повторял, что это совсем рядом с Эдинбургом. И что думаете? Этот парень мало того, что меня накормил, так еще и раздобыл для меня четыре

попоны. Я потом все думал: интересно, а что бы он сделал, если б я сказал, что тоже из Галашилса? Небось, спер бы и лошадь, и орудийную повозку... Вот я и говорю: шотландец за шотландца завсегда постоит.

Я видел, что сидевший за соседним столиком мужчина прислушивался к нашей беседе, но до поры до времени старался не выказывать интерес. Однако здесь он не выдержал и подошел к нам.

— Вы, ребята, извините, что вмешиваюсь, — начал он с улыбкой, — но у меня тоже есть на этот счет хорошая история. Я однажды вляпался в переделку с австралийцами. Мы тогда служили во Франции и были вроде как на отдыхе. Ну, и вы сами знаете, как это бывает... Пили, не просыхая, во всяком случае трезвенниками нас никто не назвал бы. Ну вот, и как-то в одной забегаловке я повстречался с чертовой кучей этих придурков. Один из них прошелся по моему поводу: сказал что-то такое, чего ни один уважающий себя мужчина не потерпит. Я-то, конечно, сразу возбух — даром что боец из меня никакой, да и ростом, как видите, не вышел. В общем, я подскочил и врезал ему от души, чуть челюсть не своротил. А потом огляделся — батюшки-светы! Вокруг меня не меньше десятка проклятых осси, и все они поднимаются со своих мест и направляются в нашу сторону. Ну, все, подумал я, теперь мне крышка! И что вы думаете, пятеро из них обступают меня плотным кольцом и кричат: «Давай, Джок, не дрейфь! Мы тебя в обиду не дадим!» И ну махаться с остальными парнями! Да, доложу я вам... это была славная драка, другой такой и не припомню. Потом уж мне в голову пришло: я, должно быть, когда врезал тому придурку, крикнул что-то такое, что выдало мою национальность. И все австралийцы, которые из шотландцев, тут же пришли мне на помощь!

— Это к тому, насколько мы дружный народ! — завершил он свой рассказ. — Стоит только подать голос,

и откуда ни возьмись появится наш брат-шотландец...

Позднее я не раз вспоминал памятник на галашилской площади. Отправляйтесь туда и посмотрите на него. Всадник стоит, как символ идеального стража и защитника всех приграничных жителей. Он воплощает в себе лучшие черты шотландского характера — беззаветную преданность родному дому, сумасшедшую гордость и отвагу — все то, что, покидая родину, многие сотни парней из Приграничья прихватили с собой и принесли в далекую Долину смерти.



## Глава вторая

### Эдинбург

*Я исследую Эдинбург, узнаю кое-что новое о доме Джона Нокса, посещаю Холируд, размышляю над судьбой «поэта» и в безмолвном восхищении стою перед святилищем самого лучшего в мире Военного музея.*

#### 1

К вечеру поднялся сильный ветер, разыгралась настоящая буря. Укладываясь спать в номере эдинбургской гостиницы, я прислушивался к завыванию ветра в трубе — если мне где и приходилось слышать подобные звуки, то лишь на море во время шторма. Однако за ночь непогода улеглась, и когда я проснулся, стояло тихое осеннее утро.

Я вышел на Принсес-стрит и подумал, что не даром эта улица считается красивейшей в королевстве. У нее любопытная планировка: магазины расположены лишь с одной стороны улицы, а другая круто обрывается в глубокую ложбину, густо заросшую садами. Над их зелеными кронами возвышается Замковая скала с черепичными крышами Старого города. Этим утром ложбину заполнял плотный туман, своей серой непроницаемостью напоминая тучи, которые порой нагоняет с Атлантики в районе мыса Лэндс-Энд. Туман курился на дне впадины, поднимался на Принсес-стрит и почти вплотную подступал к витринам магазинов. Выглядело это странно и тревожно. Несведущий человек вполне мог бы подумать, будто ночью случился страшный оползень и вся южная сторона улицы обрушилась в серую бездну.

Я постоянно бросал взгляды в ту сторону: туманная пелена не рассеивалась, стояла плотно и недвижимо. Но вскоре она чуть-чуть посветлела, в ней наметился, нет, не разрыв, а лишь намек на разрыв — как обещание того, что в назначенный час выглянет солнце и разгонит эту непроницаемую серость. И впрямь, прошло немного времени, и на моих глазах начало разворачиваться одно из самых удивительных атмосферных явлений, какое мне доводилось наблюдать на Британских островах. В плотном тумане начали прорисовываться — сначала смутно, а затем все явственнее — какие-то правильные формы. Казалось, будто в этом сумрачном скоплении теней притаился огромный фантастический зверь. Постепенно туман стал истончаться, и глаз начал различать в нем контуры призрачной армады, стоящей на якоре в сером облачном море.

Однако вскоре выяснилось, что зрение снова обмануло. То, что казалось очертаниями остроконечных мачт и такелажа, на поверку обернулось совершенно феерическим зрелищем. Вначале разум отказывался в него верить, принимая за причудливый мираж — из тех, что мнятся путешественникам в пустыне. Но мало-помалу на безнадежно-сером фоне все четче проступали очертания средневекового города. Он проявлялся постепенно, как изображение на негативе — башня за башней, шпиль за шпилем, бельведер за бельведером. И вот уже на краю обрыва вырос призрачный город — Камелот или Тинтагель? Он стоит, ошетинившись сторожевыми башнями, сердито щурясь узкими черными бойницами. Настоящий средневековый город! Откуда, из каких таинственных глубин он материализовался? Он похож на заколдованного рыцаря, который при звуках боевого рога пробудился от векового сна и восстал, сжимая меч в руке.

Именно таким предстал передо мной Старый Эдинбург ранним осенним утром. Древний город,

который притаился на склоне холма и через серую пелену тумана свысока взирает на лежащий у его ног Новый Эдинбург.

Я разглядывал его со странным чувством нереальности происходящего. Отсюда, снизу Старый город казался призрачным фантомом. Меня окружал Новый Эдинбург — вполне современный город с регулярной планировкой, с улицами, пересекавшимися под прямыми углами. Местами он казался даже чересчур современным, мне больше нравились другие уголки Эдинбурга — солидные, неторопливые, напоминавшие пожилого джентльмена в старомодном парике и с тростью из черного дерева.

Вокруг царила обычная утренняя суматоха: с грохотом пробегали по рельсам трамваи; владельцы готовились к открытию магазинов — отпирали двери, выпускали на прогулку котов, вытряхивали коврики и подметали ступеньки; то там, то здесь раздавались резкие звуки автомобильных клаксонов. Город жил привычной жизнью, а где-то высоко на холме стоял другой Эдинбург — далекий и неосязаемый, он казался плоской картинкой, вырезанной из картона и пришпиленной к небу.

С этой точки зрения Эдинбург — совершенно уникальное место. Не знаю, существует ли где-нибудь в мире его аналог — город, который бы жил бок о бок со своим прошлым. Ведь современному Эдинбургу довольно только поднять глаза, чтобы воочию увидеть, каким он был столетия назад. Так и стоит на холме город-прошлое, город-воспоминание — не затронутый временем, неприступный и по-прежнему вооруженный до зубов! Возможно, вторым таким городом мог бы стать Солсбери, если б в свое время не было разрушено городище на холме Олд Сарум. Вот, пожалуй, и все. Другие примеры мне неизвестны.

Я с первого же взгляда влюбился в Старый Эдинбург. Меня очаровал этот древний скалистый призрак — умудренный жизнью и немного усталый; самоуверенный и одновременно простой и раскованный. Он погружен в воспоминания о важных событиях и настолько чужд всему мелкому и суетному, что когда его жителей охватила жажда наживы, Старый Эдинбург их отверг. Чтобы зарабатывать деньги, людям пришлось спуститься в долину и построить для себя новый город.

В то серое, туманное утро я долго любовался призрачным городом. Затем солнечные лучи набрали силу, разорвали облачную пелену, и все сразу же изменилось. Старый Эдинбург засиял на вершине холма — беспощадный в своей великолепии, как восседающий на троне король.

Я мог сколько угодно восхищаться Новым Эдинбургом, но сердце мое было навечно отдано Старому городу.

В некоторых городах от природы заложено нечто королевское. Такими мне видятся Йорк и Винчестер. И хотя сегодня они утратили свой столичный статус, но в самой атмосфере этих городов сохраняется воспоминание о былом величии. Чувствуется, что некогда здесь обретался королевский двор и древние короли проезжали под этими воротами. Тут каждый камень является свидетелем исторических событий. В Дублине не ощущается подобной венценосности, зато захудалый и обнищавший Голуэй обладает ею в полной мере.

Если говорить об Эдинбурге, то это стопроцентная столица — надменная, обремененная комплексом собственного превосходства. Все провинции и во все времена на словах громко порицали такое самомнение, но втайне им восхищались. Эдинбургский снобизм сродни снобизму старой аристократки, которая многое

перепробовала на своем веку и точно уяснила, что ей требуется, а что категорически не нужно. Так, местная знать (среди них действительно много снобов, но покажите мне город, где бы их не было!) кичится своей неподкупностью. В Эдинбурге — как ни в одном другом кельтском городе (может, за исключением Дублина) — трудно пробиться наверх благодаря деньгам.

Боюсь, я допустил непростительную ошибку, говоря об Эдинбурге в женском роде. Определенно по отношению к этому городу следует употреблять местоимение «он», а не «она». Эдинбург, как и Лондон, исключительно мужественный город. Мне известны три женоподобные столицы — Париж, Вена и Дублин. Если первые два города по-женски соблазнительны, то Дублин отличают чисто женский шарм и, увы, вздорность характера. Иное дело Эдинбург, Лондон, Берлин и Рим. При взгляде на эти города вспоминается стадо бычков-производителей; они — несомненно мужские города. Я слышал, что в Нью-Йорке много женственного, но подтвердить не могу — своими глазами не видел.

Попадая в Эдинбург, невольно начинаешь оглядываться в поисках трона. Так и кажется, будто в этом городе непременно наткнешься на наместника короля. Я невольно сравнивал Холируд с пустующим Букингемским дворцом — когда королевский штандарт спущен, а гвардейцы несут почетный караул перед Сент-Джеймским дворцом, — и должен сказать, что закрытые ставнями окна Холируда произвели на меня большее впечатление, нежели опущенные жалюзи Букингема. Совершенно не важно, сколько лет (или веков) здешнее здание не используется по назначению — оно все равно сохраняет свой потрясающе царственный вид. Достаточно заглянуть в Тронный зал Холируда, чтобы понять: здесь должен сидеть король Шотландии.

Полагаю, каждый гость Эдинбурга рано или поздно решает подняться на вершину Кресла Артура. Некоторые приходят сюда добровольно, других чуть ли не насильно притаскивают энтузиасты из числа местных жителей. И они абсолютно правы: есть особое наслаждение в том, чтобы, подобно Асмодею, взирать на город, раскинувшийся у твоих ног.

Я тоже не избежал сей участи: как-то на исходе дня вскарабкался на холм и подставил разгоряченное лицо свежему ветерку. Солнце уже начало клониться к закату. Справа от меня ослепительно сверкал Ферт-оф-Форт, за ним виднелось графство Файф; под ногами — под голубоватой шапкой дыма — распростерся Эдинбург. Отсюда, с высоты, я легко различал вдали Замковую скалу, с которой начинался Эдинбург. Думаю, не ошибусь, если скажу: эта скала сыграла для Эдинбурга ту же роль, что и Темза для Лондона.

— А почему город называют «Старым дымокурор»? [\[12\]](#) — поинтересовался я у стоявшего неподалеку мужчины.

— На этот счет существует история, — охотно отозвался он. — Жил некогда на Файфе лэрд по имени Дарем Ларго, и имел он привычку выверять время вечерней молитвы по дыму над Эдинбургом. Город-то хорошо был виден от его крыльца, вот он и привык. Едва эдинбуржцы начинали готовить себе ужин, весь город заволакивало дымом. И лэрд кричал домочадцам: «Эй вы, бросайте все дела, возвращайтесь в дом! Пора читать молитву и отходить ко сну. Я вижу, что «Старый дымокур» напялил свой ночной колпак».

Я бросил взгляд на горизонт. Хотя время вечерней молитвы еще не наступило, но над крышами Эдинбурга курился легкий дымок. Облако сизого тумана потихоньку заволакивало город, и лишь Замковая скала гордо сверкала на солнце, как драгоценный камень.

Приглядевшись, я различил Королевскую милю, спускавшуюся от замка к Холируду, а также разбегавшиеся во все стороны кривые улочки средневекового города. Чуть дальше на север зияла пустота — там проложили железнодорожные пути. А за ними начинался Новый Эдинбург, построенный по американскому образцу: геометрическая сетка прямых улиц, среди которых выделялась Принсес-стрит, проходившая по самому краю обрыва. Какое великолепное обрамление для города! К югу лежали холмы Пентленда и Морфута; на востоке раскинулся Ламмермур, за ним вздымались хребты Норт-Берик-Ло и Басс-Рока; на севере за голубым пятном Ферт-оф-Форта вырисовывалось графство Файф. По голубой глади залива скользили темные точки — это мелкие тихоходные пароходики отправились в свое ежедневное плавание к Лейту. Однако самое притягательное зрелище таилось на севере: голубые тени сгущались, приобретая тот особый розовато-лиловый цвет, который обычно имеет выращенный в теплице виноград. Там начинался Хайленд! Стоило мне произнести про себя это слово, как в голове словно что-то щелкнуло, и стрелка внутреннего компаса развернулась в сторону Бен-Ломонда — главного пика всего горного массива, короля-великана, который дремлет «над милыми, милыми берегами»<sup>[13]</sup> горного озера.

Когда ночная тьма опустится на город, отправьтесь на прогулку по узким улочкам Старого Эдинбурга. По древней Королевской миле спуститесь с Касл-Хилл на Лаунмаркет, пройдите мимо церкви Святого Жилия и далее по Кэнонгейт.

По дороге вам встретятся бледные тени — это бродят в ночи призраки Эдинбурга. Здесь, в старых мощеных двориках, в темных тупичках и переулках, под тусклыми лампами, освещающими каменные ступеньки,

дремлет многовековая история средневекового города — седая, зловещая... Приглядевшись, вы увидите закутанные в плащи фигуры: незнакомцы молча стоят у входа в темное подозрительное здание. Благодаря горящему над дверью фонарю их силуэты четко вырисовываются на фоне стены. Скорее всего, это заговорщики, поджидающие своих сообщников... а может, и жертву, недаром же под плащами у них угадываются кинжалы в ножнах.

Если вы достаточно долго постоите на Кэнонгейт, перед вами прошествуют все главные персонажи драматической шотландской истории: вот злополучные принцы Стюарты с бледными лицами и грустными глазами; за ними следует прелестная, но несчастная королева, чья судьба до сих пор трогает сердца людей; а вот и Джон Нокс — как всегда, что-то доказывает, наставив на слушателей указующий перст. Этот характерный обличающий жест переняли у него многие поколения спорщиков-шотландцев — среди них и Босуэлл, и Дарнли, и многие другие, кто подвизался при том грубом дворе.

Королевская миля — целая миля исторических воспоминаний. Здесь до сих пор раздается в ночной тиши резкий, пронзительный звук волынок, сверкает сталь, в свете горящих факелов мечутся возбужденные толпы, и среди них — прекрасный молодой человек, приехавший сюда в поисках королевской короны...

Пройдитесь по узким переулкам, и где-нибудь вы обязательно встретите прихрамывающего мужчину с высоким чистым лбом. Вы, конечно же, узнали Вальтера Скотта! А если вам повезет, то вы увидите и Стивенсона в черном бархатном камзоле. На голове он тащит кресло и спешит в старую лечебницу, где лежит его друг Хенли.

По Старому Эдинбургу бродит множество призраков. Они роятся вокруг, теребят вашу память своими жадными, нетерпеливыми пальцами. Эти призраки



обязательно попытаются затащить вас куда-нибудь в укромное местечко, соблазняя своими захватывающими историями, но вы не поддавайтесь. Пусть звук полночного колокола отрезвит вас. Попрощайтесь и уйдите от призрачной толпы. Все они — бледные рыцари и несчастная запутавшаяся королева, святые и грешники, труженики пера и кинжала — здесь у себя дома. Это их мир, и пусть они и дальше бродят в темноте по старым серым улочкам.

## 2

Перед главным входом в Холируд прохаживаются часовые в килтах и коротких белых гетрах. С какой целью они выставлены и что стерегут в этом старом дворце? Не иначе как призрак шотландской королевы. Ибо сегодня это, наверное, единственное достояние Холируда — если, конечно, не считать ценностью самую ужасную в мире картинную галерею.

Она по-своему уникальна: за всю свою жизнь я видел немного явлений столь откровенно дурных, как эта сомнительная коллекция из ста десяти портретов шотландских монархов. Предвосхищая мнение позднейших критиков, Вальтер Скотт заметил по ее поводу: «Если все эти люди когда-то и существовали, то жили еще до изобретения живописи маслом». Заглянув впервые в эту картинную галерею, я просто-напросто не поверил своим глазам. Второе посещение неизмеримо возвысило мое мнение о художественных наклонностях драгунов Хоули: эти молодчики, будучи обиженными за поражение, которое нанес им Красавец Принц Чарли при Фолкерке, решили отыгаться на Холирудской галерее. И тут уж они не пожалели своих сабель... И вот сейчас, в свой третий визит, я, похоже, попал под странные, извращенные чары этой коллекции. Во всяком случае я

обнаружил в себе куда большую терпимость и заинтересованность по отношению к этой необычной живописи. Наградой мне стала замечательная история, которую я услышал от служителя галереи.

Человек, накропавший (уж простите, но лучшего слова я не подберу) эти сто десять портретов, был голландцем, жившим в Эдинбурге и носившим имя Джеймс де Витт. То была эпоха правления Карла II, когда Холируд — раздавленный недавней трагедией и задвинутый Уайтхоллом на задний план — остро нуждался в модернизации.

Я до сих пор гадаю, как могло случиться, что ни Стивенсон, ни остальные эдинбургские писатели ни словом не обмолвились о создателе холирудской коллекции. Я бы порекомендовал современным исследователям все-таки изыскать время и поинтересоваться историей Джеймса де Витта. Ведь, полагаю, он стал единственным художником в мире, кому удалось заполучить такой феерический контракт, какой был подписан 26 февраля 1684 года между де Виттом и королевским казначеем Хью Уоллесом. Джеймсу де Витту назначался ежегодный оклад в 120 фунтов стерлингов (часть этих денег предназначалась на приобретение холстов и красок). Взамен художник обязался в течение двух лет с заключения контракта написать и доставить во дворец сто десять портретов всех королей — как реальных, так и мифических, — которые когда-либо правили в Шотландии. Именно так — от легендарного Фергуса I и до нынешнего короля Карла II! Их королевские величества надлежало изобразить «в величественных позах на крупномасштабных полотнах» и снабдить соответствующими подписями: «имена наиболее знаменитых монархов крупными буквами, остальных — буквами поменьше».

На мой взгляд, эта часть договора тянет на хорошую абердинскую шутку!

Так или иначе, контракт был подписан, и де Витт включился в сумасшедшую гонку. На протяжении двух лет он лихорадочно малевал шотландских королей — по одному портрету в неделю. По совокупной цене выходило чуть больше сорока шиллингов за одну королевскую голову. Мне удалось выяснить, что примерно в то же время некий де Витт расписал несколько каминов в Холирудском дворце и раскрасил под мрамор дымовую трубу. Подозреваю, это был наш многострадальный мастер — не так уж много де Виттов водилось в Холируде. Но когда он успевал этим заниматься? Очевидно, в свободное время.

Могу представить, какой перманентный аврал царил в его мастерской! Увы, история не сохранила никаких сведений о Джеймсе де Витте, а жаль. Так интересно узнать, что он был за человек? Имелись ли у него друзья и помощники? Кто вдохновлял и поддерживал его в этом подвижническом труде? Дни слагались в недели, недели в месяцы. Парадные залы Уайтхолла оглашались звуками волюнок и виол, второй Карл из династии Стюартов радовался своему восстановлению на троне, рыжеволосая миледи Гвин прокладывала себе путь из Ковент-Гардена во дворец, а незаменимый Сэмюел Пипс вносил в дневник свои наблюдения. Но все это происходило где-то далеко, а Джеймс де Витт похоронил себя в студии на Кэнонгейт и все работал и работал... Нелегкая задача — изобразить сто десять королей «в величественных позах на крупномасштабных полотнах». Подозреваю, уже к середине своего титанического труда несчастный художник превратился в законченного большевика.

Но как бы то ни было, он создал уникальную коллекцию — я не видел нигде ничего подобного. И в связи с этим у меня возникает множество вопросов. Что

вкладывал де Витт в свой труд? Не лукавил ли, когда штамповал одну за другой свои картины? Хочу напомнить, что в данном каталоге шотландских династий большая часть ранних портретов (равно как и начертанные на них имена) не несет в себе никакой историчности — все это чистейшей воды фикция. Возможно ли, чтобы художник-голландец иронизировал над иностранными монархами? Или же он трудился со всей серьезностью, как и полагается трудиться маленькому человеку над грандиозной задачей?

Или вот еще вопрос: была ли рядом с художником верная подруга жизни, которая бы поддерживала его в дневных трудах и дарила утешение по ночам?

Мне легко представить, как они беседуют поздним вечером.

— Джеймс, дорогой, тебе пора спать... А, кстати, кого это ты изобразил?

Де Витт и сам не помнит, он вынужден сверяться с длинным списком.

— Ага, вот оно! Это Фергус Третий... хотя нет, постой... скорее, Теб Первый.

— Ясно... ну, отправляйся в постель. Сегодня уже поздно, но завтра, боюсь, тебе придется переделать этот портрет. Своему Тебу ты нарисовал лицо точь-в-точь как у Евгения Седьмого...

— О черт! А я и не заметил... Ну ладно, завтра исправлю — сделаю его косоглазым, чтоб ни на кого не был похож. Как ты думаешь, дорогая, молочник согласится завтра мне позировать для портрета Корбрета Первого?

— Опять молочник? Но ты же уже писал с него Карактака!

И на протяжении целых двух лет Эдинбург еженедельно наслаждался одним и тем же зрелищем: по Кэнонгейт в направлении Холирудского дворца шагает человек в плаще и с бантом на груди. Под

мышкой он несет очередной портрет. Бедняга де Витт! При мысли о нем у меня сердце кровью обливается. Так и вижу, как он сдает галерею свою халтуру.

— Вот, примите... Старина Корвалл Третий, будь он проклят!

— Отлично, парень! Бросай его в ту кучу. Это который по счету?

— Шестьдесят восьмой.

— Укладываешься в график?

— Даже опережаю на два корпуса — Уильяма Льва и Макбета...

— Ну, молодец! Тогда на следующей неделе сможешь, наверное, расписать камин... Так сказать, чтобы не терять форму.

Чутье подсказывает мне, что мы узнаем много интересного, если покопаемся в биографии бедного де Витта. Ведь в том далеком семнадцатом веке он был великим новатором — своеобразным Генри Фордом от живописи.

Почувствовав, что сполна насытился творчеством де Витта, я проследовал за своим гидом в ту часть дворца, которая неизменно вызывает сентиментальный интерес у посетителей. Здесь располагались покои шотландской королевы. В этих мрачных, обшитых панелями комнатах Мария Стюарт иногда веселилась, изредка любила и очень часто проливала слезы.

Всем известна история убийства ее секретаря, злосчастного итальянца Риччо. И, наверное, каждый гость Холируда неизбежно вспоминает ее и пытается на свой собственный лад воссоздать события тех далеких дней. Что и говорить, это была тягостная сцена — когда беднягу Риччо извлекли буквально из-под юбок королевы и потащили в коридор на верную смерть. Однако прислушаемся к мнению сэра Герберта Максвелла, президента Шотландского Общества

антиквариетов. В своем путеводителе, изданном управлением общественных работ (кстати, одном из лучших сочинений подобного рода), он утверждает, что убийство Риччо «было всего лишь эпизодом в борьбе партий, вполне допустимым по этическим меркам того времени. Это деяние, само по себе ужасное, в шестнадцатом столетии вызывало не больше осуждения, чем у нас, жителей двадцатого века, вызывают парламентские прения».

— Вот оно — то самое место, где все произошло, — рассказывал гид. — В тот вечер Риччо преспокойно ужинал с королевой, когда вдруг у дверей раздался шум и шайка убийц ввалилась в комнату...

Я недоверчиво огляделся по сторонам. Помещение показалось мне совсем крохотным, скорее, оно смахивало на обшитый дубовыми панелями стенной шкаф. Совершенно непонятно, как здесь могли разместиться участники ужина — королева, ее секретарь и графиня Аргайл. А ведь в ту ужасную мартовскую ночь 1566 года тут же находился лорд Роберт Стюарт и капитан дворцовой стражи Артур Эрскин.

Гид продолжал рассказывать. Я вежливо кивал, а сам старался отрешиться от его слов, чтобы — подобно многим посетителям Холируда — выстроить собственную картину той давней трагедии. Я представлял себе отходивший ко сну дворец. Наверное, в тот вечер было тихо — ничто не предвещало беды. За окном завывал холодный ветер, возможно, шел дождь. А здесь было тепло и уютно, звучали шутки, маленькая компания развлекалась беседой. Тем временем люди графа Мортонна рассредоточились по дворцу, захватили все двери и переходы. Изрядно выпивший молодой король вызвался провести заговорщиков в покои жены. Вместе с Рутвеном он тихо крался по узкой винтовой лестнице, открывавшейся прямо в комнату, где ужинала

королева. Мортон же со своей бандой поднялся по главной лестнице, миновал приемную залу и спальню Марии. Первым в трапезную вошел Дарнли, за ним Рутвен, все еще смертельно бледный после недавней болезни. В комнате ненадолго воцарилась мертвая тишина, и этих нескольких секунд хватило, чтобы присутствующие осознали: сейчас случится нечто ужасное. Сообразительному итальянцу не понадобилось даже смотреть на обнаженный кинжал Рутвена, он и так все понял. Королева пыталась протестовать, Риччо бросился в дальний угол комнаты, пытаясь отгородиться накрытым столом от надвигавшейся опасности. Раздался грохот — это опрокинулись и разбились хрустальные стаканы, свечи тоже упали и погасли. Теперь комната освещалась единственной свечой, которую держала в руке графиня Аргайл. Дальше все происходило очень быстро: звон шпор, топот по коридору — и вот заговорщики во главе с Мртоном уже у цели. В мгновение ока маленькое помещение заполнилось вооруженными людьми, они толпились в дверях, что-то говорили громкими, сердитыми голосами. Мария во все глаза смотрела на мужа, который, покачиваясь, стоял посреди комнаты и бросал ей в лицо грязные оскорбления. Затем раздался пронзительный, полный животного ужаса вопль Риччо, он отчаянно цеплялся за юбки королевы, не желая покидать комнату. Завязалась беспорядочная возня, итальянца схватили и потащили к двери. Шум драки переместился в соседнюю спальню, затем в приемную залу: несчастный секретарь пытался убежать, но заговорщики преследовали его, как свора разгоряченных гончих. Они навалились всей кучей: били, пинали, кололи кинжалами... Через минуту все было кончено, и истерзанное тело Риччо сбросили с лестницы. Мария слышала, как оно покатилося, глухо ударяясь о каменные ступеньки.

Внезапно появился Рутвен — он почувствовал себя плохо и вернулся выпить бокал вина...

Гид провел меня в комнату для приемов и указал на площадку, откуда начинался лестничный пролет.

— Долгие годы, — сообщил он, — это место красили красной охрой и потчевали посетителей байкой о несмываемом пятне крови. Наша администрация решила ограничиться медной табличкой.

Боюсь, Холируд не сможет потягаться с другими дворцами мира по части блистательных исторических эпизодов. Тем более ценными видятся мне забавные воспоминания о той ночи, когда Джеймс VI (позже известный в Англии и во всем мире как Яков I) узнал, что ко дворцу приближается вооруженный отряд. Король не стал мешкать. Он поспешно бросился к черной лестнице — «унося штаны в руках», как сказано в хронике — и попытался скрыться. Хотел бы я присутствовать при той сцене, когда Джеймс (по-прежнему со штанами в руках!) выслушивал покаянные речи Френсиса, графа Босуэлла.

С именем Джеймса вообще связан ряд комических моментов, столь не характерных для мрачного Холируда. Чего только стоит субботняя ночь в марте 1603 года, когда во дворце неожиданно появился сэр Роберт Кэри — уставший, с ног до головы забрызганный грязью — и потребовал немедленной встречи с шотландским королем. Джеймс VI принял его — опять «бесштаный», похоже, это уже становилось традицией — и был вознагражден сенсационным известием: оказывается, королева Елизавета скончалась и сделала его своим наследником. Так Джеймс стал королем не только Шотландии, но и Англии. Чтобы сообщить эту новость, Кэри проскакал от Лондона до Эдинбурга — а это четыреста миль — за шестьдесят два часа!

Скачка эта стала несомненным рекордом в истории верховой езды. Кэри мчался двое с половиной суток со



скоростью шесть с половиной миль в час. Замечательное достижение! И даже учитывая тот факт, что он всю дорогу менял лошадей, следует отдать должное беспримерной выносливости этого человека. Известен более поздний эпизод, когда некий разбойник с большой дороги — человек по имени Невинсон (увы, с легкой руки Харрисона Эйнсворта это достижение ошибочно приписывали Дику Терпину) — прискакал из Чатема в Йорк за пятнадцать часов. Но, во-первых, здесь речь идет о куда меньшем расстоянии — всего 230 миль, а, во-вторых, он ехал по несравненно лучшим дорогам, чем Кэри. Не говоря уже о том, что подобный подвиг куда легче совершить чудесным майским днем, нежели ранней весной, в марте.

И еще одна блестящая страница... Я многое бы отдал, чтобы очутиться в Холируде сентябрьским вечером 1745 года, когда здесь объявился молодой человек в небрежно нахлобученном желтом парике. На нем был короткий килт с тартаной Стюартов, на голове голубой шотландский берет. Плед отсутствовал, зато на груди поблескивал звездой орден Святого Андрея. Его сопровождали герцог Перт, по правую руку, и лорд Элко по левую. Юноша прибыл, чтобы от имени своего отца, Джеймса VIII, воцариться в Эдинбурге. Он медленно приблизился к замку, но вместо триумфального салюта его встретило выпущенное из крепости ядро. Оно угодило в северо-западную башню Холируда, обрушив слой штукатурки и несколько кирпичей. Красавец Принц Чарли никак не отреагировал на эту мелкую неприятность. Он с достоинством спешил, и тотчас к нему приблизился Джеймс Хепбурн из Кейта, соратник Старшего Претендента по восстанию 1715 года. При помощи меча он проложил дорогу принцу к величественной холирудской лестнице, и они вместе поднялись по ступеням. Несколько минут спустя Чарльз Эдуард — «принц Уэльский, регент Шотландии, Англии,

Франции и Ирландии, а также всех принадлежащих им территорий» — показался в открытом окне второго этажа. Он улыбался и кланялся собравшимся во дворе людям. Среди толпы находилась и энергичная миссис Мюррей с обнаженным мечом в руке. Сидя на гарцующем коне, она раздавала окружающим белые якобитские кокарды! Великолепная сцена, достойная стать оперной прелюдией к предстоящей трагедии!

Той ночью дворец сверкал всеми огнями — в каждом окне горел свет. Младший Претендент на радостях закатил грандиозный бал, разбудив былые призраки в дворцовых переходах. Такого блеска и веселья Холируд не помнил с тех пор, как юная Мария, королева Шотландская, устраивала маскарады при свечах. Старый дворец вновь оказался в самой гуще событий, и казалось, будто он с недоверием и опаской взирает на суету молодежи. Его призраки уже столько всего повидали. Однако в тот вечер, когда шотландская знать в фамильных тартанах чествовала принца Чарльза, никто не думал о неудачах и поражениях.

После победы под Престонпэнсом принц около пяти недель жил со своим двором в Холируде. Он устраивал публичные обеды с вождями горцев, лечил наложением рук золотуху, проводил смотр войскам, а по вечерам, обрядившись в придворный костюм французского или итальянского образца, слонялся по эдинбургским гостиным. Несмотря на всеобщее обожание, он вел себя «исключительно целомудренно». Когда ему попеняли за пренебрежение к прекрасному полу, принц кивнул в сторону своей стражи — лохматых, угрюмых горцев, и сказал: «Вот они, мои красотки!» Известный богослов Александр Карлайл вспоминает, как его в детстве возили в Холируд посмотреть на принца Чарли:

Мы дважды ездили в Эбби-Корт, — пишет Карлайл, — в надежде увидеть, как принц

выйдет из дворца, сядет на коня и отправится на Артурово Кресло к своим войскам. Оба раза нам повезло, а однажды я оказался совсем близко от принца и сумел его хорошенько разглядеть. Чарльз оказался интересным мужчиной примерно пяти футов и десяти дюймов роста, черноглазым, с темно-рыжими волосами. У него было продолговатое лицо с правильными чертами — сильно загорелое и с россыпью веснушек. Выражение лица задумчивое и немного меланхоличное. На моих глазах принц вскочил в седло, пересек Эннс-Ярд и по Герцогской аллее направился к своей армии.

Увы, пять недель пролетели быстро. Период кратковременной славы принца Чарльза миновал, и Холируд снова погрузился в вековую спячку. Он спал, подобно заколдованному замку Спящей Красавицы — до тех пор, пока не появился Волшебник Севера. Взмахнув своей удивительной волшебной палочкой, этот кудесник подарил Холируду проникновенный дружеский поцелуй. Старый усталый дворец вновь проснулся и с головой окунулся в ганноверский бал-маскарад. Тогда, в 1822 году, именно сумасшедшая популярность Вальтера Скотта обеспечила безусловный успех визита Георга IV в Эдинбург. В это трудно было поверить! Старые призраки, которые в 1745 году печально смежили веки и погрузились в многолетний сон, вдруг снова встрепенулись и заулыбались в 1822-м! С тех самых пор, когда бедный Джеймс неожиданно превратился в короля Англии (пусть и без штанов), у древнего Холируда находилось мало поводов для радости. Гэльский дух, гэльская гордость, казалось, навсегда были растоптаны сапогами ганноверских драгун и похоронены безжалостными актами английского парламента. И вот поди ты! Стоило Скотту взмахнуть

своей тартанной волшебной палочкой, и гэльская слава вдруг воскресла и бросилась с гордостью себя демонстрировать все той же Ганноверской династии. По свидетельству Герберта Максвелла, на первом же приеме, устроенном Георгом IV, стало ясно, каковы результаты процесса «кельтизации», которую задумал и осуществил сэр Вальтер Скотт. «Его величество щеголял в костюме старых гэлов — так, как его интерпретировали портные девятнадцатого века. Весь он с головы до ног, за исключением голых коленок, был облачен в тартану королевской династии Стюартов». И не он один! Соревнуясь с его величеством в стати и росте, рядом выступал лондонский олдермен — и тоже в килте. Байрон увековечил эту ситуацию в своих бессмертных стихах:

Сэр Уильям Кертис в килте выступал,  
А горские вожди, толпясь вокруг,  
Беседовали с лондонцем сам-друг.

Действительно, отмечено, что на протяжении всего вечера король не мог удержаться от улыбки при взгляде на сэра Уильяма Кертиса. «Вероятно, — пишет автор (и это «вероятно» здесь более чем уместно), — причина крылась в оригинальности их костюма. Оба они на тот вечер стали членами «Тартановой лиги»».

Я обнаружил (и с интересом прочитал) пространный и чрезвычайно подробный отчет об этом приеме в книге Дэвида Битти под названием «Шотландия». Отчет был написан по горячим следам и уже в силу одного этого обстоятельства начисто исключал какую-либо иронию по отношению к описываемым событиям. К сожалению, из описания я не вполне уяснил, как отнеслась женская половина Эдинбурга к сенсационному появлению английского монарха. Пали шотландские дамы жертвой

его ганноверского очарования или же, верные своим якобитским пристрастиям, остались холодны? Ниже привожу соответствующий отрывок из Дэвида Битти:

По свидетельству современника, поведение шотландских дам, когда они приближались к королевским покоем, было весьма характерным: внешне они старались держаться с достоинством, однако их взгляд — неподвижный, но очень напряженный — выдавал робость, обусловленную природной скромностью натуры... Никогда еще тартановый плед и соболинý плюмаж не имели такого успеха. В сопровождении своих отцов, братьев и мужей дамы продвигались вперед, демонстрируя деликатную, но не лишенную гордости готовность запечатлеть знак королевской признательности на своих пылающих щеках<sup>[14]</sup>. Юные девушки нередко робели от близости государя, и требовалось призвать на помощь решимость старших членов семьи, дабы вернуть их в круг. Однако когда этот важный шаг был наконец сделан — все положенные поцелуи получены и все ответные реверансы возвращены, — с каким удовольствием смотрели местные леди на тот серьезный Рубикон, который они перешли!

Забавно, что их бабушки, присутствуя в той же комнате семьдесят лет назад, вели себя куда свободнее!

Интересно, что происходило на душе у Скотта в тот вечер, как перенес он нескончаемый поток лести и низкопоклонства? Наверняка ирония происходящего наложила свой отпечаток на его воспоминания! Визит английского монарха, несомненно, послужил делу укрепления дружеских отношений между двумя

нациями, однако я бы не стал воздавать воинские почести его организаторам. Позволю себе еще раз процитировать Битти:

«Торжественное шествие старых кельтских вождей — в пледах и юбках шотландских горцев, в развевающихся тартанах, каждая из которых служила безошибочным символом клана (ибо шотландцы на протяжении веков различают друг друга по одежде) — было исполнено военного блеска и воодушевления. Горский меч с гардой-корзиной — старинной работы Андреа Феррары, семейное достояние, передававшееся от отца к сыну — воскрешал в памяти времена клановых войн и патриотических сражений, во время которых он нередко становился последним безжалостным арбитром. Богато инкрустированные пистолеты (как правило, дунского производства) и кинжал дамасской стали, прицепленные на пояс, делали своего владельца больше похожим на corsaire, нежели на придворного в присутствии королевской особы. Однако женская красота, которую это ряженое воинство призвано было сопровождать, отбрасывала священный отблеск на всю сцену и узурпировала право наносить раны и сокрушать сердца.

Изобилие военных и прочих орденов, поблескивавших на ярко-красных и клетчатых мундирах, свидетельствовало о доблестной службе в самых опасных местах. Здесь демонстрировались фамильные символы, долгие годы хранившиеся в семейных сундуках. Всю эту *бижутерию*, которую в последний раз доставали для приветствия первого Джеймса, отряхнули от пыли и заново отполировали для приема

Георга IV. Многие из тех горцев, что сейчас выставляли напоказ свои награды перед законным повелителем, с горечью вспоминали несчастного принца, который в этом самом дворце принимал клятву верности от их клана и который вовлек в орбиту своего фатального краха защитников его идей».

Странно осознавать, что Георг IV, о котором идет речь, гораздо дальше отстоял от современной эпохи, чем от знаменательных событий Куллодена. Тем более трудно объяснить, как люди, ставшие свидетелями последней романтической авантюры, могли играть в шарады с ее погубителем. Должно быть, в этом присутствовало какое-то злое колдовство, иначе не объяснить происходящее! Как бы то ни было, это оказалось блестящей идеей — и все отлично провели время!

На этой счастливой ноте мы можем покинуть Холирудский дворец, предоставив ему вновь погрузиться в свои мрачные воспоминания.

### 3

Утро выдалось солнечным и тихим, и мне показалось хорошей идеей покинуть Шотландию и на время переместиться в Нова-Скотию. Здесь я присел на ограду и стал дожидаться десяти часов — времени, когда открывается для посещения Эдинбургский замок. В силу любопытного парадокса, которым часто грешат старые страны, Эспланада — просторная открытая площадка перед замковыми воротами — официально должна бы находиться по ту сторону Атлантики. Дело в том, что еще во времена правления Карла I эта территория высочайшим королевским распоряжением была отдана

канадской провинции Новая Шотландия. Сделано это было для того, чтобы новоявленные канадские баронеты могли на законных основаниях захватывать себе земли на американском континенте! Принятый декрет так и не был аннулирован, и сегодня любой эдинбургский юрист подтвердит, что в глазах закона этот кусочек Шотландии является канадской собственностью. Судя по всему, мое появление в Новой Шотландии не прошло незамеченным. Пока я сидел на огаде и задумчиво рассматривал печные трубы Грассмаркета, на меня обратила внимание многочисленная местная детвора. Прежде ребяташки сновали вокруг, занятые своими делами. До меня доносились их пронзительные голоса, раз за разом декламирующие один и тот же нехитрый стишок:

Раз, два, три.  
Не подглядывай смотри.  
Четыре, пять.  
Можете искать.

Приглядевшись, я понял, что это игра: тот, кто произносил упомянутые строки, прятал руки за спиной, а остальные должны были отгадывать, в какой руке спрятана безделушка. Однако стоило ребяташкам засечь мою одинокую фигуру, как они тут же прервали свое занятие и беспорядочной гурьбой устремились в мою сторону. Вскоре вокруг меня образовалась целая толпа, состоявшая из маленьких девочек в клетчатых юбочках и сорванцов в оборванных штанишках. Они наперебой принялись пересказывать известную мне историю Эдинбургского замка, дополняя ее кое-чем от себя. Берегитесь этих юных шотландских бесенят! Они так стараются для вас, их голоса звучат так трогательно, а акцент кажется таким забавным, что вы



можете поддаться соблазну и одарить их пригоршней пенни. Я понимаю: трудно противиться очарованию голубых глаз, особенно когда они принадлежат маленькой плутовке с соломенными волосами и очаровательными веснушками на носу. Но если только вы дадите этим детишкам денег, они тут же расскажут своим товарищам, что в поле зрения появился богатый чужестранец, и те немедленно прибегут за своей долей. Впрочем, они прибегут в любом случае. Единственный надежный способ избавиться от непрошенных экскурсоводов — это подвергнуть их неожиданному экзамену по истории. Вам следует резко развернуться и, направив на детишек указующий перст, голосом строгого учителя начать задавать каверзные вопросы. Вот это им точно не понравится. Поверьте моему опыту: там, где бессильны и вежливая замкнутость англичанина, и сфинксоподобная непроницаемость японца, это средство сработает. Основная толпа моментально рассосется. Правда, скорее всего, останется один рыжеволосый упрямец, который продолжит отвечать на ваши нечестные вопросы и будет до конца бороться за свою награду. Но тут уж ничего не поделаешь: шотландцы, как известно, упрямый народ. С одним трехпенсовиком вам придется распрощаться.

Однако мы засиделись в Новой Шотландии! А тем временем Эдинбургский замок широко распахнул свои ворота. Рядом с боковой дверью я увидел человека в розовато-лиловой рубашке, который продавал путеводители. Характерный уайтчепелский акцент безошибочно выдавал в нем лондонского кокни...

Эдинбургский замок — больше, чем любой другой известный мне замок, — похож на те игрушечные крепости, которые дарят маленьким мальчикам на Рождество. Полагаю, когда-то сюда пришли несколько шотландцев. Они увидели внушительную скалу, отвесно подымавшуюся в небо, и сказали друг другу:

— Гляди-ка, соседушка! Вот отличное местечко для неприступной крепости!

После чего вскарабкались на скалу и построили замок, который в дальнейшем приводил в отчаяние не одну вражескую армию. Эдинбуржцы постоянно усовершенствовали здание: они, как кроты, вырыли под ним целую систему подземных переходов, понастроили сторожевых башен, полностью приспособили утес под военные и мирные цели. Со временем замок стал главной деталью городского пейзажа — он неизменно появляется в поле зрения даже в самых, казалось бы, невозможных местах.

Самый роскошный вид на Эдинбург открывается с Аргайл-Бэттери. Если посмотреть поверх глубокого оврага, то можно разглядеть не только фасады Принсес-стрит и беспорядочное скопление городских крыш, но и голубеющий вдаль Ферт и зеленые холмы Файфа. Обязательно отыщите взглядом парящую над Эдинбургом прекрасную норманнскую часовенку. Наверное, это самая маленькая церковь в Великобритании — всего лишь одиннадцать на семнадцать футов, — но она чрезвычайно важна для города. Я вообще считаю, что знакомство с Эдинбургом надо начинать с этой маленькой каменной церквушки, построенной по приказу Маргариты Саксонской, жены Малькольма Кэнмора. Шторм забросил Маргариту к берегам Шотландии всего через четыре года после того, как Вильгельм Завоеватель вторгся в Англию. Эта женщина стала благословенным даром — первым и последним, — который Англия принесла своей северной соседке. Как сказано в путеводителе, «Маргарита многое сделала для того, чтобы облагородить Шотландию и насадить в ней цивилизацию». Ее маленькая часовня противостояла всем штормам на протяжении восьми с половиной столетий. Она стала своеобразным зародышем, из которого вырос Эдинбург.

Именно Маргарита убедила своего мужа перенести столицу королевства из Данфермлина в здешние места. Первое, что она сделала по прибытии — это основала часовню, возле которой затем вырос город. Еще бы ему не вырасти, если мы читаем в летописях, что королева Маргарита ежедневно кормила и обиходила по триста нищих!

Коронационный зал в Эдинбургском замке не столь поражает воображение, как его собрат в лондонском Тауэре. Стоя возле витрины из толстого листового стекла, я услышал комментарий одного из американских туристов:

— Полная дешевка! Я б за них не дал больше десяти центов.

— А вы видели королевские регалии в Лондоне? — поинтересовался я.

— Еще бы! Вот это достойное зрелище...

Американец был чрезвычайно удивлен (и я думаю, что к нему присоединится большинство моих соотечественников), когда узнал, что «Знаки государственной чести Шотландии» намного старше королевских регалий, хранящихся в Тауэре. Дело в том, что по решению английского парламента древние королевские реликвии были уничтожены сразу после казни Карла I. Уцелело лишь несколько предметов — уникальный рубин «Черный Принц», небольшая чаша с ложкой и церемониальная солонка королевы Виктории. Если вы потрудитесь заглянуть в документы, хранящиеся в Государственном архиве на Чансери-лейн, то обнаружите полный список утраченных реликвий с указанием их примерной стоимости. Самым бессмысленным актом вандализма стало уничтожение короны Альфреда Великого — согласно записям, «сделанной из золота с небольшими драгоценными камнями». Английские коллекционеры до сих пор не могут по этому поводу успокоиться, и я с ними

полностью согласен: разрушение подобного предмета означает огромную национальную потерю. Ведь с Альфредовой короны начиналось английское государство! После реставрации Карл II распорядился изготовить новые регалии по образцу прежних. И сегодня именно эти копии блистают в сокровищнице Тауэра. Все они, за небольшим исключением, датируются серединой семнадцатого века.

Шотландии в этом отношении повезло гораздо больше, она сумела сохранить свои реликвии. Так, корона, по слухам, использовалась еще при коронации Брюса (правда, концентрические полукружия на ней выполнены гораздо позднее). В последний раз эту корону доставали из запасников в 1651 году, когда короновали Карла II в Скуне. Скипетр с хрустальным навершием датируется шестнадцатым столетием, а большой государственный меч подарен Джеймсу IV папой Юлием II.

Покинув коронационный зал, я некоторое время бродил по залам замка. Ровно в час раздался оглушительный пушечный залп — его ежедневно производят с замкового бастиона, чем немало удивляют гостей столицы. В конце концов я оказался в одном из самых интересных помещений. Гид в униформе сообщил, что в этой комнате Мария Стюарт произвела на свет своего единственного наследника, которому впоследствии суждено было стать Джеймсом VI Шотландским и Яковом I, королем Англии. Это оказалась совсем крохотная комнатка — едва ли больше королевской трапезной, которую я осматривал в Холируде. Здесь помещалась кровать с пологом на четырех столбиках. Я подошел к окну, откуда открывался головокружительный вид на окрестности скалы. Заметив мой интерес, гид тут же заученно отбарабанил историю о том, как маленького Джеймса спустили в корзине из окна комнаты, дабы его могли

крестить по католическому обряду. На мой взгляд, в этой легенде слышны отзвуки другого эпизода: о бегстве Джеймса II Шотландского из-под деспотичной опеки канцлера Крайтона.

Решив не придирааться, я перевел разговор на другую тему:

— Скажите, правда ли, будто несколько лет назад в стенах этой комнаты обнаружили останки младенца, завернутые в золотую парчу?

— О да, именно так! Тело снова вернули на место, так что оно и сейчас находится где-то в стене.

События тех далеких дней представляют собой величайшую тайну в истории Шотландии. Многовековая традиция утверждала, что Мария разрешилась от бремени спустя три месяца после убийства Риччо, бедняги, который умер, сжимая в руке кусок от подола ее платья. Но ребенок якобы умер — то ли во время родов, то ли вскоре после того. Чтобы предотвратить назревавший политический кризис, смерть младенца решили скрыть, и с этой целью его подменили другим ребенком, который со временем унаследовал обе короны. Многие из современников Джеймса замечали, что сам он чувствовал себя очень неуверенно в вопросах престолонаследования. Тем большую благодарность Джеймс испытывал к людям, которые пытались развеять его сомнения. Вряд ли данное обстоятельство можно считать надежным доказательством, но тем не менее...

Об этой легенде вновь заговорили в 1830 году, когда после пожара в покоях Марии Стюарт служители обнаружили за обшивкой стен потайную нишу размером примерно фут на два фута шесть дюймов. В углублении стоял маленький дубовый гроб, в котором находились кости младенца. Они были завернуты в расшитое шелковое покрывало с фамильным вензелем, причем в инициалах явственно просматривалась буква «Д». Возможно ли, чтобы это были останки королевского

младенца и подлинного наследника трона? И если так, то кто же тот человек, который известен нам под именем Джеймса VI?

Вдовствующая леди Форбс взяла на себя труд во всех деталях исследовать эту древнюю легенду. Результаты своих изысканий она изложила в статье «Тайна гроба в стене», которая появилась в «Журнале Чамберса» от 1 октября 1923 года. Писательница высказывает предположение, что подменыш на самом деле был сыном леди Ривз, кормилицы новорожденного Джеймса. В своей книге «Королевская династия Шотландии» (1928) мистер Грант Р. Фрэнсис поддержал эту версию и снабдил ее новыми доказательствами. Лично мне данная теория кажется наиболее правдоподобной из всех, что выдвигались за минувшие столетия (хотя, полагаю, эта жгучая тайна так и останется нераскрытой).

Мистер Фрэнсис вновь обращает внимание читателей на тот факт, что внешне Джеймс VI сильно отличается от остальных Стюартов. Взгляните на портреты его предков, и вы сами в том убедитесь. Зато Джеймс VI обнаруживает просто поразительное сходство со вторым графом Маром, с которым поддерживал близкую дружбу на протяжении всей жизни. Хочу напомнить, что его мать, графиня Мар, забрала к себе королевского наследника сразу же после рождения и заботилась о нем до крещения. Теоретически у нее была возможность подменить венценосного младенца другим новорожденным — своим собственным вторым сыном. Если так, тогда выходит, что Джеймс VI — младший брат Джона, графа Мара?

Зная, что в семействе Эрскинов на сей счет существует давнее предание, автор обратился за помощью к нынешнему графу Мара и Келли. Ниже приводится ответ этого достойного джентльмена:

Что касается изменения фамильных черт Стюартов, то я никоим образом не возражаю против того, чтобы вы опубликовали наше семейное предание в качестве объяснения такой перемены. Речь, конечно же, идет о подмене королевского наследника одним из сыновей графа Мара. Я, со своей стороны, считаю такой поворот событий возможным и даже вероятным, но поверят ли этому люди? Ведь что мы имеем в качестве отправной точки? Лишь сомнительную легенду, уходящую корнями в глубокую древность, да факт необыкновенного сходства между Джеймсом и Джоном. Некоторое время назад мне довелось прочитать в журнале статью леди Форбс, где она обсуждала кандидатуру сына леди Ривз. Не знаю, возможно, ее версия имеет не меньше прав на существование. Но в одном я абсолютно уверен: что бы ни произошло в те далекие дни, знал об этом лишь узкий круг причастных людей. Секрет этот тщательно охранялся в первую очередь от самой королевы. У Марии никогда не возникало и тени сомнений в том, что Джеймс — ее сын.

Утверждение графа Мара и Келли — о том, что, если подмена и состоялась, то королева о ней не догадывалась — позже получило историческое подтверждение. Теперь в этом уже никто не сомневается. Точно так же, на мой взгляд, не вызывает сомнений тот факт, что ребенок благополучно появился на свет. В следующем издании своей книги мистер Фрэнсис — очевидно, чтобы опровергнуть слухи о мертворожденном дитяти — приводит трогательную сцену, состоявшуюся в Эдинбургском замке 19 июня 1566 года. Через два часа после родов лорд Дарнли пришел навестить супругу. Королева взяла на руки сына

и протянула мужу с такими словами: «Милорд, я торжественно заявляю перед Богом и буду настаивать на том в день Страшного Суда, что это ваш и только ваш сын. Я желаю, чтобы все присутствующие здесь — как мужчины, так и женщины — стали тому свидетелями. Этот ребенок настолько ваш сын, что, боюсь, как бы впоследствии ему не пришлось о том пожалеть».

Дарнли молча поцеловал дитя и удалился.

— Я надеюсь, — сказала Мария сэру Уильяму Стандену, — что когда-нибудь этот принц сумеет объединить оба королевства, Шотландию и Англию.

Мы знаем, что слова эти стали пророческими. Описанные события происходили в июне. А уже в октябре Мария отправилась в свою знаменитую поездку по Приграничью и в Эдинбург вернулась лишь 2 декабря. Почти два месяца ребенок находился на попечении графини Мар — либо в родовом замке Стерлинг, либо в Аллоа-хаусе.

«Если ребенок королевы умер уже после ее отъезда, — рассуждает сэр Фрэнсис, — то графиня Мар вполне могла бы тайно захоронить его в стенах Эдинбургского замка. Далее, если предположить, что примерно в это же время она сама произвела на свет мальчика, то ничто не мешало ей совершить подмену — принести к крестильной купели замка Стерлинг собственного сына и выдать его за королевского наследника. Ведь до семнадцатого декабря, то есть до церемонии крещения, никто, за исключением английского и французского послов, не видел младенца... Известно, что и впоследствии Джеймса часто видели в Аллоа, в доме Маров. Он еще долго оставался на попечении графа и графини Мар, и многие историки отмечали любовь и заботу, с которой те относились к юному принцу.

Если принять данную любопытную версию за основу, то становится понятной глубокая привязанность,



которую Джеймс на протяжении всей своей жизни питал ко второму графу Мару, своему старшему брату. И не этим ли объясняется та легкость, с которой король прощал Джону участие во всевозможных заговорах, включая громкий заговор Гаури?»

Эта теория имеет свои сильные и слабые стороны. В ее пользу, несомненно, говорят данные физиогномики. Мистер Фрэнсис приводит два портрета — короля Джеймса и графа Мара. Практически одинаковые лица! Сходство настолько бросается в глаза, что можно подумать, будто на обоих портретах изображен один и тот же человек. К недостаткам версии следует отнести недостоверность сведений о зловещей находке в стене Эдинбургского замка. Но и сторонники, и противники этой теории сходятся в одном: до конца своих дней Мария Стюарт считала Джеймса своим сыном. Она видела его только в детстве, но говорят, что мать и сын поддерживали связь и в дни ее печального заточения. По слухам, Мария как-то заявила: «Что же касается моего сына, то никто и никогда не сможет нас разлучить, ведь я давно уже живу не для себя. Все, что я делаю — исключительно ради него».

Те, кто поддерживает версию подмены, в доказательство ссылаются на очевидную холодность, которую девятнадцатилетний принц демонстрировал по отношению к плененной Марии Стюарт. Знал ли уже он тайну своего рождения, когда отсылал ей письмо, едва не разбившее материнское сердце? В этом послании он отказывался разделить с ней власть над Шотландией на том основании, что «ее содержат в заключении в столь отдаленном месте». Действительно ли Джеймс охладел к матери или же просто пошел на поводу у злых советчиков?

Полагаю, ключ к решению всех этих загадок скрыт где-то в стенах Эдинбургского замка. Где именно, никто не знает. Таинственный гробик был перепрятан по

приказу полковника, на момент пожара командовавшего замковым гарнизоном. Остается надеяться, что рано или поздно останки будут обнаружены и подвергнуты посмертному изучению.

Тут же, на Замковой скале, стоит Национальный военный музей Шотландии — по моему твердому убеждению, величайший мемориал на всех Британских островах.

#### 4

Я обнаружил, что мне не хватает слов, дабы описать Национальный военный музей Шотландии. Неудивительно, ведь это совершенно уникальный мемориал, ничего подобного я не видел нигде в мире. Думаю, не ошибусь, если скажу, что в нем воплощена душа Шотландии.

Наверное, со времени последней войны прошло еще слишком мало времени, чтобы мы могли спокойно и беспристрастно говорить о ней. Война не успела еще превратиться в героический эпос, слишком сильны боль и горечь в сердцах людей. Чувства эти выкристаллизовались в ряд материальных памятников, ставших своеобразными якорями для нашей памяти. Я имею в виду знаменитый Кенотаф в Уайтхолле и могилы Неизвестного солдата в Вестминстере, Париже и Вашингтоне. Спору нет, достойные мемориалы, однако, боюсь, они важны лишь для нас, поколения военного времени. Навряд ли они отзовутся слезами искренней боли в сердцах наших потомков. Нет, конечно, молодежь будет относиться с надлежащим уважением к национальным святыням, но я не верю, что через тридцать лет кто-нибудь придет помолиться к Кенотафу.

Мне довелось присутствовать при строительстве грандиозного канадского мемориала на гряде Вими. Прекрасное сооружение — одновременно величественное и трогательное в своем смирении, но, опять же, сомневаюсь, чтобы оно вызвало должный отклик у грядущих поколений.

Шотландия единственная из всех стран — участниц войны сумела создать прочувствованный и эмоциональный памятник. Ей удалось в полной мере выразить свою скорбь — возложить эту горестную ношу к ногам Бога и при том не утратить чувства меры и национальной гордости.

Наверное, кому-то покажется странным, что именно соотечественникам Джона Нокса оказалось это под силу — постичь и триумфально воплотить в камне идею веры. Их подвиг по своему значению вполне сопоставим с бессмертными достижениями католического средневековья. В те далекие времена безвестные мастера трудились самозабвенно не ради личной славы, а исключительно во имя веры, жившей в их душах. Национальный военный музей Шотландии — это единственное жизнеспособное дитя, которое произвела в родовых муках минувшая война. Его отличает поистине космическая концепция и очень личное, человеческое исполнение. Я не знаю, как это получилось, но музей сочетает в себе холодное величие «Династий»<sup>[15]</sup> Гарди и теплую атмосферу, присущую могиле Неизвестного солдата в нефе Вестминстерского аббатства.

Это единственный храм, который Шотландия построила со времен реформации. И если когда-нибудь в будущем сюда придет человек с философским складом ума, то война предстанет его глазам не как трагедия или героическая легенда, а как необыкновенное путешествие духа. Ежели наш гипотетический философ

окажется англосаксом, то он наверняка подивится: как это удалось нашим современникам? Как люди — прошедшие через страшную войну, возможно, сами принимавшие в ней участие — смогли настолько возвыситься над трагедией смерти, чтоб вплотную приблизиться к идее великолепия жертвы. Полагаю, замысел Эдинбургского мавзолея родился где-нибудь среди величественных отрогов Грампианских гор.

Для англичанина выражение «славная смерть» всегда несет в себе оттенок горечи и слез. Мы подсознательно жалеем усопшего, думая: «Если б он не умер, ему сейчас было бы тридцать пять. Всего тридцать пять...» Мы вспоминаем дела, которые покойник планировал, но не успел совершить; соболезуем его родным и близким. Мои соотечественники не верят в величие смерти, оно для них не более чем абстрактная идея.

Шотландцы чувствуют по-другому: здешний мемориал для них — не только реквием, но и хвалебный гимн. Это, однако, не мешает шотландским матерям приходить сюда, на Замковую скалу, чтобы побыть в обществе своего любимого мертвеца — одного-единственного из тех 100 тысяч шотландцев, которые сложили головы на войне.

Их жертва не была напрасной, они совершили подвиг во имя родной земли — ради того, чтобы Шотландия навечно оставалась Шотландией. Возможно, поэтому в Эдинбургском мемориале ощущается меньше сожаления и больше гордости, чем в любом другом памятнике мира.

Военный музей — самое высокое здание в городе. Он возведен на голой скале, возле самого обрыва. По форме он представляет собой обращенный на север храм с двумя трансептами — восточным и западным.

Миновав величественный вход, вы попадаете в сумрачное, окрашенное разноцветными потоками света

помещение. Слева и справа располагаются трансепты, поделенные на небольшие отсеки. В каждом из них имеется окно с витражом, они-то и дают цветное освещение. Свет мягкий, неяркий, но его вполне достаточно, чтобы прочитать полковые хроники (каждому из полков отведен свой отсек) и списки погибших на страницах книг, лежащих на бронзовых пюпитрах. В этом здании поражает ощущение единой гармонии, царящей во всех уголках. Трудно поверить, что над его созданием трудились десятки, а может быть, и сотни человек. Храм кажется порождением единого гения, одинаково искусно работающего с камнем, бронзой, стеклом и красками. Я не помню, чтоб когда-либо на протяжении столетий был воссоздан такой исключительный художественный порядок, как в этом музее.

Хотя аркада, в которой представлены различные полки, разделена перегородками, она производит впечатление цельности. Рядом с каждой аркой вывешены разноцветные полковые знамена и вымпелы.

Витражи, посвященные сценам войны, представляют собой удивительное зрелище! Готические по стилю исполнения картины удивляют своим неожиданным содержанием. На них можно видеть людей и предметы, которые до того никогда не изображались на стекле. Вот перед нами Женское окно: на нем мы обнаруживаем дружинниц «Земледельческой армии», женщину-машиниста в мрачном цеху оружейного завода, медсестру в госпитале и труженицу Красного Креста, выносящую раненого с поля боя. На этих витражах не упущен ни один факт минувшей войны. Здесь изображены и зенитные установки, защищавшие город от немецких цеппелинов, и минные тральщики, и транспортные суда, и самолеты. Не забыта ни конница, ни пехота, ни артиллерия.

Что интересно, здесь начисто отсутствует оценочный подход. Художник не позволяет себе ни возмущения ужасами войны, ни восхищения ее героями. Его работы напоминают изображения святых на средневековых витражах — такие же холодные, беспристрастные и великолепные в своем совершенстве.

Не забыты и братья наши меньшие — ведь они тоже Божьи создания, которые внесли свою лепту в победу. Вот почтовые голуби, вот мышка — подруга работавших под землей минеров, и даже упрямому мулу — бичу всех артиллеристов — нашлось место на окнах музея.

Пройдя по Залу Славы, вы попадаете в место для молитвы. Это святая святых музея, недаром оно отделено от остального помещения бронзовыми воротцами. Здесь человек остается наедине со своими мыслями.

Под веерным сводом царит мягкий полумрак. С ребристого потолка, который наводит на мысли о торжественной музыке, спускается могучая фигура святого Михаила в полном военном облачении. Над его челом сияет крест, под ногами — поверженный злой дух. Вокруг святилища подлинное чудо в бронзе: кажется, в этой бесконечной процессии запечатлены все шотландцы, так или иначе принимавшие участие в войне. Скульптор далек от того, чтобы приукрашивать или, наоборот, принижать этих людей. Мы видим их такими, какими они были в жизни. Вот статуя хирурга — из-под рабочего халата торчат грубые солдатские башмаки; пехотинец тоже изображен в военном снаряжении; здесь же вы увидите летчика, кавалериста, пулеметчика, моряка, медсестру, военную службу из Женской вспомогательной службы.

Я перебирал в памяти все известные мне военные памятники и пришел к выводу, что ни один из них не может сравниться по своей правдивости и

проникновенности с этим бронзовым парадом сынов и дочерей Шотландии.

Под окном, на котором изображен Дух Человеческий на кресте — с чистыми, не обезображенными гвоздями руками, — виднеется кусок обнаженной скальной породы. Кажется, будто он силой пробил себе дорогу сквозь гладкий гранит, которым облицовано святилище. Это сама эдинбургская скала — грубая, неровная... и прекрасная в своей непоколебимой мощи.

На скале располагается алтарь в окружении четырех коленопреклоненных ангелов, а на алтаре стоит стальной ларец, облицованный кедром. В этом ларце хранятся длинные списки — имена тысячи и тысячи шотландцев со всех уголков земли — тех, кто сложил голову на войне...

Здесь, в Национальном военном музее Шотландии, меня посетила неожиданная мысль. Не так давно мне довелось побывать в Ипре на открытии Менинских ворот. Погода, помнится, стояла чудесная. Со стороны бывших фронтовых окопов тянуло свежим ветерком. По окончании торжественной церемонии шотландские волынщики заиграли старинную элегию «Цветы леса».

Это был один из самых пронзительных моментов — у всех присутствовавших слезы навернулись на глаза, никто не смел оторвать взгляда от земли. Траурная песнь плыла вдоль дороги на Уг: она стелилась над землей, жалуюсь, плача и рыдая. «Лесные цветы завяли, в холодной глине лежат...»

Звуки скорбной шотландской баллады пришли мне на память, пока я безмолвно стоял в святилище музея. И я подумал: возможно, они облетели всю землю, чтобы в конце концов вернуться на родину и воплотиться в каменном строении на вершине эдинбургской скалы. Воистину здешняя усыпальница — это похоронная песнь в камне, величайшая из всех шотландских элегий, в

которой заключено все самое лучшее, что есть в стране: и сладость волюнок, плачущих на холмах, и гордость Шотландии, и ее величие.

И еще мне подумалось, что эти два сооружения — лондонский Кенотаф и Национальный военный музей Шотландии замечательно демонстрируют различие между двумя нашими нациями. Мы саксы, а они кельты, и чувствуем мы по-разному. Известно, что горе замыкает сердца англичан и делает их молчаливыми. В то же время кельтская душа под действием скорби раскрывается и изливается в окружающий мир. Печаль вообще является главным лейтмотивом кельтской культуры. Все самые лучшие, самые сладостные песни кельтов печальны; их поэзия выросла из трагедии.

Именно по этой причине Шотландии принадлежит честь создания величайшего военного мемориала во всем мире.

«Цветы леса» обратились в камень...

## 5

Уверяю вас, что голос одного этого человека, Джона Нокса, способен в одночасье вдохнуть в нас больше жизни, нежели пять сотен труб, непрерывно звучащих в ушах.

Именно так выразился в 1561 году английский посланник в Шотландии Томас Рэндольф в письме к сэру Уильяму Сесилу (впоследствии лорду Беркли), премьер-министру при дворе королевы Елизаветы.

Поборник кальвинизма Джон Нокс и несчастная королева Мария Стюарт — вот два антипода и два самых знаменитых призрака Эдинбурга. Суровый, бесстрашный мастер Нокс, излагающий принципы шотландского протестантизма перед королевой-католичкой, — такая



воображаемая картина надолго засядет в памяти любого гостя Эдинбурга, особенно если он нашел время для прогулки по Кэнонгейт. Эта улица вся пропитана воспоминаниями о Джоне Ноксе. Попробуйте ночью пройти мимо собора Святого Жилия, и перед вашим мысленным взором неминуемо встанет образ могущественного проповедника. Вы навсегда запомните это бледное лицо с резкими чертами, узкий лоб, длинный нос и полные губы; в черной бороде уже серебрится седина, а из-под черного берета смотрят пронзительные серо-голубые глаза. Хотя, возможно, вас больше привлечет другая сцена: Джон Нокс триумфально шествует по городу во главе огромной толпы. Сегодня его день: пятидесятипятiletний священник вторично женится — на семнадцатилетней Маргарет Стюарт (заметим, кстати, что брак этот, сколь бы сомнительно он ни выглядел, оказался вполне успешным). Итак, Джон Нокс едет на нарядном жеребце, и со стороны трудно предположить в нем лицо духовного звания. Скорее, он похож на мелкопоместного князька: «атласные ленты» на его шляпе унизаны золотыми кольцами и драгоценными камнями.

В свое время этот человек являлся столпом религиозной жизни Эдинбурга. Тем более удивительно, что никто из горожан точно не знает, где похоронен Нокс. По дороге на Парламент-сквер можно увидеть скромную медную табличку с инициалами «Д. Н.» и датой «1572» — таким образом отмечено приблизительное место захоронения знаменитого проповедника. Мало кто обращает внимание на этот знак, гостей столицы больше привлекает большая конная статуя Карла II. Эдинбургские сорванцы (которые всегда крутятся возле денежных туристов) окрестили памятник «двуликим королем» — за особую пряжку на доспехах Карла, которая очертаниями смахивает на человеческое лицо.

Дабы искупить свое небрежение по отношению к могиле Нокса, эдинбургцы окружили большим почетом некий старый дом на Кэнонгейт, к двери которого ведут истершиеся каменные ступеньки. Давняя традиция утверждает, что дом принадлежал Джону Ноксу. Однако современные исследователи установили, что это была съемная квартира, и наш герой провел здесь лишь последние два-три года своей жизни.

Как бы то ни было, дом производит сильное впечатление. Он представляет собой великолепный образец средневекового жилища: комнаты обшиты дубовыми панелями и буквально наводнены вещами, так или иначе связанными с именем Нокса. Будь моя воля, я бы поселился в этом доме, предпочтя его роскошному особняку Адамса на задворках Принсес-стрит.

Я обнаружил много любопытных экспонатов в доме-музее Джона Нокса. Однако наибольший интерес у меня вызвали предметы, не имеющие непосредственного отношения к знаменитому реформатору. Первая из диковинок носит название «тирлинговая булава», и, думаю, немногие из современных англичан сумеют правильно объяснить назначение данного предмета. Наверное, самые любознательные из наших читателей не раз задумывались над тем, что за таинственный процесс обозначается этим словом. Все помнят строки из детского стишка «Крошка Вилли-Винки», который до сих пор читают английским детишкам на ночь:

Стукнет вдруг в окошко  
Или дунет в щель,  
Вилли-Винки крошка  
Лечь велит в постель<sup>[16]</sup>.

Это же загадочное словечко встречается в редко исполняемой третьей строфе песни «Мой милый Чарли»:

Едва завидев свет в окне,  
Поскребся в двери он;  
Впустила милого дружка,  
Забыв покой и сон.

Итак, мы видим, что Крошка-Вилли «тирлит» ногтем по оконному стеклу; Чарли вроде бы извлекает тот же звук при помощи булавки: вооружившись металлическим кольцом, он быстро водит им вверх-вниз по пресловутой «тирлинговой булавке». Спешу разъяснить, дорогой читатель: «тирлинговая булавка» — вовсе не булавка, а плоская железная пластина с зазубренным краем, наподобие тупой пилы. Если водить по ее зубцам твердым предметом, то получается звук, схожий с тем, какой извлекают мальчишки, на ходу проводя палкой по металлической ограде.

В наши дни это приспособление практически исчезло с дверей шотландских жилищ, но в былые времена его широко использовали вместо дверного звонка. Звук, который обеспечивал «тирлинг-пин», был куда деликатнее и музыкальнее, нежели громогласный звон викторианского колокольчика или малоприятный зуммер электрического звонка.

А вот еще одна идиома, значение которой для меня окончательно прояснилось в результате посещения дома Джона Нокса. Всем известно английское выражение «мертвый, как дверной гвоздь». Помнится, оно ввело в заблуждение Диккенса, который выстроил на сей счет целую теорию, увы, ошибочную. На первой же странице его «Рождественской песни» мы читаем:

Итак, старик Марли был мертв, как гвоздь в притолоке.

Учтите: я вовсе не утверждаю, будто на собственном опыте убедился, что гвоздь, вбитый

в притолоку, как-то особенно мертв, более мертв, чем все остальные гвозди. Нет, я лично отдал бы предпочтение гвоздю, вбитому в крышку гроба, как наиболее мертвому предмету из всех скобяных изделий. Но в этой поговорке сказала мудрость наших предков, и если бы мой нечестивый язык посмел переиначить, вы были бы вправе сказать, что страна наша катится в пропасть. А посему да позволено мне будет повторить еще и еще раз: Марли был мертв, как гвоздь в притолоке<sup>[17]</sup>.

Диккенс никогда бы такого не написал, если бы потрудился предварительно съездить в дом на Кэнонгейт и собственными глазами увидеть знаменитый шотландский «дверной гвоздь». Он представляет собой висящий на двери тяжелый, грубый кусок железа с головкой в виде маленького молоточка. Как раз на уровне молоточка к дубовой поверхности двери приделана небольшая металлическая шишечка. Если приподнять и снова уронить «дверной гвоздь», то его головка ударит по выступу, породив характерный звук — глухой скрежет от удара металла о металл. Могу засвидетельствовать, что звук этот действительно самый безжизненный из всех звуков в мертвой природе. И, наконец, последняя идиома, которую мне хотелось бы обсудить. Наверное, всем время от времени доводилось слышать, как о ком-то говорят: «Она безрассудно тратит силы». Или же: «Он всю жизнь прожигает жизнь». Так вот, в английском варианте фразы прожигают не жизнь, а свечу, причем с двух концов. Как такое возможно? Ответ я нашел на каминной доске в гостиной Нокса. В старину свечи делались в виде длинных гибких «змеек» и закреплялись на специальной металлической подставке. Такую свечу можно было изогнуть и подпалить с двух сторон. Понятно, что света она давала в два раза

больше, но и сгорала вдвое быстрее. Подобная расточительность не могла не вызывать возмущение у бережливых шотландцев, что и отразилось в упомянутой идиоме.

Однако вернемся к Джону Ноксу. Мне припомнился продырявленный подсвечник, который я видел, кажется, в Пертском музее. Гид объяснил мне, что это — результат неудавшегося покушения на известного проповедника. Обстоятельства дела мне неизвестны (да и вряд ли когда-нибудь станут известны). Остается лишь гадать, где находился в тот момент Джон Нокс — стоял ли у выступающего окна дома, читая проповедь горожанам, или мирно сидел в своей гостиной, — когда выпущенная из мушкета пуля пролетела мимо и угодила в злополучный подсвечник.

Зато я точно знаю, что в этом доме состарившийся реформатор провел последние годы жизни. Джеймс Мелвилл вспоминал, что ему неоднократно доводилось наблюдать, как старый и больной Нокс выходил из дома. Он тяжело опирался на посох, который держал в правой руке; с другой стороны его поддерживал под локоть секретарь Ричард Бэннатайн. Медленно брели они в сторону церкви. Нокс был настолько слаб, что не мог самостоятельно взойти на кафедру. Да и потом, после того, как ему помогут, он долго еще стоял в изнеможении, ожидая, пока боевой дух проповедника не победит телесную немощь старика. Однако, по свидетельству все того же Мелвилла, «к концу проповеди Нокс настолько воодушевлялся, что, казалось, был готов *раззвенеть* свою кафедру на кусочки...»

Интересно, много ли англичан возьмутся перевести это самое мелвилловское «раззвенеть»? Французский переводчик Мелвилла (у которого, очевидно, не оказалось под рукой помощника-шотландца) перевел фразу следующим образом: «он разломал свою кафедру

и прыгнул в толпу слушателей». А на самом деле эти слова означают, что у Нокса был такой лихой вид, словно он готов разнести свою кафедру на кусочки.

Проповедник скончался в том же доме на Кэнонгейт. По свидетельству Баллантайна, немощный Нокс лежал тихо и лишь время от времени просил, чтобы ему смочили губы разведенным элем. Затем он впал в забытие, ставшее преддверием печального конца. Последняя искра сознания мелькнула, когда у Нокса спросили, слышит ли он молитвы, которые читались вокруг. Он приоткрыл глаза и ответил с тяжелым вздохом: «Дай Бог, чтобы вы и все остальные люди слышали их так же хорошо, как я...»

После этого ему задали еще один вопрос: теперь, когда час, о котором он так часто молил Бога, приблизился, может ли Нокс подать условный знак? Увы, проповедник уже не мог говорить. Он лишь сделал невнятный жест рукой и испустил дух.

## 6

Каждый, кто собирается писать об Эдинбурге, вынужден рано или поздно коснуться литературной темы. Правила хорошего тона требуют засвидетельствовать свое почтение местным столпам литературы. Я же решил не утомлять читателей повторением хорошо известных имен. Прогуливаясь по городу, я обнаружил, что книги продаются чуть ли не в половине всех эдинбургских магазинов, и насколько я могу судить, торговля в них процветает. Похоже, что шотландская столица может претендовать на звание самого интеллектуального города в мире. Париж по сравнению с ней выглядит едва ли не безграмотным.

Итак, оставив в стороне прославленных литературных мэтров, хочу напомнить Эдинбургу об

одном поэте, который каким-то непостижимым образом не сумел снискать признания у здешней публики. Имя этого человека сэр Топаз Макгонагалл.

Я не очень хорошо засыпаю по вечерам. Стоит мне только улечься в постель, как меня тут же обступают дневные заботы. Я вспоминаю о том, что не успел сделать или же сделал не лучшим образом. Сожаления, огорчения, опасения — вся эти малоприятные гости собираются вокруг моего ложа, рассаживаются на моей подушке, подобно предвестникам грядущих несчастий, и начисто отбивают у меня желание спать. Зная за собой эту прискорбную привычку, я повсюду вожу с собой успокаивающие средства — Теккерея, «Циркуляцию крови» Харви и несколько книжек из категории, которая, бог знает почему, именуется «легким чтением перед сном». Что касается последних, то я абсолютно уверен: их писали и составляли люди, не ведающие проблем со сном, специально для того, чтобы не дать заснуть другим. Ни одна из этих книг мне не помогла. Стоит углубиться в какую-нибудь антологию, как я отмечаю досадные упущения, начинаю злиться на составителей и прикидывать, как бы я сам все составил. С Теккереем и Харви еще хуже: очень скоро я обнаруживаю, что читаю этих авторов с неподдельным интересом. А часы тем временем тикают, время безжалостно утекает...

Большие надежды я возлагал на «Алису в стране чудес». Мне говорили, что это идеальное «чтение на ночь»: книга сначала начисто стирает из вашей памяти окружающий мир, а затем исторгает счастливую, полусонную улыбку. Что ж, могу засвидетельствовать: «Алиса» действительно разрушает реальный мир, но она заставляет смеяться! А смех в той же мере губителен для сна, в какой улыбка для него полезна. Я убедился на собственном опыте, что скорейший способ заснуть — это соскользнуть в бессознательную улыбку. И лучшей колыбельной для меня являются книги сэра Топаз

Макгонагалла, поэта, родившегося в Данди, но творившего в Эдинбурге.

Те немногие, кто сегодня еще помнит этого автора, характеризуют его как самого худшего в мире поэта. Я с ними решительно не согласен. На мой взгляд, Макгонагалл просто опередил свое время. В его стихах обнаруживается то великолепное пренебрежение к литературным нормам, которое позже помогло не одному литератору нажать огромное состояние. Он весьма свободно обращается с английским языком — с той веселой, гусарской фамильярностью, которая в девятнадцатом веке дозволялась лишь признанным мастерам.

Расцвет творческих сил Макгонагалла пришелся на период южноафриканской войны. Он относился к тому племени чудаков, которых время от времени порождают большие города. Лондон диккенсовской эпохи изобиловал подобными людьми. Для Макгонагалла не было запретных тем, он писал обо всем и обо всех. Государственные события, природные явления, кораблекрушения, рождение и смерть королей — все это воспламеняло его музу. Любимым местом своего времяпровождения он избрал здание Эдинбургского парламента. Именно здесь, среди преуспевающих столичных законников, Макгонагалл нашел рынок сбыта своих произведений.

Он печатал их на больших листах, наверху красовался королевский герб, набранный жирным шрифтом! Как-то раз группа подгулявших студентов устроила в честь Макгонагалла шуточный прием, на котором наградила его экзотическим титулом. Прозвище настолько прилипло к поэту, что вскоре он и сам стал подписывать им свои стихи — «Сэр Топаз Макгонагалл, рыцарь ордена Белого Слона».

В архивах правительственного департамента я обнаружил журнал с бесценными выдержками из



творчества этого автора. С любезного разрешения работников департамента я позаимствовал их и провел не одну бессонную ночь за чтением стихов Макгонагалла. Чего только стоит его гимн Глазго:

Чудесный город Глазго, своими машинами  
славный,  
Которые рабочих твоих увечат исправно,  
А также реки углубленьем, какое, уж так  
пришлось,  
В немалую сумму нам обошлось.

Чудесный город Глазго, тебя средь всех городов  
Я назову величайшим, и спорить с любым готов.  
И милость твоя обтекает меня, как вода.  
Тебе говорю я: «Процветай всегда»!

Стихотворение очень длинное, но я выбрал две самые удачные строфы.

А вот еще один маленький шедевр под названием «Дом Балдована», в нем встречаются такие строки:

Дом Балдован, который  
Столь славен — вот он, гляди!  
Владеет им Джон Огилви,  
Парламента член от Данди.

Порой Макгонагаллом овладевало сердитое настроение, и тогда он сурово клеймил язвы общества:

Напиток дьявольский, проклятие проклятий,  
Как людям вырваться из твоих объятий?  
Что сделал ты с людьми, позволь спросить.  
Всем мукам мука — горькую запить.  
О детях мать с тобою забывает,

И на жену муж руку поднимает,  
И кров родной разрушит топором,  
Кому милее виски или ром.

Из Макгонагалла получился бы отличный репортер. Он внимательно следил за событиями общественной жизни, ничто не ускользало от его внимания. Когда в 1884 году умер герцог Олбани, поэт посвятил этому событию поэму в восемнадцать строф. Завершается стихотворение сценой похорон герцога, главное действующее лицо — предающаяся скорби королева:

Ее величество в страданье и печали пребывала.  
Как гроб в могилу опустили, она все ж  
облегченье испытала.  
Вот спет псалом, прощанье завершилось,  
И королева торопливо удалилась.

А вот еще одно порождение беспокойной музыки поэта — произведение под названием «Неудавшееся покушение на королеву Викторию». Начинается оно такими строками:

Храни королеву Господь,  
И правь она вовек.  
Маклин на нее покушался,  
Лишь гнев на себя навлек.

С нами она да пребудет  
Среди цветов и скал,  
И счастливо дни проводит  
В замке Балморал.

Некоторые раритетные образчики творчества Макгонагалла (полагаю, букинисты назвали бы их «макгонагаллианой») посвящены славным деяниям прошлого — битвам при Тель-эль-Кебуре, Маджубе и прочим; а также национальным бедствиям, таким как смерть «китайца» Гордона. Стихи эти поражают воображение, но мне больше по душе произведения Макгонагалла, где он воспевает красоту родной земли, или же описывает примечательные события своего времени, например Тейбриджскую железнодорожную катастрофу, или кита, который выбросился на берег возле Данди.

Судя по всему, поэт нередко становился объектом довольно жестоких шуток. Но, с другой стороны, он и сам любил подшутить на своими «поклонниками» — теми, кто якобы восхищался его творчеством. А поскольку Макгонагалл обладал непомерным тщеславием, то вскоре стал записным шутком всего официального и академического Эдинбурга. Сколько шуток порождала его неуклюжая тощая фигура в нелепом костюме! Кто-то из современников Макгонагалла вспоминал, как они вскладчину снимали помещение и приглашали «великого поэта» почитать стихи. Он с готовностью приходил и декламировал свои ужасные вирши, в то время как все сидели с каменными лицами и в душе потешались над его «шедеврами».

Как-то раз один из шутников прикинулся знаменитым драматургом и в разговоре с Макгонагаллом напроорочил ему блестящее будущее на театральных подмостках. В результате тот сорвался и укатил в Лондон: он хотел во что бы то ни стало попасть на собеседование к сэру Генри Ирвингу. Нетрудно догадаться, что поездка оказалась неудачной. Но зато в творческом багаже Макгонагалла появилась новая поэма под названием «Краткое описание Лондона». Начинается она с описания Лондонского моста:

Стою на Лондонском мосту и на людей гляжу  
И в суете столичной я одно смятение нахожу.  
Омнибусы и кэбы снуют туда-сюда,  
И под мостом река течет, и по мосту бежит вода.

Не меньшее впечатление на поэта произвела Трафальгарская площадь и фонтаны, «где утомленный путник мог утолить свою жажду». Воскресным утром гость из Эдинбурга отправился послушать проповедь мистера Сперджена, после чего в его дневнике появилась убийственная запись: «Мистер Сперджен, доложу я вам, был единственным человеком в Лондоне, который изъяснялся на приличном английском языке».

Полагаю, я дал вам достаточное представление о Макгонагалле, чтобы вы поняли, почему его стихи кажутся мне идеальным «вечерним чтением». Я был бы очень благодарен, если бы кто-нибудь взял на себя труд издать его произведения под одной обложкой — к вящей благодарности тех бедняг, кого мучает бессонница.

Макгонагалл был уникальным пережитком Старого Эдинбурга. В его биографии присутствовала таинственная поездка в Нью-Йорк — как и зачем он там оказался, мне не удалось выяснить. Известно, что ряд состоятельных покровителей оплатили поэту его пребывание за океаном — а вернее сказать, его отсутствие в Эдинбурге. Однако через подозрительно короткое время Макгонагалл — все в том же нелепом сюртуке — вновь появился в здании суда и стал терзать присутствующих новым шедевром, посвященным Нью-Йорку:

Могучий город Нью-Йорк, сколь лестно тебя  
лицезреть!

Ничто не могло остановить его! Бедный неутомимый сэр Топаз!

## 7

Когда-нибудь я еще вернусь в Эдинбург — свободный, не обремененный писательским долгом — и тогда уж вволю поброжу по Кэнонгейт, исследую все местные тупички и переулочки. Правда, полагаю, мне понадобится шапка-невидимка, чтобы скрыться от не в меру шустрой местной детворы.

Как-то раз я зашел в обычный средний дом на Кэнонгейт. Внутри висел неизбывный кухонный чад и запах переуплотненного жилья. Прямо на полу играли дети, через всю комнату была протянута бельевая веревка, на которой сушились нехитрые постирушки. Но зато на каминной доске красовался вырезанный в камне герб шотландского графа! То же самое я наблюдал и в Голуэе. Старые городские дома, где складывалась история Шотландии, переданы в пользование семьям, которые — будь то в Глазго или Манчестере — жили бы в лучшем случае в тесных комнатухах многоквартирного дома. И эти люди вольготно расположились в старинных залах, даже не подозревая об их славном прошлом. Мне они напомнили шайки арабов, оккупировавшие развалины предыдущей цивилизации. Прохаживаясь по улицам Старого Эдинбурга, я набрел на место, которое, несомненно, следует посетить каждому поклоннику гольфа. Модернизированный рыночный крест был установлен У. Ю. Гладстоном на месте старого креста, того самого, который являлся средоточием городской жизни в древние времена. Именно там, в окрестностях креста, некогда объявились первые кадди.

История этого слова восходит к французскому «каде», которым обычно обозначали младшего отпрыска

в семье. Кадди — или «кауди», как их называли в Старом Эдинбурге — образовывали совершенной особую касту. В нее входили мальчишки различного возраста, которые целыми днями слонялись вокруг креста в надежде встретить заплутавшего и сбитого с толку иностранца. Кстати сказать, заблудиться в лабиринте эдинбургских улиц было совсем несложно. Ведь городская планировка — до появления адресных справочников и услужливых полицейских — была покрыта мраком тайны, возможно, величайшей в Европе.

С первого взгляда кадди не внушали доверия, ибо выглядели диковатыми и злобными бездельниками. Тем не менее у них имелся собственный кодекс чести — подобный тому, что существует в тайном обществе берберов, этих извечных каирских слуг. По сути, кадди были сообществом в обществе. Во главе их стоял Главный кадди, и власть его безоговорочно признавалась всеми мальчишками. Главный кадди мог назначить наказание или наложить штраф на членов шайки, совершивших проступок. В его же ведении находился и общий капитал, из которого выплачивались компенсации иностранцам, пострадавшим от рук кадди.

Эти мальчишки знали всех и вся в Эдинбурге. Не успевала в городе появиться какая-нибудь сплетня, как она сразу же становилась известна кадди. Городским сорванцам не требовалось адресных книг, они и так знали, где живет любой горожанин. И если вам доводилось проводить время в обществе кадди, то уж будьте уверены — за пару часов он узнавал о вас больше, чем знали вы сами.

Они могли провести вас через лабиринт скученных домишек и доставить по такому адресу, который вы ни за что бы не отыскивали самостоятельно. Посему, если у приезжего человека было какое-то дело в Старом Эдинбурге — скажем, предстояло деловое свидание, —

то ему неминуемо приходилось обращаться за помощью к энциклопедистам-кадди.

Майор Топэм, в 1774 году написавший книгу о шотландской столице, называл кадди ангелами-хранителями города и утверждал, что «только благодаря этим мальчишкам в Эдинбурге стало меньше уличных ограблений и квартирных краж, чем в любом другом городе».

Существует легенда об одном судье, проповедовавшем весьма оригинальные взгляды на воспитание. Так вот, этот достойный джентльмен отправил собственных сыновей вместе с кадди бродить по эдинбургским улицам. Он считал, что подобная закалка окажется весьма полезной для их дальнейшей карьеры.

Каким образом имя кадди оказалось связанным с площадкой для гольфа? Увы, у меня нет ответа на этот вопрос, возможно, вы найдете его в специальной литературе.

Лично мне кажется вполне вероятным и естественным, чтобы кадди — этот вездесущий мастер на все руки — увидел человека с клюшками и предложил ему свою помощь. А эдинбуржцы начали играть в гольф еще в 1457 году и предавались этому занятию с таким рвением, что шотландский парламент был вынужден в том же году принять специальный акт — дабы ограничить игру в «гольф», мешавшую проведению учений на стрельбищах. Мария Стюарт стала первой женщиной, освоившей игру (во всяком случае так утверждают шотландские хронисты). Всего через несколько дней после убийства лорда Дарнли ее видели игравшей в гольф на площадке Сетона — факт, которые недоброжелатели королевы не преминули отметить и использовать против нее.

История сохранила для нас имя первого мальчика-кадди. Эндрю Диксон, известный изготовитель клюшек

для гольфа, в юности таскал эти самые клюшки для герцога Йоркского (впоследствии Джеймса II). Можно не сомневаться, что как только блестящая компания покидала Холируд с намерением поиграть в гольф на полях Лейта, это немедленно становилось известно в окрестностях рыночного креста. И ватага кадди, воодушевленная перспективой предстоящих заработков, тут же двигалась вслед за придворными.

Еще одна эдинбургская достопримечательность, представляющая интерес для любителей гольфа, — это высокое каменное здание на Кэнонгейт. Оно носит название «Голферс-Лэндз», и на стене его красуется примечательный девиз: «Нет человека, которого бы я ненавидел». Здание построено на призовые деньги, выигранные в самом дорогом матче любительского гольфа.

Рассказывают, что вовремя своего пребывания в Холируде Джеймс, герцог Йоркский (носивший позднее титул Джеймса VII, короля Шотландии, и Якова Второго, короля Англии) не на шутку увлекся гольфом. Должно быть, и окружение у него было под стать, потому что как-то раз во дворце разгорелась жаркая дискуссия: чья это национальная игра — Англии или Шотландии? Спор — на мой взгляд, довольно бессмысленный — требовал разрешения, и с этой целью было решено провести состязание между двумя странами (по сути первый международный матч). Джеймс вызвался — и это, пожалуй, его единственный по-человечески интересный поступок — разыскать себе достойного партнера-шотландца и сразиться с двумя английскими игроками. На кону стояла огромная сумма денег.

Итак, пари было заключено, Джеймс, как и собирався, приступил к поискам самого лучшего в Эдинбурге гольфиста. К делу подключились эдинбургские кадди и очень скоро выяснили имя нужного человека. Им оказался сапожник по имени



Джон Патерсон — по слухам, ему не было равных в городе. В таком составе они и выехали на Лейтские поля — наследник трона и сапожник, оба страстные любители гольфа. За ними последовал весь двор, чтобы болеть за свою команду. История не сохранила подробностей этого выдающегося матча (а очень жаль!). Известно лишь, что шотландцы «успешно провернули дельце», продемонстрировав высокий класс.

Патерсон получил половину призовой суммы и потратил деньги на строительство вышеупомянутого «Голферс-Лэндз», элегантного здания на Кэнонгейт...

Полагаю, было бы неправильно распрощаться с темой гольфа, не процитировав на прощание Смоллетта. Вот отрывок из его романа «Путешествие Хамфри Клинкера», написанного в 1770 году:

Тут же поблизости, на лугу, который называется Линкс, эдинбургские жители забавляются игрою, именуемую гольфом, причем употребляют особые клюшки с роговым наконечником и маленькие упругие кожаные шарики, набитые перьями; они поменьше наших теннисных мячей, но более тверды. По ним они ударяют с такой силой и ловкостью, перегоняя из одной ямки в другую, что мячи летят невероятно далеко. Шотландцы так любят это развлечение, что в погожий день вы можете увидеть множество людей всех сословий, от главного судьи до последнего лавочника, которые с превеликим воодушевлением бегают все вместе за своими мячами.

Показали мне, между прочим, компанию игроков в гольф, из которых самому молодому стукнуло восемьдесят лет. Все эти люди имеют независимое состояние и большую часть столетия забавлялись сей игрой, никогда не

чувствуя никакого недомогания или скуки и не ложась спать без того, чтобы не влить в себя полгаллона кларета<sup>[18]</sup>.

## 8

У меня осталось множество воспоминаний об Эдинбурге. Среди них одно из самых драгоценных — о вечере в старинном доме с высокими потолками. Хозяйка, седовласая дама, проникновенно исполняла песни Западных островов, то есть Гебридов, чьи мелодии хорошо известны стаям тюленей. Запомнился также прием в Королевском Шотландском клубе, где было много разговоров о минувшей войне, об Ипре и Вими. А чего стоила поездка на кладбище в Гленкорс! Только представьте себе: темная безлунная ночь на церковном кладбище, над головой мельтешат летучие мыши, из леса доносится глухое уханье совы. А под ветвями огромного вяза, там, где ручей пересекает дорогу, стоит грустный молодой человек и взывает к духу Роберта Льюиса Стивенсона.

Однако чаще всего я буду вспоминать, как стоял на Замковой скале ранним вечером. Солнце опускалось за горизонт, и мягкие сумерки окутывали город. Я понимал, что день подходит к концу, пора было спускаться вниз, к удобным георгианским улицам. Но мне не хотелось расставаться со Старым Эдинбургом. Будь моя воля, я бы так и остался на этом темном холме, где ветры свистят, как боевые мечи, а ночные тени крадутся по улочкам подобно шайке заговорщиков.

## Глава третья

### Рослин и графство Файф

*Я осматриваю Рослин, перебираюсь в графство Файф, присутствую на похоронах германского флота и продолжаю путешествие: еду сначала в город Эндрю Карнеги, затем в Линлитгоу и дальше к древним стенам Стерлинга, где предаюсь воспоминаниям о королеве.*

#### 1

Я выехал из Эдинбурга, намереваясь пересечь залив и попасть в Файф. Но не успел я отъехать от города и на милью, как вспомнил об одном нереализованном плане. Я же собирался посетить Рослин! По правде говоря, это было лишь одно из 6082 дел, которые я себе предварительно наметил в Эдинбурге и его окрестностях. Наметил, но, к стыду своему, не выполнил. Здесь же ситуация усугублялась еще и тем, что некая знакомая дама взяла с меня клятвенное обещание заехать в Рослин, все осмотреть, а потом на досуге прислать ей подробный отчет или, на худой конец, хотя бы почтовую открытку. Я давно уже заметил, что многие женщины просто обожают отсылать невинных странников-мужчин в обременительные и совершенно необязательные путешествия. Возможно, эта малоприятная привычка сохранилась еще со времен средневековья, когда у прекрасной дамы не было иного способа отделаться от назойливого ухажера, кроме как отправить его в далекие (и опасные!) края — якобы на поиски какой-то невероятной (но очень нужной!) вещи.

Я мог брюзжать, сколько душе угодно, но обещания следует выполнять. Тем более данные прекрасной даме

— нельзя же обманывать их ожидания. Тяжко вздохнув, я повернул на юг и довольно скоро достиг Рослина.

Поднявшись на высокий утес, громоздившийся над заросшим лесом ущельем, я некоторое время разглядывал то, что осталось от средневекового замка. Затем прошел по подъемному мосту (то есть, я хочу сказать, некогда подъемному — сейчас-то мост был опущен и навечно врос в землю) и очутился на территории замка. Навстречу мне вышел мужчина, который с ходу предложил арендовать утес вместе с замком за смешную сумму в 120 фунтов в год. Идея показалась мне заманчивой. Даже второразрядная квартирка в Кенсингтоне стоила дороже! Представляете, за эти деньги я мог бы круглогодично жить на вершине утеса и посылать друзьям письма на почтовой бумаге с гербом Рослинского замка. Причем непременно позаботился бы, чтобы название замка писалось на старый манер — «Rosslyn»! Мой собеседник сообщил, что в здании имеется ванная (с холодной и горячей водой), четыре спальни и столовая, чьи окна выходят прямо на живописное ущелье. Среди дополнительных достоинств замка числился призрак «Прекрасной Розамунды, Белой Дамы Рослина», который в последнее время, увы, что-то давно не показывался!

Я часто размышлял, пытаюсь понять, какой смысл «Дик Терпин и компания» вкладывали в выражение «идеальное жилище для джентльмена-литератора». Я бы предложил в качестве такового жилища заложенную-перезаложенную квартирку с видом на мыловаренный завод. Именно там упомянутый «джентльмен-литератор» будет творить наиболее эффективно, ибо, по моему твердому убеждению, лучшие подруги творчества — это нужда, дискомфорт и вечно недовольная жена «в обносках». Однако агенты по продаже недвижимости, очевидно, ссылаясь на пример «Терпения»<sup>[19]</sup>, решили сделать из всякого Банторна извечную жертву ветхих

домиков, полуразрушенных амбаров, конюшен — короче, всей той сельской экзотики, в которой слишком много «романтики», чтобы селить туда нормальных людей. Я так понимаю, что Рослин как нельзя лучше подходит под эту категорию. Пожалуй, лондонский агент в приступе лирического настроения объявил бы это место приютом для любого вида вдохновения. А призрак Прекрасной Розамунды проходил бы у него по статье «дополнительная прибыль».

Как ни странно, но на сей раз агент оказался бы прав! Рослин видится мне идеальным местом для создания юмористического романа. Заключение в одну из замковых темниц «джентльмен-литератор» стал бы искать утешения в образе вудхаузовского героя. Или же — если бы ему пришлось трудиться в камере пыток, вырубленной в скале еще во времена Роберта Брюса, — он мог бы написать разухабистое обозрение.

Однако, несомненно, самой большой приманкой для вечно нищего «джентльмена-литератора» стала бы легенда о многомиллионном сокровище, захороненном где-то в подземном склепе. Легенда гласит, будто точное место знала лишь хозяйка дома Сент-Клэров, но, к сожалению, она унесла эту тайну с собой в могилу. Однако говорят, что, если громко протрубить в трубы на верхнем этаже — действительно громко, чтобы было слышно в подземельях, — то призрак покойницы восстанет и приведет вас к спрятанному кладу. А кто, как не «джентльмен-литератор» — который постоянно трубит в свои трубы, то бишь хвастается — способен на подобный подвиг!

Древний обеденный зал украшает герб того самого Сент-Клэра, который в 1580 году восстановил замок. Из окон спален открывается вид на живописную башню, подпорченную в 1650 году пушками Монка. А под замком, в глубине скалы, расположилась целая сеть подземных переходов и сумрачных пещер, которые

освещаются лишь крохотными отверстиями размером с человеческий кулак. Поселись я в Рослине, то непременно устраивал бы там званые приемы. Представьте себе вечеринку, на которой вместо оркестра звучит капель подземных вод! Подобному приему позавидовала бы любая хозяйка салона из аристократического Мэйфера.

Нынешний арендатор замка, в чьи обязанности входило показывать гостям дом, показался мне самым лучшим гидом в Шотландии. Он знал о Рослине буквально все, к тому же излагал столь живо и образно, что вы вместе с ним переносились в далекие мятежные времена, когда хозяевам замка приходилось отражать нападения врагов. Его красочный взволнованный рассказ породил в моем мозгу необычные картины: вот я, орудуя деревянным брусом, отпихиваю от бруствера приставную лестницу. А теперь, склонившись, наблюдаю, как тело поверженного врага, крутясь и переворачиваясь, падает в пропасть. Один вопрос не давал мне покоя.

— Простите, — сказал я, — но мне трудно поверить, что вы даже не пытались разыскать спрятанный клад!

— Еще бы не попытаться! — ответил он с мрачной усмешкой. — Копал повсюду, но так ничего и не обнаружил.

Не исключено, что когда-нибудь Рослинский замок будет объявлен историческим памятником и перейдет под опеку управления общественных работ. И тогда на его территории проведут профессиональные раскопки, которые, возможно, дадут удивительные результаты. Однако если сокровища и обнаружатся, то явно не в подземных помещениях. Суровые шотландцы, построившие первый замок, не боялись трудностей и вырубили комнаты прямо в скале. Где-то под Рослинским замком (никто в точности не знает, где именно) скрыта так называемая «Стоячая камера». Эта темница

представляет собой колодец, куда пленника спускали на веревке или просто-напросто сбрасывали, если хозяин замка был не в духе. Страшно подумать, в каком ужасном положении оказывался беспомощный узник — в полной темноте и одиночестве, без всякой надежды на спасение... Полагаю, в таких условиях он очень скоро терял рассудок.

Под замком имеются и другие темницы, не менее ужасные. Сюда не доносятся никакие звуки снаружи, слышно лишь, как где-то медленно падают капли подземной влаги — «кап, кап, кап...» Этот монотонный звук мог свести с ума — особенно если вода была за дверью камеры, а несчастный пленник погибал от жажды. Но даже и в противном случае — то есть если вас обеспечивали водой и минимальной пищей — это было ужасное существование. Только представьте, каково долгие годы сидеть в одиночестве и слушать мерное «кап-кап-кап». Вы считаете капли, ждете их, в конце концов начинаете с ними беседовать...

Бр-р, лучше сменим тему и поговорим о чем-нибудь приятном. Самой замечательной комнатой в замке оказалась кухня с огромным очагом, вырубленным прямо в скале. От него отходил специальный желоб, по которому излишки жира стекали в особый резервуар. Воображаю, какой здесь царил переполох, когда в замке готовились к очередному званому обеду: клубы черного дыма, громкие голоса, шипение и шкворчание в котлах... Слушая рассказ своего гида, я воочию видел, как носятся взад и вперед повара и слуги, как из караульного помещения выглядывает оруженосец в надежде разжиться куском аппетитного мяса, и в этот миг из огромного раструба в стене раздается громогласный рев: «Поторапливайтесь, бездельники! Сент-Клэр ждет обеда!»

Ибо замок Рослин, наверное, одним из первых в мире обзавелся переговорным устройством и лифтами для

подъема пищи в хозяйские покои. Обеденная зала располагалась над кухней, так что достаточно было прорубить ход в стене, и туша жареного быка поднималась прямо к столу.

Во дворе замка растет могучий древний вяз — должно быть, самое почтенное дерево на всей Земле. Я бы назвал его прародителем всех вязов... Его ветви простираются во все стороны, ствол, изборожденный вековыми трещинами, подпирают деревянные опоры, а густая черная тень достигает середины двора, скрывая вход в подземные переходы. Если в замке и существует призрак Белой Дамы, то уверен, встретить его можно именно под этим вязом.

Тут же неподалеку растет шотландский чертополох, некоторые растения достигают в высоту человеческого роста. Частишки этой великолепной колючки растут и цветут во всех уголках земного шара.

— Я всех гостей замка одариваю отростками этого чертополоха. Так сказать, на память, — сообщил мой гид.

Неподалеку от замка стоит Рослинская часовня — удивительный образец готической архитектуры. На мой взгляд, это самая необыкновенная протестантская церковь во всей Шотландии.

Уильям Сент-Клэр начал строить ее в 1446 году, но успел построить только хоры. Незаконченная часовня поражает количеством украшений. Наверное, ни одна британская церковь не может сравниться с ней по этой части. Я представляю, как одаренные буйной фантазией мастера делили между собой стены и каждый пытался превзойти соседа. В результате не осталось ни одного дюйма пустой, гладкой поверхности. Эффект удивительный, хотя и несколько шокирующий. За всеми этими орнаментами как-то теряется красота линий, обычно присущая целомудренной готике. Мне кажется, такая чрезмерная цветистость выглядит



экстравагантной — и даже неуместной — на суровой шотландской земле. Нечто подобное мне доводилось видеть в Португалии, и надо сказать, что Белемское аббатство в Лиссабоне более органично вписывается в окружающий пейзаж.

Смотритель часовни поинтересовался, не отношусь ли я к франкмасонам. Мой отрицательный ответ, похоже, его разочаровал. Очевидно, простым людям не дано понять Рослинскую часовню. Хотел бы я, чтоб рядом оказался кто-нибудь из масонов и объяснил, в чем здесь фокус!

Под землей устроена усыпальница Сент-Клэров: представители этого славного рода лежат там в полном боевом облачении. А над ними стоит фантастическая, разукрашенная Рослинская часовня — хоры без нефа. Здание производит странное впечатление: словно в какой-то момент у ее создателей истощилась фантазия и они отложили строительство до лучших времен.

## 2

Сегодня дворец Линлитгоу, подобно Кенилворту в Уорикшире, представляет собой печальное зрелище: полуразрушенные стены без крыши напоминают пустую, лишенную души оболочку. Однако и того, что осталось, хватит человеку с пылким воображением, дабы воссоздать картины давно минувших дней. Лично меня в окрестностях Линлитгоу постоянно преследовали слуховые галлюцинации: то мне чудился скрип конской упряжи, то плач далеких волынок, то тяжелые шаги печальных королей и еще более несчастных королев.

Очутившись в величественном пиршественном зале с огромным камином и галереей, я погрузился в грезы. Мне представлялись великолепные празднества, блестящее общество, громкая музыка и веселый смех...

Увы, это были лишь краткие моменты передышки в длинной цепи неотвратимых трагедий. Перед моим внутренним зрением возникла скорбная процессия меланхоличных Стюартов. Я видел бледные лица с тяжелыми, чувственными губами, ощущал их склонность к интригам и печальную покорность судьбе, не готовившей им ничего, кроме фатальных неудач, — все те наследственные черты, которые накапливались на протяжении многих поколений, чтобы потом пышным цветом расцвести в одной женщине, ярчайшей представительнице своего рода. Увидел я и красную кардинальскую шапку Генриха, герцога Йоркского, который появился, дабы навсегда погасить трепещущее пламя их амбиций.

Кажется, будто древние камни Линлитгоу сочатся женскими слезами, за века пролитыми в этих стенах. Я бродил по разрушенным дворцовым покоем и пытался представить, как они выглядели столетия назад. Заново обставлял комнаты мебелью, развешивал гобелены, раскидывал по полу свежий тростник и душистые травы. И все это время меня обступали образы умерших королей и еще более живые и несчастные образы королей. Длинная винтовая лестница ведет к маленькой башенке, окна которой выходят на озеро, лежащее на высоте ста пятидесяти футов над уровнем моря. Здесь, в этой комнате королева Маргарита, супруга короля Джеймса IV, проводила долгие дни в томительном ожидании. Она «сидела в полном одиночестве, роняя слезы» и все ждала, когда ее муж вернется с Флодденского поля.

Битва при Флоддене знаменует один из самых черных дней в истории Шотландии. У нас, англичан, пожалуй, не сыщется подобной национальной трагедии. И нам не понять той скорби, с которой шотландцы и поныне вспоминают Флодденское сражение — сражение, где poleg цвет шотландского рыцарства во

главе со своим королем. Точно так же, полагаю, ни один из шотландцев не останется равнодушным в «Будуаре Маргариты», в этой маленькой комнатке с видом на горное озеро и холм Боннитоун.

Странное дело, стоит какому-нибудь иностранцу пересечь границу, и он начинает совсем другими глазами смотреть на старые битвы. К примеру, в Англии сегодня никто уж не вспоминает о Флоддене. Исключение составляет, наверное, граф Сарри, поддерживавший славу английского оружия в борьбе с достойнейшим врагом, да еще, пожалуй, самый благородный и самый порывистый король, какой только существовал в Англии. Другое дело Шотландия! Для шотландцев Флодден по-прежнему является кровоточащей раной в сердце. Боль эта передается из поколения в поколение благодаря народным песням и похоронным маршам для воынок. Всякий, кто хоть раз слышал «Цветы леса» в исполнении шотландских воынок, знает: эту мелодию невозможно слушать спокойно (лично мне всегда хочется спрятать взгляд). По сравнению с ней «Похоронный марш» Шопена и «Марш мертвых» из генделевского «Саула» выглядят бездушными музыкальными композициями. В отличие от них «Цветы леса» стали как бы нерушимой траурной урной, в которой воплощена живая скорбь народа и все слезы шотландских женщин, оплакивавших своих близких.

В свой первый визит в Шотландию я взял напрокат граммофон и неоднократно прослушивал этот скорбный гимн — до тех пор, пока мои соседи по гостинице не стали проявлять нетерпение. Они, должно быть, решили, что рядом с ними живет безумец. И тем не менее я бы посоветовал всем путешественникам, которые искренне хотят узнать Шотландию, последовать моему примеру. Эта грустная баллада даст им больше, чем все путеводители, вместе взятые.

Удивительное произведение! Теперь я понимаю, почему Вальтер Скотт в примечаниях к своим «Песням шотландской границы» писал о ней: «Я с трудом убедил издателя, что это современная песня». Вслушайтесь в эти строки, так напоминающие слова древней баллады:

Как утро настанет, так девушки сядут,  
Споют — и начнутся дневные труды.  
Но нынче одни лишь ты стоны услышишь:  
«Увяли навеки лесные цветы».

Не в радость работа, о доме забота,  
Коль парни девиц у порога не ждут.  
Так тихо вздохнувши и слезы смахнувши,  
Домой одиноко из хлева идут.

Рукой быстрой горца не стрижены овцы,  
Не собраны в поле пшеницы снопы,  
И девушке парень цветов не подарит —  
Увяли навеки лесные цветы.

А тот факт, что песня была написана женщиной, умершей в девятнадцатом веке, на мой взгляд, следует расценивать как величайший парадокс шотландской литературы! Она была дочерью сэра Гилберта Эллиота из Минто, клерка Верховного суда Шотландии. Этот достойный джентльмен якобы заключил пари со своей дочерью, что той не удастся сочинить балладу о Флоддене. Девушка использовала разрозненные фрагменты старинной баллады и создала подлинный шедевр, в котором воплотились вся нежность и красота шотландской народной поэзии. Вот вам еще одно доказательство того, что кельты прирожденные мастера перекладывать свою печаль на музыку.

Тогда, под Флодденом, Шотландия понесла страшные потери: десять тысяч человек сложили головы в битве. Среди них был сам король Джеймс IV, а также двенадцать графов, тринадцать лордов, пятеро наследников пэров и пятьдесят храбрейших шотландских рыцарей. Как это часто бывает, когда на поле боя погибает великий герой, народная молва не желала смириться со смертью короля. К примеру, наши соотечественники никак не желали верить, что лорд Китченер утонул на «Хэмпшире». То же самое происходило и после Флоддена: ходили упорные слухи, что Джеймс IV сумел обмануть врагов и бежать с места сражения. Довольно странные слухи, если учесть, что факт смерти подтверждался вполне надежными доказательствами. И тем не менее... Вот что писал об этом сэр Вальтер Скотт:

Шотландцы на протяжении долгого времени оспаривали факт гибели Джеймса IV на Флодденском поле. Одни утверждали, что король покинул страну и отправился с паломничеством в Святую Землю. Другие рассказывали целую историю: мол, в сумерках, когда сражение уже близилось к концу, на поле боя объявились четыре высоких всадника. К их копьям в качестве опознавательного знака были привязаны охапки соломы. Якобы эти всадники усадили короля на серого жеребца-хакни и вывезли с поля боя. Позже видели, как Джеймс пересекал реку Твид. Никто не может с уверенностью сказать, что случилось с королем впоследствии, но ходили слухи, что его убили в замке Хоу. Рассказывали, будто сорок лет спустя рабочие чистили колодец на территории этой разрушенной крепости и обнаружили завернутый в бычью шкуру скелет; на поясе у

него будто бы были железные вериги<sup>[20]</sup>. Однако в эту историю не слишком-то верят. Шотландцы не хотят допустить, что тело их короля попало в руки англичан. И доказательством служит как раз отсутствие железного пояса — никто так и не смог его продемонстрировать. Не исключено, конечно, что король не надел этот громоздкий предмет в день битвы. Или же англичане, которые обирали труп, попросту выбросили пояс как вещь, не представляющую практической ценности. Согласно официальной версии, лорд Дакр подобрал тело Джеймса IV на поле боя и отвез его в Берик. Здесь он представил труп на опознание Сарри. Оба этих джентльмена были близко знакомы с шотландским королем, так что ошибиться никак не могли. Два ближайших помощника Джеймса — сэр Уильям Скотт и сэр Джеймс Форман — также видели тело и горько оплакивали смерть своего господина.

Я вспоминал все эти легенды, стоя в комнате Маргариты в замке Линлитгоу. И тогда же подумал: интересно, а многим ли шотландцам известен тот факт, что в Лондоне можно видеть подлинные вещи Джеймса IV — его меч, кинжал и кольцо. Все эти вещи были сняты с тела короля при Флоддене и теперь хранятся в Оружейном колледже Лондона. И знают ли соотечественники Джеймса, что голова их несчастного короля была захоронена — без памятной таблички и каких-либо опознавательных знаков — на кладбище церкви Святого Михаила? Эта церковь, ныне разрушенная, стояла в Лондоне на улице Вуд-стрит, почти на границе Чипсайда. Известный лондонский летописец Джон Стоу видел тело мертвого Джеймса (еще не расчлененное) и в своей книге «Обзор Лондона» рассказал о его дальнейших злоключениях:

По окончании битвы тело вышеупомянутого короля было заключено в свинцовую оболочку и транспортировано сначала в Лондон, а затем в монастырь Шин в Ричмонде (Суррей). После знаменитой кампании по разрушению монастырей монастырское здание перешло в руки Генри Грэя, герцога Саффолка; случилось это уже в правление Эдуарда VI. Мне довелось видеть вышеупомянутое тело — целиком облаченное в свинец, оно валялось в пустой комнате среди ненужных досок и прочего мусора. Некоторое время спустя работавшие там люди наткнулись на тело и ради своего глупого удовольствия отсекли ему голову. По свидетельству Ланселота Янга, мастера-стекольщика ее королевского величества (имеется в виду королева Елизавета), он почувствовал сладковатый запах, шедший из свинцового футляра, и заглянул в него. Внутри находилось нечто до крайности ссохшееся, но тем не менее сохранявшее форму человеческой головы, да еще и с остатками рыжих волос — наверху и в области подбородка. Янг отвез находку в Лондон и некоторое время хранил у себя дома, на Вуд-стрит. Однако в конце концов он обратился к могильщику и попросил закопать тело на местном кладбище.

Таким образом, голова шотландского короля — гордая, горячая, презревшая все советы на Флодденском поле — ныне покоится в Чипсайде, среди купцов и ремесленников...

Я прошел в другую часть дворца, туда, где родилась Мария, королева Шотландская. Здесь, в этой комнате, лишенной крыши, атмосфера тревоги и печали

ощущалась еще острее. Окна выходили во двор с остатками великолепного фонтана и старыми готическими воротами. Много столетий подряд сквозь эти ворота текла бурная, точно река в половодье, история Шотландии.

Я представил себе ту ненастную декабрьскую ночь, когда девочка — которой на самом деле следовало бы родиться мальчиком — впервые увидела свет. Это была тревожная, беспокойная пора: смерть уже бродила вдоль границы, и очень скоро сотням шотландцев придется спасаться бегством из Солуэй-Мосс. Бедняжка Мария! Несчастья и тревоги были ее спутниками с первых дней жизни. Тотчас после рождения ребенка из дворца выехал гонец. Он устремился на север, в крепость Фолкленд, где влачил свои дни Джеймс V. Ехать приходилось осторожно. Англичане были совсем рядом, по ту сторону границы, и, казалось, даже от травы исходил зловещий запах крови. Гонец скакал, зорко поглядывая на бойницы пограничных башен, цепью выстроившихся от Берика до самого Эйра. Мимо в темноте проезжали всадники: перед собой они гнали скот, а за ними по пятам следовала смерть. Зимний ветер привычно завывал в зарослях вереска, но самые прозорливые — те, кто был наделен даром предвидения, — угадывали в обыденных звуках приближение злых сил.

Когда королю сообщили нерадостную весть — что вместо долгожданного сына у него родилась дочь, — он в сердцах воскликнул: «Черт побери!» И через несколько дней скончался — как говорят, от огорчения (ведь ему на тот момент едва исполнилось тридцать лет!). А овдовевшая королева осталась одна во дворце Линлитгоу. Она сидела все в той же комнате, прижимая к груди свое дитя, а сердце ее изнывало от страха перед подступающей бедой. А чего еще ждать несчастной матери, когда со всех сторон ее окружали «враждующие



группировки шотландских баронов... которые яростно сражались за власть над страной и над новорожденной принцессой».

Таким образом, с самого своего рождения Мария Стюарт оказалась игрушкой в руках злобных и честолюбивых сил, которые и привели ее в конце концов в Фотерингей.

Увлечшись своими заметками, я не сразу заметил, что в комнату вошел незнакомец. Рыжие волосы ввели меня в заблуждение: я посчитал его шотландцем, но, как выяснилось, ошибся — мужчина оказался моим соотечественником. Поздоровавшись, он поинтересовался, что я рисую, и даже попытался украдкой заглянуть в мой блокнот. Я был несколько удивлен такой бесцеремонностью, но, впрочем, вскоре все объяснилось. Оказалось, незнакомец был художником и проявлял чисто профессиональное любопытство, приняв меня за своего собрата по ремеслу. Мы разговорились — естественно, о Марии Стюарт.

— Меня возмущает не сама ее смерть, — говорил мой собеседник, — а те грязные приемы, которые использовали ее враги. Сначала «Письма из ларца»<sup>[21]</sup>, а затем этот балаган в Фотерингее с подложными уликами!

— А я вот думаю: как бы все сложилось, если бы они с Елизаветой все-таки встретились?

— Не стоит забывать про Сесила, лорда Беркли.

— Интересно, любила ли она Босуэлла? Неужели ей нравилось, как он с ней обращался?

— Кто знает, кто знает... Вообще это был странный союз: она — идеал женщины, а он самый худший тип brutального мужчины.

— Не пойму, неужели рядом с королевой не оказалось ни одного умного и верного советчика, чтобы открыть ей глаза на истинное лицо Босуэлла?

— Я тоже этого не понимаю. Опять же, почему никто не отговорил ее бежать в Англию? Ведь наверняка многие понимали, что для Марии это безнадежная затея. Елизавета не могла простить ей притязаний на английский трон. Вспомните, шестнадцатилетняя Мария ехала по Франции, и повсюду раздавались крики герольдов: «Дорогу королеве Англии!»

— А вы читали мемуары сэра Джеймса Мелвилла? В них он рассказывает, как ревниво Елизавета относилась к успехам «своей возлюбленной сестрицы». Все выпрашивала, какого цвета у той волосы, кожа... Мелвилл как-то имел несчастье обмолвиться, что Мария Стюарт играет на лютне и верджинеле. Так уже на следующий день его призвали во дворец — присутствовать на концерте Елизаветы и вынести свое суждение. Бедняге пришлось признать, что английская королева лучшая исполнительница, нежели ее соперница.

— Может быть, Елизавета и старая завистница, но она обладала несомненным талантом выбирать себе слуг. Мария же, в отличие от нее, вечно ошибалась в людях.

В конце концов наша беседа свернула на тему, которая неминуемо всплывает, когда речь заходит о Марии Стюарт.

— Говорят, она была удивительно хороша собой.

— Еще бы! Даже если отвести в сторону свидетельства таких придворных льстецов, как Чатерленд и Брантом, и тогда красота королевы не вызывала сомнений. Сам Джон Нокс не смог устоять перед ее обаянием. Представляю, как она была прекрасна в восемнадцатилетнем возрасте, когда вернулась из Франции.

— Кто-то из ее современников писал, будто в Марии Стюарт присутствовал некий внутренний огонь, который опалял души всех, кто ее знал.

— Что и говорить, необыкновенная женщина, — вздохнул мой рыжеволосый собеседник. — Живи она сегодня, наверняка оказалась бы в числе первых эдинбургских модниц, кто остриг косы.

— А как легко бы Мария смогла удовлетворить свою страсть к ночным развлечениям! — подхватил я. — Временами мне кажется, что она наша современница, по ошибке затесавшаяся в средневековье.

Вскоре англичанин ушел, и я снова остался один в Линлитгоу. Мои мысли приняли новое направление: я стал размышлять о тех кратких мгновениях отдыха, которые королева позволяла себе в Холируде. Можно представить, какие толпы горожан собирались перед дворцом — поглазеть на ярко освещенные окна и послушать пиликанье заморских скрипок. Что уж говорить о диких горцах, проездом оказавшихся в столице. Каких только рассказов они не наслушались: и о том, что королева имеет обыкновение омыwać свое тело вином; и о том, какая она лихая наездница (многие видели, как Мария во весь опор несется к городским воротам, а за нею скачет остальная кавалькада, растянувшаяся на всю Королевскую милю). Поговаривали также, что по ночам королева часто бродит по городу, переодевшись в мужское платье...

Эти рассказы порождали жгучее любопытство в душах простодушных горцев, и они часами простаивали у Холирудского замка. Возможно, некоторым из них повезло собственными глазами увидеть Марию Стюарт. Знаете, как это бывает: в одну из ночей колыхнется занавеска на дворцовом окне, и в свете свечи возникнет прелестный силуэт юной королевы с жемчугами в волосах. После этого ошеломленные горцы садились на своих лохматых пони и уезжали к себе на север. Они ехали знакомыми горными тропами и продолжали вспоминать королеву — такую прекрасную и такую странную, столь непохожую на все, к чему привыкли

шотландцы. Этот чудесный образ надолго оставался жить в сердцах горцев.

Так юная Мария Стюарт — а ей тогда едва минуло восемнадцать — превратилась в национальную легенду...

Я тихо вышел из комнаты и покинул Линлитгоу. Это место населено призраками прошлого. И когда смотришь на влажные замшелые камни, то кажется, будто это не сырость, а горькие слезы печальных королей проступают сквозь стены дворца.

### 3

В графство Файф можно попасть по огромному трехарочному мосту. Форт-Бридж перекинул свои двойные стальные фермы через водную гладь Ферт-оф-Форта. Очертания моста хорошо известны всему миру, он красуется и на плакатах в железнодорожных вагонах, и на картинках в различных книгах. Увидеть Форт-Бридж вживую — все равно что повстречаться с любимой киноактрисой. С той только разницей, что мост вас никогда не разочарует. Напротив, он превзойдет все ваши ожидания. Поверьте, это незабываемое зрелище! В действительности Форт-Бридж выглядит куда эффектнее, чем на фотографиях. Вы не сразу понимаете, насколько грандиозен этот мост — просто подобные величины не укладываются в допустимые рамки человеческих представлений. Размеры строения вы начинаете осознавать только когда ваш поезд въезжает на мост и плавно скользит под ажурным переплетением чугунных балочных ферм. Вот тогда вас наконец проймает! Глядя из окна поезда, вы понимаете, насколько высок Форт-Бридж — гораздо выше, чем казалось со стороны. Не только выше, но и длиннее, и

вообще грандиознее во всех отношениях. При движении по мосту поезда производят ни с чем не сравнимый звук — нечто среднее между гулом и ревом, в котором вдобавок слышится отдаленный барабанный бой.

Увы, автомобильный мост через залив еще не построен. Посему мне пришлось дожидаться допотопного парома, который — нисколько не стесняясь своего величественного соседа — по старинке бежит через Форт. Время ожидания прошло незаметно благодаря любопытной сценке, которую я наблюдал на берегу. Маленький мальчик, стоя по колено в воде, пытался изловить диковинную рыбку, по виду напоминавшую небольших размеров осьминога. Всякий раз, как малолетний рыбак приближался к своей добыче, жуткая желеобразная масса подбиралась на присосках и выплевывала в него струю чернильно-черной жидкости. Подобный монстр смотрелся бы вполне уместно где-нибудь в экзотическом аквариуме, но увидеть такое в двух шагах от Форт-Бриджа! Мой разум сухопутного жителя отказывался в это верить.

К сожалению, паром подошел слишком рано, и мне так и не удалось узнать, чем же закончилась схватка человека и рыбы. Вместе с машиной я погрузился на борт, и следующие полчаса нас нещадно крутило и болтало. Хорошо хоть столкновение не грозило — дорога была просторной и безлюдной. И окончилась она в таком же замечательно просторном и безлюдном крае, где располагалась морская база Росайт, некогда знаменитая на весь мир. Привело меня сюда желание своими глазами увидеть гибель немецкого крейсера «Мольтке», который в годы войны затонул на севере. Недавно мне попало в газете сообщение о том, что «Мольтке» подняли с морского дна и отбуксировали на базу Росит для утилизации. Грозному немецкому кораблю предстояло превратиться в металлолом. Пропустить такое зрелище? Да ни за что на свете! Если б я только

мог в те далекие военные дни предположить, что когда-нибудь буду попирать собственными ногами поверженный «Мольтке», как бы изменилось все мое мировоззрение! Короче, я решил попытать счастья и отправился в Росайт.

Тогда, десять лет назад, если бы я только попытался проникнуть на военно-морскую базу, меня наверняка расстреляли бы как шпиона. Нечто от прежних страхов, очевидно, осталось в моей душе, потому что я испытывал известную робость, когда приблизился к воротам Росайта. Однако человек в военной форме отреагировал на мое появление вполне лояльно.

— Прошу вас, сэр! — сказал он. — Проходите, только предварительно распишитесь в этой книге.

Возможно ли, чтобы все так изменилось за какие-нибудь десять лет? Я послушно оставил автограф в книге посетителей и прошел на территорию базы. Глазам моим предстало зрелище, наверное, самое удивительное на всех Британских островах.

На первый взгляд база Росайт выглядела совершенно безлюдной. Крупнейшая в мире военно-морская база превратилась в город мертвых! А ведь не один миллион фунтов стерлингов ушел на то, чтобы оборудовать ее по последнему слову техники. Насколько мне известно, это единственные доки в нашей стране, которые способны круглогодично принимать корабли независимо от их водоизмещения и фазы прилива. На базу проложены великолепные дороги — широкие, прямые, как стрела, — и все они сейчас пустовали. Таковы последствия новой экономической стратегии Адмиралтейства: своим решением от 1925 года оно «зарезало» финансирование Росайта, и теперь я мог воочию наблюдать плачевные результаты. На базе царила непривычная тишина. Целая армия подъемных кранов стояла без движения. На дверях огромных ангаров висели замки. Верфи, служившие госпиталем

для многочисленных бронированных судов — неважно, пострадавших в авариях или военных столкновениях, — бездействовали. Офисные здания, которые еще совсем недавно были хранилищем самых страшных военноморских тайн (а потому функционировали под бдительным оком разведки и вооруженной охраны), невинно щурились подслеповатыми окнами. Площади перед ними зарастали травой.

Приглядевшись, можно было заметить некоторые признаки осмысленной деятельности в этом удручающе-безжизненном ландшафте. Вот вдалеке промаршировала группа людей в черных блестящих дождевиках — команда солдат, отряженных для хозяйственных работ, — однако они промелькнули и тут же затерялись на огромных безлюдных пространствах базы. Казалось, их мимолетное появление лишь усугубило царившие вокруг пустоту и бездеятельность. Такова цена, которую Росайту приходится платить за мир и сокращение вооружений.

Целый город был построен для того, чтобы обслуживать нужды великого флота, бороздившего просторы северных морей. Теперь же, когда северные воды потеряли свою привлекательность для великого флота, этот город обезлюдел, а его обитатели превратились в подобие бесплотных призраков.

Я прошел почти милю под проливным дождем, разглядывая стоявшие на приколе эсминцы — резерв Росайта. Они громоздились унылыми серыми громадами. Каждый корабль обслуживал недоукомплектованный экипаж, основными функциями которого было «мыть и надраивать». Эсминцы стояли плотными рядами, как автомобили на переполненной стоянке. Я не мог представить, как бы они смогли в случае надобности выйти в плавание без того, чтобы не столкнуться и не ободрать краску с бортов. Очевидно, это великая тайна навигации, недоступная моему рядовому пониманию.

Я продолжал идти, ориентируясь на отдаленный шум — единственный звук в этом мертвом царстве минувшей войны. Шум исходил оттуда, где работала бригада, демонтировавшая «Мольтке». Бывший немецкий крейсер семь лет пролежал на глубине семидесяти футов в гавани Скапа-Флоу. Сейчас эта ржавая машина водоизмещением в 23 тысячи тонн — перевернутая вверх дном и лишенная своей начинки — громоздилась на самом краю огромного дока в окружении наших легких, изящных эсминцев. Английская флотилия стояла на якорь с голыми мачтами, зачехленными орудиями и пустыми палубами. Лишь кое-где это сонное царство нарушала одинокая — и такая неуместная — фигура матроса-кокни. Я почувствовал, что напрасно приехал сюда. «Мольтке» обманул мои ожидания. Он выглядел настолько безусловно поверженным и безобидным, что был не способен породить чувство триумфа даже в самой мстительной душе.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как я стоял посреди Линлитгоу и размышлял о трагедии Флоддена. Вот передо мной свидетельство национальной катастрофы, по масштабам вполне соизмеримой с Флодденом. Правда, катастрофа эта лишена ореола славы Флоддена, но никак не горечи поражения! Что же стало с моими чувствами? Почему я не могу ощутить трагедию этой постыдной бесформенной конструкции, некогда составлявшей часть великого германского флота? Его гибель в шотландских водах стала важным эпизодом военной истории, о котором еще долго будут говорить — до тех пор, пока человечество не утратит интереса к своему прошлому. Я глядел на мертвый немецкий крейсер, и это было почти то же, что стоять на поле боя, с которого еще не успели убрать тела погибших. Вернее сказать, как если бы на моих глазах копали братскую могилу, чтобы поскорее скрыть в ней жуткое месиво, в которое



превратились наши бывшие враги. Вид «Мольтке» порождал в моей душе только ужас.

Я стал вспоминать, как все происходило в 1919 году. Во время поспешного отступления немецкого флота «Мольтке» перевернулся и затонул на глубине семидесяти футов — это все, что мне было известно. Конец истории я узнал от рабочего, стоявшего тут же, на набережной росайтского эллинга.

— Понимаете, крейсер-то затонул вверх дном, и мачты его накрепко увязли в илистом дне. Под весом в 23 тысячи тонн сталь согнулась, как простая деревяшка. Все трубы сплющило всмятку, мостик сломался, со временем и орудийные башни покорежились. Как такую штуку поднимать? Ну, мы накачали его сжатым воздухом, и он поднялся, как лежал — вверх днищем. Мы его так и потащили в Ферт-оф-Форт. Ужасная картинка, не правда ли? Интересно, что бы сказал старина кайзер, если б увидел свое детище?

Я поднялся по ветхим сходням и ступил «на борт» ржавой махины, где работала бригада рабочих. Все днище было облеплено морскими водорослями. Огромные моллюски (откуда только такие взялись?) чуть ли не насквозь проели металл. Тут можно было насобирать полное ведро ракушек. Жерла орудий были наглухо залеплены смесью водорослей, ила и прочего морского мусора. Сквозные дыры в корпусе вели в святая святых каждого судна — в каюты, трюм и торпедные отсеки.

«Мольтке» провел под водой меньше десяти лет, однако выглядел настоящей жертвой кораблекрушения — не менее древней, чем корабли Непобедимой армады. Когда его подняли на поверхность, это было то еще зрелище! Вокруг колыхались огромные водоросли, внутри корпуса плавали рыбы, турбины мощностью в 70 тысяч лошадиных сил были накрепко облеплены крабами и раками. Картину дополнил один из рабочих.

— Ныряльщики мне рассказывали, — поведал он, — что никогда раньше не видывали таких водорослей. Некоторые стебли были толщиной в человеческую руку. Им пришлось отпиливать их складными ножами.

В довершение унижения, которому подвергся гордый немецкий крейсер, на нем возвели маленькую жестяную времяночку — чтобы рабочие, не сходя на берег, могли укрыться от дождя и отдохнуть в пересменке.

С чувством неловкости я заглянул в одно из сквозных отверстий. Внутри виднелась сплошная мешанина ржавого железа: стальные лестницы, ведущие в никуда, орудия валяются на потолке, превратившемся в пол, все перевернуто вверх дном — апофеоз поражения и катастрофы. А что еще скрывается в глубине этой развалины? Один из водолазов, исследовавших внутренность затонувшего судна, с готовностью ответил на мой вопрос:

— Представляете, в машинном отделении мы обнаружили кошку-девятихвостку и кое-какие безделушки из тех, что обычно делают матросы. Вот, кстати, сувенир для вас...

И он протянул мне почерневшую монетку в пять пфеннигов.

— А куда планируется пустить металлолом? — поинтересовался я.

— Будут делать что-то там для кинематографа, — пожал плечами рабочий.

— Достойное применение для поверженных амбиций!

— Ну да, — с сомнением кивнул мой собеседник. — Может, пепельниц понаделают... или еще каких штучек.

Разочарованный символом военного поражения — зрелищем, которое, надеюсь, не станет приметой нашего века, — я отправился прочь под нестихающим дождем. На набережной до меня донесся разговор —

давешний матрос-кокни разговаривал с невидимым собеседником.

— Черт знает что! — мрачно ворчал он. — *Не думаю*, что это хороший конец для такого дня.

#### 4

Когда Эндрю Карнеги решил облагодетельствовать мир, низринув в него нескончаемый поток органов и бесплатных библиотек, то в первую очередь это коснулось Данфермлина. Маленький старинный городок восстал от летаргического сна, в котором пребывал на протяжении последних столетий, и с удивлением воззрился на щедрые дары своего разбогатевшего сына — плавательные бассейны и библиотеки, общественные парки и санитарные колледжи. Ему пришлось на собственном опыте узнать, каково это — произвести на свет настоящего миллионера, к тому же обремененного традиционным для шотландцев чувством патриотизма.

Опыт Данфермлина видится мне уникальным. Во всяком случае я не знаю другого такого места на земле. Здесь, в Данфермлинском аббатстве, похоронен великий Роберт Брюс, могила его отмечена медной мемориальной табличкой. Но и без того у города богатое историческое прошлое, которое уходит корнями в глубь столетий. В древности он, как и наш Винчестер, являлся столицей королевства и сохранял этот статус до середины пятнадцатого века, пока на южном берегу залива не вырос могущественный город Эдинбург. Казалось, все надежды и устремления Данфермлина остались в прошлом. Городок тихо доживал свои дни в графстве Файф — подобно милой старушке из известного спектакля «Лицеума», которая жила лишь воспоминаниями о сгинувшем на чужбине сыне.

Однако в один прекрасный день все изменилось. Сын вернулся и громко постучал в двери родного дома (бедная старушка, наверное, едва не умерла со страха, ибо такой повелительный стук чаще всего означал повестку о выселении). Но нет, все обернулось к лучшему! Вчерашняя пустыня проснулась и расцвела. Наша старушка теперь окружена заботой и любовью, в ее жизни изобилуют дорогостоящих знаки сыновней привязанности. Чем не чудесная сказка? *И подобное приключилось с целым городом!*

Рядом с запустением, царившим в Росайте, преуспевание Данфермлина особенно бросалось в глаза. Это, должно быть, один из богатейших городов на всех Британских островах. Перед отцами города стоит нелегкая задача: каким образом распределить попечительский фонд в 750 тысяч фунтов, чтобы привнести «больше света и радости» в «монотонное существование трудящихся масс» (это собственные слова Карнеги). Данфермлин неминуемо должен был стать мишенью для благодеяний Эндрю Карнеги. Лично мне достаточно одного взгляда на лицо бизнесмена — с глубоко посаженными стальными глазами и жесткой линией рта, которую неспособна скрыть даже борода, — чтобы сразу же угадать, какие бездны сентиментальности скрываются в его душе. Реализуются они, конечно же, в нерабочее время! Я прекрасно представляю себе, как Карнеги сначала разделяет, как липку, очередной профсоюз, а затем отправляется в родной город и открывает новый приют для беспризорных детей.

Каждый миллионер сложная натура, в нем уживаются как бы два человека. Он может быть жестким, беспринципным дельцом, но в глубине души остается добрым и трогательным ребенком. И осыпанный благодеяниями Данфермлин как раз и демонстрирует нам ту самую сокровенную часть души,

которую обычно (в рабочие часы!) трудно разглядеть за непроницаемым взглядом стальных глаз.

Немалая часть городской славы приходится на родной дом Карнеги — это строение номер 4 по Муди-стрит. За последние годы дом превратился в настоящий мемориальный комплекс. Лишь маленькая комнатка на втором этаже (та самая, где родился будущий миллионер) да соединяющийся с ней чердак сохранили прежний скромный вид.

Во время моего визита дом был полон посетителей. Он является одной из самых востребованных достопримечательностей Шотландии. Ежегодно через него проходят тысячи людей, все желают собственными глазами увидеть, каких высот достиг человек, начинавший свой жизненный путь на жалком чердаке. У многих посетителей складывается ощущение (кстати, весьма недалекое от истины), что они попали в сказку! Та скорость, с которой этот человек заработал свои первые полмиллиона, а затем, не мешкая, добавил к ним и вторую половину, вызывает у большинства людей священный трепет. На мой взгляд, все подобные истории — вроде той, что рассказывают про последнего лорда Леверхьюма (якобы ему не понравился пейзаж в Сторноуэе, и он приказал срыть холм) — отдают чрезмерной фантастикой.

Карнеги, как многие новоиспеченные миллионеры, полагал, что любой человек может повторить его подвиг. Для этого надо просто бросить курить да вставать пораньше. Подобные речи вдохновляют сотни юных честолюбивых шотландцев, которые с молодых ногтей начинают присматриваться к фотографиям сталелитейных заводов и мантиям университетских профессоров. А визит на Муди-стрит лишь укрепляет их намерение добиться успеха.

У меня же эта экскурсия породила прежде всего чувство огромной, всепоглощающей симпатии к

Карнеги. Большое впечатление произвела на меня одна комната. Она была буквально забита шкатулками, в которых хранились письма — и официальные бланки, и монастырского образца свитки — с выражением благодарности за «великолепный дар мистера Карнеги». Речь шла о бесплатных библиотеках, которыми Эндрю Карнеги облагодетельствовал различные учреждения и города. Всякий раз, как в далекую шотландскую деревню приезжали ящики с книгами, в адрес миллионера отправлялось одно из этих посланий. На масштабы (и стоимость) даров указывает сама формулировка писем. А ведь городские чиновники большие специалисты в этом деле, они тонко чувствуют момент, когда дар перестает быть просто «щедрым» и переходит в категорию «великолепного». У Карнеги собралась воистину рекордная коллекция благодарственных писем. А это не тот товар, который можно выгодно продать (даже с навыками миллионера). Скажу больше: если не считать тех экзотических подарков (в виде каноэ и диких зверей), которые наша щедрая империя время от времени делает несчастному принцу Уэльскому, то вот эта коллекция Карнеги — одно из самых сомнительных приобретений. Тем не менее письма не выбрасывают. Им отведена целая комната данфермлинского дома, где они продолжают храниться как свидетельство вечной благодарности Британских островов.

Хотелось бы рассказать еще об одном подарке — возможно, самом чудесном, — который Эндрю Карнеги сделал родному городу. Он превратил горную долину Питтенкриф в общественный парк. Здесь самые ручные в мире птицы (дети относятся к ним как к своим питомцам), а белки скачут прямо под ногами.

— А вы знаете, почему он так поступил? В смысле, подарил нам эту долину? — спросил меня мужчина, с которым мы только что обсуждали данфермлинские

доллары. — Видите ли, в детстве мистер Карнеги не имел возможности посещать этот парк. Сами понимаете, частная собственность и все такое... Ясное дело, мальчонка переживал. Да так, что на всю жизнь затаил обиду! Ну, и когда время настало, он приехал в Данфермлин и подарил парк людям. Говорит, чтоб ни один малец не чувствовал того же, что и я тогда... Да, сэр, урок пошел ему на пользу.

Что и говорить, увиденное впечатляет. Но есть же и другой Данфермлин, никак не связанный с мистером Карнеги! Это древний седой городок с горбатыми улицами, который много пожил и многое помнит. Свидетельством тому — серые развалины, норманнские арки и старое аббатство, украшенное самыми прелестными норманнскими колоннами во всей Шотландии.

Здесь покоится прах Роберта Брюса. В 1818 году гробницу вскрывали и удостоверились, что тело великого патриота действительно лежит в ней, завернутое в погребальный полог. По свидетельству людей, производивших вскрытие, покрывало богато расшито золотыми нитями, причем нити проходят насквозь через тело Брюса. Таким образом подтвердилась старая легенда о завещании короля, согласно которому сердце Брюса было посмертно изъято из его тела и отправилось в крестовый поход...

Брюс и Эндрю Карнеги — вот два великих шотландца, соединившихся в «старом седом городе» Данфермлине. Один разбил англичан у Бэннокберна, другой положил весь мир на лопатки в далеком Питтсбурге. И оба одержали победу благодаря одному и тому же металлу. Потому и зовут одного Стальным Королем, а другого — королем стали!

Я остановился на высоком холме, чтобы окинуть взглядом равнину Стерлинга. День клонился к концу, и над землей поднимался туман. Посреди серых равнин возвышалась иссиня-черная скала с замком — могучая, величественная, она казалась галеоном, затерявшимся на морских просторах.

Уж не знаю, в чем было дело — то ли в особых переливах света, то ли в настроении, которое на меня снизошло... а может, в сочетании этих факторов — но только мне вдруг показалось, будто на горизонте меня ждет волшебный замок Камелот. Я помню, как впервые увидел Дарем — великий город! И Йорк с его башнями-близнецами поражает воображение. Но Стерлинг в закатных лучах... Это нечто особенное! Когда вы приближаетесь к этому городу, окутанному атмосферой осенней меланхолии, он кажется главой из романа Мэлори. Ваше сердце рвется вперед, и кажется, будто на полпути вас встретит посланник из того далекого рыцарского времени. Встретит и — с присущей эпохе галантностью — проводит до самых крепостных стен...

Увы, если вы едете в подобном романтическом настроении, то сам Стерлинг, скорее всего, вас разочарует. Предместья и городские улочки совсем не похожи на те волшебные картины, которые вы нарисовали в своих мечтах. А вид маленьких магазинчиков, забитых всякой дребеденью, окончательно убедит неисправимых романтиков, что Стерлинг принадлежит современному миру.

Я чувствовал себя обманутым. Нет, что ни говорите, а город, сделавший свой выбор в пользу кинематографа и зловонных автобусов, не должен издали выглядеть как усталый рыцарь, присевший отдохнуть на скале!

Стерлинг как две капли воды похож на Эдинбург. Уверен, что многие писатели до меня заметили сходство и окрестили Стерлинг «сестрой» шотландской столицы. Хотя что это я! Вряд ли уместно говорить в женском



роде об этих двух старых грешниках. Эдинбург и Стерлинг скорее напоминают двух феодалов-разбойников, сидящих на скале с обнаженным мечом на коленях. Да и семейное сходство между двумя городами весьма обманчиво. История по-разному лепила их облик, и Стерлингу далеко до своего брата по части величия. Если между ними и есть нечто общее, то оно укладывается в недлинный понятийный ряд: битвы, дружба королей и королев, опыт и богатые воспоминания о прошлом.

Эдинбург смахивает на старого воина, ведущего активную светскую жизнь. В противоположность ему Стерлинг — ветеран, который сидит в одиночестве и перебирает бывшие трофеи. Он прикасается к зазубренному лезвию меча, задумчиво качает головой над боевым топором, загадочно улыбается старой перчатке... Он, конечно, сознает, что жизнь не стоит на месте (еще бы не сознавать, когда за окном проносятся поезда и вопят автомобильные клаксоны), но не спешит выйти на улицу, предпочитая витать в грезах.

Две одинаковые скалы, вздымающиеся посреди равнин под равными углами. А на них стоят замки-близнецы — Эдинбургский и Стерлинг. Они так похожи внешне! Впервые увидев Стерлинг ранним вечером, вы можете по ошибке принять его за Эдинбург — такой, каким тот был в годы своей молодости.

Возможно, кто-то со мной не согласится, но мне кажется, что скала Стерлинга — особенно если смотреть на нее снизу, с равнины, где некогда устраивались рыцарские турниры — выглядит даже более эффектно, чем Эдинбургская. Пожалуй, в Шотландии нет более гордого и величественного зрелища, нежели Стерлингский утес в лучах восходящего солнца. А вид, открывающийся с зубчатых стен Стерлингского замка, не уступает лучшим в мире пейзажам. Поверьте опытному путешественнику: на свете есть много

удивительных мест, но мало какие запоминаются на всю жизнь. Так вот, невероятная панорама Шотландии, которая открывается с высоты здешнего утеса, — то самое незабываемое впечатление, которое вы пронесете сквозь долгие годы и будете помнить до самой смерти.

Мне повезло, я оказался в Стерлинге в начале осени. Ласково светило солнышко, и казалось, будто лето снова вернулось в свои права. Я смотрел на узкую серебряную ленту Форта, которая выписывала петли на зеленой равнине. Она изгибалась и вновь устремлялась назад, словно не желая удаляться от родных морских просторов. Если следовать всем причудливым извивам Линкс-оф-Форт, то придется проплыть двадцать миль там, где напрямую по суше едва ли набежит шесть. Река Форт на этом участке — единственная в Европе судоходная водная артерия, где нечего делать без попутного ветра: без него вы и нескольких миль не пройдете. Зато какая красота вокруг! Плодородная пойма Каре-о-Стерлинг вполне может сравниться по своей прелести с долиной Авалона в районе Гластонбери-Тор.

Перед вами возвышается Мемориал Уоллеса, наполовину скрытый кронами деревьев. Если вы повернетесь на северо-восток, то увидите Баллангейх, а за ним холмы Охил. Где-то среди багровых осенних лесов скрывается мост Аллана и дорога, убегающая на Шериффмур. А теперь обратите взгляд на далекий горизонт. Вот где величественное зрелище! Там в голубоватой дымке вырисовываются, наползая друг на друга, странные тени, подобные грозovým облакам. Это величественные Грампианские горы, в самом названии которых слышится звон мечей и бешеный стук копыт.

Вглядитесь в их очертания и громко произнесите волшебные имена — Бен-Ломонд, Бен-Венью, Бен-Леди, Бен-Ворлих... Все это могучие великаны, стоящие на

страже шотландского Хайленда — дикой, непонятной и непобедимой страны.

Мне неизвестно, где проходит официальная граница Хайленда, но в тот миг, стоя на крепостной стене Стерлинга и глядя в сторону Грампианских гор, я ощущал: вот он, рубеж, за которым начинается чужая, незнакомая земля. Стерлингу же отводится роль аванпоста, ведущего наблюдение за далекими холмами. Это — недреманное око шотландского Лоуленда.

— Наслаждаетесь видом «семи битв»? — раздалось за моей спиной.

Я обернулся и укололся о насмешливый взгляд невысокого человечка, обнаружившего удивительное сходство с сэром Гарри Лаудером. Местный гид тут же приступил к исполнению своих обязанностей: начал перечислять семь знаменитых сражений, в разное время случившихся в окрестностях Стерлинга. Он вертелся во все стороны и с помощью трости демонстрировал мне эти места. Говорил он в той особой доверительной манере, которая является отличительной чертой всех шотландских рассказчиков. Я попытался было заметить, что знаком с историей битвы при Бэннокберне и вообще предпочитаю самостоятельно набираться знаний. Но непрошенный гид отмел мои возражения нетерпеливым вопросом: «Вы видели комнату, где Джеймс убил Дугласа? Нет? Как же так, сэр! Это надо исправить». И с мрачной решимостью он увлек меня за собой в направлении замка.

Экскурсия получилась весьма насыщенной. Мы спускались в подземные темницы, мерили шагами лестницы, вверх и вниз, и в конце концов оказались перед гротескными каменными скульптурами — созданием французского мастера. Мой проводник — оглянувшись по сторонам, дабы убедиться в отсутствии дам поблизости — сообщил мне по секрету, какая из фигур символизирует Любовь, а какая Вожделение. Я

вгляделся в каменные фигуры. За время, прошедшее с начала реформации, суровые пресвитерианские дожди и ветры приложили немало усилий, дабы стереть лики Любви и Вожделения. Однако добились лишь того, что напрочь перепутали их.

Так легко, сидя на крепостном валу Стерлинга, дать волю беспокойному воображению и унести мыслями в глубь веков...

Тысяча пятьсот шестьдесят шестой год.

В Англии подрастает целое поколение замечательных детишек. Уолтер Рэли — шустрый четырнадцатилетний паренек, Филипу Сидни исполнилось двенадцать, а Фрэнсису Бэкону — всего лишь пять. А в самом сердце зеленой Англии, в городе Стратфорд-на-Эйвоне — там, где в майские дни весело пляшут ряженые танцоры и глухой рокот их барабанов разносится над Клоптон-Бридж, — там миссис Джон Шекспир (носившая в девичестве очаровательную фамилию Арден) не может нарадоваться на первый зубик, вылезший у ее сына Уилла, и возносит горячую благодарность Господу за это маленькое повседневное чудо. Мальчику исполнилось два года.

А что тем временем происходит во взрослом мире? Ее величество королева, которой уж стукнуло тридцать три, поставила свою пресловутую девственность на службу (но не в услужение) английской внешней политике. В отношениях с другими странами Елизавета старается придерживаться нейтралитета и с этой целью беззастенчиво играет на чувствах людей. Она принимает ухаживания всех претендентов — даже из католических стран, — и нередко можно видеть, как королева услаждает слух очередного жениха-католика игрой на верджинеле. Несчастные ухажеры сбиты с толку, но не теряют надежд. Над Европой уже ощутимо

погромыхивает, там собираются грозовые тучи протестантизма. Особенно беспокойно в Голландии: народ — пока еще традиционно флегматичный, но уже накопивший заряд враждебности — толпится вокруг испанских алтарей, и герцог Альба (на всякий случай) отправляется туда во главе экспедиционного корпуса. Над Атлантикой тоже гуляют штормовые ветры. Беззащитную толпу английских протестантов подвергают бичеванию на жарких улицах Мексики. Многочисленные испанские галеоны, до того охранявшие берега Эльдорадо, собираются в заморское плавание. Их ведет воспоминание о Бидефорде в Девоне и запах бристольских доков. Еще не успевший прославиться Джон Хоукинс пробует себя в Новом Свете в качестве работоторговца. Название для своего судна Хоукинс выбрал без малейшей тени иронии: корабль, на котором возят живой товар, называется «Иисус».

Маленькие белые городки с качающимися пальмами у кромки прибоя тихо догорают, посылая в небо клубы черного дыма. На залитых солнцем *пласах* беспорядочно свалены в кучу мертвые тела, над ними роятся жирные мухи. А на горизонте покачивается английский галеон, его мачты украшены трофейными серебряными подсвечниками. Корабль направляется домой, и капитан со своим помощником распивают испанское вино из серебряных потиров. Испания реагирует на злодеяния англичан привычным образом: новые дыбы, тиски для больших пальцев и бесчисленные вязанки хвороста под ногами еретиков. Во Франции гугеноты благоденствуют и не подозревают, что не за горами роковая Варфоломеевская ночь. В Испании уже родились будущие моряки, которые поведут Непобедимую армаду к британским берегам. Папа сидит в Риме и с тревогой поглядывает на запад — туда, где назревают беспорядки в христианском мире. Он уже сочиняет буллу, которая в скором времени, подобно

неразорвавшейся шутихе, упадет на голову новому миру. Он охотно принимает у себя посланников, прибывших в Ватикан из владений Антихриста. В этот год происходит еще одно важное событие — уходит из жизни Сулейман Великолепный, гроза христиан, при котором ни католики, ни протестанты не рискнули бы провести отпуск в Алжире. Калиф всего исламского мира, создатель Оттоманской империи умирает еще молодым, счастливо избежав позора Лепанто.

В декабре этого знаменательного года сорок английских джентльменов во главе с графом Бедфордом едут по зимнему бездорожью в Шотландию. С собой они везут чрезвычайно неудобную поклажу — золотую купель весом в два стоуна. Делегация направляется в Стерлинг, на крестины принца Джеймса, полугодовалого сына Марии Стюарт. Джентльмены едут не спеша, у них достаточно времени, чтобы обсудить пикантную ситуацию. Вспоминая послание, которое королева Елизавета направила своей «дражайшей кухне», шотландской королеве, граф Бедфорд не может сдержать улыбки. Ему велено передать, что «золотая купель сделана на заказ и полгода назад наверняка была впору; если же сейчас она окажется мала, то пусть любезная сестрица побережет ее до следующей okazji». Какой сухой, чисто английский юмор! (А ведь полгода назад, когда известие о рождении ребенка дошло до Лондона, Елизавета выла от тоски, кричала: «Королева Шотландии родила прекрасного сына, а я, я — бесплодна, точно иссохший мертвый сук!») Довольно странно слышать подобные жалобы от королевыв-девственницы! Тем не менее... Тогда же, во время разговора о купели, Бедфорд получил инструкции относительно лорда Дарили. Никаких королевских почестей этому дурачку! В беседе с ним забыть обращение «Ваше величество», называть его исключительно «Генри Стюартом».

Вот и граница... Всадники едут все дальше на север, грохочут копыта по мощеным улочкам сонных шотландских городков, мимо проплывают вересковые пустоши и дикие холмы. Попав в Шотландию, они будто бы вернулись на несколько десятков лет назад, когда реформация — еще робкая и терпимая к чужим взглядам — только набирала силу. Похоже, в этой стране католики чувствуют себя по-прежнему спокойно. И хотя пресвитериане уже приступили к выработке своих долговременных соглашений с Богом, желающие еще могут спокойно ходить к мессе. Англичане не знают и не могут знать, что шотландская терпимость доживает последние дни. Уже появился новый важный персонаж — представитель среднего класса, человек, удивительно похожий на ветхозаветного Моисея. Он будет иметь необыкновенное влияние на умы соотечественников и поведет их в землю обетованную, омытую швейцарским молоком кальвинизма. Пока же приезжие джентльмены едут по Шотландии и тихо дивятся тому, что видят и слышат. У себя в стране они привыкли, что королева представляет английскую нацию. Здесь же, судя по всему, корона служит для защиты интересов Рима и Франции. Не слишком это удобно... По прибытии в Эдинбург англичане переночевали в Керк-О'Филде<sup>[22]</sup> (всего два месяца отделяют это место от бессмертия), а наутро отправились в замок Стерлинг — вручить королеве протестантскую купель и поприсутствовать на католическом крещении. В моем понимании, им выпала чрезвычайно забавная миссия.

Стерлинг блистает иностранными модами и звенит от чужеземных голосов — то и дело слышится французская и итальянская речь. Вся Европа собралась у колыбели шотландского принца. Послы Франции, Савойи, Пьемонта привезли поздравления от своих монархов. Ватиканские власти, не подумав, тоже сначала отправили в Эдинбург папского нунция,

кардинала Лауреа. Правда, потом одумались и перехватили своего посланца в Париже (чему его преосвященство был только рад). Иностранные делегации размещались едва ли не в каждом доме Стерлинга. Возле шотландских очагов пылились непривычного вида мечи и шпаги, в конюшнях стояли чужеземные лошади. Толпы зевак провожали взглядами экстравагантные кавалькады, направлявшиеся в сторону Стерлингского замка. А над всей этой суматохой нависло серое декабрьское небо. Ветер пригнал с моря стаи свинцовых туч, и они медленно оседали в долине Стерлинга, превращаясь в серый промозглый туман.

Бедфорд со своими английскими джентльменами тоже во дворце. Он выполнил назначенную миссию: на глазах у всей Европы (или по крайней мере на виду у нужных людей) передал шотландской королеве шутовское послание своей госпожи и теперь с любопытством разглядывает хозяйку замка. Перед ним молодая женщина (ей едва минуло двадцать четыре года), которая последние шесть лет — с тех пор как вернулась из Франции — только и делает, что играет в прятки со счастьем. Игра становится все более рискованной. Мария вовсе не похожа на ту веселую вдовушку, какой описывают ее осведомители Елизаветы. Глаза с необычайно тяжелыми веками придают лицу сосредоточенно-задумчивое выражение. Кажется, будто она нарочно старается думать о чем-то серьезном, чтобы сдержать приступы неуместного веселья. А глаза глубокие, глубокие... Уши выглядят крупнее, чем можно было бы ожидать у женщины. Но, похоже, Марию это не смущает: волосы она откидывает назад, в ушах носит крупные жемчужные серьги. Верхняя губа у нее кажется полнее нижней. Эта веселая, нежная губа наводит на смелые мысли, но нижняя их тут же охлаждает — она строго поджата. Королева, несомненно, красива, но не той нежной прелестью, которую мы обычно ищем в



слабой женщине. Ее красота — это красота силы. Странное сочетание отваги и мягкости сквозит во всем ее облике. Сколь притягательно выглядят широко поставленные задумчивые глаза под четкими арками бровей, этот чистый, гладкий лоб и высокие скулы! Очарованный улыбкой Марии, ее покатыми плечами, всеми ее иноземными — французскими! — повадками, Бедфорд смотрит и гадает: как, во имя всего святого, жалкому оболтусу Дарнли удалось заполучить столь роскошный приз? Эта женщина великолепна, она создана для того, чтобы блистать! А как она улыбается! Такое впечатление, что счастье ее переполняет.

Весь дворец сияет улыбками, превратившись в декорации для ее счастья. Ах, если бы граф знал! Вот французский посол бросает на Марию осторожные взгляды, ему известно больше, чем всем остальным. Не далее как вчера он застал королеву горько рыдающей. Она выглядела такой несчастной... Казалось, будто сердце ее разбито вдребезги!

В то время как внизу кипит веселье, где-то на верхних этажах замка бродит всеми покинутый, обиженный Дарнли. Он не принимает участия в празднестве. Ему не в чем выйти к гостям — роскошный, расшитый золотом костюм так и не успели дошить (должно быть, портной все время потратил на голубой камзол Босуэлла, уж его-то доставили в срок!). Дарнли не спускается вниз, он знает: Бедфорд со своей свитой только и ждет случая, чтобы его унизить. И этот юный неудачник сидит в гордом одиночестве и дуется на весь белый свет. Он тешит себя мечтами, что сбежит из дворца и станет пиратом. Увы, в том далеком 1566 году пиратство стало чересчур престижной профессией, кандидатов хоть отбавляй. И уж, конечно, не мягкотелому слабаку Дарнли становиться великим пиратом. Достаточно вспомнить, как в ужасную ночь после убийства Риччо он бросил своих сообщников и в

страхе бежал из дворца; как сломя голову мчался по дороге в спасительный замок Данбар и все нахлестывал лошадь, на которой скакала его беременная жена. Наверное, его крики до сих пор звучат в ушах Марии: «Скорее, ну скорее же! Поторопитесь, ради Бога! Если эта лошадь падет, мы достанем другую!» Итак, Дарнли хандрит в одиночестве, а праздник по поводу крестин его сына идет своим чередом. Снизу доносится веселый разноголосый шум — торжественные звуки труб, топот ног и разрозненные обрывки разговоров. Может, он подходит к окну и смотрит вниз, на затянутую туманом равнину. В этой серой клубящейся массе Дарнли пытается прочесть свою судьбу, но напрасно — он видит лишь проплывающие мимо облака, да порой в разрывах туманной пелены проглядывает далекий лес или же мелькает серебряная лента Форта. Бедняга еще не знает, но смерть уже нацелилась на его душу: в ближайшие дни Дарнли свалится с оспой и долгие недели будет лежать в беспомощности... А в одном из темных подвалов Эдинбурга для него уже припасен увесистый бочонок пороха.

Тем временем на эту суровую шотландскую скалу снисходит легкое, едва узнаваемое эхо Тюильри. Есть в нем что-то светлое, по-детски трогательное. Но кто из тех грубых, настороженных людей, что собрались в замке Стерлинг, способен ощутить и понять пафос момента? Кто в состоянии разглядеть за намеренно экстравагантной обстановкой празднества тоску молодой женщины, чье сердце рвется в прошлое, к более счастливой жизни? Сегодня Мария намерена веселиться. Она чествует самого дорогого человека на свете, ребенка, которого носила под сердцем, наследника шотландской и английской короны, своего сына Джеймса. И делает это в своей обычной очаровательной манере — на французский лад. Заморская красота и изящество ненадолго

облагораживают лицо старого мрачного замка: окна его сияют так ярко, что могут поспорить светом со звездами. Даже горцы, живущие на самом краю Хайленда, в ясные ночи могут разглядеть Старый Стерлинг — как в добрые минувшие времена, он светится, словно охваченный пламенем. Что касается горожан, то они ночь за ночью вынуждены слушать чужую, непривычную музыку — глуховатый голос гобоев, нежное пение скрипок и высокие переливы флейт. На семнадцатый день состоялась торжественная церемония крещения.

Шотландские бароны выстроились в два ряда, образовав таким образом почетный коридор от дверей детской до самого входа в Королевскую часовню. Каждый из них держит в руках круглую подставку для свечи. В зале раздаются торжественные латинские гимны. Возле открытых дверей часовни стоит архиепископ Сент-Эндрюсский — в митре и с золотым епископским посохом. За его спиной поднимается частокол пасторских жезлов и сверкающих золотом распятий. Раскачиваются кадила, насыщая холодный воздух сладким запахом ладана. Чуть поодаль, в полутьме часовни стоят в блестящих парчовых одеяниях епископы Дункелда, Росса и Дунблейна; там же виднеется бритая макушка приора Уиторна. Все терпеливо ждут.

И вот наконец в начале коридора появляется Мария Стюарт. Она медленно идет во главе процессии — последней в своей жизни королевской процессии. Счастливую мать сопровождает его превосходительство посол Франции: де Кроку доверено нести крошку-принца; рядом с ним вышагивает графиня Аргайл, представляющая на этой церемонии королеву Англии. Тут же присутствует граф Атолл. Граф Эглинтон идет с бочонком соли в руках. Лорд Росс несет купель и чашу. Из двенадцати шотландских графов лишь двое — Атолл и Эглинтон — последуют за королевой в часовню. Лишь

три шотландских барона нашли в себе мужество войти в католическую церковь и участвовать в крестинах своего принца.

Архиепископ и епископы встречают процессию у дверей часовни и ведут ее к алтарю.

Мюррей, Босуэлл и другие убежденные протестанты остались возле открытых дверей. Они наблюдают за церемонией, но пока еще не знают, что вот сейчас на их глазах происходит последняя встреча короны и митры. Больше на территории Шотландии сойтись им не суждено. Тут же, на пороге часовни, стоит и граф Бедфорд, добрый англичанин. Он тоже смотрит во все глаза, но не осознает, что является свидетелем исторического момента — крещения первого английского короля из династии Стюартов. Ну и, конечно, Джон Нокс тоже здесь, как же без него... Стоит мрачный, негодующий. Запах католического фимиама вызывает у него отвращение, но Джон Нокс не уходит. Он выжидает.

Младенца опустили в золотую купель (она и вправду оказалась маловата для него), окрестили и нарекли именем Чарльз Джеймс. Дело сделано, малолетний принц посвящен в католическую веру. Но произошло это в протестантской купели! Таким образом Джеймс VI впервые познал характерный вкус Англии.

Торжественность момента нарушает чей-то плач. (Полагаю, за эту неделю в Стерлинге пролилось немало тайных слез — достаточно, чтобы окрестить не одного, а сотню принцев.) Выглянув в окно, гости замечают нищего, который сидит у ворот замка и просит милостыню. На коленях он держит маленькое чудовище — ребенка с непомерно большой головой. Уродец поминутно валится то в одну, то в другую сторону. Мужчина же, не отрываясь, глазеет в распахнутые ворота: ему интересно посмотреть, как крестят принца. Вот откуда доносится плач. В зале шушукаются:

наверняка дурная примета! Джон Нокс тоже наблюдает за сценкой, но ему и в голову не приходит плакать. Мысленно он делает себе зарубку на память...

Сорок английских джентльменов с графом Бедфордом во главе покидают королевский дворец. Они верхом спускаются по склону Стерлинга и направляются в сторону Эдинбурга. Им предстоит долгий путь домой, в Лондон. Они видели и слышали достаточно, будет чем развлечь свою госпожу. Бедфорд везет бриллиантовое ожерелье — подарок от шотландской королевы. Англичане едут не спеша, обсуждают свой визит в Стерлинг, перебирают наиболее яркие моменты. Мария на всех произвела большое впечатление, мужчины вспоминают, как она прикрывает глаза, опускает тяжелые веки; как она улыбается, стараясь казаться веселой; какая у нее изящная белая шея и высокая грудь, какой мягкий голос; как метко и умно Мария отвечает на шутки; какие у нее прекрасные волосы — рыжевато-каштановые, с темным отливом, жемчужины на них смотрятся, как живые. И какая жалость, что этому молокососу Дарнли осталось жить всего ничего...

Однако есть одна тема — и весьма неприятная! — которая занимает англичан больше всего. Они не могут опомниться от оскорбления, которое нанес им этот мерзавец, француз Бастьен. Пусть вечно молится на Марию, потому что лишь присутствие королевы спасло его от английского кинжала. Это случилось во время костюмированного представления. Дабы оживить атмосферу банкета, мастер Джордж Бьюкенен написал специальный сценарий для театра масок. Помощником же у него был этот чертов Бастьен, проклятая французская свинья! Начиналось все хорошо: массивные двери банкетного зала широко распахнулись и пропустили внутрь богато накрытый стол, который ехал сам по себе. Публика смеялась и аплодировала

оригинальному трюку. И тут, откуда ни возьмись, в зал вбежали актеры — целая толпа прелестных нимф с развевающимися волосами, и другие, переодетые и загримированные сатирами. Их костюмы включали раздвоенные копыта и длинные мохнатые хвосты. Актеры принялись танцевать вокруг стола, чем немало позабавили королеву и ее гостей. То, что произошло дальше, невозможно вспоминать без содрогания! Проходя мимо стоявших кучкой англичан, наглые сатиры задрали свои хвосты и помахали ими! Сорок английских джентльменов с графом Бедфордом во главе до сих пор кипят от злости, вспоминая этот возмутительный случай. Ух, не будь там королевы, они бы устроили кровавую баню в Стерлинге.

Эти горячие английские джентльмены, конечно же, не могли и предположить, что настанет время, когда описанная ситуация потеряет всякий смысл. И, наткнувшись на подобный эпизод в исторической хронике, читатель будет недоумевать: а из-за чего весь сыр-бор? Почему пустяковый жест артистов вызвал такой гнев щепетильных англичан? О, невежественные читатели! Да будет вам известно, что тогда в Стерлинге английским послам нанесли самое страшное оскорбление, какое только средневековый мир мог бросить в лицо нации. Дело в том, что в те далекие времена бытовало мнение, будто англичане рождаются с хвостами. Это невероятное (и согласитесь, обидное!) поверье выросло из католической легенды о святом Августине. Якобы когда он со своими монахами пришел в Дорсет, местные жители по наущению Сатаны ополчились на святого и прогнали его прочь. Причем не только прогнали, но и побили всю честную компанию хвостами ската (или какой-то другой похожей твари), которые носили на своей одежде. Бог решил покарать их за святотатство и объявил, что отныне все англичане будут ходить с хвостами. Эту легенду можно встретить в

ряде латинских и франкских хроник периода раннего средневековья. Известно ли вам, что в то время жители Европы называли англичан не иначе как *tailard*, то есть «хвостатые». И надо ли объяснять, как наши предки реагировали на подобные грязные инсинуации? Если вы желали свести знакомство с английским кинжалом, стоило только произнести слово «хвост» — и успех обеспечен. Англичане настолько болезненно реагировали на эту историю, что едва могли видеть, как корова отмахивается от мух хвостом. «Хвост» вообще был под запретом — во всех видах! И что же себе позволили мерзкие французы? Там, на Стерлингской скале хвосты (в их грязных французских руках) определенно крутились и раскачивались. И перед лицами сорока английских джентльменов!

Так они и ехали сквозь дождь и снег, эти сорок всадников. И в конце концов приехали в родную Англию. Там почти ничего не изменилось за время их отсутствия. Шекспиру по-прежнему было два годика, Бэкону — пять. Молодой человек по имени Фрэнсис Дрейк уже вырос и готовился вместе с Хоукинсом выйти в море. И как-то так получалось, что все эти люди — неосознанно, будучи игрушками в руках у слепой судьбы — оказывались в нужное время в нужном месте. Чтобы послужить к вящей славе Англии и королевы Елизаветы! А в то же самое время на голой скале Стерлинга тосковала другая королева — одинокая, в окружении неверных, *неправильных* людей. Вот она стоит у окна и с тоской вглядывается в свинцовый туман, в котором хищные пальцы ветра проделывают прорехи. Старая боль в боку не дает ей покоя. Легкое, неуловимое эхо Тюильри почти не слышно, его поглотила предательская тишина старой скалы. Туман делается все гуще, принимает зловещие формы. Королева со вздохом отворачивается от окна. Она одна, всегда одна... Королева безутешно плачет.

## Глава четвертая

### Сент-Эндрюс и Перт

*Я под дождем следую к Лох-Левену и оказываюсь в плену у новых воспоминаний о королеве; далее я приезжаю в Сент-Эндрюс — город, который даже во сне играет в гольф. Я пересекаю Тей по пути в Данди и продолжаю свой путь в Перт, где встречаю корабейника, распивающего ром и пиво.*

#### 1

Неподалеку от Стерлинга на склонах Охильских холмов я наткнулся на местечко под названием Доллар. Меня особо позабавило, что Доллар располагается буквально под боком у Стерлинга и всего в нескольких милях от живых, полновесных долларов Данфермлина! Думаю, что шотландцы — которые, по слухам, в равной степени любят доллары и фунты стерлингов — должны особенно охотно селиться в здешних местах. В деревушке мне рассказали, что, если подняться выше в холмы, то там можно увидеть узкую горную долину (в Шотландии они называются гленами). Посреди этой долины находятся развалины замка, некогда принадлежавшего семейству Аргайлов. Он носил название Касл-Глум, то есть Мрачный. По словам местных жителей, в древности про обитателей этого замка говорили так: живет в Мрачном замке, на берегу речушки Гриф (или Горестной), в долине Кэр (то есть Долине забот), рядом с деревней Доллар (или деревней Скорби<sup>[23]</sup>) — уж точно, в самом несчастном месте на земле! На мой слух, звучит, как отрывок из Бенъяна.



Был мокрый, дождливый день. Облака висели так низко над холмами, что верилось: встань на табуретку, и достанешь их палкой. Мелкий дождь падал тонкими косыми струйками, а злобные порывы ветра со всей силы ударяли из-за угла и заставляли струйки снова взлетать в воздух. Местность вокруг выглядела серой и унылой, словно застывшей в печали. Время от времени в Шотландии выдаются такие дни, когда кажется, будто и небо, и земля сдались на волю грусти. На фоне плачущего неба и слезливой земли особенно отрадно видеть неизменное добродушие людей, эту землю населяющих. В такие дни поленья в камине сельской гостиницы пылают особенно ярко, и вы с обостренной благодарностью воспринимаете простой вопрос хозяйки:

— Возьмете яйцо к чаю?

Я просто влюбился в эту фразу! Попав сюда, забудьте всякие изыски типа «не желаете ли яйцо?» или «подать вам яйцо, сэр?» или «позволю себе смелость предложить яйцо». В Шотландии спрашивают именно так: «Возьмете яйцо к чаю?» И в этом, мне кажется, присутствует некая средневековая учтивость. Как будто мне и вправду предлагают пойти на кухню и протянуть руку за яйцом.

Или вот еще одна достойная фраза: «И тут раздался стук в дверь». Шотландцы говорят буквально следующее: «И тут *пришел* стук к двери». Да-да, у них никогда не бывает стука «в дверь», а только так — «к двери». Это наш английский «стук» тупо стучит, шотландский же «приходит». Согласитесь, звучит намного драматичнее. Так и видишь, как нечто — еще не «стук», но уже несущее в себе все его зловещие признаки — маячит вдалеке, затем начинает приближаться с неотвратимостью Рока в греческой трагедии и наконец останавливается на вашем пороге и, выдержав долгую, почти устрашающую паузу, проявляет

себя в полной красе. Жутковатая картина! Почти как в шотландских легендах:

— И вот... ты слушаешь меня?., и вот стук *пришел* к двери, а затем...

## 2

День уже клонился к вечеру, когда я подошел к озеру. На фоне серого неба его поверхность казалась серебристо-белой и была вся исколота падавшими дождевыми каплями. Недалеко от берега на волнах покачивалась маленькая лодочка, а в ней мужчина в мокром, блестящем дождевике методично забрасывал в озеро наживку. День был как раз подходящий для рыбной ловли: дождливо, облачно, ветрено.

Посреди озера виднелся мрачный остров, который отсюда смотрелся как темное скопление деревьев, над ними медленно перемещалась причудливая туманная пелена. Издалека казалось, будто старая колдунья бродит по полянке, собирая ядовитые ягоды. Я тоже сел в лодку и погреб к острову. Деревья выстроились плотными рядами вдоль берега, словно часовые, поставленные охранять некий секрет. Уже на острове выяснялось, что секрет этот — развалины старого Лох-Левенского замка.

От него многое осталось: квадратная сторожевая башня, стена, огораживающая замковый двор, останки стен, выглядящие зарубцевавшимися шрамами на зеленом мху, кустарник и живая изгородь из деревьев, за которыми темные волны накатывались на берег с тихим, характерным для озера звуком. Я похвалил себя за то, что прямо из Стерлинга направился к Лох-Левену, поскольку таким образом я повторял путь, некогда проделанный Марией Стюарт. К тому же здешний

остров, как и многие шотландские пейзажи, сильно выигрывает в дождливую погоду...

Итак, припомним, на чем оставили древний замок: королева стоит у окна и печально разглядывает туманную долину Карс-о-Стерлинг; принц Джейми покойно спит в своей колыбели; Дарнли хандрит, а Босуэлл красуется в новом голубом камзоле. Все это происходило шесть месяцев назад (немалый срок, чего только не случится с женщиной за полгода!). Однако теперь уже июнь 1567 года. Прошло два месяца с того зловещего взрыва в Керк-О'Филде, который разбудил Эдинбург и эхом прокатился по всей Европе. Эта заурядная вспышка пороха высветила такую картину, которая проняла даже не слишком щепетильную совесть шестнадцатого столетия. Весь цивилизованный мир — Англия, Франция и Ватикан — обсуждал неприглядные дела, творившиеся в Шотландии. Супруг королевы зверски убит. Сама королева оказалась под подозрением. Что же до графа Босуэлла, то его соучастие в преступлении ни у кого не вызывало сомнений. Поговаривали о любовной связи между этими двумя. Следует пояснить, что в ту эпоху никто не возражал против убийства как такового. Для шотландцев это был старый добрый обычай, да и в остальных государствах политическое убийство считалось вполне допустимым средством достижения целей. Бывали случаи, когда одно дешевое убийство — при условии, конечно, что оно правильно спланировано и реализовано — помогало избежать множества смертей в ходе дорогостоящей войны. И никто бы особенно не стал жалеть лорда Дарнли, этого жалкого спившегося труса, но вот то, как Мария Стюарт решила обойтись с убийцей своего мужа, возмущало многих. Даже королеве не дозволено нарушать законы справедливости, а согласно этим законам убийце место на виселице, а не в постели

вдовы. Многие пытались предостеречь Марию. Среди них была и Елизавета, которую трудно отнести к числу ближайших друзей шотландской королевы. Тем не менее, изменив своей обычной сдержанности, она пишет «дорогой кузине» письмо, в котором умоляет соблюсти правосудие. Увы, это необычное послание — одно из тех честных и взволнованных писем, которые одна женщина пишет другой в приступе неконтролируемой искренности — не возымело действия. Мария никого не слушает, похоже, она вознамерилась испытать до дна чашу позора и печали.

Я не знаю другого примера в истории, когда бы женщина столь отчаянно и безрассудно распорядилась своей жизнью. Но история Марии Стюарт — это еще и величайшая тайна. Ибо мы не знаем (и вряд ли узнаем), о чем думала она, что чувствовала в эти полгода, отделявшие ее от Кэрберри-Хилл. События тех месяцев носят оттенок голливудских драм — даром что происходят в древнем Холируде. Чего стоит один только невероятный вечер, когда шотландские лорды под угрозой оружия вынуждены были официально признать Босуэлла женихом королевы. А затем случилось еще более невероятное нападение на кортеж Марии в окрестностях Эдинбурга: шум, переполох, сверкание стали, но никакой крови, поскольку никто не сражался. Королева добровольно отправилась вслед за своим похитителем в Данбарский замок. Что мы должны думать об этом? Была ли она действительно жертвой Босуэлла? Или же — в поисках защиты и поддержки — по собственной воле бросилась в его грубые объятия? Вопросы без ответов... Так или иначе, парочка уединилась в замке на берегу Северного моря и провела там десять дней — тихий медовый месяц, опередивший женитьбу. Впрочем, свадьба не замедлила последовать: торжественная церемония состоялась летним утром в холирудском зале заседаний. И здесь впервые за всю

историю бедствий королевы возникает новая нота — возмущенный ропот простого народа, который в откровенных, площадных словах выражает свое отношение к поведению королевы. Однако Мария будто не слышит. Она, как одержимая, множит счет своим безрассудствам. Мы видим королеву во время безумной ночной скачки, когда она в костюме мальчика-пажа сломя голову несется к своему возлюбленному. И вновь они затворяются в Данбаре, на сей раз затем, чтобы вместе подготовиться к грядущему испытанию. Марии не во что переодеться, приходится позаимствовать платье у служанки. Так, в костюме простой горожанки, она и отправится с Босуэллом к Кэрберри-Хилл, где их уже дожидается вся шотландская знать. Однако до сражения дело не доходит. Босуэлл изъявляет готовность один на один сразиться с любым достойным соперником. Бароны медлят, и ситуация заходит в тупик.

А что же Мария? Она и слышать не хочет о поединке Босуэлла. Почему? Наверное, потому что любит его и не хочет потерять. Королева пытается выторговать гарантии неприкосновенности для Босуэлла, но наталкивается на решительный отказ баронов. Для них смерть Босуэлла уже решенный вопрос. Однако такое развитие событий не устраивает Марию. Она хочет во что бы то ни стало спасти своего возлюбленного и уговаривает его бежать. Вот как описывает сцену их расставания один из очевидцев: «Королева принудила герцога скрыться, но сделала это с великой болью и мукой. Прощание их сопровождалось слезами и множеством долгих поцелуев. Перед отъездом Босуэлл сжал ее руку и спросил, будет ли она хранить ему верность, и она ответила, что будет. После этого он стремглав умчался в Данбар в сопровождении нескольких верных слуг».

А она осталась. Эта хрупкая женщина обладала воистину отважным сердцем. С пяти утра и до восьми часов вечера она просидела без еды на палящем июньском солнце, и кто знает, что ей довелось пережить в эти часы, какие зловещие предчувствия томили ее душу. Однако когда мятежные лорды наконец-то прибыли, чтобы препроводить свою королеву в Эдинбург, их встретила не сломленная, слабая женщина, а разъяренная львица. Мария проклинала мятежных подданных и грозила им всяческими карами. Лишь одна деталь исторгла у нее слезы: напоминание об убитом супруге. Королева ехала в окружении конвоя, ошетилившегося копьями. На этих копьях развевался стяг с изображением мертвого Дарнли, лежащего под деревом. Гремя копытами и поднимая облака пыли, печальная кавалькада въехала в город. Королеву встречала негодующая толпа, со всех сторон неслись хриплые крики: «На костер шлюху!» Один из рыцарей, Керколди Грейндж, на коне ворвался в толпу и при помощи меча заставил хулителей умолкнуть. Однако Марии от того не стало легче: она уже слышала глас своего народа.

Затем последовала мимолетная сцена в доме провоста, куда ее доставили под конвоем. Простоволосая королева на несколько мгновений появилась у окна: она рыдала и умоляла горожан ее спасти. После чего окно захлопнулось, Марию увели. Эту ночь она провела в одиночестве, рядом не было ни единой женщины, чтобы прислуживать ей. Королева не спала и не ела. На следующее утро в окружении вооруженных всадников она направилась в Холируд, и в сердце ее ненадолго вспыхнула надежда: Мария снова почувствовала себя королевой. Увы, тем же вечером ей велели готовиться к отъезду. С первыми лучами солнца Мария, едва живая от усталости, покинула дворец. Ее доставили на берег озера Лох-Левен, посреди которого

виднелся мрачный, окутанный туманом остров. На долгие месяцы ему предстояло стать тюрьмой для королевы.

В жизни Марии Стюарт присутствуют три эпизода, которые известны, наверное, всем. Это убийство Риччо, казнь в Фотерингее и бегство из замка Лох-Левен.

Я стоял посреди старых развалин, которые некогда послужили декорациями к одному из самых захватывающих приключений — вполне в духе тех французских романов, которыми зачитывалась королева. Она оказалась пленницей Дугласов и все свои дни проводила под неусыпным надзором старой леди Дуглас, бывшей любовницы ее отца. Бедная Мария дни и ночи изнывала в тоске и тревоге. Она опасалась, что носит под сердцем ребенка Босуэлла. Время от времени она вспоминала крики «На костер шлюху!», и в душе вновь ворочался липкий, тошнотворный страх. Когда-то одна старуха из Хайленда нагадала королеве, что у нее будут пять мужей и что при пятом муже ее сожгут заживо. Мария так и не смогла отделаться от этого наваждения: перед глазами постоянно маячил призрак костра. К тому же положение ее усугублялось полной изоляцией от внешнего мира. Как-то раз королева услышала звуки далекой пушечной канонады и увидела фейерверки. Лэрд Лох-Левена поведал ей причину торжеств: оказывается, в Эдинбурге короновали ее сына Джеймса.

При этом известии Мария преобразилась: в душе ее вновь проснулись отвага и наследственная гордость Стюартов. И хотя ей не давали ни чернил, ни бумаги, она умудрилась отправить возмущенное послание, написанное на носовом платке при помощи разведенной в воде сажи. А затем настал день, когда на берегу озера объявились таинственные всадники. В это время на сцену выходит юный Уилли Дуглас —

шестнадцатилетний романтик, навечно вписавший свое имя в историю. Он проживал в замке в качестве вассала лэрда Лох-Левена. Кто знает, с чего началась его страсть и какой огонь зажгли в его душе прекрасные глаза Марии... Но он принял самое деятельное участие в судьбе королевы. Ночью второго мая 1568 года юноша сумел выкрасть ключи от замка. Наутро Мария получила жемчужную сережку — знак того, что все готово к побегу. Весь день она летала, как на крыльях. В какой-то миг старая леди Дуглас выглянула в окно и увидела группу незнакомых всадников в Кинроссе. Она решила послать гонца, дабы выяснить, в чем тут дело. Сердце Марии сжимается от страха. Чтобы отвлечь старуху от ее планов, она заводит пустой спор по поводу графа Мореля. Позже лэрд замечает Уилли Дугласа, который на берегу занимается тем, что подрезает веревки у лодок — таким образом он пытался обезопаситься от возможной погони. Лэрд кричит на юношу, обзывает его дураком. И вновь Мария спасает положение: имитируя обморок, она отвлекает внимание лэрда от окна. Напряжение все возрастает, день тянется бесконечно...

Наконец миновал ужин. И хотя во дворе полно слуг, Мария выскальзывает из дома и, накинув на голову простой крестьянский плащ, спешит к воротам. Уилли Дуглас выпускает ее и тут же запирает двери на ключ. Еще несколько минут, и королева уже в лодке. Она прячется под скамейкой для гребцов, и Дуглас отчаливает от острова. По пути он выкидывает ключи от замка в воду. Когда лодка достигает середины озера, королева позволяет себе выбраться из укрытия. Она тут же хватается за весло и вместе с Дугласом гребет к берегу, где уже ждут сообщники. Скорее, скорее! Не успели они причалить, как Мария выпрыгивает из лодки. На глазах ее слезы радости. Свободна! Наконец-то свободна после одиннадцати месяцев плена! Ее ждет оседланная лошадь, но Мария медлит, пока Уилли



Дуглас не сядет на коня. Этой ночью они пересекли Ферт-оф-Форт...

А еще через одиннадцать дней Мария увидит, как ее армию вдребезги разбили у Лэнгсайда. И вновь ее настигает призрак горящего костра. Королева ударяется в бегство. В панике она проскачет шестьдесят миль, прежде чем остановится на берегу Солуэйского залива. На том берегу лежит Англия. Королева садится в маленькую рыбацью лодку, которая везет ее навстречу девятнадцатилетнему плену.

### 3

Никогда не забуду свой первый вечер в Сент-Эндрюсе. Едва войдя в холл гостиницы, я увидел маленького мальчика, который методично размахивал клюшкой, примериваясь к невидимому мячу. Трое мужчин, склонившихся над регистрационной книгой, горячо обсуждали достоинства различных клюшек. А в гостиной некая девица громогласно отстаивала свое поведение на площадке для гольфа. Во время обеда я обратил внимание на мужчину в брюках гольф, который в полном одиночестве сидел за соседним столом и при помощи ложки отработывал выводящий удар. Позже, когда ложка была безнадежно испачкана в супе из бычьих хвостов, он перешел к тренировке толкания мяча к лунке, используя при этом хлебные катышки и вилку.

В голову мне невольно пришла аналогия с Ньюмаркетом. Оба эти города безнадежно потеряны для мира, ибо стали жертвами фанатичной страсти — каждый к своему виду спорта. Все жители Ньюмаркета прилипают к окнам, когда по дороге проезжают чистопородные жеребцы — участники очередного забега. В каждом доме висят литографии великолепного Диомеда, выигравшего дерби в 1780 году. Весь город до

сих пор обсуждает его блистательную победу и жалеет Шекспира и Данте, понапрасну проживших свою жизнь. Но пусть кто-нибудь попробует бросить вызов мистеру Раффу или дурно отозваться о Нате Гулде!

Обитатели Сент-Эндрюса тоже одержимы. Вид звездного неба порождает у них единственную ассоциацию: пора пропалывать маргаритки на игровых площадках! Уверен, что, увидев падающую звезду, они воскликнут: «Отличная подача!»

Здесь, в Ньюмаркете или Сент-Эндрюсе, вы начинаете понимать, что ощущает человек, впервые попавший в монастырь. Это дыхание истинной веры! Бремя традиционных знаний тяжким грузом давит на плечи, и остается лишь беспомощно наблюдать за теми, кто верит и без тени сомнения исполняет свои обязанности. В этой целеустремленности есть нечто от религиозного фанатизма. И человек, который всю жизнь провел на чайных плантациях Цейлона или командовал кавалерийским полком в Индии, приезжает сюда и начинает понимать, как это здорово — очутиться в «духовном» монастыре, где вера по-прежнему пылает средневековым огнем, а каждый день приносит новые темы для обсуждения.

Два эти города представляют собой уникальное явление, на Британских островах не возникало ничего подобного со времен разорения монастырей!

Сент-Эндрюс и сам по себе хорош: маленький серый городок со старинными зданиями и монастырскими развалинами. По его улицам разгуливают мужчины в брюках гольф и женщины в твидовых жакетах с сумками для гольфа; здесь же можно видеть выпускников знаменитых университетов в алых мантиях. А сколько упоительных сплетен рождается на встречах единомышленников в местных кондитерских! А какие шелковые пижамы мелькают в старинных высоких окнах! К прочим приметам города относятся пестрые

вязанные джемперы, спортивные ботинки, естественно, сумки и клюшки для гольфа и, как ни странно, пара книжных лавок, очевидно, предназначенных для студентов шотландского Оксфорда.

И все это существует на фоне неумолчного шума Северного моря с его изогнутой кромкой чудесного залива и освященной веками прибрежной полосой. Здесь, в окружении песчаных дюн, располагаются знаменитые поля для гольфа, за которыми маячит строгая громада мекки гольфа, каковой является «Королевский и Старейший» гольф-клуб.

Ранним утром Сент-Эндрюс просыпается с мыслями о гольфе. Мужчины отправляются на работу в маленькие мастерские, расположенные на задворках магазинчиков. Там они делают клюшки для гольфа, предназначенные для того, чтобы преодолевать различные препятствия в разных уголках земного шара, особенно в Америке. Для американских игроков в гольф Сент-Эндрюс представляет собой не меньшую святыню, чем Стратфорд-на-Эйвоне для американских студенток филологических колледжей. Городок привлекает также множество неугомонных туристов, которые никогда в жизни не брали в руки клюшки для гольфа, но тем не менее считают себя фанатами этой игры. Нам всем хорошо известен такой тип людей: они спешат везде поспеть — так сказать, скачут «галопом по Европам» — с единственной целью набраться разнообразных, абсолютно бесполезных впечатлений. Зачем они это делают, одному Богу известно — наверное, чтобы иметь возможность при случае поддержать послеобеденную беседу. И вот подобный «энтузиаст» появляется в Сент-Эндрюсе — запыхавшийся, но чрезвычайно довольный собой — и с победной улыбкой на лице объявляет:

— Я не мог проехать мимо! Что я скажу дома: был в двух шагах от Сент-Эндрюса и не поиграл на его

площадке? Эй, парни, послушайте, не даст мне кто-нибудь ненадолго свою клюшку? О, отлично! И еще, скажите, пожалуйста, а какая клюшка лучше?

Хотел бы я посмотреть, как этот профан будет пользоваться одолженной клюшкой. Очень любопытно наблюдать, как Сент-Эндрюс снисходительно, с безграничным терпением обслуживает таких, с позволения сказать, «игроков».

Я получил приглашение посетить «Королевский и Старейший» клуб и могу засвидетельствовать: это место, где царит исключительно серьезная, пропитанная мужским духом атмосфера. В этом отношении КСК вполне может поспорить с жокей-клубом или знаменитым зданием суда на Стрэнде.

Здесь имеется так называемая «комната безмолвия» (полагаю, КСК, как никакой другой клуб в мире, нуждается в подобном убежище). Это помещение необходимо посетить хотя бы для того, чтобы заглянуть в огромный несгораемый шкаф, где в специальном застекленном ящике хранятся святыни гольфа — нечто, по своему значению сопоставимое с королевскими регалиями в Тауэре.

Центральное место в этой экспозиции занимает серебряная клюшка, главный приз КСК. В 1754 году некие «аристократы и джентльмены, страстные поклонники древней и полезной игры в гольф» приобрели эту клюшку вскладчину (по пять шиллингов с каждого) и подарили Сент-Эндрюсскому клубу. Не менее ценной реликвией является золотая медаль, которую Вильгельм IV презентовал клубу в 1837 году вместе с титулом «Королевского и Старейшего». Любопытно, что слово «гольф» выгравировано на медали с ошибкой — через «ph» вместо обычного «f», — но, думается, курьез этот лежит на совести безграмотного лондонского мастера, изготавливавшего медаль!

Я наблюдал, как гости клуба почтительно, на цыпочках приближаются к шкафу и молча рассматривают королевские регалии гольфа. В музее хранится также интереснейшая коллекция древних клюшек и мячей, сшитых из кожи и набитых перьями. Из окон клуба открывается несравненный вид на Старую площадку КСК — идеально ровное зеленое поле, отделенное песчаными дюнами от прибрежья Северного моря.

В клубе ежедневно собираются зрители, внимательно наблюдающие за тем, как игроки наносят первый удар по мячу. Начало игры — это вообще один из самых ответственных моментов, который обставляется с соответствующей серьезностью. Кому будет доверено право «первого удара», решается голосованием. И каждый день целая толпа кадди собирается вокруг стеклянного павильона, куда в назначенный час выйдет местный «олдермен» — такой, как доктор Инграм из Сент-Эндрюса — и объявит имя победителя (возможно, какого-нибудь лорда или другой важной шишки).

Кандидаты в ожидании решения сидят в клубе: они попыхивают трубками, пересказывают друг другу истории об «Елисейских полях» и ожидают, когда их призовут. Вот в толпе собравшихся кадди и праздных зевак, которые с утра бродят вокруг поля, возникает волнение: заветный миг настал. Счастливые избранники выходят из здания клуба и направляются на площадку — туда, где среди мягкой травы скрываются метки для мяча.

Мне рассказывали, что самую лучшую игру демонстрируют жители города — те самые, которые являются наследственными владельцами здешних полей. И немудрено, ведь технику удара они отрабатывают с шестнадцатого столетия. Каждый налогоплательщик Сент-Эндрюса имеет право бесплатно пользоваться площадками, и в этом

отношении местный трубочист имеет преимущество перед самыми важными заезжими миллионерами. Столица гольфа бережно хранит древние демократические традиции — в память о первом чемпионате, когда эдинбургский сапожник в паре с королем обыграл своих аристократических противников.

Сидя в номере, я прислушивался к могучему храпу, доносившемуся из соседней комнаты. Я почти не сомневался, что в ней живет тот самый мужчина в брюках гольф, который за обедом практиковался со столовой ложкой. В его храпе мне слышался триумфальный окрик игроков на площадке: «Эй, впереди!»

#### 4

Мне посчастливилось приобрести книгу некоего мистера У. Т. Линскилла, старейшины местной гильдии, под названием «Рассказы о привидениях Сент-Эндрюса». Вечером, удобно устроившись в постели при свете настольной лампы, я приступил к чтению.

Боже мой, я даже и не подозревал, что Сент-Эндрюс такое жуткое место. По словам автора, в определенные ночи неподалеку от поля для гольфа разъезжает призрачный экипаж<sup>[24]</sup>. Свидетели рассказывали, что слышали мерный стук копыт по мостовой, видели саму карету с укутанным в саван возницей, но ни разу не сумели разглядеть его лица. Кроме него, оказывается, существуют «Кричащий череп монаха-францисканца», «Задушенный волынщик с Западных Скал», «Прекрасная Белая Леди из Призрачной Башни» и множество других привидений, с каждым из которых связана своя душераздирающая история.

Что и говорить, занимательное чтение. Но меня очаровали не столько сами привидения, сколько та манера, в которой мистер Линскилл рассуждал о них. Подозреваю, что в глубине души автор являлся убежденным философом и свой опус сочинил исключительно с целью повеселить читателя.

Ибо истинными призраками этой книги — убедительными, любовно выписанными — на самом деле являются воспоминания о днях выпускников в Оксфорде, о представлениях в лондонском театре «Гэйети» и европейских курортах, столь любимых Эдуардом IV. Большинство историй в этой книге начинается примерно так:

После обеда мы уютно расположились возле камелька. За окнами стоял трескучий мороз, вовсю валил снег, а мы весело попыхивали трубками и время от времени прикладывались к кружкам с горячим грогом. И тут Аллан Бекамп неожиданно произнес:

— Наверное, это чертовски неприятно, если человека постоянно преследует ухмыляющийся череп!

— Что такое? — встрепенулся я. — Что за чепуху ты городишь! Кого там, черт побери, преследует череп?

Я буквально влюбился в это словечко — «грог»!

Рассказы мистера Линскилла буквально искрятся юмором и населены весьма колоритными личностями. Один герой по имени Джонни «весело играет в гольф», другой, его друг из «бывших военных», постоянно восклицает в минуты волнения: «Клянусь святым причастием!»

Нет, положительно невозможно, чтобы автор подобной книжки был скучным охотником за

мистическими случаями. На следующее утро я поинтересовался его личностью и услышал от кого-то из местных жителей:

— Как, вы не знакомы со стариной Линскиллом? Это же легенда Сент-Эндрюса! Основатель гольф-клуба Кембриджского университета, просто удивительный человек — в свои семьдесят четыре года он выглядит на пятьдесят! И, между прочим, большой знаток истории города. Он больше чем кто-либо другой может рассказать о Сент-Эндрюсе...

Воодушевленный таким отзывом, я отправился на поиски автора книги. Он и вправду оказался похож на энергичного генерал-майора в отставке: громкий голос, просторный костюм с брюками гольф, трубка, длинные седые усы и пронзительный взгляд, более приличествующий тридцатилетнему человеку. Я невольно пожалел тех призраков, которые взялись бы досаждать мистеру Линскиллу. В этом семидесятичетырехлетнем старике ощущалась отвага и сила духа пятидесятилетнего. Он и разговаривал-то в точности, как герои его рассказов — те самые, из «бывших военных»:

— Добрый день, сэр! Чертовски рад познакомиться. Чем могу служить?

— Мне просто хотелось бы побеседовать, если вы не против.

— Ну тогда присаживайтесь, сэр. Может, сигару? Нет? Ну, как хотите... курите, черт побери, что вам нравится.

Знакомство с мистером Линскиллом возродило давние воспоминания: мне показалось, что я вновь присутствую при смене караула в фехтовальной школе.

— Гольф в Кембридже? Как же, как же... было такое дело. Помнится, я как раз заканчивал учебу, когда заболел этой игрой, ну и принес ее в университет. Так сказать, организовал университетский гольф-клуб. А



какие межуниверситетские матчи мы устраивали! Я и сам играл в двух из них. Между прочим, оказалось чертовски сложно привить эту игру в Кембридже. Может быть, это было самое сложное в моей жизни. Весь город потешался над нами на первых порах. Стоило нам, выпускникам, появиться на улице со своими клюшками, все смеялись и тыкали пальцами. Да, черт побери, в то время надо было обладать смелостью, чтобы играть в гольф. Эх...

Тут мистер Линскилл проделал удивительный трюк: прочистил горло, да так, что его покашливание плавно перешло в гулкое «эх». Общий эффект был таков, словно кто-то из учеников проехался мокрой тряпкой по классной доске.

— Да, — продолжал мой собеседник, — если вспомнить тот гольф, в который мы играли в Сент-Эндрюсе пятьдесят лет назад, то современная игра покажется просто дамскими штучками. Одни только мячи чего стоили! Их ведь изготавливали вручную из гуттаперчи. Получалась чертовски непрочная штукавина. Ужасно неприятно, знаете ли, когда вы бьете по мячу, а он в полете разлетается на тысячу проклятых кусочков! А в те дни было правило, что новый мячик выставляется на то место, где упал последний ошметок от предыдущего.

Меня-то самого учил Младший Том Моррис. А площадки какие были в наше время! Ей-богу, сэр, вы не поверите: у нас в Сент-Эндрюсе маргаритки цвели так густо, что белый мяч среди них терялся, приходилось пользоваться цветными. Помню, кадди всегда спрашивали: «Какой мяч подать, сэр, красный или желтый?» А наши ночные игры... Клянусь небом, теперь такого не увидишь! Только представьте себе: на небе полная луна, впереди бегают мальчишки-кадди — кричат, куда упал мяч, а за нами по пятам катят тележку

с прохладительными напитками. О боже, вот это было времечко! Эх...

Слушая мистера Линскилла, я поражаюсь его завидной памяти и своеобразному мастерству рассказчика. И то сказать, у него ведь было целых семьдесят четыре года, чтобы тренировать свои таланты. Одна из самых драматических историй оказалась связана с его поездкой на поезде в 1879 году. Дело происходило ненастной воскресной ночью: поезд едва не сдуло с моста, когда он пересекал реку Тей; все пассажиры вымокли до нитки.

— В тот раз мы с другом ехали из Эдинбурга в Данди, — рассказывал мистер Линскилл. — Но едва наш поезд миновал Сент-Эндрюс, разразилась такая непогода, что путешествие превратилось в сущий ад... Ну это была и ночка! Дул такой жуткий ветер, что шляпы и цилиндры десятками носились по улицам. Ей-богу, вы не поверите: они летали, точно стаи бабочек. Эх...

Мой собеседник выколотил трубку о каминную решетку и, бросив на меня быстрый взгляд, переключился на новую тему:

— О небо, а какие девушки были в наше время! Чего только стоила Кейт Воган — сущая красotka! А незабвенная Нелли Фаррен! Для вас, молодых, эти имена превратились в пустой звук, не так ли? А, может, вы и имен-то таких не слышали... Но видит бог, это были прелестнейшие создания!

Мистер Линскилл так живо и красочно описывал Лондон времен своей молодости, что я ощутил запах пудры в артистических фойе, услышал хлопанье пробок от шампанского и цоканье копыт по мощеной мостовой Стрэнда. В его рассказах ощущался аромат поздней георгианской эпохи — такой, какой она была в 1878 году. Я словно перенесся на пятьдесят лет назад, когда люди еще путешествовали верхом, а каждый второй

пешеход к западу от Темпл-Бара носил бархатные бриджи.

— Расскажите мне что-нибудь о ваших призраках! — попросил я.

— Увы, мне так и не довелось увидеть ни одного из них, — вздохнул мистер Линскилл. — А ведь я так старался, черт побери! Чего только не перепробовал, и все напрасно. В молодости я как-то прихватил с собой бутылку виски и отправился ночевать в Призрачную Башню. Ну, думаю, теперь-то уж точно повезет. И ни-че-го! Посещал различных медиумов, включая самого Хоума. И тоже безрезультатно. Однажды на моих глазах разыгралась любопытная сценка. Я присутствовал на спиритическом сеансе. Меня усадили в особое кресло для «неверующих», остальные гости расселись вокруг столика. Сначала все шло как обычно. Но вдруг я вижу, что все они, как по команде, убирают руки со стола и медленно-медленно поднимают взгляд к потолку. Вид у них при этом был довольно глупый: кучка идиотов с задранными головами. Потом они так же медленно опустили головы и снова положили пальцы на стол. И все ко мне с вопросами: «Вы это видели?! Видели, как стол поплыл под потолок, повисел там пару секунд и легко, точно перышко, опустился обратно?» Я отвечаю: «Я все время смотрел на стол! Можно сказать, глаз с него не сводил, и могу засвидетельствовать: этот чертов стол ни на единый дюйм не сдвинулся с места!» Ну, и что же это такое, если не гипноз в чистом виде? Вроде трюка с индийской веревкой, помните?

Затем Линскилл рассказал мне историю брата Плейтера — того самого монаха, который убил монтрозского настоятеля. После смерти призрак Плейтера почему-то привязался к маркеру местного бильярда. Он повсюду его сопровождал, стоял у него за спиной на работе и ужасно досаждал своей болтовней. В конце концов он обратился с просьбой: пойти в

указанное место, откопать его останки и похоронить их по христианскому обычаю. Как ни странно, там действительно обнаружили кости. Делом заинтересовался последний маркиз Бьют, да и не он один.

— Я говорил им, что это чистое безумие, — пожал плечами мистер Линскилл. — Однако... они завернули найденные кости в рясу августинского монаха и захоронили там, где указал призрак. А маркер уехал от греха подальше в Австралию. Уж больно ему надоело это привидение...

Тем временем часы пробили полночь, и я засобиравшись уходил.

— Подождите, — остановил меня старик. — Я расскажу вам еще про Заколдованную Эрментруду...

Я выслушал и эту историю, после чего распрощался и побрел в свою гостиницу. Я шел по ночным улицам Сент-Эндрюса и думал, что такой человек, как мистер Линскилл, является украшением любого города. Прожитые годы никак не сказались ни на его уме, ни на памяти, в которой хранится масса бесценных воспоминаний. Особенно же ценным приобретением мистер Линскилл стал бы для какого-нибудь предприимчивого издателя, которому следовало бы записать все эти истории и выпустить отдельной книгой. Уверен, что это издание пользовалось бы неизменным спросом. Ведь благодаря ему читатель смог бы заглянуть в более старую и более счастливую эпоху — когда сквайры ездили в конных экипажах, придерживались хороших манер и в минуты наивысшего волнения восклицали: «Клянусь святым причастием!»

Хочу предупредить всех автомобилистов, которые, подобно мне, будут ехать из Сент-Эндрюса в Ньюпорт: вас ждет серьезное испытание, особенно если сердце ваше равнодушно к норманнской архитектуре. Где-то на середине этого пути вы увидите нечто такое, что заставит вас резко ударить по тормозам — так, словно вы неожиданно увидели перед собой на дороге жирную корову. Лейхарская церковь! Потрясающая апсида этой церкви издавна напоминает норманнского рыцаря в кольчуге, застывшего посреди кладбища на боевом коне.

Я многое повидал за время своих странствий по Британским островам. Норманнские колонны Стерлинга, несомненно, хороши; неф Данфермлинского аббатства производит величественное впечатление; часовня Маргариты в Эдинбурге — маленькая драгоценность. Однако ничто не может сравниться с данной апсидой, которая — по какому-то капризу судьбы — пережила века, осталась нетронутой в фэйфской глубинке и перешла по наследству рядовой деревенской церквушке. На мой взгляд, это самый великолепный памятник норманнской архитектуры из всех, сохранившихся в Шотландии. Возможно, в Англии вы найдете и более совершенные постройки того периода, но здесь я не видел ничего подобного. Это — своеобразный норманнский антиквариат! При одном взгляде на здешнюю церковь у меня мороз пробегает по коже. Давно я не испытывал такого волнения — наверное, с тех пор, как увидел часовню Кормака на Скале Кэшела в ирландском графстве Типперери или миниатюрную норманнскую церковь в местечке Тикенкоут графства Ратленд.

Как бы вы ни спешили, остановитесь и внимательно рассмотрите здешнюю апсиду. Поверьте, оно того стоит — ведь эта восьмиугольная башня и уникальный фонарь простояли почти восемь столетий, благополучно

пережив нашествие и английских мародеров, и вандалов-кальвинистов. Здание украшено декоративными арками и пилястрами, и если присмотреться к этим аркам, то можно заметить следы норманнских топоров — точно такие же, как на колоннах, украшающих крипту Кентерберийского собора.

Это настоящая поэма в камне — памятник, столь же древний и подлинный, как, скажем, «Книга Страшного Суда» или битва при Гастингсе. И к ней пристроена уродливая каменная коробка, которая, собственно, и является зданием современной церкви. Я долго стоял, не решаясь войти внутрь. Увы, прежний опыт знакомства с шотландскими церквями подготовил меня к горькому разочарованию. Не раз уже бывало, что я восхищался зданием снаружи, а затем заходил внутрь и убеждался: самые ценные детали интерьера безнадежно испорчены — замазаны, заколочены или подверглись еще какому-нибудь надругательству. У нас в Англии реформация ударила в первую очередь по народу: протестантский огонь породил немало количество мучеников-католиков, но почему-то пощадил католическую архитектуру. В Шотландии все происходило с точностью до наоборот: костров было немного, зато фанатики от протестантства отыгрались на камне. И, на мой взгляд, это гораздо хуже, поскольку каждый новоявленный мученик возносится на небеса и там обретает достойную награду. Что же касается разрушенных архитектурных шедевров, то они так и остаются неотомщенным преступлением перед Богом и человеком. Так или иначе, но я наконец решился войти в церковь и, честно говоря, вздохнул с облегчением: мои худшие опасения не оправдались. Внутри царила будничная атмосфера пресвитерианской церкви: стандартные лакированные скамьи, обычные подслеповатые окошки. Но по крайней мере люди не стали воевать с останками католицизма.

Они пощадили эту чудесную апсиду, разрешили ей существовать в качестве восточного крыла храма. Я почувствовал глубокую благодарность к жителям Лейхарса. Судьба подарила им подлинное сокровище, и они сумели достойно воспользоваться этим подарком.

С легким сердцем вернулся я к машине и продолжил свой путь. Мне было хорошо, я распевал во весь голос — и то сказать, ведь не каждый день сталкиваешься на дороге с норманнским рыцарем в кольчуге, который сидит на боевом коне посреди сельского кладбища...

## 6

Чтобы попасть из Ньюпорта в Данди, мне пришлось воспользоваться паромной переправой. Там царила ужасная толчея. Я оказался зажат между грузовым фургоном сомнительного нрава и маленьким двухместным автомобильчиком с рыжеволосой красавицей за рулем. Судя по всему, и малолитражка, и ее хозяйка обладали бойким характером: они так и норовили бесцеремонно взгромоздиться на мой многострадальный бампер. Впрочем, трудно соблюдать правила хорошего тона в подобной тесноте: вокруг нас громоздились сплошные повозки, фуры, легковые машины — все спешили в Данди.

Паромные переправы являются неизбежным бичом шотландских автомобилистов. Некоторые из них, вроде Куинсферри на заливе Форт и переправы на остров Скай, устанавливают свои расценки, исходя из давнишнего предубеждения против нашего брата. Там почему-то считают, что все владельцы автомашин — люди состоятельные. Поэтому они без зазрения совести дерут с каждого автомобиля по десять шиллингов за десятиминутную переправу через Форт. За еще более короткое путешествие в Кайлакин приходится платить

по пятнадцать шиллингов! Надо ли говорить, что такой грабеж приводит шотландцев в ярость: ведь в характере этого народа непонятным образом уживаются почти донкихотская щедрость и бережное отношение к деньгам. Возможно, будь Эдинбург поближе к Лондону, здесь давно уже построили бы автомобильный мост через Форт. Да и река Тей заслуживает большего, нежели один железнодорожный мост.

Нам, однако, повезло: владельцы паромной переправы в Данди проявляли разумную умеренность. За провоз четырехместного «роллс-ройса» они брали всего три шиллинга и три шиллинга шесть пенсов — за обслуживание четырехместного «форда». Что поделать, машины облагаются данью в зависимости от количества посадочных мест!

Данди обозначился перед нами как сплошное скопление труб, окутанное облаком дыма. Мне пришло в голову, что так, наверное, выглядел бы Шеффилд, если бы его перенесли на побережье. Однако внезапно сильный ветер, который до того гонял пенные барашки по поверхности Тей, поменял направление и прогнал клубы дыма в сторону Хайленда. Моим глазам предстал третий по величине город Шотландии.

Данди трудно назвать особенно милым, когда глядишь на него вот так, с палубы парома. Если и есть в нем что-то привлекательное, так это географическое расположение. Город действительно построен исключительно удачно. Вдоль берега широкой реки (а ширина Тей в этом месте достигает двух с четвертью миль) тянутся судоремонтные верфи и пристани. В пределах видимости (и почти в пределах слышимости) раскинулось зелено-голубое море. Общая панорама Данди — при условиях замены Тей на Мерси — напомнила мне вид Ливерпуля.

Несмотря на раннее утро, город выглядел ужасно деловитым, он занимался своими кексами и джемом,



своими фабриками по производству джута и льнопрядильными фабриками. Время от времени по улицам проезжали повозки с джутом, извлекая из каменной брусчатки мостовых глубокий, почти манчестерский грохот. Каким-то таинственным образом Данди умудрился избавиться от прошлого. А ведь это город с долгой и захватывающей историей. Начать с того, что Уильям Уоллес посещал местную среднюю школу. В былые дни город неоднократно переходил из рук в руки: англичане захватывали его, шотландцы отвоевывали обратно. В этом отношении Данди «повезло» ничуть не меньше приграничного Берика. Если даже эти факты и неизвестны среднестатистическому читателю, то уж такие названия как «Nethergate» и «Seagate» точно у всех на слуху — они давно приобрели силу официальной родословной, скрепленной печатью геральдической палаты. Однако Данди все нипочем: город стремительно меняет свое лицо — повсюду, куда ни взгляни, древние детали сменяются современными.

Главной статьей экспорта является, конечно же, журналистика. Ни один город в мире не производит столько молодых бескомпромиссных редакторов и корреспондентов, как Данди (правда, в последнее время к нему вплотную приближается Абердин). И вся эта пишущая (и правящая) братия устремляется за рубеж.

Данди держит Калькутту в своем кармане. Сейчас там живет немало людей, мечтающих о возвращении в Данди. Чтобы по достоинству оценить богатство этого города, советую вам заглянуть в Броти-Ферри, Карноусти и Ньюпорт. Нет другого такого места на земле, где богачи чувствовали бы себя так приятно и вольготно.

Однако Данди вовсе не является землей обетованной для *всех* своих жителей. Здесь, как и во многих крупных городах, богатство соседствует с нищетой, роскошь

процветает рядом с ужасающей мерзостью запустения. Я видел в Данди убогие горбатые улочки, где босоногая детвора целыми днями играет в сточных канавах, по которым текут нескончаемые потоки грязной воды. Такое впечатление, что здесь перманентно царит банно-прачечный день. На одной из таких улочек я услышал характерный ирландский говор и, оглянувшись, увидел здорового Пэдди, который помахивал трубкой в дверях своей лачуги.

— Что, без работы? — спросил я.

— Так точно.

Домик, однако, выглядел чистым и аккуратным. Мужчина рассказал мне, что жена его работает на фабрике, а он в это время занимается домом и детьми. Трудно было представить этого здоровяка в роли няньки, кухарки и прачки! Полагаю, подобное противоестественное разделение обязанностей не редкость для Данди. К нему приходится прибегать всякий раз, как останавливаются судостроительные заводы и верфи. Аналогичную картину я наблюдал в Лондондерри, где женщины находят себе работу на швейных фабриках, в то время как их мужья вынуждены сидеть дома.

Я поинтересовался, не тяжело ли зависеть в материальном плане от жены? Мой собеседник, похоже, не видел в этом ничего унижительного. Он сказал, что присматривать за двумя детьми уже само по себе нелегкое дело.

— Лучше я день отработаю на заводе, чем выкупаю одного сорванца! — заявил он.

Хорошо еще, что жена относится с пониманием; уж ей-то известно, каково это — крутиться по хозяйству. Она дает ему деньги на пиво и время от времени выводит в кино!

Наверное, Данди очень задумчивый город. Ведь недаром же в центре его расположилось одно из самых старых и мрачных кладбищ во всей Великобритании. Называется оно Хауфф, и вот уже триста лет обитатели Данди хоронят здесь своих мертвецов. Многие поколения местных жителей нашли последний приют на этом тихом, огороженном стеной клочке города. Их прах медленно дотлевают под целой армией серых могильных камней. Подобные места видятся мне идеальным убежищем в минуты невзгод и печали. Здесь вы можете без помех предаваться тоске и, как следствие, в полной мере насладиться свалившимся на вас несчастьем. По ту сторону кладбищенской стены — совсем рядом! — живет привычной жизнью современный Данди. Люди бегают, суетятся, занимаются повседневными делами и, похоже, не задумываются об этом мрачном соседстве. Странное дело, подумалось мне, Данди — самый яркий пример того, как город может порвать со своим прошлым, уничтожить все памятники древней старины. Такое впечатление, что он ни в грош не ставит историю, И в то же время я не знаю другого города, который бы жил в такой близости от обители мертвых, места, где лежат тысячи мужчин и женщин, создававших эту историю...

Главным сокровищем Данди — его гордостью и красой — является высоченная скала под названием Данди-Ло, у подножия которой и вырос город. Казалось бы, этим шотландцев не удивишь. Жители Эдинбурга и Стерлинга тоже имеют возможность подняться наверх и свысока обозревать кипение жизни на городских улицах. Однако в Данди все выглядит по-другому. Здешняя скала имеет форму отвесной башни, и если сверху что-то и можно разглядеть, так только крыши домов.

Очень своеобразный вид, я нигде такого не видел в Шотландии: крыша наползает на крышу, печные трубы пытаются взгромоздиться друг на друга. Некоторые любители городских пейзажей утверждают, что в этом

присутствует своя эстетика. Но если вы желаете насладиться действительно прекрасным видом, расширьте угол зрения, охватите взглядом не только город, но и его окрестности. Вы увидите широкую Тей, а над ней удивительный мост длиной в две с четвертью мили. Слева тянутся доки, а за ними распахивается необъятный морской простор. Справа же — вдалеке, за чередой холмов — просматриваются золотые пески и черепичные крыши Сент-Эндрюса. Все это вместе составляет неповторимое зрелище. Если подняться на вершину Данди-Ло в солнечный, но ветреный день, то вы сможете почувствовать то же самое, что и я — странное волнение в крови и неодолимое желание закричать.

Однако и это еще не все! Налюбовавшись морскими просторами, повернитесь на сто восемьдесят градусов и устремите взор в глубь суши. Там, вдалеке вы сможете разглядеть сверкающий на солнце Стерлинг. А теперь окиньте взором горизонт: перед вами откроется незабываемая перспектива шотландского Хайленда. Грампианские горы с их снежными верхушками, как всегда, выглядят таинственными и неприступными; их голубые контуры четко выделяются на фоне неба.

Вот тот пейзаж, который милее всего жителям Данди. И куда бы ни забросила их судьба, они бережно хранят его в своем сердце. Так стоит ли удивляться, что все они, выходцы из Данди, в один прекрасный день возвращаются домой.

## 7

Неподалеку от Данди я наткнулся на небольшую сельскую гостиницу. Это была не та прелестная живописная гостиница, которую можно видеть в английской глубинке, и не жалкая трущоба, которыми грешит ирландская деревня... Нет, передо мной стояла

типичная шотландская гостиница — очень деловая и практичная. Народа внутри было немного, и я сразу обратил внимание на старика с ликом апостола. Он сидел на деревянной скамье и пил эль. В профиль его лицо поражало одухотворенностью: породистый длинный нос, прекрасный подбородок, наполовину скрытый седой бородой. Именно такими я представлял себе средневековых святых. Затем он повернулся анфас, и я испытал нечто вроде шока. На моих глазах свершилось моральное падение: святой старец превратился в обычного шотландского старика. Один глаз у него не открывался, и это опущенное веко придавало незнакомцу хитроватый вид — будто он постоянно подмигивает. Однако второй глаз — широко открытый, пронзительно-голубой — горел таким неистовым огнем, словно вобрал в себя силу двух нормальных глаз. На полу у ног старика стоял объемистый короб, накрытый клеенкой и с лямкой, чтобы можно было носить через плечо. Вот оно что: передо мной сидел представитель вымирающего племени шотландских коробейников.

Его одеяние поражаало оригинальностью — казалось, в этом костюме воплощалось все многообразие человеческого опыта. На голове у старика была бесформенная шляпа, которая не поддавалась никакому анализу. Зеленый клетчатый лапсердак лет пятьдесят назад — в пору его далекой, невероятной юности — вполне мог бы принадлежать маркизу Абердинскому. То же самое можно было сказать и о брюках: они явно знавали лучшие времена. Но вот что касается ботинок, то здесь не возникало никаких иллюзий. Это были рабочие башмаки, башмаки-трудяги, у которых в прошлом осталась не одна тысяча исхоженных миль.

Когда же старик распахнул свое выдавшее виды пальто, взору моему предстало и вовсе удивительное зрелище: праздничный камзол горцев, пребывавший в

крайне прискорбном состоянии. Одна из пуговиц умудрилась сохранить первоначальный блеск — дерзко и надменно сверкала она среди лохмотьев, наводя на мысль о вечерах в обществе прекрасных дам, обитательниц аристократических замков. Все прочее, увы, не несло в себе никакого блеска, никакой дерзости. Оно было изорванным, грязным и засаленным, изобличая в своем хозяине безнадёжного неряху и дебошира.

Я с любопытством разглядывал старика, а его глаз смотрел на меня. Почему бы нам не побеседовать? Я помог ему распаковать короб, и старик принялся копаться в содержимом. По ходу дела он демонстрировал свой обширный ассортимент: новенькие блестящие иголки и булавки, рулетка, пуговицы на картонках, одежные крючки, ленты, щетки, расчески и прочая мелочь.

Я изъявил желание угостить его выпивкой, и Глаз одарил меня одобрительным взглядом. По просьбе старика я заказал ему «один ром и один шунер» (как выяснилось, «шунером» называлась промежуточная порция эля — чуть меньше пинты). Он аккуратно заглотнул рюмку рома и тут же запил ее «шунером». Во время всей этой процедуры старик не сводил с меня внимательного взгляда, но вслух произносил малозначащие фразы: о том, что погода прекрасная, жизнь дорогая, а короб непомерно тяжел для человека семидесяти пяти лет.

Когда я предложил повторить заказ, Глаз потеплел и словно засветился обещанием более близкого знакомства. До сих пор он настороженно изучал меня. Это был очень странный старик. Говорил он медленно, и речь его отличалась вполне городской правильностью. Вообще я пришел к выводу, что приодеть его, повесить на грудь орденскую ленточку — и старик вполне мог бы сойти за какого-нибудь известного дипломата. Его странные глаза — один мертвый, а другой непомерно

живой — наводили на мысль о скрытности характера, а возможно, и крайнем коварстве.

Я поинтересовался у старика, посещал ли он школу. Он ответил, что да, шестьдесят пять лет назад он ходил в начальную школу. В нем, как и в большинстве его соотечественников, ощущалась страстная тяга к знаниям. Старик рассказал, что до недавнего времени много читал.

— И какого рода литературу вы предпочитали?

Глаз взглянул на меня задумчиво:

— Богословскую.

Пока старик расправлялся со второй порцией рома и «шунера», я наблюдал за ним в профиль. Нет, все-таки вылитый святой!

Тут я заметил, что Глаз с откровенным сожалением уставился на опустевший стакан. Затем обратился ко мне... во взгляде читалось: «Да, еще один ром и «шунер» были бы весьма кстати». Я почувствовал, что это начинает мне надоедать.

Однако третья порция выпивки дала столь неожиданные результаты, что мое назревавшее раздражение как рукой сняло. Возможно ли такое? Его дремлющее веко потихоньку оживало. Оно слегка приподнялось и снова опустилось. Я ощутил волнение, как в преддверии восхода солнца. Несколько томительных мгновений мертвый глаз словно бы колебался — оживать или нет. И вот на меня уже смотрят два совершенно одинаковых — здоровых, ясных и блестящих — глаза.

Я замер в восхищении. Противоречие между профилем и анфасом исчезло. Теперь передо мной сидел настоящий, несомненный святой. Более того, эта неожиданная трансформация распространилась вглубь и захватила всю личность старика. Куда подевалась его прежняя робость! Стукнув по столу рукой, старик наизидательным жестом поднял вверх указательный

палец (вот оно, наследие Джона Нокса, к которому теперь прибегает всякий шотландец, выпивший предварительно три рома и три «шунера») и с полной уверенностью пророкотал:

— Этот мир-р-р со всем, что в нем существует, катится прямым в геенну огненную!

В ответ на мой вопрос, почему он так думает, старик разразился долгой историей своей жизни.

Выглядела она чрезвычайно запутанной. Я так понял, что давным-давно, во времена бурной молодости, с моим знакомцем приключилась беда: то ли он сбил с ног полицейского, то ли только замахнулся, а тот сам упал, но старика судили и посадили в тюрьму. Там он в основном щипал паклю — и это были его самые неприятные воспоминания.

Затем он вышел на свободу, пытался работать, но ему никогда не удавалось заработать много денег. В его рассказе промелькнули несколько невнятных женских имен, но старик на них не останавливался подробно. Далее, если я ничего не напутал, у него случился еще один конфликт с властями (столь же невинный и непреднамеренный — просто по причине излишне горячего нрава), и он снова очутился за решеткой. Случай сам по себе неприятный, но он в корне изменил всю жизнь старика. Тюрьма помогла ему обрести истинную веру. Так уж вышло, что попал он туда накануне казни одного убийцы и всю ночь просидел, размышляя о смысле жизни и всем том, что преподобный Джон Нокс вложил в его подсознание. Старику явилось видение геенны огненной, он подумал о Боге, о своей душе и вдруг осознал, что душа-то у него бессмертна! Тогда же он понял, что спасти ее можно единственным способом — благодаря молитве и праведной жизни. Словом, старик решил порвать с прежними привычками, а заодно и сменить работу, тем более что его давно уже тянуло на природу.



— Вот так я и стал коробейником — стал ходить по дор-р-огам и р-р-размышлять о вечных истинах.

— Скажите, вы счастливы?

— Счастлив? О да, дружище, я чувствую себя счастливым.

На лице его застыла блаженная улыбка христианского мученика.

Я предложил подвезти его в Перт, и старик с достоинством согласился. В машину он сел с видом посла, вступающего на подножку парадной кареты. Что ни говорите, а этот простой шотландский коробейник обладал безупречными манерами. Всю дорогу мы беседовали о жизни. Старик незыблемо стоял на позициях кальвинизма и обо всем судил с высоты своей обретенной праведности. Он сурово осуждал тех глупцов, которые тратят жизнь в погоне за мирскими соблазнами. В самый разгар его тирады я украдкой бросил взгляд на своего попутчика и в очередной раз поразился: передо мной сидел вылитый Джон Нокс!

Мы распростились у входа в ночлежку. Старик милостиво пожелал мне спокойной ночи и настоятельно советовал задуматься над его советами.

К моему великому разочарованию, на лице его вновь светился один-единственный глаз, второй же скромно удалился на покой. Я провожал его взглядом и видел, как старик добрал до дверей ночлежки и скрылся за ними со своим огромным коробом.

## 8

В Перте обнаружилась масса симпатичных девушек. Как мне объяснили, они целый день занимаются тем, что красят британскую одежду. По вечерам же им, очевидно, нечем заняться, кроме как прогуливаться по главной городской улице. Так они и ходят туда-сюда под

ручку, пока — в некий таинственный миг — не вспоминают о родном доме и не исчезают бесследно.

Мне не советовали ехать в Перт, говорили, что там мне не понравится. Но я взял себе за правило не обращать внимания на подобные пророчества, и, как выяснилось, был прав. В Перте следует побывать хотя бы для того, чтоб ощутить особую атмосферу этого города. Помнится, в свое время я очень удивился, прочитав у доктора Макфарлана в его «Путешествии», что Перт пропитан «радостным духом провинциального английского городка». Непонятно, откуда Макфарлан это взял. Здесь действительно царит дух веселья, но он такой же шотландский, как и тарелка супа кокалики или горячая овсяная лепешка.

Ветры Хайленда дуют над Пертом денно и ночью. И голос «Пэйрта» (как его здесь называют) есть истинный голос Шотландии! С этим городом связаны первые упоминания о кланах. Попробуйте заговорить о Перте, и вам сразу же расскажут о славной битве на Северном Лугу, в которой участвовали по тридцать воинов со стороны клана Хаттан и клана Кей. Кому же придет в голову сравнивать Перт с провинциальным английским городком? С таким же успехом вы можете обрядить горца в гамаши и обозвать его девонширским мужланом!

Находясь в Перте, вы постоянно помните, что это ворота в дикие, неисследованные земли: отсюда уходят дороги на Питлохри, Драмтохтер, Блэйргоури и Спиттал-оф-Гленши. По ночам, когда шагаете по тихим каменным улочкам города — вполне современным, но сохранившим воспоминания о древнем Перте, — вы ощущаете слабый запах вереска, который ветры приносят с далеких холмов Хайленда.

Особую прелесть Перту придает река Тей, которая весело, переливчато журчит под своими мостами.

Римские легионы Агриколы любовно называли ее шотландским Тибром.

Вы замечали, что большинство старых городов, которым в прошлом довелось играть важную роль в истории своей страны, и в наши дни сохраняют важный и значительный вид? Эта атмосфера солидности, спокойствия и уверенности в значительной степени присуща и Перту. Нет более захватывающего занятия, чем бродить по городу в поисках примет далекого и величественного прошлого. Попав в Перт, например, обязательно сходите посмотреть на прекрасное современное здание административного совета. Оно выстроено на месте старинного замка, с которым связана одна из самых жгучих тайн шотландской истории — тайна заговора Гаури. По свидетельству Эндрю Лэнга, известного мастера литературных исследований, еще четыре поколения назад одна пожилая шотландская леди говаривала: «Отрадно думать, что в день Страшного Суда мы наконец-таки узнаем всю правду о заговоре Гаури».

В Шотландии эта история не менее знаменита, чем Пороховой заговор у нас, в Англии. Однако подозреваю, что большинство моих соотечественников лишь мельком слышали (если вообще слышали) о заговоре Гаури. Поэтому позволю себе в самых общих чертах пересказать события тех далеких дней.

Дело происходило во вторник, пятого августа 1600 года. Ранним утром король Джеймс VI во всем великолепии — в новом камзоле из зеленого английского сукна, ботфортах с бархатными отворотами и чулках, богато украшенных серебром — покинул дворец Фолкленд и отправился на охоту. По дороге его нагнал мастер Рутвен, брат графа Гаури, и поведал странную историю. Якобы накануне неподалеку от их замка задержали мужчину с целым горшком золотых монет. Не желает ли король заехать в замок Гаури и

лично допросить незнакомца? Джеймс любил золотые гиней — почти так же сильно, как ненавидел иезуитские заговоры. А здесь, по счастливой случайности, присутствовали оба элемента, ибо в незнакомце подозревали католического шпиона, который, ясное дело, заявился в страну с подстрекательскими целями. Король немедленно заглотнул наживку, ведь он просто обожал все таинственное. Воистину, если б этот монарх жил в наши дни, то стал бы самым преданным поклонником Эдгара Уоллеса. Он пообещал приехать в Гаури-хаус, как только подстрелит своего оленя.

Управившись еще до обеда, его величество поехал разбираться с иезуитским золотом. Граф Гаури встретил короля на окраине Перта и повез его в свой замок. После непродолжительного (и не слишком изысканного) застолья Джеймс незаметно покинул свиту и в сопровождении мастера Рутвена поднялся в осадную башню. Но едва он вошел в комнату, дверь за его спиной захлопнулась, и король оказался в ловушке. В его отсутствие придворные разбрелись кто куда: некоторые разгуливали по дороге, другие отправились в замковый сад полакомиться вишнями. Вскоре им объявили, что король неожиданно собрался и покинул замок. Пока судили да рядили, ехать ли следом и, если ехать, то куда, кто-то услышал крики. Люди внизу увидели, как в окошке башни появился сам Джеймс — без шляпы, с красным перекошенным лицом. Он успел выкрикнуть: «Измена! Милорд Мар, на помощь! Убивают!» Но тут сзади появилась рука, зажавшая ему рот, и короля куда-то утащили.

Лорды бросились к главному входу в башню, но дверь оказалась запертой. Один из рыцарей обнаружил неприметную дверцу, а за ней узкую винтовую лестницу, которая вела на вершину башни. Добежав до верха, он распахнул дверь и застал такую картину: король боролся с мастером Рутвеном, а за его спиной стоял

какой-то вооруженный человек. Обрадовавшись подмоге, Джеймс крикнул: «Руби понизу, на нем кольчуга!» Завязалась ожесточенная схватка, в ходе которой Рутвен был убит. Позже та же участь постигла и графа Гаури. Тем временем таинственный незнакомец бесследно исчез.

Впоследствии король рассказывал, что Рутвен вероломно заманил его на вершину башни. Но вместо обещанного горшка с золотом там их дожидался человек с кинжалом.

Рутвен якобы выхватил этот кинжал и приставил к груди Джеймса. Затем он заявил, что «король находится в его власти и должен выполнять его пожелания». Он поклялся страшными клятвами, что если только Джеймс попытается кричать или выглянуть в окно, то он без колебаний пронзит королевское сердце.

Эта история наделала много шума. Сохранилось большое количество манускриптов, авторы которых пытались дать свои объяснения событиям. Чтобы разобраться в этом многообразии версий, понадобился не один десяток лет. В конце концов Эндрю Лэнг написал целую книгу, в которой попытался проанализировать все стороны заговора Гаури и разгадать тайну исчезнувшего незнакомца. Увы, многие вопросы так и остались без ответа. Возможно ли, чтобы король, желая расправиться с графом Гаури и его братом, сам инсценировал покушение? Если же нет, если на короля действительно напали, то с какой целью? Чего добивались похитители? И какое отношение ко всему этому имела королева Анна Датская? По слухам, она была хорошенькой и весьма легкомысленной особой. Может, здесь скрывается какая-то любовная история? Далее, кто был этот таинственный незнакомец в башне? Да и существовал ли он вообще? Сплошные загадки... Боюсь, что заговор Гаури — наряду с печально

знаменитыми письмами из ларца — так и останется неразгаданной тайной шотландской истории.

Я уже писал, что сегодня на месте замка Гаури возведено вполне современное здание, в котором нет ничего романтического или таинственного. Что поделать, в этом весь Перт! Он, как и Данди, демонстрирует весьма прагматический подход к своим историческим святыням. Горожан мало волнует, что где-то под городским мостовыми (фактически у них под ногами!) лежат тела короля и королевы. Если верить хроникам, Джеймс I и его супруга были похоронены в картезианском монастыре, некогда стоявшем между городской больницей и Кинг-стрит. Если попробовать просветить почву рентгеновскими лучами, то, возможно, и обнаружались бы их бедные позабытые косточки. Они все еще спят под землей, а вокруг теснятся воспоминания о славных свершениях и бедах древней Шотландии.

Зато поклонникам архитектуры есть за что благодарить Перт. Их не может не радовать тот факт, что город — вопреки кальвинистским традициям — восстановил замечательную церковь Святого Иоанна в ее первоначальном виде. Уж не знаю, как бы на это отреагировали более строгие пресвитерианцы минувшего поколения, но сегодня Шотландская церковь проводит свои богослужения в одном из прекраснейших кафедральных соборов страны.

До недавнего времени церковь Святого Иоанна служила приютом для трех различных конгрегаций! Сегодня, когда барьеры между ними разрушены, мы получили возможность впервые за многие столетия наслаждаться красотой здания и его совершенными пропорциями.

Перт — великий труженик. Но город не только самозабвенно трудится на своих фабриках, железных

дорогах и сельскохозяйственных рынках, он так же увлеченно и развлекается. Перт считается родиной шотландского крикета. Вот какую историю поведал мне один из местных знатоков истории:

Во время наполеоновских войн в Перте содержались тысячи французских военнопленных. Для их охраны были выделены несколько подразделений местной милиции и английский кавалерийский полк. Чтобы как-то скоротать время, гусары играли в крикет на Саут-Инч. Зрелище это не могло не привлечь внимания городской детворы. Таким образом игра укоренилась в Перте, и с тех пор горожане увлеченно играют в крикет. Между прочим, вы, может, и не знаете, что в первые пятьдесят лет своего существования Пертский клуб крикета неизменно побеждал англичан из «И Зингари».

Мода на гольф также не миновала Перт. Забавно, но позиции этой игры сильно окрепли благодаря изобретению пороха. Дело в том, что в первое время закон строго ограничивал игроков в гольф. Считалось, что чрезмерное увлечение этой игрой отвлекало местных лучников от ежедневных тренировок и в конечном счете плохо сказывалось на боеспособности шотландской армии. После изобретения пороха лук со стрелами потерял свою актуальность как вид вооружения. В результате мастера по изготовлению луков остались без работы и стали думать, чем бы им заняться. После снятия ограничений на гольф они организовали первые гольф-клубы. И произошло это не где-нибудь, а именно в Перте!

В прошлом город успешно конкурировал с Сент-Эндрюсом по части развития гольфа. Одним из знаменитейших игроков стал Боб Эндрюс, уроженец

Перта. Про него говорили, что он мог сбить своей клюшкой мяч с циферблата золотых часов и при этом не повредить последний.

Рано утром, еще до завтрака, я поднялся на Кинноул-Хилл. Хотя солнце ярко светило с безоблачного неба, в воздухе уже ощущалась осенняя прохлада. Когда я свернул с тропы и зашагал напрямик через поляну, за мной протянулась цепочка темных следов, отпечатавшихся на росистой траве.

Ранее я уже пытался передать свои впечатления от посещения возвышенностей Эдинбурга, Стерлинга и Данди. Где мне найти слова, чтобы, не впадая в повторения, рассказать о той картине, которая открылась моим глазам тихим осенним утром с высоты Кинноул-Хилл? Скажу просто: это было великолепно!

Прямо под ногами лежал Перт — живописное скопление крыш на берегах реки. Сама Тей с высоты выглядела серебристой лентой, которая, извиваясь, тянулась по зеленой долине Карс-оф-Гоури. Временами она ненадолго скрывалась в гуще лесов, потом снова выныривала и, постепенно расширяясь, устремлялась к морским просторам меж Форфаром и Файфом.

Если смотреть вот так, с вершины Кинноул-Хилл, создавалось впечатление, будто вы зависли на высоте 729 футов на борту неподвижного аэростата. Вся местность до самого горизонта просматривалась, как на ладони. Воздух был настолько чистым и прозрачным, что позволял разглядеть малейшие детали. Лишь горы вдалеке были окутаны голубоватой дымкой, но и они выглядели не столь далекими и недостижимыми, как со стен Стерлингского замка. На самой верхушке Кинноул-Хилл установлен указатель направлений. Он представляет собой плоский застекленный диск, к тому же дополнительно защищенный проволоочной сеткой. На этом диске, как я знал, были изображены черные



стрелки, нацеленные на самые знаменитые вершины Грампианских гор. Однако сейчас стекло запотело и было густо усеяно капельками выпавшей росы. Чтобы хоть что-то разглядеть, мне пришлось просунуть под сетку носовой платок и с помощью палки тщательно протереть поверхность стекла. Вот теперь можно было попытаться сориентироваться в туманной гряде на горизонте.

Поверьте, это лучший способ познакомиться с Хайлендом — ранним утром подняться на вершину Киннуул-Хилл и, справляясь по указателю, отыскать расположенные на расстоянии десятков миль знаменитые пики. Бен-а-Гло, Бейн Деарг, Кэйрн-Тоул, Бен-Макду — каждому из них соответствует своя стрелка... постойте, а что это за туманный великан маячит вдали? Неужто Бен-Невис?..

На обратном пути я еще издали слышал школьный звонок. А вскоре увидел и детей — маленьких мальчиков с замечательными шотландскими лицами. Они шли поодиночке и группками, стараясь не прийти слишком рано, но и не опоздать к занятиям. Ботинки у всех блестели, как на параде. Один мальчик — типичный рыжий шотландец с веснушчатым лицом — приблизился ко мне и, забавно растягивая окончания, заинтересовался:

— У вас есть наклейки от сигарет?

Под его выжидательным взглядом я обшарил карманы и в конце концов нашел парочку этикеток.

— Кто тебе чистит ботинки? — задал я вопрос, который вертелся у меня на языке.

— Я сам.

— Как тебе нравится школа?

— Отличная школа.

— А кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

— Я еще не решил, — с превеликой серьезностью ответил этот маленький шотландец. — Но, скорее всего,

фермером.

Забавно! А ведь три четверти его сверстников грезят автомобилями.

Мальчишка тем временем развернулся и, весело насвистывая, направился к школе. По дороге он беспечно, не жалея начищенных башмаков, сшибал росу с травы. Где-то на полпути он повстречал товарища и завел с ним оживленную беседу. И если я хоть что-то понимаю в характере шотландцев — в этот момент он пытался обменять мои этикетки на нечто более стоящее.

## Глава пятая

# Знакомство с Хайлендом

*Я пробираюсь в Хайленд через Девилс-Элбоу, посещаю Бреймарское собрание, осматриваю Балморал и знаколюсь с городом, который возник по королевскому указу; в конце главы описывается долгий ночной спуск в Абердин.*

### 1

В Перте я остановился в большом отеле, который почему-то предпочитал именоваться постоялым двором. Основную массу постояльцев здесь составляли коммивояжеры и американские леди, коллекционирующие невинные романтические воспоминания. Данное заведение привлекало их возможностью переночевать в бывшем номере Красавца Принца Чарли. Меня лично эта комната не слишком вдохновила. Единственной приметной деталью показалась дата «1699», выгравированная на камине и угрюмо взиравшая на висевший напротив рукомойник с кранами горячей и холодной воды.

Каждое утро в гостинице происходила смена населения: приезжали новые коммивояжеры, а прежние исчезали, дабы и дальше нести цивилизацию на просторы Шотландии (понимай, приумножать количество бесполезных, необязательных вещей). К вечеру количество автомобилей увеличивалось: со всех сторон — с севера и юга — в отель съезжались новые эмиссары промышленного прогресса.

В Перте мне встретился человек, который продавал шляпки женщинам с острова Скай, еще один вез партию

фарфора на Шетландские острова, третий обеспечивал водопроводными трубами население Внешних Гебрид. Перт — фактически пограничный город. Отсюда стартуют все коммерческие экспедиции на север. И сюда же возвращаются из Хайленда многочисленные коммивояжеры. Здесь, в стенах этой гостиницы, они строчат свои отчеты в Данди, Стерлинг, Глазго и Эдинбург, пытаясь списать невзвесть где потерянные дни на сложности горных дорог.

В наше время актеры, журналисты и коммивояжеры — эти профессиональные скитальцы — уже благополучно влились в лоно общества. Сегодня, пожалуй, лишь фотокорреспонденты и грабители по-прежнему числятся среди отщепенцев, болтающихся на обочине социальной жизни (да и то насчет грабителей я не уверен). Однако еще совсем недавно все обстояло иначе. В викторианскую эпоху большинство людей представляли себе странствующего коммивояжера как невзрачного субъекта с грязными манжетами и неизменным кожаным саквояжем, который вечно торопится на какой-нибудь поезд. Перед содержателями постоялых дворов стояла проблема — как изолировать этого сомнительного типа от приличной публики, скажем, от путешествующих джентри? С этой целью была изобретена так называемая «коммерческая комната» — унылое помещение с минимальным вкраплением красного дерева и зеркал, где несчастные коммерсанты могли заниматься торговыми делами в обстановке почти монашеского уединения. Так они и путешествовали по всей стране — решая свои проблемы с помощью таинственной системы рукопожатий, а по вечерам топя горе в вине за стойкой бара. Единственным пунктиком, вызывавшим зависть у остальных членов общества, была стойкая (хотя и ничем не подтвержденная) репутация записных донжуанов, которая почему-то закрепилась за коммивояжерами.

В наше время, однако, престиж этой профессии неизмеримо вырос. Коммивояжеры из поденщиков превратились в настоящих джентльменов. Теперь человек, продающий спринцовки для носа, выдает себя за доктора филологии; распространитель Библии может оказаться членом университетской гребной команды; а уж если он торгует шелковыми носками, то потянет не меньше чем на доктора богословия! Он путешествует в симпатичном двухместном автомобиле и никогда не унижится до флирта с горничной. Остановившись в гостинице, он первым делом выставляет на прикроватную тумбочку фотографию любимой жены и лишь потом приступает к повседневным обязанностям.

Забираясь на своей машине в самые глухие уголки страны, он невольно становится знатоком местных обычаев, традиций и диалектов. А необходимость постоянно общаться с различными людьми делает его неплохим психологом. В результате контакты с коммивояжерами становятся не только взаимовыгодным, но и довольно приятным занятием. Благодаря техническому прогрессу это племя бродячих торговцев вернуло себе почетный статус, которым обладало в античную эпоху. Вспомните только, какой переполох вызывало в любом портовом городе появление торговых галер из Тира или Сидона. Ведь заморские купцы попутно исполняли роль историков, журналистов, географов и геологов.

В Перте я разговорился с одним коммивояжером.

— Итак, вы завтра отбываете в Хайленд, — сказал он. — Но для чего? Что вы там рассчитываете найти?

— А почему вы спрашиваете?

— Мне просто интересно. Американцы, к примеру, приезжают в Хайленд, чтобы походить в плохо сшитых килтах и подержать в руках «скин ду»<sup>[25]</sup>, которые на самом деле изготавливаются в Лондоне. Многочисленные экскурсанты — те вообще бог знает

зачем тащатся в горы! Большинство людей едут туда, чтобы пережевывать бесконечные сопли по поводу Красавца Принца Чарли и шотландских кланов. Да и вы как писатель, небось, будете заниматься тем же.

И мало кто из приезжих способен понять трагедию Хайленда. И очень прискорбно, потому что шотландские горцы, наряду с ирландцами, воплощают в себе извечную трагедию гэльской души. Неудавшееся восстание 1745 года положило конец Хайленду. Да иначе и быть не могло, ведь они представляли собой очевидный анахронизм. Англичане попытались разлить новое вино в старые бутылки... Ну и, естественно, все рвануло — ба-бах! А чего же еще вы ожидали? Никто же не удивляется тому, что феодализм в конце концов отмер в Англии? А клановая система гораздо древнее. Она неизбежно должна была исчезнуть, как только Хайленд начал контактировать с современным миром. Плохо то, что прогресс обернулся жутким опустошением Хайленда. Горцам, как и ирландцам, пришлось уйти, чтобы выжить. Вам известно, что сейчас пятая часть Шотландии занята под олени заповедники? Старые вожди кланов вынуждены были уехать, а новые... Новые пожертвовали исконными землями горцев, чтобы чужеземцы могли охотиться на оленей. Неправильно все это! Когда-нибудь, несомненно, положение изменится. Полагаю, еще при нашей жизни будет сделана попытка оживить экономику Хайленда и остановить волну эмиграции. Но это не должно помешать вам наслаждаться природой Шотландии — самой лучшей на Британских островах, а может быть, и во всей Европе! Если же вам повстречается призрак принца Чарли, помните: не стоит проливать слезы по его поводу. Все случилось, как и должно было случиться. И знаете, что я вам скажу? Может, оно и к лучшему, что все так произошло<sup>[26]</sup>.

Ранним пригожим утром я, охваченный радостным нетерпением, направлялся к Блэйргоури. Время от времени мне вспоминался вчерашний разговор с коммивояжером. И хотя я не услышал ничего нового, но все равно его слова порадовали меня.

Хайлендекие кланы — прежде, чем они перекочевали в лондонский телефонный справочник (и, кстати, не будем упускать из виду этот момент их «трагедии»!) — так вот, в прошлом они составляли последнюю колонию чистых, без иностранной примеси, кельтов. По сути, это были единственные кельты на всех Британских островах, которых никто и никогда не завоевывал. Ни один римский полководец даже не пытался присоединить их к империи. И никому из норманнских графов не удалось включить их в состав своей феодальной системы. Шотландские горцы жили исключительно замкнуто и практически до наших дней сохранили архаичную систему отношений. Прав был мой собеседник из Перта: лишь фатальное поражение Красавца Принца Чарли сломало невидимый барьер между новым миром и последней твердыней старого.

Судьба кельтов в Ирландии сложилась иным, но тоже трагическим образом. Им, правда, удалось избежать римского владычества и, более того, пережить краткий период культурного расцвета, обогативший мир целым поколением ирландских святых. Однако настал миг, когда кельты Ирландии вынуждены были склонить голову перед силой норманнского оружия. То ли дело шотландские горцы! Голые коленки этих молодцов регулярно мелькали на страницах истории; протяжный звук их волынок оглашал не одно поле боя. Но в какую бы даль судьба ни закинула шотландского кельта, он всегда в конце концов возвращался в родные края, к

своим соплеменникам. Это может показаться невероятным, но клановая система — почти столь же древняя, как и само человечество — не только сохранилась до наших дней, я бы сказал, что она живет и процветает! Черода политических катаклизмов — та самая, что заставила шотландское Приграничье смириться и спрятать в ножны старые боевые мечи — оказалась невластной над Хайлендом. В то время, как остальная Шотландия давно уже покорилась, здешний народ сохранил свой дикий, воинственный нрав.

Большинство англичан слабо знакомы с шотландской историей и почти совсем не знают истории Ирландии. Они, конечно же, не задумывались над тем фактом, что, если не считать Северного и Южного полюсов, Северо-Шотландское нагорье дольше всего оставалось неисследованным районом, так сказать, «белым пятном» на карте планеты. Вы можете не верить, но это правда! Америка уже считалась цивилизованной страной, когда Хайленд только начали открывать. До середины восемнадцатого века это была таинственная земля, и лишь после громких событий 1745 года иностранные путешественники обратили свой взор на Шотландские горы. Да что там иностранные! В 1726 году Берт писал: «Хайленд остается чужим, малоизученным краем даже для жителей низинной Шотландии. Лоулендеры редко выезжают на север страны, ибо страшатся тех трудностей и опасностей, которыми чревато передвижение по горным перевалам. Если же, в силу каких-то исключительных обстоятельств, они все же вынуждены совершить подобное путешествие, то, как правило, предварительно пишут завешание. Такое впечатление, будто они отправляются в долгое и опасное плавание, исход которого трудно предугадать заранее. Что же касается англичан, то лишь немногие из них — да и то больше по долгу воинской службы — имели возможность познакомиться с горной



Шотландией. Доказательством тому — крайняя скудность письменных свидетельств о Хайленде. Насколько мне известно, об этом крае написано меньше, чем о далеких Индиях, а то, что написано, не слишком удачно и лишь в слабой мере отражает подлинные впечатления путешественника по горам». Правда, это упущение было довольно скоро исправлено (в чем каждый из читателей сможет убедиться, заглянув в книжные каталоги).

С трудом верится, что еще каких-нибудь двести лет назад в нашей собственной стране — на расстоянии всего пятисот миль от Лондона — существовал огромный регион, жители которого вели племенной образ жизни, почти такой же, как во времена Бриана Бору! Там существовало множество «королевских дворов в миниатюре» (если пользоваться выражением Маколея), «и во главе каждого стоял свой царек; он жил в окружении собственной гвардии, собственных оруженосцев и музыкантов, при дворе у него имелся наследственный оратор и свой поэт-лауреат; он отправлял собственное примитивное правосудие, вел войны и заключал мирные договоры».

С большим интересом и пользой для себя я прочитал книгу сэра Джеймса Карра под названием «Каледонские зарисовки». Это своеобразный отчет о путешествии через всю Шотландию, которое автор совершил в 1807 году. Из него становится ясно, что описанная Маколеем ситуация с «миниатюрными королевствами» оставалась актуальной и в эпоху королевы Анны! В частности, он рассказывает об одном из вождей кланов, который вполне благополучно проживал в своих горах и даже не подозревал о существовании английской королевы. Поэтому, эта история как нельзя лучше демонстрирует ту абсолютную изоляцию, в которой еще в девятнадцатом веке находился Хайленд.

Во времена не столь отдаленные в горах к вождям кланов относились с почти суеверным почитанием. Подобно восточным правителям, эти люди пользовались неограниченными полномочиями и нередко демонстрировали свою власть — к немалому ужасу окружающих. Эта история приключилась вскоре после восшествия на престол королевы Анны. Рассказывают, что к ее мужу Георгу Датскому, который в то время занимал пост главнокомандующего английским флотом, обратились с предложением несколько шотландских джентльменов. Они доказывали, что Шотландия может снабжать Королевский флот древесиной для строительства военных кораблей. Якобы качество древесины у них ничуть не хуже, чем у шведов или норвежцев, а цены гораздо ниже. В связи с этим в Шотландию были отправлены два инспектора, которым надлежало провести проверку на месте и установить, насколько данное заявление соответствует истине. Естественно, им выдали надлежащие документы, но, будучи людьми предусмотрительными, инспекторы решили подстраховаться. В Эдинбурге они взяли рекомендательное письмо к вождю клана, в чьи владения направлялись. По прибытии на место они объявили хозяину о цели своего визита и предъявили официальные документы за подписью его королевского величества Георга. Вождь внимательно изучил бумаги и объявил, что он не знает такого человека. Инспекторы снисходительно пояснили, что это супруг всемилостивейшей королевы Анны. На что вождь им заявил: *«И о вашей королеве я ничего не слышал.* Но вот что я вам скажу, дорогие господа... Тут к нам недавно заявили двое,

тоже, как и вы, из Ирландии. Выяснилось, что они шпионы. Мало того, мы слышали, как они между собой шуточки отпускали на наш счет! Так вот, даю вам час времени. Если через час вы не представите мне *настоящих* документов, то я вас вздерну вон на том дереве». И под одобрительный ропот остальных горцев он указал на ближайшее дерево. После чего развернулся и ушел в дом. Угроза выглядела более чем реальной, и бедные инспекторы не знали, что им предпринять. Рекомендательное письмо они не стали даже показывать, рассудив, что это совершенно бесполезно. Если уж бумаги за королевской подписью не возымели действия, то чем поможет какое-то письмо от частного лица? В волнении англичане расхаживали по саду, и им казалось, что призрак смерти следует за ними по пятам. Наконец, когда отпущенное время почти истекло, он решили все-таки рискнуть: кое-как разыскали спасительное послание и предъявили его вождю клана. Лэрд и его внимательно изучил, а затем спросил: «И почему же вы сразу не показали мне эту бумагу? Вам повезло, ребята... А то я уж совсем собрался вас повесить!» После того все стало на свои места: инспекторов любезно пригласили в дом, накормили, напоили, а вождь разрешил им на следующее утро приступить к осмотру лесов.

Трудно поверить, что все это приключилось во времена королевы Анны! Вот уж воистину история, достойная Одиссея... Это, кстати, отчасти объясняет, чем так привлекает Хайленд современных людей. Я бы назвал это каким-то примитивным великолепием, которое восходит напрямую к золотому веку человечества. Сидя в своих уютных, безопасных городах,

мы читаем о первобытных нравах хайлендеров — старые истории об угнанных стадах и кровной мести, — и сердце наше сладко замирает от грубой романтики их жизни. Шотландские горцы видятся нам прямыми потомками гомеровских героев. Можно ли вообразить себе нечто более эпическое, нежели образ Макнейла из Барры, о котором Кеннет Маклауд рассказывает в комментариях к «Песням Гебридских островов»? Каждый день этот лэрд посылал герольда на вершину высокой башни, дабы тот протрубил на весь мир следующее объявление: «Эй вы, короли, принцы и прочие властелины земли! Да будет вам известно, что Макнейл из Барры уже отобедал! Теперь можете обедать и вы!»

Каково? В этом поступке — абсурдном, но таком величественном! — самая суть Хайленда. Вам ведь наверняка доводилось наблюдать, как какой-нибудь горец, уже изрядно разгоряченный винными парами, вдруг в пылу спора выходит из себя. Что он делает? Правильно, в качестве последнего довода он апеллирует к своему клану. Выглядит это примерно так: «Мое имя Кэмпбелл! И мне плевать, слышал ты обо мне или нет... Если не слышал, тем хуже для тебя — можешь катиться ко всем чертям!»

Узнаете? Та же самая безумная гордыня, тот же вызов, какой Макнейл из Барры бросал всему свету: «Ах, вы не знаете меня? Тем хуже для вас!»

Каждый, кому посчастливилось иметь в друзьях настоящего хайлендера, хорошо знает отличительные черты его характера. Как правило, истинный горец обидчив и легко бросается в драку. В вопросах чести он столь же щепетилен, как и итальянский аристократ. Личная преданность для него превыше всего — это из разряда вечных ценностей. Как и виски. Он вообще любит устраивать дружеские попойки и использует для этого любой, самый незначительный повод. Возможно,

это пережиток тех времен, когда люди жили, разделенные высокими горами и бурными реками, и радовались каждому случаю поднять добрую чарку в обществе друзей. Считается, что шотландский горец должен быть скупым и суровым. На самом деле общение с внешним миром давно уже смягчило характер хайлендера, пробудило в нем удивительную щедрость и оставило скупость лишь самым убежденным консерваторам. Ему, как и всем кельтам, на роду написано быть изгнанником. В некотором смысле разлука с родиной благотворно влияет на характер кельта, пробуждая в нем инициативу и не позволяя заискать. Странное дело, но в самой природе Хайленда (равно как и Ирландии) присутствует нечто расслабляющее и поощряющее природную лень кельта. Наверное, поэтому наибольших успехов шотландцы и ирландцы добиваются на чужбине — в каком-нибудь Лондоне или Нью-Йорке.

Потомки саксов на протяжении многих веков жили на плодородных землях, им не было нужды куда-либо уезжать. Как следствие, привычка к эмиграции не запечатлелась в их расовой памяти. Они, конечно же, любят свою родину, но спокойной, молчаливой любовью. Англичанам потребовалось испытание тропиками, дабы их любовь обрела голос. Но даже и этот прорезавшийся голос лишен надрывного пафоса, который характерен для кельта. Когда англичанин тоскует по родине, это напоминает плач потерявшегося ребенка, тогда как в тоске шотландца слышится нетерпеливая страсть разлученного любовника. Шотландский горец никогда не боялся озвучивать свой патриотизм, опираясь при этом на свое врожденное чувство поэзии. Шум горного ручья и звуки минувших сражений навечно поселились в его душе. А чего стоит его национальная гордость! Любой хайлендер — прирожденный аристократ. Ему неизвестна та пропасть между бароном и крепостным,

которая столетиями существовала у нас в Англии. Здесь в горах все члены клана носят одно имя, и самого нищего из сородичей зовут так же, как и вождя. Шотландский горец идет по жизни с неподражаемым чувством собственного превосходства. Родовое имя — его древний герб, который он с гордостью предъявляет всему миру.

Сэр Вальтер Скотт оказал неоценимую услугу шотландским горцам, введя их в высший свет. До него репутация у горцев была неважная: всех их — независимо от происхождения и личных добродетелей — воспринимали как грубых угонщиков скота и наемных убийц. Даже жители равнинной Шотландии считали своих северных соседей ворами и бандитами. Однако Вальтер Скотт сумел превозмочь это предубеждение. Благодаря ему образ шотландского горца приобрел романтическую окраску. И теперь цивилизованные европейцы видели перед собой не жалкого голодранца, а последнего прирожденного джентльмена золотого века. Даже гибель клановой системы на поле Куллодена обрела черты благородного героизма. Кланы умерли. Да здравствуют кланы! Шотландская тартана, жестокими законами парламенту изгнанная с холмов, появилась вновь — но уже не на горных перевалах, а в великосветских гостиных. Хайлендерская экзотика пришла на туманные берега Ди. Время Балморала уже не за горами.

### 3

Где это я? Неужели это дорога на Блэйргоури? Погода стояла великолепная: ярко светило солнце, а по небу плыли ослепительно-белые облака. Ну да, точно, ошибки быть не могло! Лоуленд остался позади. В настоящий момент я приближался к холмам, издали

смахивающим на облака. Над ними висели облака, формой своей напоминающие холмы. Я ощущал свежий холодный ветер, который зародился за многие мили отсюда, на вершине Лохнагара. Теперь уже до Блэйргоури рукой подать. А он столь же несомненно принадлежит Хайленду, как Бискра — Сахаре. Блэйргоури! Имя этого городка звенит и грохочет, словно распахнутое окно на ночном ветру!

Вот и он — маленький городок с холмистым рельефом и пуританским обликом. Серые каменные домики, напоминающие молчаливую процессию старух, чинно и благородно стоят вдоль дороги. Почему-то сразу подумалось: как, должно быть, здесь холодно и уныло зимой. На улицах, наверное, ни души не увидишь. Сейчас же Блэйргоури производил впечатление вполне обитаемого места. На перекрестке стояла группа фермеров, они о чем-то беседовали с деревенским полицейским. Рыбак в рабочей одежде направлялся к мосту. Мимо меня прошла девушка в костюме из крапчатого твида, в руках она несла зачехленное ружье. Летом все жители Блэйргоури заняты выращиванием малины — вы не поверите, но городок снабжает этой ягодой целую армию производителей джема. Сейчас же, в преддверии осеннего сезона, все помыслы горожан были направлены на форель и тетеревов. Мысленно я пожелал им удачи и распрощался с Блэйргоури. Теперь-то уж точно граница осталась позади...

Дорога поднималась в горы. Заросли рябины вдоль обочины уже были тронуты дыханием осени. Совсем скоро листья покраснеют и станут багряными, пока же на них только наметились нежно-розовые прожилки. По небу проплывали облака, а вслед за ними по вересковым пустошам ползли огромные тени. Местность с каждой милей становилась все более дикой и безлюдной. Сначала еще попадались низкие каменные загородки, за которыми бродили черные безрогие коровы ангусовской

породы. Однако по мере того как долины сменялись узкими горными ущельями, коровы уступали место овцам — легким и проворным, точно горные козы. Тишину нарушало лишь их блеяние да шум реки, протекавшей в долине. Время от времени в этот небогатый ансамбль вплеталось веселое журчание ручейков, стекавших по склонам холмов.

Дорога вводила вверх, к Гленши. Небо ненадолго потемнело, прошел короткий дождик. Однако на той стороне долины меня вновь встречало солнце. За Гленши начиналась еще более дикая местность, в которой явственно угадывалось дыхание Грампианских гор. Теперь мой путь пролегал среди великанов. По левую руку возвышались Бен-а-Гло и Бейн Деарг; впереди и тоже слева маячили Бен-Макду, Кэйрн-Тоул и Кэйрнгормы; справа безусловно доминировал Лохнагар. Пока я еще ехал в предгорьях, он был не слишком хорошо виден, склоны то и дело затягивало туманом. Но время от времени у меня перед глазами мелькала голая вершина на фоне неба. Вокруг по-прежнему царила тишина, прерываемая лишь блеянием овец, шумом воды да воем ветра. Иногда в небе беззвучно пролетали вороны, а по земле скользила тень от проплывавшего облака — она была совсем крошечной, не больше человеческого кулака. Солнечные лучи догнали уходившую стену дождя, и внезапно прямо на моих глазах сотворилось чудо: я попал в долину радуг. Никогда еще мне не доводилось видеть столько радуг вместе. Они изгибались и соединялись между собой, будто желая перекинуть мост через узкую горную долину. Радужными призраками они вырастали над вершинами холмов, чтобы в следующую минуту, дробясь и вибрируя, упасть на далекие поля. Ей-богу, я видел, как конец одной радуги упирался прямо в крышу белого домика! Она переливалась всеми оттенками фиолетового, голубого, желтого и казалась



нарисованной на поверхности муарового шелка. Интересно, а в этих краях существует легенда о горшке с золотом под радугой?

Самую большую из всех радуг я увидел на Девилс-Элбоу: она висела прямо-таки невероятно изогнутой дугой. Отсюда дорога резко пошла вверх, и вскоре я достиг самой верхней точки, кстати сказать, самой высокогорной дороги во всей Британии. Здесь, на высоте 2199 футов над уровнем моря, я решил остановиться и перевести дух.

Сидя на камне, я смотрел на облака, клубившиеся на фоне темной главы Лохнагара. Слева на горизонте я мог разглядеть и даже сосчитать пики Кэйрнгормов (рассказывают, что в глубоких расщелинах этого горного хребта снег не тает даже в разгар лета). Внезапно меня охватило необъяснимое радостное возбуждение. Это было сродни опьянению: мне хотелось куда-то бежать, кричать или, может быть, петь... Затем у меня мелькнула мысль (и я сам поразился ее дикости): «Эх, дали бы мне меч, я бы им всем показал!» Да уж, горы по-разному действуют на людей. Однако вскоре мое настроение изменилось: бушевавший во мне варвар утонул и растворился в море смирения. Медленно проплывавшие облака, темная скала и раскинувшаяся далеко внизу долина — все это напоминало какой-то доисторический пейзаж. Наверное, именно такой увидели землю первые люди. Я представил себя одним из них и ощутил суеверный трепет: вот сейчас облачная пелена над Лохнагаром рассеется и явит мне лик Бога...

После пережитого катарсиса спуск в долину Клуни прошел незаметно. Зато сама долина порадовала меня какой-то мягкостью и добротой. Казалось, леса и поля блаженно греются в последних лучах послеобеденного солнца. На берегу реки, протекавшей по этой прелестной горной долине, я увидел картинку, которая, несомненно, украсила бы любую гостиную Блумсбери.

Здесь, на кромке воды и суши, паслось небольшое стадо типичных хайлендских коров — лохматых, коротконогих, с могучими рогами. При моем приближении они поднимали свои патлатые головы и флегматично провожали меня взглядом. Право, ну чем не рекламный плакат туристического агентства! На другом берегу реки высился холм, заросший сосновым лесом (деревья стояли так густо, что напоминали щетину зубной щетки), а за ним под самые небеса вздымалась гора с лиловым облаком вокруг вершины.

Я решил двигаться на звук текущей воды и не обманулся: с последними лучами солнца я уже въезжал в Бреймар, который положительно кипел жизнью. Уж не собираются ли местные жители развернуть еще один штандарт на крутых берегах своей реки? В некотором смысле именно так! Ведь завтра день Бреймарского собрания.

— Да-да, ваша комната ждет вас! Будете обедать?

— Нет, я возьму яйцо с чаем!

Над сиреневым вереском, над сосновым бором зажигается первая вечерняя звезда, и тихий покой сентябрьских вечеров нисходит на берега Ди.

#### 4

Я наблюдал, как круглая луна выкатывается на небо и утверждается над холмом. Черные лесные заросли отсвечивали, словно присыпанные золотой пылью. Река Ди казалась лентой расплавленной бронзы. А высоко в холмах мерцали маленькие искорки — освещенные окошки домов и ферм. Оттуда доносился едва слышный собачий лай, и бреймарские барбосы отвечали смущенным подвыванием, которое затем перешло в ожесточенный лай — будто они вдруг разглядели в лунном свете чужака.

Это была волшебная ночь, которая позаимствовала часть своей магии у диких окрестных холмов. У нас в Англии лунный свет выглядит совсем безопасным. Помнится, в детстве я жил в графстве Уорикшир, недалеко от Эйвона. Каждую ночь я засыпал, а из окна на меня лились потоки лунного света. Но даже необузданное юношеское воображение не могло извлечь из этого света ничего страшнее, чем феи Душистый Горошек и Горчичное Зерно. То ли дело в шотландских горах или в Ирландии. Здешний лунный свет предполагает не веселые игры безобидных саксонских эльфов, а жуткий оскал кельтского колдуна или ведьмы. И если уж ночью при свете шотландской луны вам повстречаются фейри, то будьте уверены: они идут красть чьего-то младенца.

Где-то в лесу заухала сова. Затем раздался всплеск на реке — один, другой, — это рыба выскочила из воды и плюхнулась обратно. И снова все стихло, лишь на блестящей, маслянистой поверхности остался крошечный водоворот. Я сидел, наслаждаясь покоем ночи, прислушиваясь к ее таинственным звукам — шорохам и неожиданному шелесту невидимых крыльев. Откуда-то издалека донесся шум — кто-то решительно, не таясь, шел по дороге. Шаги приближались, затем раздался громкий голос:

— Огонька не найдется?

Я нашарил в кармане спички. Ко мне подошел богатырского вида шотландец с огромным мешком на плече. В свете зажженной спички я разглядел копну спутанных рыжих волос и острый, настороженный взгляд голубых глаз. Незнакомца окутывало облако крепчайшего табачного дыма.

— Да! — с наслаждением вздохнул он, возвращая мне коробок. — Отличная сегодня выдалась ночка!

Шотландец стоял, попыхивая трубкой, и, казалось, не собирался уходить.

— Я думаю, и утро будет что надо.

— Вы завтра участвуете в играх? — вежливо поинтересовался я.

— Ага, в метании кейбера<sup>[27]</sup>.

Я с уважением посмотрел на его мощные плечи и огромные кулаки.

— О, здесь просто нужна сноровка, — скромно заметил мужчина, оценив мой взгляд. — Это совсем несложно, если знать, как делать. А вы англичанин?

— Точно.

— Ну да...

Он продолжал задумчиво курить.

— Да, отличная ночь. Видели, как рыба прыгает? А вы впервые в Шотландии?

— Да.

— Ну ясно...

Я почувствовал, что теперь моя очередь поддержать разговор.

— А вы не знаете, где именно, в каком месте граф Мар развернул штандарт в 1715 году?

Шотландец молча дымил, как бы раздумывая, стоит ли делиться со мной столь важными сведениями. Затем ткнул своей трубкой:

— Вы, небось, из «Герба Инверколда»?

— Да, я остановился там.

— Ну, значит, вы будете спать на том самом месте... Да, граф Мар был великим человеком, и шестого сентября он развернул знамя короля Якова.

Он выпустил еще одно облачко ужасного дыма.

— А в вашем городе сохранились какие-нибудь истории о тех событиях?

Снова задумчивая пауза.

— Да нет, я вроде бы ничего такого не слышал... Сейчас уже об этом не шибко вспоминают! Хотя...

Тут он замолчал и вновь выпустил клуб дыма.

— Помню, когда я был совсем еще мальцом...

Новые клубы дыма — пф-пф!

— Я знал одного старика из Керкмайкла... так тот, бывало, рта не раскроет, чтоб не рассказать какую-нибудь историю.

Пф!

— Как-то раз я слышал от него...

Пф!

— Что...

Пф!

— Когда граф Мар разворачивал штандарт, с его верхушки сорвался медный шарик и упал на землю. Народ ужасно обеспокоился, и кое-кто из горцев раздумал участвовать в восстании. По правде говоря, многие кланы тогда развернулись и потопали домой. Спрашиваете, почему? Потому что это было дурное предзнаменование... Коли этакое случается в самом начале, то удачи не жди. Так оно все и вышло — да вы сами можете почитать в исторических книжках.

Он как бы нехотя выуживал эту историю из памяти и на своем тягучем и рокочущем шотландском диалекте пересказывал мне. Я узнал, что штандарт, который развернули от имени сына Джеймса II, был голубого цвета; на одной его стороне красовался герб Шотландии, на другой — традиционный чертополох. Поделившись этими сведениями, мужчина пожелал мне спокойной ночи и решительно зашагал прочь...

## 5

«Королева Анна умерла!»

Почему это простое утверждение, констатация очевидного факта, и в наши дни воспринимается как роковая фраза? Не раз мы видели на сцене мюзик-холла, как после подобных ключевых слов рушились династии. Объяви, например, актер «Король Карл умер» или

«Королева Елизавета умерла», это не вызовет особого ажиотажа в зале. И в то же время обыденная фраза «Королева Анна умерла» неизменно производит в сознании англичанина эффект разорвавшейся бомбы. И только здесь, в Бреймаре, до меня дошло, что, очевидно, эти слова являются последним отзвуком тех политических бурь, которые прокатились по Англии и Шотландии в связи с кончиной упомянутой монархини. Смерть ее была неожиданной и неуместной — ведь незадолго до того личный врач королевы уверил и вигов, и тори, что она вполне успешно проживет еще «шесть с половиной лет». И вдруг такой афронт! Немедленно встал вопрос о наследнике, и вся страна поделилась на два лагеря. Одни поддерживали притязания Джеймса, брата королевы, вошедшего в историю под именем Старшего Претендента. Другие же ссылались на «Акт о престолонаследии», согласно которому корона должна была перейти к ганноверскому курфюрсту Георгу I, протестанту по вероисповеданию. Это было время самых фантастических слухов и бесконечных тайных совещаний за закрытыми дверьми. В крохотный жалкий двор Стюартов в Сен-Жермене то и дело прибывали нарочные из Шотландии. Небольшой, но вульгарный в своей пышности двор Ганноверов в Герренхаузене тоже находился в нетерпении: сводки о здоровье королевы Анны изучали с тем же напряженным вниманием, с каким фондовая биржа ждет смерти известного миллионера. «Не сомневаюсь, — писал Джеймс Анне, — что Вы предпочтете своего единокровного брата этому ганноверскому герцогу, самому далекому из всех наших родственников». Со своей стороны двор в Герренхаузене настаивал, что было бы правильно отдать место в палате лордов Георгу. Анна, которая испытывала отвращение к ставленнику королевы Елизаветы, заявила, что «для нее пригласить ганноверца — это все равно, что поставить перед своими глазами гроб». Узнав

об этом, Стюарт возликовал. В лондонских кофейнях рассказывали, будто Джеймс якобы инкогнито прибыл во дворец Сент-Джеймс и провел тайные переговоры с королевой, своей единоутробной сестрой. Увы, жизнь опровергла надежды якобитов. Воскресным утром в августе 1714 года прозвучала сакраментальная фраза: «Королева Анна умерла!» Это сообщение захватило распало сторонников Джеймса из числа тори. Пока они раздумывали и колебались, виги-протестанты начали действовать. Не прошло и нескольких часов, как они отправили гонца в Ганновер с посланием, которое начиналось словами «Всемилошвейший государь...» Георг также подписывал ответные депешы «Георгиус Рекс». Тем временем в Бар-ле-Дюке молодой меланхолический Стюарт — который еще в тринадцатилетнем возрасте был провозглашен в Сен-Жермене королем Англии, Шотландии и Ирландии, — разразился своей первой прокламацией. В ней он жаловался и тоном обиженного специалиста по генеалогии отмечал, что Георг отнюдь не является прямым потомком английских королей: длинная очередь из пятидесяти кандидатов стоит между троном и «этим узурпатором, не ведающим нашего языка, наших законов и конституции».

И все же, думается, англичанам здорово повезло, что и восстание 1715 года, и эскапада Красавца Принца Чарли в 1745 году потерпели неудачу. Против Стюартов был их злой рок и бездарный генералитет, осуществлявший руководство военными операциями. Кто знает, что стало бы со страной в противном случае... Вот что пишет по этому поводу в своей «Истории Англии» Дж. М. Тревельян: «Англия волей-неволей оказалась бы в руках кучки ирландских и шотландских авантюристов, чуждых ей по духу и ничего не ведавших об ее нуждах. Страной правил бы принц, окончивший свою жизнь столь же постыдно, сколь доблестно и

блистательно он ее начал. Очень скоро нас могли бы втянуть в новый цикл гражданских войн, которые самым губительным образом сказались бы как на уровне промышленности и цивилизации внутри страны, так и на развитии заморской торговли. Сама идея Британской империи оказалась бы под угрозой! Точные прогнозы делать не берусь, но практически уверен, что последствия *coup d'etat*<sup>[28]</sup> устроенного дикими горцами в Лондоне, выглядели бы трагическими и абсурдными для нашей страны». Что ж, это позиция беспристрастного ученого, но, наверное, в душе каждого из нас живет якобит! Трезвый ум может сопротивляться самой идее мятежа, но как же трепещет при этом сердце. Боюсь, что в нынешние дни всеобщей религиозной индифферентности нам трудно понять мысли и чувства людей того времени. Сейчас кажется совершенно невероятным, чтобы кто-то — не важно, протестант или католик — захотел поддержать маленького неприглядного курфюрста из Германии против сына Якова II и Марии Моденской. Ведь один из них был принцем крови, а другой, по словам шотландцев, выглядел и вел себя, как «маленький немецкий князек»<sup>[29]</sup>. Впрочем, предоставим снова слово историку. «Этот человек, — писал Дж. М. Тревельян, — ни слова не знавший по-английски, с иноземными толстухами-любовницами в активе и мрачной родовой трагедией в анамнезе, не имел никакой компенсации в виде ума, щедрости или благородства души... И если якобиты не сумели справиться с подобным королем, то причина кроется лишь в одном — в блистательной принципиальности Стюартов. Эти изгнанники упорно не желали изменять своим убеждениям и, подобно Карлу II, вновь заигрывать с протестантизмом».

Наверное, если бы в этом первом ганноверце присутствовала хоть искра героизма, то тогда два якобитских восстания не казались бы нам, современным



жителям (причем как шотландцам, так и англичанам), страницами из Мэлори, спроецированными на восемнадцатый век.

Итак, сквозь туман истории мы видим, как на крутом берегу Мара собрались дикие горцы во главе со своим горячим, нетерпеливым вождем. Он распустил на свежем хайлендском ветру голубое знамя, которое его супруга сшила для «короля, который за морем»<sup>[30]</sup>. Белые атласные ленты трепетали на штандарте. На одной было написано: «За нашего оскорбленного короля и нашу угнетенную родину»; на другой: «За наши жизни и наши свободы». Члены кланов промаршировали из Бреймара в Перт, повсюду провозглашая Джеймса VIII «Королем Англии, Шотландии, Франции и Ирландии». Хайленд ликовал — до тех пор, пока у шотландских берегов не появился французский корабль с печальной новостью: старый король Людовик XIV скончался. В который уже раз Франция — вольно или невольно — обманула надежды Шотландии! Сначала Мария, затем Джеймс и Чарльз Эдуард — воистину, этих несчастных Стюартов можно назвать Микоберами<sup>[31]</sup> истории! Все они свято верили, что в самый критический момент подоспеет помощь из Франции, и всех постигло жестокое разочарование. Как только стало известно, что долгожданная французская армада — та самая, которая должна была доставить запасы оружия, боеприпасов и амуниции, а также пополнение в виде инженеров, офицеров и солдат — сгинула, так сказать, прямо у ложа умирающего короля, в рядах мятежных горцев поднялся недовольный ропот. Члены кланов все более склонялись к мысли, что самое разумное в подобных условиях — вернуться домой и положить конец так и не начавшемуся восстанию. Пока они колебались, вожди кланов отправили Джеймсу послание с просьбой срочно приехать и встать во главе восстания. Граф Мар лично написал два письма. Одно из них представляло собой

высокопарное воззвание за подписью «генерал-лейтенанта армии его величества» и содержало приказ Джону Форбсу, бейлифу из Килдрумми немедленно вооружить своих людей и проследовать маршем в Бреймар. Но кроме того, граф отправил по тому же адресу частное письмо, в котором шла речь о куда более интересных вещах.

Джок, — писал Мар, — сегодня вечером прибыли твои люди. Ты, конечно, был вправе сам не приезжать, а отделаться жалкой сотней воинов, когда я *ожидал по крайней мере вчетверо больше*. Но и я вправе высказать свое отношение. Интересно получается: когда большая часть шотландских горцев поднялась на защиту родной страны и законного короля; когда джентльмены из соседнего Лоуленда ждут не дождутся, чтобы мы спустились с гор и присоединились к ним, находятся все же люди, которые надеются отсидеться в стороне. Разве не этого самого мига мы ждали долгих двадцать лет? И вот теперь — когда решающий час пробил, когда на кон поставлена судьба короля и всего королевства, — неужели мы будем медлить и колебаться? Нет и нет! Я слишком долго проявлял излишнюю снисходительность, настало время использовать более решительные средства (благо они имеются в моем распоряжении)... Таким образом, довожу до сведения моих арендаторов из Килдрумми: если только они немедленно не выступят в поход со своим лучшим вооружением, то я вышлю карательный отряд с приказом разорить и сжечь их деревню. Передайте джентльменам, что я жду их в самом ближайшем времени — верхом и

с достойным снаряжением. Никакие отговорки не принимаются.

Итак, в те судьбоносные осенние дни «Горящий крест»<sup>[32]</sup> отправился путешествовать по горам Шотландии, и на юг потянулись колонны облаченных в тартаны людей. Они собрались там, чтобы какое-то время постоять в нерешительности, а затем двинуться дальше — одним глазом поглядывая на ганноверцев, а другим с надеждой обшаривая морское побережье. Со звоном обнажились клейморя в беспорядочной потасовке у Шериффмура:

Твердили одни, что они победят;  
Другие рекли, что они.  
А третьи — что все пропадут, о!  
Я знаю, как в буре,  
При Шерриффмуре  
Сошлись на мечах, о!  
Бежали мы и бежали они...  
Бежали они и бежали мы...

А затем настала штормовая ночь в конце декабря, когда в гавани Питерхеда причалил небольшой французский капер с восемью пушками на борту. С него сошла группа морских офицеров, и среди них — молчаливый бледный мужчина двадцати лет от роду. Наконец-то прибыл король из-за моря. Ура, Джеймс VIII явился на зов своей страны! Но где же армия, которую он должен был привести на подмогу? Где обещанное оружие и сундуки с серебром?

С разочарованием взирали собравшиеся на своего долгожданного предводителя. Такой поворот событий охладил пыл горцев — даже в большей степени, нежели первый снег, который выпал и блокировал подступы к

Перту. Увы, дело Старшего Претендента уже было проиграно. Однако он этого еще не осознавал. Отбросив в сторону маскировку, Джеймс разыгрывал из себя короля, вернувшегося в родную державу: протягивал холодную руку для верноподданнических поцелуев, выпускал длинные блестящие прокламации и ничего не предпринимал по сути. Его нерешительность и сдержанность так же надежно остужала сердца шотландцев, как воспламенит их тридцать лет спустя энтузиазм его сына, молодого принца Чарльза. Безднадежность и отчаяние сен-жерменского периода ощущаются даже в тех величественных обращениях, которыми были увешаны заснеженные шотландские города. «Мне не привыкать к неудачам, — писал Джеймс, — ибо вся моя жизнь, с самого рождения, представляла собой не что иное, как бесконечную цепь неудач». Звучит очень трогательно, но абсолютно неподходяще для будущего короля! Красавец Принц Чарли быстро это поймет и выбросит данные слова из прокламации!

На самом деле Джеймс обладал более тонкой и богатой натурой, чем его сын. Я считаю, что биографы его недооценивали: он вел себя очень достойно в годы изгнания — я бы сказал, как исключительная личность. Жаль только, что в условиях восстания он не сумел продемонстрировать свои лучшие черты и, как следствие, оказался абсолютно бесполезным. Джеймс потратил кучу драгоценного времени в Перте на подготовку к коронации, назначенной на 23 января. Для сравнения: у сына его не возникнет никаких трудностей с коронационной присягой, в которой он обязуется защищать протестантскую религию. Джеймс же отказывался идти на компромиссы.

Так прошел почти весь январь — в свирепых снежных вьюгах, в противостоянии с эскадрами Георга, которые рыскали по округе в поисках

ненавистных килтов. Колонны вооруженных людей маршировали туда-сюда по ледяным ущельям. По всей Шотландии горели бивачные костры, но ружейной стрельбы почти не было слышно. Затем настало утро, когда горцам пришлось покинуть Перт и отступить на север. И все то время, что войско «Джеймса VIII» брело по заснеженным дорогам, сам он проливал горькие слезы и упрекал графа Мара и его окружение. Он непрестанно твердил, что его обманули: вместо обещанного трона привели на край могилы. (Услышав эту историю, принц Евгений Савойский справедливо заметил, что «таким образом королевства не выигрывают».) И чем ближе кланы приближались к родным местам, тем больше хлопот доставляли им ганноверские драгуны, следовавшие за ними по пятам. Герцог Аргайл разделил свои силы на две дивизии и попытался продвинуться в направлении Абердина. Однако все оказалось напрасно — игра была проиграна. И окончательно это стало ясно в Монтрозе.

Восемь часов вечера. Кланов готовы выступить в поход. Возле покоев «шевалье», как называли некоронованного короля, стоит оседланная лошадь, тут же гарцует на конях вооруженная охрана. Все ждут приказа. Однако грустный молодой человек, еще более бледный, чем обычно, потихоньку выходит из дома и пешком направляется к квартире Мара. Здесь его ожидают люди в плащах. Они вместе спешат по тропинке на берег моря, где уже покачивается на волнах лодка. Гребцы налегли на весла... Короткое путешествие по ночному морю завершается на борту «Марии-Терезии», судна из Сен-Мало. И вот уже ветер наполняет его паруса, корабль быстро удаляется от берегов Шотландии. «Восстание 15-го года» завершено!

Бледный молодой человек стоял на палубе, погруженный в тяжкие раздумья. В тот миг его вряд ли

порадовало бы известие о том, что через пять лет у него родится сын по имени Чарльз.

Ночь опустилась на притихший городок. Бреймар заснул... Пора и мне отправляться в постель. В неверном лунном свете я возвращался в гостиницу — туда, где в 1715 году граф Мар производил свои доблестные, но такие опрометчивые манипуляции с голубым флагом.

## 6

За несколько дней до начала игр в Бреймаре начали собираться кланы: и местные, шотландские — из Мэйфера, Белгравии, Эдинбурга; и заморские — из Нью-Йорка, Чикаго и Вашингтона. Вместе с ними прибыли многочисленные представители различных септов и вассалов кланов, с гордостью носившие национальные монокли и очки в черепаховой оправе. Вся эта публика заполонила гостиницы на несколько миль окрест, повсюду слышалась оживленная болтовня о тетеревах и форели. Время от времени в толпе мелькал настоящий лэрд, чьи голые коленки тут же признавались «выше всяких похвал» (именно так извоили выразиться хорошенькие девушки из чикагского клана).

Шутки шутками, но сам Бреймар воспринимал игры с непреклонной серьезностью шотландца из «Панча». Судя по всему, он не находил в них ничего смешного или жалкого. Никому и в голову не приходило рассматривать Бреймар как сентиментальные похороны минувшего века. Все участники праздника с полным равнодушием относились к снисходительным улыбочкам на губах современного общества. Так с какой же стати нам беспокоиться о них? На мой взгляд, очень глупо идти на поводу у тех фанатичных гэлов, которые твердят о возрождении национальной поэзии, возрожденной

литературе и мечтают вернуть Хайленду былую славу, обрядив всех горцев в тартаны. Совершенно ясно, что подобные искусственные меры вряд ли способны обеспечить желаемый результат. Мне кажется, было бы разумно относиться к гэльскому языку примерно так же, как мы относимся к латыни. Никому ведь не придет в голову пользоваться ею в быту! Даже ирландцы находят чересчур утомительным общаться по-гэльски с продавцами в магазине. Но если уж вам приспичило завести себе причуду, то почему бы не последовать примеру «синтетических гэлов» (именно так в Ирландии называют тех чудаков, которые повсюду разгуливают в килте и отказываются говорить по-английски даже с собственной женой). Я и сам с большим трудом сопротивляюсь соблазну впасть в синтетический гэлицизм. Да что я! Доктор Джонсон — вот уж кто менее всего подходит на роль жертвы! — и тот подцепил «гэльскую болезнь» во время пребывания в Шотландии. Лично я не желал бы для себя лучшей доли на земле, чем жить отшельником на одном из Гебридских островов, посвящая все время написанию оссиановских поэм. В перерывах я бы еще основал парочку гэльских кланов, члены которых обязательно ходили бы в килтах и с юных лет обучались правильному обращению со сборщиками подоходного налога (по мне, так их следует убивать на месте). Однако...

Бреймарское собрание должно было вот-вот начаться. Со склонов холмов доносились звуки волынки. Старички, которые еще вчера ковыляли в обычных пиджаках и брюках, внезапно преобразились. На них снизошло благородство и величие. Теперь они уже не ходили, а вышагивали. На улицах можно было видеть представителей клана Макдаффа с веточками остролиста на шотландских беретах, тут же разгуливали горцы Балморала в тартанах Стюартов и Фаркуарсонов с еловыми побегами на боннетах<sup>[33]</sup>. Трудно себе

представить более импозантное мужское общество. Развешивающиеся на ветру килты — это декларация независимости и одновременно символ аристократизма.

Я слышал, как одна из англичанок говорила мужу:

— Интересно, почему шотландцы не носят больше килтов? Они ведь им так к лицу, ты не находишь, Генри?

Полагаю, эта женщина, как и подавляющее большинство англичан, не знает, что на протяжении сорока пяти лет любой горец, появившийся на людях в килте, имел хорошие шансы быть подстреленным. Разрушение клановой системы и запрет на ношение национальной одежды — вот те печальные последствия, которые повлекло за собой поражение принца Чарльза Эдуарда при Куллодене. В краю горцев до сих пор помнят зверства солдат герцога Камберленда — «мясника Камберленда». А правительство вигов закрепило и узаконило уничтожение Хайленда: в 1746 году был принят печально знаменитый «Акт о проскрипции», запрещающий шотландцам «под каким бы то ни было предлогом» надевать и носить любые предметы костюма горцев. В качестве наказания предполагалось шестимесячное тюремное заключение — за первое нарушение закона и семилетняя ссылка на «заморские плантации» — в случае рецидива. Те, кто только подозревался в попытках как-либо обойти закон, вынуждены были предстать перед властями и принести следующую ужасную клятву:

Клянусь, как перед Богом в день Страшного Суда, что я не имею и не буду впредь иметь в своем хозяйстве ни ружья, ни меча, ни какого-либо другого оружия; что я никогда не буду носить килт, плед или других принадлежностей костюма шотландских горцев. И если я нарушу эту клятву, пусть буду проклят я сам, моя семья, мое имущество и все мои дела; пусть я никогда



не увижу ни жены своей, ни детей, ни отца с матерью, ни других родственников; и пусть меня убьют в битве, как последнего труса, и оставят без христианского погребения; и пусть я буду лежать в чужой земле, вдалеке от могил моих предков и всей моей родни. Да случится все это со мной, если я нарушу данную клятву.

Реакцию горцев на столь жестокие порядки прекрасно иллюстрирует цитата из Прекрасного Дункана Песенника<sup>[34]</sup>: «Хотя нас принудили принять штаны как обязательную форму одежды, сколь же ненавистна нам эта мода, стесняющая наши ноги. До сих пор мы двигались свободно — в наших килтах, подпоясанные привычными пледами. Увы! Ныне мы чувствуем себя опозоренными. С тех пор, как мы носим эти отвратительные одежды, мы едва ли узнаем друг друга на пиру или на празднике. Доживу ли я до того дня, когда мы с презрением отвергнем этот чуждый горцам и недостойный настоящего мужчины костюм? Сегодня наши плечи облачены в неуклюжие балахоны, а головы покрыты грязными шляпами. От нашей живописности и привлекательности не осталось и следа. Увы нам! Сколь неподобающа эта одежда для того, чтобы подниматься в горы и спускаться с них. Мы вынуждены краснеть в присутствии наших прекрасных женщин. Проклятые саксы отобрали у нас оружие — кинжалы, мечи, ружья и пистолеты и теперь насмеются над нами. Мы уподобились униженным и презренным рабам. Воистину, нашему возмущению нет пределов!»

Однако любое действие порождает противодействие. Подобно тому, как нероновские гонения на христиан создали святых мучеников, точно так же и перегибы герцога Камберленда обусловили нынешнее отношение к хайлендерам. В результате

почти полувековых притеснений сложился образ незаслуженно обиженного благородного горца. И стоило одному-единственному человеку — Волшебнику из Абботсфорда — накинуть сентиментальный плед на свои плечи, как вся страна в порыве запоздалого сочувствия ринулась на север. Ненавистный акт был отменен в 1782 году, однако годы запрета сделали свое дело: не только многие тартаны были забыты, но и само искусство ношения традиционного костюма горцев во многих регионах страны оказалось утраченным. Раньше в каждой хижине Хайленда хранился набор маленьких палочек — сеттов, отмечающих количество и порядок следования цветных нитей в родовой тартане. Где они теперь? Сломаны или выброшены за ненадобностью... Однако тартана постепенно возвращается на вересковые пустоши Хайленда. Не все горцы уничтожили свои килты после сорок пятого года, и сегодня эти драгоценные детали запрещенного костюма извлекаются из тайников, чтобы послужить поколению детей и внуков. Сэр Джон Карр, в 1809 году ставший свидетелем этого процесса возрождения, оставил нам довольно забавные заметки. «Вид шотландского килта, или короткой мужской юбки, — пишет он, — давно уже не оскорбляет женскую деликатность, даже на юге страны женщины привыкли к нему. По этой причине я от души надеюсь, что горцам удастся восстановить свою частичную обнаженность, столь уместную в горах, и избавиться от сковывающих их движения южных брюк».

Итак, Бреймар радуется глаз видом бессмертного килта. А что же достается ушам? С раннего утра и до позднего вечера по холмам бродят волынщики, оглашая окрестности города своей игрой. Победный триумф боевых маршей сменяется горестными рыданиями традиционных плачей. По моему глубокому убеждению, волынка на городской улице — сущее несчастье. Другое дело, когда она играет в холмах, на вольном ветру

Хайленда. Вот тогда вы чувствуете, что кровь бросается в голову, а рука сама тянется к несуществующему мечу. Эх, да что говорить... Волынка — это голос шотландского клеймора, она на все лады поет песню боевого меча: вот меч выпадает из холодеющих пальцев воина, вот он победно свищет в пылу битвы, вот он ликует по поводу славной победы или стыдливо прячется в ножны в случае поражения. Впрочем, к чему пытаться описать своеобразие шотландской воlynки, когда Нейл Манро уже это сделал в своем произведении «Джон Великолепный»:

Внезапно вдалеке, где-то у входа в глен, возник звук воlynки. Некоторое время в тихом, неподвижном воздухе разносилось непрекращающееся мерное гудение, а затем, после предварительной разминки долина огласилась громкими звуками «Мир или Война» — древнего хвастливого пиброха<sup>[35]</sup>, созданного одним из Макруменов с острова Скай. Кэмпбеллы обычно использовали эту мелодию в качестве вечернего отбоя или сигнала вечерней зари.

Странное волнение охватило мое сердце. Мне показалось, что я вновь нахожусь под гостеприимной сенью замка Инверлохи, а рядом со мной мои боевые друзья и соратники — вид нашей полковой формы радовал глаз и согревал душу. Но, помимо этих естественных и понятных воспоминаний, в моей крови возник древний воинственный жар — некое таинственное, почти религиозное чувство, которое национальная музыка будит в душе каждого честного гэла. И хотя в горле у меня встал комок, я бросил ироничный взгляд на Макайвера.

— Круахан навсегда! — тихонько пробормотал я.

Было заметно, что эта простая, непритязательная мелодия взволновала его не меньше моего.

— Старые времена, старые песни! — откликнулся Макайвер. — О Боже! Этот пиброх пробирает до самых печенок!

Музыка тем временем зазвучала громче — должно быть, исполнители вышли из-за поворота. Теперь они играли вторую часть, или «Крунлуах», как мы ее называем. Мой товарищ застыл посреди дороги, из груди его вырвалось нечто, подозрительно похожее на всхлип.

— Я обошел весь мир, — заговорил он, — и много всякого повидал. Казалось, меня этими музыкальными штучками не проймешь. Но есть один инструмент — вот эта самая наша пиипвор<sup>[36]</sup>, которая безошибочно волнует мое сердце. Вот ты мне скажи, Колин, что же это такое? Как назвать то, что прячется внутри каждого шотландца — не важно, бедного или богатого — и мгновенно отзывается на звуки грубой тростниковой дудки?

— Должно быть, гэльская душа, — ответил я, ощущая необъяснимый, небывалый подъем. — Все это гудение дрона и всхлипы чантера осмысленно звучат лишь на гэльском языке.

Вот что такое волынка для гэлов. Она звучит не столько в воздухе, сколько в их душах. Боюсь, что мы, англичане, не способны этого понять. Волынка может взволновать нас — как взволновала бы внезапная кавалерийская атака, — но вряд ли кто-нибудь из нас прослезится при ее звуках. Пожалуй, лучше и честнее всех выразил наше, английское мнение об этом инструменте сэр Джон Карр, которому довелось послушать волынку еще век назад во время путешествия

по Шотландии. Его рассказ тем более интересен, что составляет разительный контраст с прочувствованным описанием Нейла Манро.

Приближались соревнования шотландских волынщиков — и мне был обещан богатейший пир духа. Дабы я смог в полной мере насладиться этим музыкальным банкетом, меня пригласили на предварительное прослушивание в древнем зале для приемов. Причем намекнули, что мне несказанно повезло, ведь посторонняя публика туда не допускалась — конкурсанты выступали исключительно перед членами жюри. Это обещало стать незабываемым зрелищем! Как только судьи расселись по своим местам, раздвижные двери распахнулись. Вошел горец в полном тартанном одеянии, в руках он держал волынку, щедро украшенную длинными ленточками. Он принялся дуть в трубки и извлекать из своего инструмента звуки — столь громкие и отвратительные, что перед ними меркли вопли несчастных грешников в аду. Это продолжалось некоторое время: артист важно прохаживался взад и вперед и терзал свою волынку, а слушатели время от времени впадали в экстаз и разражались рукоплесканиями. Что до меня, то инструмент этот показался мне настолько ужасным, что я был не в состоянии отличить «Собрание Макдональдов» от, скажем, «Плача Аберкромби» — все исполняемые произведения звучали в равной степени тоскливо и негармонично. Я невольно усомнился в искренности доктора Джонсона, который, по слухам, был большим поклонником волынки и на концертах всегда становился поближе к исполнителю, едва не прижимаясь ухом к

главному дрону. Промаявшись на этих предварительных соревнованиях три часа, я посчитал, что долг вежливости уплачен сполна, и потихоньку покинул зал. Задним числом скажу: это было нелегкое испытание — сродни тому, что испытывает человек, оказавшийся совсем рядом со звонницей в день королевских именин... Увы, вынужден признать, что волынка — это одно из немногих поистине варварских изобретений шотландцев.

Таково мнение Джона Карра. Я же от себя добавлю: у шотландцев есть три привязанности, которые неизменно ставят в тупик англичан, — Бернс, волынка и хаггис. Из этого набора лишь хаггис поддается какому-то пониманию (особенно, если употреблять его с большим количеством виски).

Тем временем празднество на улицах Бреймара набирало силу. Девушки в килтах отплясывали зажигательные флинги, и серебряные медали блестели на их бархатных жакетах, подобно начищенным пуговицам на костюмах «перламутровых короля и королевы»<sup>[37]</sup>. Седобородые старики, цветом лица напоминавшие старинное красное дерево, скинули с плеч куртки и теперь стояли, подпирая плечами вес кейбера. Молодые дюжие горцы соревновались в толкании кейбера: предварительно они крутились на месте не хуже «вертящихся дервишей» и лишь потом — набрав скорость — толкали бревно (между прочим, при вращении становилось видно, что под килтами на них надеты короткие клетчатые штаны; говорю это специально, дабы успокоить щепетильных английских дам, поскольку знаю, что данная тема активно дискутируется за границей!). Попадались в толпе и волынщики. Одни из них расхаживали взад и вперед, извлекая из своих инструментов те самые звуки,

которые вызвали стойкое отвращение у сэра Джона Карра. Другие стояли на месте, отбивая ритм ногой в шотландском башмаке и оглашая окрестные холмы дикими и печальными мелодиями пиброха.

Внезапно все стихло — это гонец принес известие о том, что королевское семейство выехало из Балморала. Кланы Мэйфера и Белгравии с надеждой вострепнулись на складных стульях. На холмах обозначилось движение, раздались пробные звуки волюнок. Наконец показался королевский кортеж: в глазах рябило от королевских тартан Стюартов, последовали поклоны, королевскую чету в окружении придворных проводили в деревенскую беседку, где они должны были принимать приветствия кланов. Это величайший миг для всего Бреймарского собрания. Члены кланов потянулись через поле — большинство из них являлись ветеранами королевской охоты и всю свою жизнь провели на окрестных холмах. Шествие было очень красочным: гремели барабаны, развевались знамена, играли военные пиброхи. Первыми шли Стюарты из Балморала, на плечах они несли лохаберские топоры. За ними следовали Макдаффы со своими древними пиками, затем — Фаркуарсоны со сверкающими на солнце клейморами. Приближаясь к условленному месту, вожди кланов подносили к губам эфесы мечей и отдавали военный салют королевской чете.

— Равнение налево!

По этой команде десятки загорелых лиц обернулись в сторону беседки. И что это были за лица! Среди них попадались и молодые, и старые, но именно старые привлекали особое внимание, ибо так походили на лица патриархов из старинных саг. В это трудно поверить, но если бы вы оказались участником королевской охоты на оленей, то вашим слугой стал бы один из благородных стариков с львиным профилем.

Если вы прикроете глаза, то легко сможете представить себе другое — более дикое и грубое — собрание на берегах Мара. И поймете, как выглядела на Куллоденском поле пехота — та самая, которая после первого залпа отбрасывала в сторону мушкеты и с мечами в руках бросалась на вражеские штыки. А теперь мне хочется спросить: в чем же заключается урок Бреймарского собрания? Мне кажется, что урок этот (если он вообще существует) состоит в следующем: в тот миг, когда последняя колония кельтов уступила место современному миру, из нашей жизни ушло нечто героическое и благородное...

Празднество продолжалось до самой темноты. Одетые в килты члены кланов стояли у дверей своих скромных домов и наблюдали, как королевский кортеж медленно удаляется по горной дороге. Печально гудели волынки в закатных лучах. Судя по всему, Бреймар отчаянно не хотел прощаться с былыми временами. На холмы опускалась тихая ночь. Завтра настанет новый день, языческие боги вновь сложат свои килты в сундуки и превратятся в обычных людей, которые ходят по земле в тривиальных современных брюках.

## 7

Если вы хотите полюбоваться идеальными — как на рекламных проспектах — видами Шотландии, то вам следует солнечным днем прокатиться по дороге из Бреймара в Баллатер. Каждый ярд этой дороги напоминает раскрашенную почтовую открытку. Именно здесь, в долине реки Ди, берет начало вся привлекательность, мягкость и грациозность Шотландии. Здесь у вас есть шанс увидеть улыбку Хайленда. И хотя местность выглядит довольно дикой, но опытного путешественника не введет в заблуждение



эта обманчивая дикость. Уж он-то знает, что за каждой сосенкой в окрестностях Балморала ухаживает свой слуга. Не стоит обращать внимания на холодный ветер, принимать всерьез суровость горных пейзажей и безлюдность вересковых пустошей — ведь понятно, что в конце дня вам гарантирована уютная гостиница и горячая ванна.

Перед вами тот самый маленький кусочек Хайленда, который вы чаще всего находите в своем лондонском почтовом ящике с припиской на обороте: «Птицы очень мало в этом сезоне» или «Жду не дождусь дождя» (это, скорее всего, от какого-нибудь рыболова). И пусть он не так живописен, как дикие шотландские холмы, но и в этом крае есть своя прелесть — уютная прелесть мягкого сухого кресла после снежной бури на улице.

Я не спеша ехал вдоль берега Ди. Безукоризненно гладкое дорожное полотно больше напоминало променаду на городской набережной, чем загородное шоссе. В поле зрения попала типичная для этих мест картинка: на некотором удалении от берега маячит фигурка рыболова с большой удочкой для лосося. На берегу рыбака дожидается старый опытный помощник, в руках он держит, судя по всему, еще не пригодившуюся острогу, на губах играет слегка циничная ухмылка. А еще дальше высятся башенки замка Балморал, на одной из них трепещет королевский штандарт. Этот роскошный замок из белого гранита вырос у самого подножия утеса Крейг-Гоуэн — там, где река Ди делает небольшую излучину. Говорят, время от времени здесь появляется привидение: пожилая леди в черном, которая разъезжает в коляске, запряженной лохматым шотландским пони, и с удовольствием рассматривает живописные окрестности. В Хайленде никогда не забудут королеву Викторию. Помнится, в Бреймаре я беседовал с одним стариком, который буквально

молился на покойную королеву и называл ее не иначе как «Ее бывшее милостивое величество».

К приятностям этой дороги относятся также маленькие сосновые лесочки, тянущиеся вдоль обочины. Издали они казались пятнистыми от падавших на них солнечных лучей. Я неоднократно останавливался, чтобы перелезть через невысокую каменную ограду и углубиться в этот зеленый рай. Земля здесь была выстлана мягчайшим папоротником, воздух дрожал от птичьих песен, сквозь которые пробивалось тихое журчание невидимого ручейка. Порой колючие сосны расступались, и взору открывались крохотные полянки, сплошь заросшие желтыми лютиками и голубыми колокольчиками. Поглубже в чаще произрастали совершенно роскошные поганки всех оттенков розового и малинового. Сквозь высокие ровные стволы просматривались высокие горы на противоположном берегу Ди: окутанные розовато-лиловым туманом, они высились до самых небес. Нет, все же что ни говорите, а во всех шотландских пейзажах — даже вот в таких идиллических дубравах — присутствует нечто драматическое. Непонятно, как это получается, ведь лес одинаковый во всем мире. Мне доводилось видеть итальянские леса, которые ничем не отличались от тех, что растут у нас в Сассексе. Однако эти шотландские рощи, тянувшиеся вдоль побережья Ди, ни с чем не спутаешь. Полагаю, если взять какого-нибудь человека на другом конце земли и, завязав глаза, перенести сюда, он сразу бы заявил: «Мы в Шотландии!»

Баллатер...

Это маленький городок, который живет и благоденствует благодаря особой милости королей. По сути, здесь все возникло и получило свои названия в соответствии с высочайшим соизволением. Представляю, какая тут кипит борьба за почетное право втиснуться на крохотную главную улицу Баллатера.

Сколько сил требуется приложить, дабы заполучить заветную резолюцию «По утверждению с его королевским величеством». Но зато уж каждое заведение, каждая лавка на этой улочке украшены невидимым королевским гербом.

К Баллатеру подходит железнодорожная ветка, и здесь же она со вздохом облегчения заканчивается — конечная станция для тех, кто едет в Балморал. По этой древней узенькой платформе ступали все знаменитости викторианской эпохи и добрая половина деятелей более поздних времен — эдвардианского и георгианского периодов. В результате у работников станции давно уже выработался наметанный глаз на отдельные черты государственных деятелей. Ох, какая здесь поднималась паника при виде гладстоновского воротничка! Возле билетных касс выставлялся почетный караул, высокопоставленный багаж заботливо выгружался из грузовых вагонов.

Характерной чертой Баллатера является его исключительная лояльность к правящей фамилии. По сути, здесь царит культ королевского семейства. Даже принц-консорт пользуется глубоким уважением, и никто из горожан не позволил бы себе пренебрежительного замечания в адрес Мемориала Альберта. Это оказалось бы в высшей степени нелояльно!

Баллатер — восхитительное местечко. В гостинице для рыболовов все стены увешаны королевскими литографиями вперемежку с оленьими головами, которые с укоризной глядят на вас своим черными блестящими глазами. Отель построен на самом берегу Ди — так, что какой-нибудь ленивый миллионер может удить рыбу прямо из открытого окна своей спальни. Кстати, оттуда открывается прелестный вид на старый мост и заросшие лесом окрестные холмы. Вы засыпаете и просыпаетесь под веселый плеск реки Ди, которая несет свои воды по неглубокому каменистому ложу.

Я остановился в Баллатере, чтобы заправиться бензином. Человек, который обслуживал меня, вполне мог бы в прошлой своей жизни вытирать вспотевшие бока лошадей и расчесывать им хвосты. На галстук у него я заметил булавку с королевской символикой и подумал: в этом весь Баллатер — самый лояльный городок нашего королевства.

## 8

Поздней ночью я катил по дорожке лунного света в направлении Абердина. Позади Баллатера громоздился величественный отель «Крейгендаррох», а впереди уже маячил «Камбус-о-Мэй», где по обоим сторонам от Ди высились крутые, заросшие ельником склоны... Под луной расстилались призрачно-серые пустоши Диннета... Зеленел своими садами и парками Абойн... Неподалеку от Лумфанана располагался Кинкардин-о-Нейл, где умер Макбет... Далее будет Банхори и небольшой объезд, который выводит к мосту на речке Фью. Там, под его древними арками, река пенится и ревет на каменистых отмелях.

Приходят люди издалека  
Туда, где бежит под мостом река,  
Где рыба прыгает из воды  
И где колдовские видны следы.

Мне подумалось, что эта ночь исключительно подходит для встречи с келпи<sup>[38]</sup>. Дорога ослепительно поблескивала в лунном свете, а по обеим сторонам от нее таинственно темнели горы и леса. И подобный ландшафт сопровождал меня до самого конца путешествия.

## Глава шестая

### Абердин

*Я знакомя читателя с одной из удивительных тайн Абердина; на рассвете я наблюдаю за прибытием рыболовецкой флотилии, присутствую на шотландской свадьбе и встречаю человека в килте.*

#### 1

Я считаю, что в Абердине находится одно из самых таинственных зданий в Шотландии. Оно, как и большинство абердинских домов, построено из серого гранита, благодаря чему производит весьма солидное впечатление. Особенно же выигрышно здание выглядит после сильного дождя, когда поверхность стен «сверкает, будто присыпанная алмазной пылью» (снимаю шляпу перед шотландским писателем, которому пришло в голову это чудное сравнение — вечная ему благодарность!).

Попасть внутрь можно лишь по приглашению, подписанному самим лордом-провостом и заверенному ректором университета и главным констеблем. Прежде всего необходимо преодолеть длинную лестницу с массивными ступенями. Наверху возле вращающихся дверей поджидает огромный швейцар, который придирчиво изучает ваши документы, а затем спрашивает тоном бывшего армейского сержанта:

— В какой отдел — внутренний или экспортный?

— Внутренний.

— Тогда поднимитесь на втор-рой этаж и свер-р-ните направо!

На указанном этаже гранит уступает место мрамору. Здесь тянутся длинные коридоры. Вы сворачиваете, как и было велено, направо и идете мимо бесконечных дверей. По дороге читаете таблички на них: на одних написано «Посторонним вход воспрещен», на других значатся фамилии — «Профессор Макдугал», «Профессор Фрэнк П. Хикинг», «Профессор Эпштейн», «Профессор Ченг». Наконец вы добираетесь до комнаты, которая напоминает одновременно редакцию американской газеты и сортировочную главного почтового управления. Здесь повсюду расставлены маленькие столы, за ними восседают не меньше сотни человек. В центре комнаты находится большой подковообразный стол. Здесь тоже сидят люди, они что-то лихорадочно едят. Время от времени кто-то из сотрудников, сидящих за маленькими столами, поднимается и подходит к расставленным вдоль стен книжным стеллажам. Заглянув в один из многочисленных томов, человек задумчиво возвращается на свое рабочее место.

В помещение постоянно заглядывают курьеры в одинаковой униформе. Они появляются с пустыми плетеными корзинами и сразу же направляются к человеку, который сидит во главе подковообразного стола. Тот быстро раскладывает по корзинкам аккуратно сложенные листовки с машинописным текстом, и молодые люди уносят их в застеленную ковром приемную. Здесь сидит старший начальник (он главнее даже того, кто во главе «подковы»). Начальник жадно просматривает и сортирует доставленные записи: какие-то сразу же уничтожает, остальные штемпелюет при помощи резиновой печати и бросает обратно в корзинки. Свои действия он сопровождает отрывистой командой:

— В сортировочную!

И курьеры бросаются исполнять его приказ. Все организовано очень четко и эффективно: здесь царит

тишина — как в Британском музее, и целесообразность — как в Банке Англии. Лишь иногда рабочая атмосфера нарушается взрывом неконтролируемого смеха, и надо сказать, это всегда крайне смущает случайных посетителей! Однако сами сотрудники не выражают удивления и продолжают заниматься своими делами как ни в чем не бывало. Люди за центральным столом все так же увлеченно едят; те, что сидят за маленькими столиками, лишь морщатся, но не прерывают своей работы. Молодой человек в углу комнаты никак не может справиться с охватившим его весельем. Отшвырнув прочь ручку, он вскакивает с места и громко восклицает:

— Ага, нашел! Что ты скажешь об этом?

Но, похоже, его находка не вызывает энтузиазма у соседей.

— Отстань от меня! — ворчит тот, к которому обращался весельчак.

— Но послушай...

— Я же сказал, *помолчи!* Не желаю слушать твой старый избитый анекдот!

Ужасная бледность разливается по лицу смеявшегося.

— И вовсе не старый, — мрачно возражает он, но в голосе его чувствуется предательская нерешительность. — Это новая шутка.

— Не отвлекай меня! Пойди и спроси профессора.

С видом оскорбленного достоинства молодой человек пересекает комнату и почтительно обращается к человеку за центральным столом.

— Сэр, послушайте: сидят трое — англичанин, ирландец и абердинец и пьют виски...

— Вот как... — поднимает глаза профессор. — Очень интересно!

Несколько обескураженный юноша продолжает:

— Понимаете, сэр, они пьют виски и...

— Ну-ну, продолжайте.

Молодой человек колеблется, и профессор считает своим долгом его приободрить:

— Говорите же, дорогой сэр. Невозможно составить мнение при таком стандартном зачине.

— Итак, сэр, они пьют виски, и тут прилетают три мухи и падают по одной в каждый стакан.

Взгляд профессора приобретает неприятную холодность, но молодой человек, увлекшись, ничего не замечает.

— Англичанин берет ложечку и вытаскивает муху, — зачитывает он. — Ирландец залезает пальцем в стакан и тоже вытаскивает муху, абердинец же...

— Довольно! — громоподобным голосом прерывает начальник.

Сотрудники поднимают головы, работа на время прекращается.

— Мне стыдно за вас, мистер Джонсон! — тем временем грохочет профессор. — Эту историю нам только в прошлый четверг передали по телеграфу из Торонто! Жду вас завтра в моем кабинете, ровно в двенадцать!

Молодой человек пристыженно возвращается на место и садится, уткнув лицо в ладони. Никто не обращает на него внимания. Сосед продолжает читать, то и дело прыскавая в кулак. Тишину в комнате нарушают лишь стук пишущей машинки да шелест бумажек, сбрасываемых в корзинки. Время от времени кто-нибудь из сотрудников подходит к профессору и начинает ему что-то нашептывать. Тот иногда улыбается и похлопывает отличившегося подчиненного по плечу. Но чаще он с сомнением качает головой и шепчет:

— Ступайте на улицу, проверьте!

И тогда сотрудник хватает шляпу и поспешно выходит из здания. Мы тоже покинем комнату и поднимемся лифтом на четвертый этаж. Здесь только



одна длинная комната, на двери висит табличка с надписью:

**ОТДЕЛ ЭКСПОРТА  
ВХОДИТЬ ТОЛЬКО ПО ДЕЛУ**

Внутри движется конвейер, на котором стоят все те же плетеные корзинки. Каждая из них снабжена своим ярлычком: «Сиам», «Малайские страны», «Кенийская колония», «Мексика», «Япония», «Индия», «Канада», «Соединенные Штаты Америки» — в этой комнате представлен весь мир! Возле конвейера стоят люди, которые внимательно следят за плывущими корзинами и выхватывают из потока те, которые соответствуют их специализации. Они достают из корзинок печатные листочки и аккуратно упаковывают их в прочные коробки. Поверх они наклеивают заготовленные бланки с адресами в различных странах мира и бросают коробки в служебный лифт, который доставляет их в почтовый отдел.

— Так вас интересует абердинская печать, — говорит мне энергичный мужчина средних лет; это начальник отдела, профессор Х (увы, мне так и не удалось услышать его имя). — Представьте себе, мы развиваемся семимильными шагами! В этом году мы обработали на полмиллиона анекдотов больше, чем в прошлом. Теперь, когда турки переделали свой алфавит, перед нами открылся новый рынок сбыта. По сути, наши абердинские истории используют в школах. Прошу простить меня...

К нам подошел один из сотрудников, в руках он держал коробочку.

— Взгляните на это, сэр.

— О боже! Старый анекдот про весы для пенни! Где вы его откопали?

— В австралийском ящике, сэр.

— Ужасно! Отошлите его обратно в отдел сортировки и велите перевести на китайский язык. Шесть месяцев назад мы разослали его по всей Австралии.

Служащий удалился.

— Этот человек инспектирует иностранные шутки на предмет свежести, — пояснил мне начальник. — Всегда есть шанс, что какое-нибудь старье проскользнет по ошибке.

— И что вы делаете со старыми шутками?

— Пойдемте со мной.

Он открывает дверь в соседнюю комнату. Там кипит напряженная работа.

— Это отдел перевода. Официально абердинская шутка устаревает через четыре недели. Пять недель спустя она превращается в избитую; а через шесть это уже откровенно плохая шутка. Семь недель — предел, по истечении этого времени шутка мертва! Ну, то есть так считается официально, на самом деле абердинская шутка никогда не умирает. Как только шутка запущена в оборот, ее тут же переводят на все иностранные языки. И даже при таком раскладе нам пришлось бы туго без помощи телеграфа. Кстати, я считаю телеграф самым дорогостоящим способом распространения нашей репутации скупцов. Однако...

Уже подойдя к лифту, профессор останавливается и спрашивает:

— Вы, должно быть, замечали любопытную особенность нашего города. Стоит появиться в абердинской гостинице, к вам обязательно подойдет какой-нибудь человек и поинтересуется: «Вы уже слышали эту шутку?»

— Да, действительно.

— А знаете, как это делается? Так и быть, раскрою вам один из наших секретов. И учтите, большинство абердинцев даже не догадываются о том, что я вам сейчас покажу.

Мы зашли в комнату с надписью «Внешние объекты воздействия». Поперек помещения тянулась длинная стойка. Мы оказались на ее внутренней, служебной стороне, а противоположная, предназначенная для клиентов, была поделена на крошечные кабинки — так, чтобы никто не видел, что делается по соседству.

— Рождение хорошего анекдота сопровождается абсолютной секретностью, — объяснял мне начальник. — Никто не должен знать, откуда взялась та или иная шутка. В идеале они падают на голову, подобно манне небесной. Вот смотрите...

Входная дверь распахнулась и пропустила внутрь группу людей. Каждый бросился в свою кабинку и нетерпеливо, словно в билетной кассе, постучал по прилавку. Я услышал шепот:

— *Есть что-нибудь новенькое?*

Быстрым движением клерк передал клиенту запечатанный конверт.

— *Как договаривались, про евреев и абердинцев?*

— Именно, сэр.

В соседних кабинках происходили аналогичные разговоры.

— Наш отдел «Внешних объектов» работает круглосуточно, — с гордостью сообщил профессор. — А как же иначе, ведь люди приезжают и на ночных поездах. Мы не можем терять клиентуру!

— Удивительное зрелище!

— Вот именно! А теперь, если вы поторопитесь в отель, то как раз успеете к премьере наших шуток — тех самых, которые на ваших глазах были запущены в оборот. Ну что ж, мне пора идти. Между прочим, хочу вам сделать подарок — это совсем новая история, ее еще никто не рассказывал. Итак, один еврей, впервые оказавшись в Абердине, заметил, что на улицах совсем мало таксомоторов. И тогда...

Если помните, в начале главы я назвал это здание самым таинственным во всей Шотландии. Теперь вы сами в этом убедились.

## 2

Абердин (или же Город Согласия, как его иногда называют), несомненно, является одним из краеугольных камней Шотландии. Без него страна не выглядела бы столь правильно и гармонично скоординированной. Образно говоря, Абердин приколачивает северо-восточный край географической карты твердым металлом шотландского характера. Забавно обнаружить эту живую и энергичную общину в той части Шотландии, где естественно было бы ожидать увидеть что-то вроде Голуэя.

На мой взгляд, из всех шотландских городов Абердин обладает наиболее ярко выраженной индивидуальностью. Впрочем, возможно, мне так только кажется из-за того, что я знаю этот город лучше других: в молодости я немало настрадался от его фанатичной страсти к точности. Вообще, надо сказать, что рыжие головы абердинцев являются украшением английской журналистики. Владельцы печатных изданий охотно берут на работу этих трезвых и скрупулезных журналистов, ибо их присутствие в газете сводит к минимуму риск судебных дел по обвинению в клевете. Редакторский карандаш абердинца безжалостно вымарывает со страниц всю словесную шелуху, оставляя лишь надежный костяк реальных фактов. В подобных руках карандаш перестает быть просто карандашом и становится чем-то вроде хирургического скальпеля. Однако для начинающего писателя, который путает свою претенциозность с божественным озарением, нет ничего полезнее, чем годик-другой походить в рабах у

такого вот бывшего школьного учителя из Абердина. В этом я убедился на собственном опыте, когда, будучи молодым журналистом из провинции, приехал в Лондон и занял пост редактора отдела в одной из ежедневных газет. Вот весьма показательная история. Как-то поздно вечером мне передали короткую заметку, в которой рассказывалось, что на фиговом деревце во дворе собора Святого Павла появились плоды — числом семь штук. Я кое-что подправил в тексте, придумал подходящий заголовок и пустил новость в текущий номер. Три дня спустя меня вызвали на ковер к ночному дежурному редактору, урожденному абердинцу.

— Это ваша работа? — спросил он, швырнув мне в лицо газетную вырезку.

— Моя.

— А разве вам не известно, — отчеканил редактор, сопровождая каждое слово ударом по столу, — точность — пер-р-рвейшее-требование-в-нашей-пр-р-рофессии? Прочтите это!

И он бросил на стол читательское письмо. Это было послание одного из тех назойливых идиотов, которые от корки до корки шерстят печатное издание в надежде отыскать хоть малейшую неточность (надо думать, они и сами родом из Абердина). В данном случае читатель сообщал, что самолично побывал во дворе собора Святого Павла и пересчитал несчастные фиги — их оказалось не семь, а восемь! И вот теперь мой редактор стоял, перегнувшись через стол — со включенными рыжими волосами и гневно сверкающими очами — и изливал на меня поток своего сарказма:

— Насколько мне известно, Святой Павел в пяти минутах ходьбы от нашей редакции! Вам не приходило в голову сходить туда и пересчитать фиги?

— Нет, сэр, честно говоря, не приходило. Кроме того, заметку принесли мне в одиннадцать вечера, когда на улице уже совершенно стемнело.

— А что, вы не знаете о существовании такой вещи, как электрический фонарик?

— Об этом я как-то не подумал.

— Жаль вас огорчать, молодой человек, но вы ничего не добьетесь в нашей профессии! Я сам только что был возле собора и, представьте себе, — тут он сделал эффектную паузу, дабы я мог в полной мере ощутить весь ужас своего положения, — *действительно* обнаружил восемь фиг на дереве! Советую впредь быть аккуратнее...

После года работы в редакции я знал назубок все книги, где приводились ссылки на текущие события. Я завел привычку читать на сон грядущий «Кто есть кто», церковный справочник «Крокфор» и «Регистр Ллойда», а в процессе борьбы с «неумолимыми фактами» научился уважать абердинский способ мышления. Могу засвидетельствовать: он наилучшим образом приспособлен для того, чтобы воспитывать квалифицированных и расторопных работников в различных сферах деятельности. Именно благодаря своему абердинскому редактору я выработал такие ценные качества, как острое чутье на факты и добросовестное отношение к мельчайшим деталям. Мозг абердинца представляется мне замороженной энциклопедией.

Для каждого из них родной город — естественная и логичная среда обитания. Абердинцы сделали свой город точно так же, как Абердин сделал их самих. Город этот, построенный из самого твердого в мире материала, стоит в местности, которая на протяжении нескольких месяцев в году является непригодной для человеческого существования. Свою репутацию абердинцы завоевали в ходе многовековой борьбы — причем не только с силами природы, но и с неблагоприятным материальным положением. Мне кажется, что трудолюбие и готовность к борьбе заложены в самой атмосфере города. Посему

Абердин вполне может служить величайшим в мире памятником милосердным богам. Вот только помогают эти боги не всем, а лишь тем, кто помогает себе сам.

Глядя на Абердин глазами иностранца, я понимаю, что город этот как нельзя лучше олицетворяет столь свойственную шотландцам мрачную и упорную решимость в достижении целей. Ведь если задуматься, то в чем корни непоколебимого шотландского характера? Прежде всего в полном отсутствии социального комплекса неполноценности — той самой черты, которая изрядно осложняет жизнь англичанам. Ну и, конечно же, немалую роль играет несокрушимая вера в свои силы. Шотландцы нисколько не сомневаются, что упорным трудом можно преодолеть все беды, даже недостатки происхождения. Стоит ли поэтому удивляться, что родной город абердинцы воспринимают как некий надежный якорь в существующей реальности. Недаром здесь бытует присказка: «Уберите Абердин с его 12-мильной зоной — и где вы окажетесь?»

Я неплохо знаком с абердинской системой образования — лучше, чем с какой-либо другой, за исключением Оксфорда и Кембриджа (хотя, как мне кажется, подобное сравнение не вполне правомочно). Серое здание Маришал-колледжа является одним из самых эффектных на Британских островах. Мне говорили, что лучше всего смотреть на него после дождя. Но мой собственный опыт подсказывает, что еще лучше (да что там «лучше» — попросту великолепно!) оно выглядит в свете полной луны. Если не брать в расчет испанский Эскориал, этот колледж представляет собой крупнейшее в мире строение из гранита. И тем не менее оно не производит впечатление неуклюжей громады. По части изящества линий и благородства пропорций Маришал-колледж даст сто очков вперед

любому готическому зданию, возведенному из этого материала.

Однако данный университет знаменит не только готической архитектурой. Большинство горцев связывают с ним свои мечты о славе и преуспевании в жизни. Дело в том, что ежегодно Маришал-колледж выделяет двести пятьдесят стипендий для одаренных студентов. И сегодня эти стипендии кажутся обитателям маленьких крофтерских хижин не меньшим подарком судьбы, чем в прежние времена было крупное стадо для их предков. Каждый год в Абердин съезжается целая армия молодых людей с хорошими мозгами, но пустыми кошельками. Все они одержимы мечтой заполучить драгоценную стипендию, и уж будьте уверены: если повезет, то они в полной мере используют свой шанс. Над входом в Маришал-колледж красуется надпись:

**ГОВОРЯТ — БЕРЕГИСЬ!  
СКАЖУ В ОТВЕТ:  
ПУСТЬ ГОВОРЯТ!**

Эти же слова Бернард Шоу высек на каминной доске в своем старом доме на Адельфи-террас. Однако, по слухам, честь их создания принадлежит Джорджу Кейту, пятому графу Маришалу и основателю колледжа. Говорят, именно таков был дерзкий ответ графа тем, кто оспаривал его права на церковные земли, приобретенные в ходе реформации.

Спросите у любого приезжего иностранца, каково его впечатление от Абердина. И большинство охарактеризует Абердин как город гранитных дворцов, в которых обитают люди с таким же твердым и несокрушимым характером (они тверды во всем, даже в своих предрассудках). Красота Абердина базируется на ощущении цельности и единообразия. Этот город не подвержен веяниям времени, ничего более вечного и



стабильного не появлялось на свете после знаменитых храмов Карнака. И я уверен, что в будущем — когда исчезнут некоторые древние улицы — Абердин завоюет славу самого совершенного в архитектурном отношении города Шотландии (во всяком случае второго после Эдинбурга).

Если и есть на Британских островах города, которые получили известность благодаря шутке как таковой, то это, конечно же, Уиган в Ланкашире и Абердин. Вот только отношение к этим шуткам у них в корне различное. Помнится, секретарь городского совета Уигана прилагал огромные усилия, чтобы опровергнуть комическую репутацию родного города. В отличие от него, абердинцы наслаждаются шуточками о себе — точно так же, как евреи забавляются анекдотами о своей нации. И вопреки расхожему мнению это, пожалуй, единственное сходство между евреями и жителями Абердина. Как выяснилось, все остроумные истории про абердинцев создаются и распространяются самими абердинцами. А делается это с одной целью — создать бесплатную рекламу городу!

### 3

Раннее утро. Солнце только поднимается из-за горизонта. Окрестности Абердина оглашаются стуком копыт и веселым перезвоном — это тащатся ломовые лошади, тяжело ступая по каменным мостовым. Я тоже встал пораньше, ведь на сегодня у меня запланировано посещение одного из самых удивительных мест Абердина — утренних торгов на Рыбном рынке.

В самом начале Маркет-стрит я остановился, захваченный неожиданным зрелищем. Пробиваясь сквозь облачную завесу, лучи восходящего солнца создавали удивительный эффект северного сияния. На

фоне великолепных переливов лимонно-желтого и нежно-розового цвета загадочно темнели контуры моста. Я охотно верю, что при другом освещении ничего таинственного в этой картинке не было бы — ну, мост и мост, простая конструкция из стали, соединяющая между собой два городских причала. Стоит себе, отражаясь в зеркальной глади неподвижной воды. Но сейчас, в неверном утреннем свете, его цилиндрические опоры напоминали круглые башенки, а сам мост становился похожим на древний приграничный замок, тихо дремлющий над крепостным рвом.

На мой взгляд, абердинский Рыбный рынок — место, которое должен посетить любой гость города. Впрочем, наверное, то же самое можно сказать о любом рыбном рынке. Покажите мне мужчину, который пройдет мимо рыболова и не попытается украдкой заглянуть к нему в ведро. Подобное любопытство заложено в самой человеческой натуре. Что же тогда говорить об огромном рыбном торжище, где на каменном полу выложены несметные богатства морских глубин!

Этот рыбный рынок является крупнейшим в стране. Он представляет собой широкий крытый переход, который тянется вдоль берега бухты Альберт-Бейсин. У набережной паркуется рыболовецкая флотилия — знаю, что надо говорить «стоит на якорю», но не могу отделаться от навязчивой ассоциации с автомобильной парковкой. Тем более что суда стоят плотно, словно машины на платной стоянке Дерби. Их палубы усыпаны рыбной чешуей и остатками толченого льда. Дымовые трубы покрыты морской солью, а на высоких полубаках еще не успели обсохнуть брызги Северного моря. Из люков выглядывают угрюмые лица механиков, а по грязным сходням грохочут тяжелые башмаки матросов. Эти рыболовецкие суда, освобождающиеся от ночной добычи, являют собой живописное, волнующее и даже захватывающее (как и все, что связано с морем)

зрелище. Пройдет совсем немного времени, и флотилия растает на морских просторах — еще до того, как выгруженная рыба будет выложена на всеобщее обозрение.

Пока же процесс в самом разгаре. Представьте себе тысячи голозадых младенцев, которых беспрерывно шлепают их строгие няньки, и вы получите звуковой фон абердинского Рыбного рынка в процессе разгрузки рыболовецких судов. Тысячи и тысячи рыбин — разнообразных форм и размеров — шлепаются на бетон! Это продолжается около часа, пока флотилия не выгрузит свой улов. Вслед за тем появляются работники рынка, которые разбирают рыбу по сортам и скидывают в огромные пирамидальные кучи. Их сменяют люди, напротив, разбирающие эти неустойчивые пирамиды и раскладывающие рыбу в аккуратные, безнадежно мертвые ряды. Такое «массированное» зрелище смерти, да еще перед завтраком — просто удивительно, как оно не смущает посетителей рынка. Я думаю, если бы они увидели такое же количество распростертых туш овец или быков, то навсегда бы превратились в вегетарианцев. Однако здесь смерть — которая столь же реальна для рыб, как и для млекопитающих — почему-то воспринимается вполне спокойно и естественно. Если нам кого и жалко, то лишь золотых рыбок (да и то потому, что гибель домашних питомцев затрагивает нас лично).

Похоже, я прошел уже не одну милю, разглядывая мертвую рыбу. Вообразите себе наш Стрэнд — примерно от Темпл-Бара и до Чаринг-Кросс, — сплошь устланный пикшей, камбалой, палтусом, серебристой мерлузой, хеком, треской, налимом, скатом и лобстером. Представили? Тогда вы имеете примерное представление о том, как выглядит рано утром абердинский Рыбный рынок. Я слышал немало разговоров о том, что положение дел в рыболовецкой

отрасли можно улучшить, закупив специальные траулеры. Однако мне трудно это представить на практике, мешает мысль: куда уж лучше? Вид ежедневного урожая, собранного с морских пажитей, производит ошеломляющее впечатление. Человек, не связанный с морским промыслом, с трудом может поверить, что это происходит ежедневно на протяжении многих лет.

Прогуливаясь по рынку, я чувствовал себя генералом на смотре армейских корпусов. Бедная рыба лежала ровными рядами и, подобно солдатам на плацу, была разделена на подразделения: каждое из них стояло (то бишь лежало) под своим углом и с собственным «сержантом» во главе. Через равные промежутки направление укладки слегка менялось — делалось это для облегчения подсчета товара. Здесь были гигантские скаты с похожими на жало хвостами; рядом лежали огромные палтусы, поднятые со дна моря; попадалась треска, больше смахивающая на молодую акулу. Некоторую рыбу явно доставили с Фарерских островов.

— И сколько всего здесь рыбы? — спросил я у работника рынка.

— О, сегодня не слишком удачный день! — охотно откликнулся он. — Не больше четырехсот тонн.

— Четыреста тонн? То есть сорок 10-тонных железнодорожных вагонов! И вы хотите сказать, что это плохой улов — поезд из сорока вагонов?

— Уж поверьте, дружище: это совсем не выдающийся улов! Вам следовало бы прийти на рынок, когда здесь выложено семьсот тонн. Вот тогда бы вы подивились...

После того как рыба разложена на бетоне, происходит нечто совершенно непонятное. Во всяком случае это самая таинственная коммерческая операция, которую мне довелось наблюдать. На рынке появляются аукционисты. Они идут мимо рыбных батальонов, делая

пометочки в маленьких записных книжках, а следом за ними катится толпа потенциальных покупателей. Все выглядит исключительно пристойно — ни криков, ни оживленной жестикуляции, лишь изредка падает короткая фраза, смысл которой от меня ускользает. Создается впечатление, будто эти люди участвуют в какой-то непонятной заупокойной службе. Я предоставляю право другим иностранцам самостоятельно выяснять, что происходит в этот миг между рыбными аукционистами и их покупателями. Вы можете быть очень опытным человеком в других областях. Допускаю, что вам удастся сторговать на аукционе Кристи подлинного Рембрандта за сто тысяч фунтов, но бьюсь об заклад: вы не сможете купить ни единой трески на Рыбном рынке Абердина! Это не аукцион в общепринятом смысле слова, скорее уж какое-то тайное общество со своими ритуалами.

Но какова бы ни была формула происходящего действия, следует признать, что она очень эффективна. Прошло совсем немного времени — едва ли больше, чем понадобилось бы для простой пробежки по рынку, — и все эти кучи оказались проданными. Необъятное количество рыбы таяло на глазах — подобно сугробам на весеннем солнышке. Вот уже оголился асфальтовый пол рынка, скоро на нем не останется ни единой рыбины.

— И куда пойдет вся эта рыба? — поинтересовался я у того же служителя.

— Главным образом в Лондон.

— А сколько времени уйдет на транспортировку?

— Уже завтра утром лондонцы будут есть ее на завтрак.

Воистину, это производит впечатление. Вот он, звездный час Абердина!

Отель, в котором я остановился, очень большой. Центром оживленной многонациональной жизни служит просторная гостиная на первом этаже: примерно с семи вечера и до полуночи ее заполняют толпы приезжих гостей и местных франтов. Старый разбитый рояль орехового дерева возвышается в окружении позолоченных стульев, подобно ветхому мудрецу в компании недорослей. После того как часы пробьют двенадцать, на его пожелтевших клавишах останется целая батарея стаканов от виски — ну чем не памятник умершему веселью?

Снаружи, во тьме ночного Абердина, кипит жизнь. Несколько кинотеатров, дансинг и длинные мощеные улицы заполнены оживленными молодыми людьми: они прохаживаются туда и сюда, иногда встречаются друг с другом, на лицах то и дело расцветают улыбки. В толпе царит игривое настроение, добродетель на время позабыта.

В гостиной отеля тоже веяло скрытым пороком. Два коммивояжера развлекались способом, который никак бы не одобрили их работодатели, не говоря уже о женах. Они распивали виски с двумя хорошенькими барышнями, судя по всему, местными жительницами. В оправдание непутевых коммивояжеров надо сказать, что барышни были очень хорошенькими. С этим согласился бы даже пожилой мужчина добродетельной наружности, который сидел в уголке и украдкой поглядывал на веселившуюся компанию. Взгляд его то и дело останавливался на розовой диамантовой подвязке, которая с нахальной беспечностью красовалась над обтянутым шелком коленом прелестницы. Тут же в креслах расслабленно возлежали молодые люди со всех концов Англии и Шотландии. Сейчас, когда все дневные дела остались позади, они были очень даже не прочь устроить шумный кутеж. И устроили бы, если б нашли в себе силы подняться на ноги...

Часы пробили полночь. В зале появился изможденный мальчик-слуга. Он принял еще один заказ на виски и удалился, прихватив пустые стаканы с беспутного рояля. Здравый смысл наконец-то возобладал, и гости отправились спать. После себя они оставили густое облако табачного дыма, скомканные газеты, пустые стаканы, человека в кресле — по виду совершенного мертвеца, и непоколебимое убеждение в том, что «в гостях хорошо, а дома лучше».

А вот тот же самый отель на следующий день, в два часа пополудни. Зала, имевшая в полночь совершенно безнадежный вид, за это время успела, похоже, окунуться в колодезь вечной молодости и обрести новую жизнь. Солнечные лучи бьют в окна и отражаются в начищенном паркете. Золотые стулья расставлены вдоль стен и своей чопорностью напоминают компанию ливрейных лакеев. Даже старый рояль-алкоголик в некотором роде вернул себе былую невинность. Широкий камин в псевдоадамсовском стиле очищен от пыли и приукрашен. На середине комнаты установлен небольшой письменный столик, а на нем уже приготовлены ручка с чернильницей, девственно чистая промокашка и Библия. В половине третьего здесь состоится свадьба.

Предвижу недоумение со стороны своих соотечественников. Англичане, наверное, самые романтичные люди на земле. Вопреки всем теологическим учениям, они до сих пор веруют, что браки заключаются на небесах, и не соглашаются праздновать столь важное событие нигде, кроме как в церкви. Даже бюро регистрации вызывает у них внутренний протест. Шотландцы лишены наших предрассудков. В Шотландии свадьбу можно организовать где угодно. Процедура бракосочетания упрощена до крайности: достаточно лишь, чтобы

мужчина и женщина в присутствии свидетелей заявили о своей готовности стать мужем и женой. Ежегодно по всей Шотландии сотни свадеб играют в гостинных отелях. Кое-кто по-прежнему предпочитает пасторальную обстановку Гретна-Грин...

Постепенно начинают съезжаться гости. Стоящие у входа девушки щедро осыпают их разноцветными конфетти. Не щадят никого — ни случайных прохожих, ни кучку недовольных ротарианцев, вынужденных на время покинуть гостиницу. Метрдотель, который взял на себя функции главного церемониймейстера, стоит наготове с одежной щеткой и очищает костюмы гостей. Еврея, который пытался получить справку относительно поездов на Эдинбург, отсылают к коридорному. Мальчик-слуга усердно выметает конфетти, залетевшие в вестибюль отеля.

— Ну до чего глупый обычай, — негодует метрдотель. — Вон еще и дождь собирается, все налипнет к ступенькам, как разноцветная каша...

У входа останавливается автомобиль, из него выходит священник в сутане и шелковой шляпе. Интересно, неужели его тоже осыплют конфетти? Нет, не посмели! Священник поднимается по ступенькам — строгий, неприступный; к груди он, как щит, прижимает Библию. Преображенная гостинная потихоньку заполняется: почти все мужчины в пиджачных парах, женщины щеголяют в лучших вечерних туалетах. Священник с достоинством занимает место у стола и некоторое время возится с чернильницей. Тут он замечает, что подол его сутаны располагается слишком близко от растопленного камина. Непорядок! Молодые люди из числа приглашенных передвигают столик немного вперед. Теперь он стоит ровно на том месте, где вчера ночью сидели веселые коммивояжеры и обладательница подвязки.



Напустив на себя серьезный вид, метрдотель оборачивается к мальчишке-лифтеру и произносит торжественным тоном палача:

— *Спустить вниз жениха!* Комната номер тр-р-ридцать два!

И вот в зале появляются жених с шафером — оба потные и ужасно смущенные. Они становятся перед столиком лицом к священнику.

— *Спустить вниз невесту!* — командует тем временем метрдотель. — Комната номер пятнадцать!

Лифт поспешно взмывает вверх.

— Все это ужасно хлопотно, — жалуется метрдотель. — По обычаю они не должны видаться до свадьбы. Просто беда...

Он поспешно оборачивается на звук спускающегося лифта и распахивает дверцы перед очаровательной невестой в белом платье. И вот тут происходит удивительное, просто маленькое чудо! В тот миг, когда невеста со своими подружками входит в гостиную, раздается тихая музыка — торжественный и нежный «Свадебный марш» из «Лоэнгрина». В церемонию включился наш невероятный рояль! Старый алкоголик, чья клавиатура еженощно служит пристанищем для пустых стаканов, приветствует новобрачную! Его глухой, надтреснутый голос облагораживает казенную гостиничную залу и придает ей неуловимый оттенок духовности. Вот теперь все как надо!

Жених и невеста нервно топчутся перед священником. А наш удивительный рояль выдает еще один трогательный куплет.

Служба идет своим чередом. Я гляжу во все глаза и ощущаю легкий дискомфорт: никак не удастся увязать эту сцену — такую чистую, искреннюю и благоговейную — с тем, что видел ночью. Как все изменилось вокруг! Постояльцы гостиницы на цыпочках приближаются к дверям и пытаются заглянуть в комнату. Проняло даже

старых, безнадежных пьяниц, которые привыкли допоздна просиживать в этой комнате за стаканом виски. Сейчас они стоят притихшие и трогательные в своем интересе к свадьбе. Люди, спешащие по делам, обязательно останавливаются, умиляются — «О, свадьба!» — и просветленными идут дальше. Длинные гостиничные коридоры согреты теплом человеческого счастья. Даже на кухне царит праздничная атмосфера. В этот час отель становится чем-то больше, чем просто отелем. Непреклонные дамы за стойкой портье смягчаются, их щеки окрашиваются нежным румянцем — словно светятся отраженным светом чужой радости. Незабываемое зрелище!

Только метрдотель — временный распорядитель в этом храме молодости и любви — сохраняет озабоченный и неприступный вид. Прислушиваясь к тому, что происходит в вестибюле, он недовольно шепчет: «Ну что за несносный мальчишка! Скажите Бобу, чтоб он потише шаркал чертовой метлой!»

Жених лихорадочно шарит по карманам новых полосатых брюк и Наконец извлекает на свет обручальное кольцо. Присутствующие женщины с трудом сдерживают слезы. Невеста вытягивает вперед левую руку, и парень неуклюже надевает ей на палец кольцо. Уши его пылают от смущения. Священник объявляет их мужем и женой. Склонив головы, парочка получает пасторское благословение. Свершилось! Они женаты. Новобрачные придвигаются друг к другу, теперь они стоят на дюйм ближе, чем прежде. Она берет его под руку, и в этом обыденном жесте сквозит легкое, почти неуловимое проявление нежности.

В этот миг из холла доносится насмешливый голос:

— Ну все, попался!

Молодой человек в брюках гольф — из числа завсегдатаев отеля — цинично улыбается, однако никто из друзей не поддерживает его шутку. Молодые

шалопаи притихли и с необъяснимым благоговением наблюдают за чудом, которое творится в гостиной. Они похожи на злобных лазутчиков, внезапно узревших землю обетованную.

Старый рояль, главный герой гостиничной залы, возвышает свой хриплый голос с западающими регистрами и вновь исполняет свадебный марш. Молодые проходят в обеденный зал, где их дожидается праздничный торт — белоснежная пагода, вздымающаяся над цветочным морем...

Семь часов вечера. Жених и невеста уже отбыли, но гости-то остались! В просторном холле, где снова снуют оживленные ротарианцы, рояль заводит традиционный рил.

И вот уже десятки ног пускаются в пляс, отбивая четкий ритм — раз-два-три! Затем слышится чье-то пронзительное «и-и-эх!» в сопровождении взрывов хохота...

А в это время в гостиной... Увы, она вновь вернулась к своему обыденному виду. Куда подевался храм любви? Здесь снова стелется табачный дым. Все светские шалопаи сидят по своим креслам. Абердинцы рассказывают анекдоты про Абердин. Официант курсирует с подносом, на котором стоят бокалы с сухим martini. Ба! А вот и подвязка — как ни в чем не бывало сияет над шелковым коленом.

И кто-то уже успел поставить грязный стакан на старый рояль.

Предоставим свадьбе идти своим чередом, а я тем временем расскажу вам об одной встрече, которая состоялась тут же, в гостинице. Я вышел в вестибюль и

увидел немолодого уже шотландца в килте и лихо заломленном берете. Пока он шел через холл, все присутствовавшие оборачивались и приветственно ему махали. Это был типичный Джок. Даже раскрась его лицо черной краской и помести среди зулусских воинов, мужчина все равно выглядел бы стопроцентным шотландцем. Он был невысок ростом, коренаст и гладок лицом. Носил очки с шестиугольными стеклами и курил шестидюймовую вересковую трубку. На мужчине был длинный, почти до колен инвернесский плащ, из-под него выглядывал клетчатый килт с узором Маклаудов. Кто-то начал насвистывать ему вслед мелодию «Просто паренек с клинком». Его поддержал другой: «Хватит трепаться, Джок». И еще один: «Скитаюсь в сумраке».

А маленький шотландец в килте все улыбался и махал рукой. Из толпы слышались возгласы:

— Как поживаете, сэр Гарри?

— Спасибо, а вы как?

Знаю, что какой-нибудь рафинированный эстет презрительно фыркнет, но все же выскажу свое мнение. По-моему, со времен сэра Вальтера Скотта никто не сделал так много для пропаганды своей родной Шотландии, как сэр Гарри Лаудер. Это благодаря ему во всем мире теперь знают как минимум одно гэльское выражение «*deoch an dorus*» (прощальная стопка, что называется, «на посошок»). Он же ввел в обращение шотландские слова «*gloaming*» (сумерки), «*glen*» (горная долина) и «*lassie*» (девушка) и прекрасную в своей избыточности фразу «*braw, bricht, moonlicht night*» (чудесная, светлая, лунная ночь). Миллионы людей, которые никогда не видели (и не увидят) Шотландии, тем не менее испытывают теплые чувства к стране, породившей такого сына. Гарри Лаудер воплощает самые лучшие, самые характерные черты шотландского характера. Что касается его таланта, то это вообще отдельная тема. Его гений — нечто из ряда вон

выходящее. Вы, наверное, замечали, какая напряженная тишина наступает в зале, когда объявляют его выступление. В том, как Гарри появляется на сцене — маленький нелепый «горец» с уродливой желтой тростью; как, не смущаясь ярких софитов, выходит на самую авансцену и тут же плотно завладевает вниманием зрителей — во всем этом сказывается его яркое, безусловное дарование. Во время выступления у него возникает столь тесная эмоциональная связь с аудиторией, что малейшие нюансы его поведения на сцене приобретают небывалое значение. Мимолетный взгляд, едва уловимая интонация, легчайшее движение мышц кажутся публике важными и наполненными скрытым смыслом. А ведь Гарри Лаудера нельзя назвать блестящим мыслителем или особо остроумным человеком. Но зрителям это не важно, они охотно внимают всему, что говорит их любимец. Гарри Лаудеру прощается все, и любая его шутка (пусть и самая банальная) вызывает смех в зале. Воистину, обаянию этого человека невозможно противиться.

А как безошибочно действует обычный прием Лаудера, когда он прерывает песню на середине, чтобы перекинуться парой задушевных слов с публикой. И у каждого из слушателей создается впечатление, будто он обращается именно к нему! Местный говорок Гарри Лаудера, исконные шотландские выражения, которыми он пересыпает свою речь — идеальное средство для тихой, доверительной беседы. Все, что он говорит в перерывах между исполняемыми песнями, выглядит стопроцентной импровизацией. Трудно поверить, что слова эти заготовлены заранее.

Лаудер мастерски управляет аудиторией. Вот он заводит веселую, разудалую песенку вроде «Брожу я в сумерках», и когда, следуя за его настроением, публика уже готова пуститься в пляс, внезапно переключается на грустные и пафосные песни. Лаудер достаточно умен,

чтобы делать это резко и грубо. Но понаблюдайте, как он говорит что-то смешное — публика, естественно, смеется от души; за первой шуткой быстро следует вторая, но уже с оттенком чего-то серьезного, а затем Гарри вдруг начинает рассказывать историю из военных времен. Неожиданно? Да. Но он говорит так искренне и просто, что все слушают его, затаив дыхание. Маленький шотландец стоит в ослепительных огнях рампы и произносит слова, которые идут из глубины сердца. Во всем, что он говорит, нет ни капли фальши; каждое слово — правда. Поэтому ему верят безоговорочно. За какие-нибудь две минуты ему удастся переключить зал (а ведь там сидят сотни мужчин и женщин, различных по своему характеру и складу ума) с одной эмоции на другую, зачастую диаметрально противоположную. Такое под силу лишь большому мастеру! И, подозреваю, что дело не только (и не столько) в мастерстве. Просто в душе этого человека есть нечто доброе, чистое и хорошее, и именно данные качества резонируют с аналогичными чувствами его собратьев. Проходит несколько секунд, и публика вновь смеется. Как он это сделал? Да просто улыбнулся! Этого достаточно, чтобы все лица расцвели ответными улыбками. Снова слышится веселая музыка, и вот уже этот удивительный маленький человечек опять «бродит в сумерках»! Гарри Лаудер — единственный весельчак, которому дозволяется грустить на эстраде, и я почитаю это величайшим комплиментом его таланту.

Смешные истории, которые Гарри рассказывает о себе самом, так нравятся людям, что они придумывают новые анекдоты и приписывают их артисту. Вот один из них:

Гарри рос очень беспокойным ребенком. По словам его матери, он так шумел, что

разгневанные соседи приходили с вопросом: у вас что, близнецы завелись?

Гарри Лаудер любит вспоминать свое тяжелое детство (и, кстати, в этом он похож на многих успешных шотландцев). Начинал он действительно нелегко: работал на льноперерабатывающей фабрике в Арброте, трудился по двенадцать часов — с шести утра до шести вечера — за жалкие два шиллинга и один пенс в неделю. А после этого еще сидел до полуночи — помогал матери дергать пеньку для веревок, — чтобы заработать дополнительные три шиллинга в неделю. Но в этих воспоминаниях звучит нечто большее, чем законная гордость за свои успехи. Мне запомнилось одно замечание Лаудера, очень шотландское по своей сути. «Разве такое забывается? — вопрошал он. — Человек, переживший подобное в начале жизни, не станет важничать и ставить себя выше других. Воспоминания о собственных трудностях приучают нас к скромности».

Довелось Гарри поработать и на рудниках Гамильтона, маленького шахтерского городка неподалеку от Глазго. Здесь, на самодеятельных концертах шахтеров, впервые раскрылись его таланты эстрадного артиста. Затем пришел и первый успех: юноша победил на местном конкурсе певцов. После этого его карьера пошла в гору, и скоро Лаудер уже зарабатывал тридцать пять шиллингов в неделю. Он начал разъезжать с концертами по Шотландии, а в марте 1900 года состоялось его выступление в Лондоне — на сцене мюзик-холла Гэтти. Рассказывают, что как-то на концерте Лаудера присутствовала группа шотландцев. Не в меру развеселившись, они принялись шуметь, на сцену полетел чей-то боннет. Работники театра попытались вывести нарушителя порядка из зала, но он закричал, обращаясь к артисту:

— Эй, Гарри! Не позволяй им выгнать меня вон. Ведь мы с тобой знакомы еще с Глески!

На что Лаудер ответил:

— Ну так и не позволяй им себя выгнать. Помни, что ты шотландец! Держись, брат!

Однако самые лучшие, на мой взгляд, слова он сказал, когда произнес: «Я уважаю свою нацию и те простые человеческие ценности, которые ей присущи». В этом высказывании — разгадка непреходящего обаяния сэра Лаудера.



## Глава седьмая

### Инвернесс и Куллоден

*Настоящий шотландский завтрак и моя прогулка по элгинскому кладбищу. Я отправляюсь сначала в Форрес, а затем в Инвернесс, где посещаю Куллоденское поле.*

#### 1

Порой судьба делает нам подарок в виде удивительного утра — такого, какие случались лишь в далеком благословенном детстве. Просыпаешься и чувствуешь: к тебе ненадолго вернулись былая радость жизни и острота восприятия. Окружающий мир вновь распахивается перед тобой во всем своем необъятном величии и влечет в неведомые дали. Ты ощущаешь легкий зуд в кончиках пальцев и трепещешь, словно замер на пороге великого открытия. В такие минуты кажется, будто дух твой покинул брренное тело и, опережая события, отправился путешествовать по чужим мирам.

Стояло именно такое экстатическое утро, когда я ехал вдоль берега реки Дон, направляясь в Инверери. Было так рано, что осенний туман еще не успел рассеяться и лежал на полях длинными, плотными — в пояс высотой — полосами серебра. По краям туманная пелена истончалась, превращалась в тонкую серую субстанцию, которая расползалась по земле, набиваясь в каждую выемку и ложбинку. Она курилась на дне неглубоких овражков и казалась призраком давно пересохших ручьев. Затем взошло солнце и разогнало туман. Земля обнажилась во всем сиянии пригожего утра. Взору открылось пустующее жнивье с

выстроенными в ряд золотыми снопами. Ветерок приносил с моря свежий, студеный воздух, в него вплетались сладкие запахи ранней осени. Земля радостно улыбалась новому дню, как улыбается счастливая женщина, прижимающая к груди любимое дитя. Внезапно мне расхотелось ехать дальше на автомобиле. Ведь как, наверное, здорово прошлепать в отсыревших башмаках по росистой траве и углубиться в темнеющие за ближайшим пригорком заросли папоротника. Я остановил машину, с наслаждением потянулся и зашагал по едва заметной тропинке, уводившей в глубь луга. Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь блеянием овец и монотонным жужжанием пчел, которые с утра пораньше вылетели по своим пчелиным делам. Пройдя с милю или около того, я задержался возле полянки, густо заросшей наперстянкой. С детским любопытством наблюдал я за мохнатым тельцем шмеля, который, судя по всему, застрял в мокром цветке и теперь отчаянно дергал шерстистыми лапками, пытаясь выбраться. Эта сценка неожиданно развеселила меня. В голову пришло, что это, пожалуй, самое забавное зрелище в природе. Конкурировать с ним может лишь вид ныряющих уток. Вы и сами наверняка видели, как это происходит: громкий всплеск, и снаружи остаются лишь две беспорядочно дергающиеся лапки. Глупейшая картина! Остается только ждать, когда счастливая обладательница этих лапок снова вынырнет и заскользит по водной глади с серьезным видом дегустатора, вполне удачно завершившего свой гастрономический эксперимент.

Вскоре я набрел на маленькую речушку (полагаю, это был Деверон в окрестностях Хантли), которая весело бежала по галечной россыпи. Коричневато-бурый поток выглядел столь многообещающе, что я почти различил плеск резвящихся лососей и разглядел призрак самой

жирной в Шотландии форели. Я отправился дальше и уже на границе Абердиншира и Банфшира вдруг вспомнил, что не успел позавтракать. И словно в ответ на мои тайные пожелания Господь ниспослал мне чудное видение: за поворотом дороги стояло несколько аккуратных домиков. На стене одного из них красовалась вывеска «Завтраки с чаем». И хотя я отдавал себе отчет, что подобная надпись может означать очень многое или не значить вообще ничего, ноги мои сами зашагали в ту сторону. Подгонял меня восхитительный запах жареного бекона, который выплывал из задних дверей домика и терялся в зарослях жимолости, выполнявшей функции живой изгороди. Дверь была открыта, за ней обнаружилась маленькая гостиная с опрятными столиками. Это зрелище — восхитительное само по себе — настолько соответствовало моему утреннему настрою, что на какое-то время я просто лишился дара речи. Впрочем, быстро опомнился и вступил в переговоры с хозяйкой. Да, конечно, здесь можно позавтракать, сэр. Приготовить для вас овсяную кашу? Нет, здесь не Волшебная страна, но все равно спасибо, вы очень добры! А, может, сэр предпочтет яичницу с беконом? Сэр предпочел. Девушка с неулыбчивым веснушчатым лицом и застенчивым взглядом удалилась на кухню, а я вышел во двор еще раз вдохнуть свежего утреннего воздуха. Там было устроено нечто вроде крохотного открытого ресторанчика: несколько обшарпанных металлических столиков и раскладные стулья. От дороги их отделяла все та же живая изгородь из жимолости, которая в настоящий момент прямо-таки вибрировала от пчелиного жужжания. Внимание мое привлек черный ретривер, который сидел с крайне умильным выражением на морде. Мне немедленно вспомнились Пеллеас и Мелисанда, Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, а также прочие образы трагических

любовников в мировой литературе. Завидев меня, пес поднялся и завел безмолвную беседу. Он сообщил, что очень рад моему появлению. Что он с удовольствием отвел бы меня кое-куда и показал кое-что интересное. Однако (тут пес горестно вздохнул) он полагает, что меня — как и всех остальных посетителей — сюда привело чувство голода и я вряд ли соглашусь уйти без плотного завтрака. Ретривер щелкнул зубами на пролетавшую мимо пчелу, промахнулся и снова мне улыбнулся. Мне показалось, что он готов опрокинуться на спину и начать кататься, как маленький щенок. Наверное, я смог бы почесать ему пузо и затеять веселую возню. Кто знает, какие горизонты открыла бы передо мной эта внезапная дружба... Но в тот самый миг в двери показалось уже знакомое веснушчатое лицо, и пронзительный голос радостно возвестил: «Завтрак ждет, сэ-эр!»

Шотландия — самое подходящее в мире место для проголодавшегося человека. Франция с ее таинственной и претенциозной кухней годится лишь для худосочных и застенчивых жеманников, которых надо вежливо приглашать к столу и потчевать микроскопическими порциями вычурных деликатесов. Но если человек обладает честным, здоровым аппетитом, к тому же подогретым длительным пребыванием на свежем воздухе, тогда ему следует как можно скорее двигать в сторону шотландской кухни. Только здесь (и нигде более!) он сумеет утолить голод с минимальным риском для своего организма. Эти великолепные супы — непревзойденные короли кухонных кастрюлек — не имеют аналогии нигде в мире. Это настоящая пища богов! Но не тех аристократических анемичных созданий, что восседают на облаках, а грубых волосатых богов, которые ломаются через вересковые пустоши с добрым мечом в руках и громовым голосом перекликаются с холма на холм. О, как я люблю здешние

супы! Они не только тешат мои вкусовые рецепторы, но также удовлетворяют моему пониманию колорита и моей любви к разнообразию. Они похожи на прекрасный сыгранный оркестр, исполняющий великую симфонию. Если, побывав в Шотландии, вы не успели ничего увидеть, кроме шотландской похлебки (или «вечерней каши», как здесь ее называют) — густой, наваристой смеси гороха, ячневой крупы, лука-порей, морковки и вообще всего, что нашлось на кухне, — то поверьте: вы не зря потратили время. Дома вы сможете похвастать знакомством с настоящим супом.

И все же я продолжаю настаивать, что именно в завтраках — в «завтраках с чаем» — шотландский кулинарный гений достиг своего совершенства. На столе меня уже ждала обещанная яичница с беконом. Но, кроме нее, здесь были теплые овсяные лепешки и булочки. Рядом лежали блинчики и тосты. К ним подавался мармелад и конфитюр. В отдельной баночке стоял мед. На тот случай, если всего этого окажется недостаточно, было заготовлено блюдо с имбирными коврижками и смородиновым кексом.

На противоположной стене висела картина, изображавшая коронацию королевы Виктории в Вестминстерском аббатстве. Архиепископ Кентерберийский важно выступал вперед с короной в руках. Но что касается палаты лордов, эти джентльмены явно утратили всякий интерес к историческому событию: они смотрели на меня, и на их лицах было написано выражение удивления и зависти. Все эти облаченные в мантии люди навечно были обречены стоять вокруг своей королевы, я же на их глазах поглощал шотландский завтрак. Такое кому угодно может разбить сердце! В тот момент, когда я атаковал блюдо с овсяными лепешками, мне показалось, что даже ее величество начала коситься в мою сторону.

После завтрака я курил у открытого окна и рассматривал французские журналы мод, в которых содержались подробные инструкции по пошиву вечерних туалетов и коротких панталончиков из крепдешина. Во имя всего святого, что делает эта бесполезная продукция в мирном банфширском коттедже? Какие экзотические ветры подхватили ее на рю де ла Па и зашвырнули в этот маленький шотландский переулок с цветущей жимолостью? В столовой появился черный ретривер и положил у моих ног кость, которой на вид было не меньше ста лет. Его черные блестящие глаза говорили: «Ну что ж, раз ты не смог пойти со мной, полагаю, я должен принести свою находку сюда! Посмотри, вот кость, к которой я испытываю самые сентиментальные чувства. Я принес свое сокровище, чтобы ты мог на него полюбоваться. А все потому, что мы с тобой отлично понимаем друг друга. С виду ты похож на парня, у которого и самого где-то припрятана пара-тройка отличных косточек. Надеюсь, ты не пожадничаешь и тоже покажешь их мне, если я приду к тебе в гости. Очень рад, что ты по достоинству оценил мое сокровище, а сейчас я должен убрать его подальше! Ведь женщины, в отличие от нас с тобой, не понимают таких тонкостей. Бедняги, они одержимы маниакальной любовью к порядку, перед которой бледнеют величайшие сокровища мира...»

Не прошло и полчаса, как я снова был в пути и вскоре пересек реку Ислу возле Кейта.

## 2

Элгин предстал передо мной в виде маленького процветающего городка — идеального места для пенсионеров. У меня было такое чувство, что здешние торговцы специализируются на местном джентри.

Величественный кафедральный собор Элгина, построенный в эпоху шотландского католичества, когда-то был одним из самых выдающихся творений готической архитектуры. Ныне он представляет собой самые живописные развалины к северу от пограничных аббатств. Я увидел его жарким днем, когда старые потрескавшиеся башни прятались в густой тени огромного нефа. Старушка, проживавшая в привратничьей, устроила мне краткую обзорную экскурсию: показала могилы Гордонов и проводила в здание капитула, где с гордостью продемонстрировала древнюю умывальницу. С этим предметом связана весьма романтическая история, имевшая для города финансовые последствия (что с точки зрения практичных шотландцев только придавало ей ценности).

Случилось это в 1745 году, когда здесь проходил Красавец Принц Чарли со своими войсками. Одна юная красотка (звали ее Мэри Джелзин) из расположенного по соседству прихода Дрэйни влюбилась в солдата по имени Андерсон и бежала с ним из родительского дома. После того как восстание потерпело поражение, влюбленная парочка очутилась на чужбине. Здесь им пришлось пережить столько лишений, что это оказалось непосильным грузом для нежной девушки, и она тронулась умом. Три года спустя Мэри вернулась в Элгин с малолетним сыном на руках. Дома у нее не осталось, идти было некуда. Вот так и получилось, что девушка осталась жить на развалинах элгинского собора. Она обосновалась в полуразрушенном здании капитула, а пустую умывальницу (в которой священник раньше омывал руки перед мессой) использовала как детскую колыбельку. В конце концов Мэри стала кем-то вроде городской сумасшедшей, местные жители жалели ее и давали еду. Мальчик тем временем рос, ему разрешили посещать элгинскую среднюю школу — в обмен на несложную работу, которую он выполнял для горожан.

Позже он устроился в Ост-Индскую компанию и уехал в далекие южные края. Начав со скромной должности мальчика-барабанщика, он дослужился до высоких военных чинов. Генерал-лейтенант Андерсон скончался в Лондоне в 1824 году в возрасте семидесяти семи лет. Свое состояние в 70 тысяч фунтов стерлингов он завещал употребить на строительство благотворительного заведения в Элгине, которое предоставляло бы уход десяти местным старикам и возможность бесплатного обучения для трехсот ребятишек. Если в этой истории и есть мораль, то, на мой взгляд, она выражается в одном слове — образование!

Человек, коллекционирующий эпитафии, несомненно, с пользой провел бы день в элгинском соборе. Лично я наткнулся на целый ряд совершенно новых для себя образчиков. Чего только стоит деловитая эпитафия, начертанная в 1777 году одним человеком на могиле его второй жены:

Славилась она  
Аккуратностью, благоразумием, экономностью,  
Готовностью помочь и здравым смыслом,  
Неизбывной бодростью духа,  
Необыкновенной добротой нрава,  
Теплом души и сердечностью,  
А также всемерным благочестием.

Ниже идет приписка:

Все эти качества, проявлявшиеся на протяжении многих лет, снискали ей любовь и уважение окружающих. Будет только справедливым увековечить их в данном посвящении.



Эпитафия выглядит так, будто ее сочинил секретарь крупной компании и утвердил совет директоров. А на могиле элгинского перчаточника мы читаем:

Бредем мы по свету, по-всякому судим.  
Смерть — это рынок, где сходятся люди.  
И если бы деньги могли жизнь купить,  
То вечно могли бы богатые жить.

Или вот еще — интересно, многие ли читатели сумеют уловить смысл эпитафии при первом прочтении:

Здесь Элизабет лежит,  
Невинная дева и дважды мужняя жена.  
Утехой родителям она была  
И средоточием добродетели,  
Благочестивая и скромная,  
Терпеливая и смиренная.  
Давидовой песне вторила она  
Не устами, а сердцем.  
Когда она покинула нас,  
Иссякла всякая радость,  
Однако она ожидает нас,  
Подобно Рахили, супруге Иакова.  
И три дня спустя после ее кончины  
Погребли в сей урне ее единственное дитя.

На мой взгляд, не слишком красиво сопровождать смерть подобным посвящением. Куда лучше звучит классическая шотландская эпитафия:

Здесь покоится Билли Нокс.  
Жил он и помер, как смог.

Мне рассказывали, что на кладбище Рейд-Кирк-Ярд в Аннандейле можно увидеть такой великолепный образчик:

Я, Джоки Белл из Брейкенбру, под камнем сим лежу,  
В труде пяти своих сынов я радость нахожу.  
Я прожил жизнь не зря, и так скажу не я один:  
Имел достаток и жене был добрый господин.  
А коль случится превзойти мой непосильный труд —  
Меня вы выньте и потом ложитесь сами тут.

А как вам понравится такое:

Лежит здесь Мартин Элгинбродд.  
Ко мне будь милостив, Господь,  
Как был бы я к тебе, Господь,  
Будь ты как Мартин Элгинбродд.

По-моему, прекрасный пример шотландского чувства социального равноправия! Но мне больше всего нравится лаконичное посвящение:

Здесь лежит  
Джеймс Стюарт.  
Он торговал рисом.

В отличие от Макбета, я подъехал к Форресу при свете дня и смог хорошенько разглядеть его окрестности. Почти на границе города высится один из

самых примечательных британских монолитов, установленный почти 900 лет назад. Считается, что таким образом Свейн, сын Харальда, увековечил свою победу над Малькольмом II. Памятник представляет собой массивный столб из песчаника, покрытый замысловатой вязью рунических узлов вперемежку с примитивными изображениями людей и зверей. Совсем недалеко от него располагается еще один каменный столб, он отмечает место, где в былые времена сжигали форреских ведьм.

Надо думать, что за прошедшее столетие эти городки претерпели разительные изменения. Я уже упоминал, что ныне Элгин выглядит вполне преуспевающим местом. А вот сэр Джон Карр, побывавший здесь в 1809 году, охарактеризовал его как захудалый, пораженный безработицей городок. О Форресе он сказал, что нищета и убожество «довлеют над ним подобно злым духам». Лично я не заметил ничего подобного. Напротив, Форрес показался мне одним из самых уютных городов Хайленда. Теоретически его легко можно перенести в зажиточный и комфортабельный Девоншир, и он смотрелся бы там вполне уместно! Форрес запомнился мне на всю жизнь благодаря забавному происшествию, которые поджидают путешественника в самых неожиданных местах. Дело было так. Я собирался выезжать после обеда и поинтересовался у хозяина гостиницы, не поможет ли он мне запастись выпивкой в дорогу.

— О да, — сказал он. — У меня припасена отличная бутылочка, и не одна...

— И что же это за бутылочка?

— Водка.

Я подумал, что это какая-то местная не вполне понятная шутка. Каково же было мое удивление, когда хозяин действительно достал из-под прилавка бутылку водки! Выяснилось, что он долгие годы жил в России, а

возвращаясь домой, прихватил изрядный запас этого напитка.

Вот уж никто бы не подумал, что страстный почитатель водки сможет найти свой любимый алкоголь в маленьком шотландском городке! Если бы меня попросили назвать место, где менее всего вероятно обнаружить этот горячительный напиток, я не задумываясь назвал бы Форрес. Думаю, местные ведьмы с радостью позаимствовали бы глоток водки, дабы добавить его к «коже болотной гадюки», «глазу тритона, лягушачьей лапке, печени нечестивого еврея» и прочим ингредиентам, потребным для приготовления их знаменитого куриного супа!

#### 4

После Нэрна дорога на Инвернесс резко уходила вниз, спускаясь к заливу Мори-Ферт.

С тех пор, как я пересек границу, мне довелось повидать немало прекрасных, трогających сердце пейзажей, и я честно пытался описать их вам, уважаемый читатель. Но, должен сказать, что картина, открывшаяся мне в ослепительных лучах солнца по пути в Инвернесс, затмевала многое виденное до того. Справа, сквозь сосновые леса я то и дело ловил проблески далекой морской синевы. Со всех сторон Мори-Ферт окружали холмы сказочной красоты. Их неправдоподобная, прямо-таки атлантическая голубизна разбивала мне сердце. Так выглядят острова Аран и Ахилл у западного побережья Ирландии, если смотреть на них издали: голубые-голубые, они невольно наводят на мысли о садах, охраняемых гесперидами, и мифической земле лотофагов. В нашем мире просто не может существовать таких красок, это какая-то небесная палитра! На противоположном берегу залива

высятся холмы Кромарти и Дорноха, тронутые все той же волшебной, неземной магией. А еще дальше в полуденном мареве колышется и вовсе чудесное видение — горные вершины Сатерлендшира и прибрежные долины Кайтнесса.

Я въезжал в эту сказочную страну со странным чувством нереальности происходящего. На моих глазах оживали пейзажи с железнодорожных плакатов! Но это был не тот традиционный образ Шотландии, что живет в сердцах самих шотландцев и рассеянных по всему миру эмигрантов. Ведь что чаще всего вспоминают изгнанники, какой они видят родную страну в своих мечтах? Это Шотландия зыбких туманов и мелкого упорного дождя. Это серые облака, которые медленно плывут над склонами холмов и оседают в узких глубоких лощинах. Перечтите лучшие поэтические произведения, написанные шотландцами в изгнании. И вы снова увидите все тот же туман и услышите завывания ветра. Вот что говорит Нейл Манро:

Иль не тоскливо вам, в краю далеком,  
За сотни миль от Скоттии родной,  
Мечтаньям предаваться одиноким  
О белом снеге с ветром заодно?  
Когда вокруг все тихо, мило, ладно,  
На море штиль и в сердце тоже гладь,  
Ужель не манит, не влечет обратно  
Шотландии студеной благодать?

Аналогичные мотивы встречаются в стихотворении Стивенсона «В изгнании»:

Ветреный день сегодня, и солнце за тучи  
скрылось.  
Ветер и дождь сегодня над пустошью и

жнивьем.

Небо седое к могилам мучеников склонилось...

Сердце помнит мое!

Для полноты картины вспомним и «Песню канадского лодочника», написанную неизвестным выходцем с Гебридских островов:

И пусть между нами горы встали,  
Моря пролегли и душу печаль леденит —  
Кровь горяча, сердце помнит Хайленд  
И видят глаза очертанья Гебрид.

В эмигрантской поэзии мало радости и солнечного света. А вот чего там с избытком, так это ветра, дождя и тумана. Можно прибавить к ним тоскливые крики кроншнепов и низкие облака, плывущие над вересковой пустошью. Вот она, настоящая Шотландия! Именно такой — серой, промозглой, исходящей осенними слезами — осталась она в памяти изгнанников. Почему-то такие воспоминания особенно больно бередают душу. Шотландцы не только бережно лелеют этот образ, но каким-то таинственным образом заставили полюбить его и чужеземцев.

Я въехал в Инвернесс. Залив Мори-Ферт напоминал своей голубизной Тирренское море в районе острова Капри, а улицы заливал солнечный свет, не менее яркий, чем в Танжере. Все это выглядело очень приятно, но как-то неправдоподобно!

Мне хочется привести здесь одну подлинную историю, которая поможет вам лучше понять Инвернесс.

Речь пойдет о старом горце, вожде клана, чье имя ассоциируется со звоном шотландских мечей. Как-то раз, оказавшись в Инвернесе, этот старик остановился

перед витриной автомагазина. Он был бы не прочь обзавестись собственным автомобилем, но вопрос упирался в деньги. К сожалению, вождь был беден, как только может быть беден горец, отказавшийся продать свои наследственные земли американцам. Долго стоял он, разглядывая выставленные модели и обдумывая ситуацию. Наконец старик решился зайти в автосалон. И здесь с удивлением узнал, что любую машину можно купить в рассрочку. Надо только сразу внести небольшую сумму, а остальное выплачивать позже по частям. Обрадованный горец очень тщательно выбрал себе автомобиль и уже намеревался выписать чек для оплаты начального взноса, когда продавец положил перед ним какую-то бумагу.

— Что это? — поинтересовался вождь.

Продавец пояснил, что это кредитный договор, который он должен скрепить своей подписью. Старик до глубины души был оскорблен такой формалистикой.

— К чему все это? Неужели вам недостаточно слова горца, вождя клана? — воскликнул он и в негодовании покинул магазин.

Я хочу сказать, что город, в котором возможно подобное, — нечто большее, чем просто скопление зданий. Совершенно очевидно, что такой город, одной ногой шагая в будущее, другой прочно опирается на прошлое.

В этом отношении Инвернесс вообще выгодно отличается от остальных шотландских городов. Он представляет собой такое же уникальное явление, как и наш английский Йорк. И хотя, в отличие от Йорка, Инвернесс не утруждает себя заботой о памятниках старины (увы, здесь с ними расстаются так же легко, как и в Данди), но каким-то непостижимым образом ему удается сохранять характерную атмосферу глубокой древности. Создается впечатление, будто сама почва, на которой стоит Инвернесс, пропитана многовековой

историей. Внешний вид города наводит на мысль, что основал его какой-нибудь член Королевской академии, увлекавшийся пейзажной живописью. Эдинбург, Стерлинг, Данди, Перт и Инвернесс — всем этим шотландским городам несказанно повезло с ландшафтом. Я не знаю другого такого места на земле (может, за исключением горных городков Тосканы), где бы столь удачно сочетались горы, равнины и море. Мне кажется, это отличительная черта мятущейся, беспокойной юности. Мирные, законопослушные государства обычно предпочитают строить города в надежных, укрытых со всех сторон местах, и лишь такая дикая страна, как молодая Шотландия, могла предпочесть защиту гор. Прошли века... Моря, некогда бушевавшие у подножия гор, отступили, и сегодня эти шотландские города выглядят древними ковчегами, осевшими на своих Араратах.

Инвернесс расстроил и смутил меня. Прежде — еще до знакомства с ним — я считал Эдинбург самым романтичным городом Шотландии. Теперь я уже не так в этом уверен. Мне даже кажется несправедливым, когда в одной стране существуют два таких замечательных кандидата. Эдинбург, несомненно, более роскошный и величавый город, зато в Инвернесе больше романтики. Он обладает тем преимуществом, что стоит на реке: широкая красивая река, протекающая по центру города, дарит ему особенную прелесть. Можно ли себе представить более очаровательное зрелище, чем вид, открывающийся на береговую линию Мори-Ферта — там, где он, изгибаясь, уходит на север к полуострову Тарбат-Несс и затем далее к Бургхеду. В голубой воде отражаются еще более голубые холмы. Узкие, со всех сторон окруженные сушей морские заливы Инвернеса и Бьюли выглядят очень живописно. С возвышенных участков города можно разглядеть лежащую на юго-западе долину, по которой неспешно катит свои



коричневые воды Несс. А вокруг раскинулся бесконечный Хайленд: гора громоздится на гору, холм наползает на соседний холм, один лес переходит в другой. Инвернесс по праву может называться сторожевой башней Хайленда. Стоящий на вершине Инвернессский замок (кстати сказать, я все же не верю, что он принадлежал Макбету) служит своеобразным окном для наблюдения за северо-западом Шотландии. Отсюда открывается потрясающий вид на окрестности города: куда ни повернись, всюду ждет величественная гора, безбрежное море или причудливый морской залив. Если окажетесь в Инвернесе, обязательно поднимитесь на закате в одну из замковых башен и понаблюдайте, как солнце опускается за кромку западных холмов. Поверьте, из всех закатов, какие только можно увидеть в Шотландии, этот самый незабываемый.

— Мне хотелось бы еще раз подняться сюда, — сказал я юноше, который сопровождал меня на вершину башни.

— Нет ничего проще, — ответил он. — Надо просто позвонить у входа и сообщить о своей просьбе моему отцу, мистеру Макбету.

— Мистеру Макбету?

— Ну да!

Оказывается, смотрителем Инвернессского замка является человек по имени Макбет! Хотел бы я видеть того озорного фантазера, который принял такое решение.

Никогда за время моих скитаний по Англии, Шотландии и Ирландии мне не доводилось видеть более обольстительного городского парка, чем в Инвернесе. По реке разбросана целая куча маленьких, заросших лесом островков. Узкие каменные мостики соединяют их с берегом и между собой — так, что вы можете переходить с одного островка на другой и все время

наслаждаться видом реки и громкой музыкой, доносящейся с берега. Узнав, что вечером в парке состоится праздник, я пришел туда с наступлением темноты. С деревьев свешивались гирлянды китайских фонариков. Облаченные в клетчатые килты и белые гетры волынщики разгуливали по парку в обнимку со своими инструментами, и бархатная ночь оглашалась непрекращающейся музыкой.

Я расхаживал по толпе в поисках знаменитого инвернесского акцента (мои знакомые шотландцы в Лондоне утверждали, что он единственный достоин внимания в Шотландии). Сначала меня постигла досадная неудача. Я самым внимательным образом прислушивался к тому, как разговаривает девушка за гостиничной стойкой. Ее акцент и интонации показались мне просто прелестными. Девушка проговаривала слова четко и ясно, речь ее лилась нежно и переливисто, словно горный ручеек по склону холма. Совершенно очарованный, я сделал ей комплимент: сообщив, что ее английский выше всяких похвал.

— Естественно, — с оттенком раздражения ответила девушка. — Ведь я англичанка!

Увы, должен признаться, что за все время пребывания в Инвернесе я так и не смог познакомиться с хваленым инвернесским акцентом. Возможно, мне просто не повезло. Я не менее пятидесяти раз провоцировал местных жителей на различные беседы, но ни единожды мне не удалось насладиться безукоризненной красотой английского языка. Может, инвернесский акцент попросту изжил себя? Я вполне допускаю, что в прошлом, когда в Инвернесе говорили в основном по-гэльски, а английский только начали преподавать в школе, язык этот настолько поразил неискушенных горожан, что спровоцировал вспышку лингвистического перфекционизма.

На левом берегу Несс высится темный от кипарисов и ливанских кедров холм под названием Томнахурих. Это холм смерти. Когда в незапамятные времена безымянный первобытный поток устремился к морю, то оказавшийся на его пути холм не дал слабину и устоял на месте. В результате воды реки разделились на два рукава и теперь огибают непреклонный холм с обеих сторон. Жители Инвернесса превратили этот холм в одно из самых прекрасных кладбищ в мире.

Мне довелось услышать по крайней мере два толкования названия слова «Томнахурих». В одном варианте это слово означает «холм эльфов», в другом переводится как «холм-лодка». Не требуется обладать глазом кельта, чтобы разглядеть в этом огромном лесистом кургане контуры лодки, перевернутой вверх килем и представляющей на всеобщее обозрение обросшее морскими водорослями днище. Что касается фейри, то, конечно же, они имеют к этому холму самое непосредственное отношение. Если бы Томнахурих умел говорить, он мог бы многое рассказать о несчастных похищенных малютках (ведь всем известно, что фейри время от времени крадут детей). И вообще, вы поступите очень благоразумно, если ночью будете держаться подальше от этого холма. А иначе не ровен час услышите тихие звуки волшебного рила и не сможете отказаться от приглашения потанцевать. Вот тут-то вы и пропали! Все инвернессцы знают историю о двух уличных музыкантах — Фаркуарсоне Гранте и Томасе Камминге из Стратспея. Как-то раз их пригласили поиграть для обитателей Томнахуриха. Друзья не сумели отказаться и ночь напролет наяривали рилы. Когда танцы закончились, они вернулись обратно в город. Но что за диво? Инвернесс разительно

переменился. Вместо деревянного моста через Несс, по которому они проходили несколько часов назад, стоял новенький каменный. Люди на улицах тыкали в них пальцами и насмехались над странной одеждой музыкантов. Вскоре выяснилось, что пляски фейри продолжались целое столетие! Дальше было еще печальнее: когда оба волынщика вошли в церковь и услышали имя Божие, они тут же обратились в прах.

Меня привел на Томнахурих человек, который столь яро восхищался этим местом, что становилось ясно: он ждет не дождется, когда его похоронят на холме. Плохо было то, что он твердо рассчитывал на мою компанию.

— Послушайте, дружище, — увещевал он меня, — вы когда-нибудь видели такое местечко? Вот где можно обрести покой в конце жизни! Только посмотрите на те деревья...

Я постарался убедить его не переходить на личности, но все оказалось бесполезным. Он настаивал на моей кандидатуре в качестве соседа по Томнахуриху. Я же со своей стороны считал, что — независимо от того, насколько мне понравилось или не понравилось кладбище — это не самая приятная форма товарищества.

— Вы только представьте, как мирно лежать здесь! Воистину, лучшего и не пожелаешь...

Мы поднимались по спиральной дорожке, переходя с террасы на террасу. Со всех сторон нас окружали ровные ряды могильных камней. Время от времени сквозь заросли кипарисов и кедров проблескивало голубое пятно Мори-Ферта или же мелькали скученные городские крыши. Тишину нарушало лишь беззаботное пение какой-то птицы да заунывное бормотание моего приятеля.

— О да, — бубнил он с каким-то усыпляющим упорством, — лежать здесь — большая привилегия.

Я почувствовал, что разговор начинает меня угнетать.

— Неужели вам не хочется, — продолжал он давить на меня, — чтобы внизу тихо бежала река, а за спиной высились горы Хайленда?

Наконец мы достигли плоской вершины холма и бросили взгляд вниз — на тенистые аллеи с могилами и темными кипарисами. Пейзаж напоминал декорации к пьесе Метерлинка «Синяя птица». Я подумал, что и вправду не видал в своей жизни более прекрасного кладбища — тихого, мирного и в то же время проникнутого ужасающим пафосом смерти. С вершины этого величественного кургана мы смотрели на запад — там стояли горы, и на восток, где искрилась и блестела морская гладь. Прямо под ногами у нас пролегла долина, по которой текла извилистая река.

— Если мечтаешь об идеальном месте упокоения, — убеждал меня приятель, — то лучшего места не сыскать.

Томнахурих действительно выглядел идеальным местом. Холм фейри и одновременно корабль смерти.

## 6

В четырех милях от Инвернесса расположена Куллоденская пустошь — место, где печально завершился один из самых романтических эпизодов шотландской истории. Я не знаю, есть ли в мире человек, более подходящий на роль идеального героя, нежели принц Чарльз Эдуард. И существует ли более дерзкая авантюра, чем предпринятая им попытка вернуть своему отцу корону Стюартов. На всем протяжении этой истории — с тех пор как Красавец Принц Чарли высадился в Шотландии и вплоть до того момента, когда он, потерпев поражение, бежал с одного из Гебридских островов — этот человек производил

впечатление неисправимого романтика, сочетавшего в себе черты бескорыстного Дон-Кихота и пылкого Д'Артаньяна. Странно сознавать, что в то время уже появился на свет Джеймс Уатт. Мир стоял на пороге новой эры. А этот юноша выступил с мечом в руках в личный крестовый поход против узурпатора королевства...

Итак, вернемся в июль 1745 года.

В море неподалеку от мыса Лизард раздаются пушечные залпы. Два военных корабля — английский и французский — упорно сражаются на протяжении пяти часов, а затем уползают в разные стороны зализывать полученные раны. В то же время 16-пушечный французский фрегат, который предпочел не вступать в бой, продолжает свой путь к шотландским берегам, точнее, к Внешним Гебридам. Ему удастся опередить надвигающийся шторм и пристать к крошечному островку Эрискей, расположенному у южной оконечности Саут-Уиста.

На берег сходят семеро, и среди них — 24-летний юноша с большими карими глазами и каштановыми волосами, на концах отливающими чистым золотом. Это Чарльз Эдуард, который именует себя не иначе как «принцем Уэльским, регентом Шотландии, Англии, Франции и Ирландии, а также всех принадлежащих им доминионов». Он прибыл в Шотландию с единственной целью — изгнать с трона ненавистного узурпатора Георга II и посадить вместо него своего отца. Увы, прибыл он с пустыми руками — точь-в-точь как и его отец за тридцать лет до того. Однако на этом сходство и кончается. Юноша обладает несравненно более яркой натурой! В нем сошлись крови Стюартов и Собеских<sup>[39]</sup>. Чарльз Эдуард в полной мере обладает личным обаянием Стюартов, подкрепленным хорошей порцией огня Собеских.

Орел, который следовал по пятам за фрегатом, улетает в горы. Разражается шторм. У этих семерых нет никакой еды. Они умудряются наловить рыбы и жарят ее на костре. Принц сидит на куче торфяника и весело улыбается... по крайней мере пытается весело улыбаться. Тем временем начинает темнеть, шторм усиливается. Мужчины приходят к маленькой хижине и просят убежища у одного из Макдональдов, Ангуса Макдональда. Принц успел в прошлом познать нужду, в Париже он самолично ходил с кошелкой на рынок. Тем не менее дым от торфяных лепешек, обычного топлива шотландских крофтеров, ему в новинку. Он выходит проветриться на свежий воздух, на что хозяин (которого раздражают нервозность и наигранная веселость молодого человека) кричит: «Какого черта творится с этим парнем? Почему он не может ни сидеть, ни стоять спокойно? Пусть уж либо зайдет, либо выйдет!» Таковы первые слова, которыми Шотландия встречает Красавца Принца Чарли.

Как бы то ни было, а известия о его прибытии уже пошли гулять по горам. В ближайшие дни наши герои благополучно добираются до большой земли, и среди вождей кланов воцаряется беспокойство. А в пустошах расцветает вереск! Во всех якобитских цитаделях усиленно обсуждают новость: «кое-кто» прибыл в Шотландию! Отмалчиваться больше невозможно. Поэтому якобитские вожди седлают своих мохнатых пони — кто знает, какие эмоции одолевают их в тот миг — и тайно едут на встречу с молодым человеком, которого следует именовать «мсье аббат». Для непосвященных он — молодой священник, совершающий путешествие по Хайленду. Для поддержания образа юноша держится очень скромно, одевается в простой черный сюртук и не слишком чистую рубашку. На ногах у него черные чулки и башмаки с медными пряжками. «Когда я смотрел на него, у меня комок подступал к

горлу», — напишет позже один из очевидцев. Да уж, не слишком убедительная маскировка!

Некоторое время ничего не происходит. Вожди медлят, совещаясь и взвешивая возможные последствия восстания. Решающий голос принадлежит Джону Камерону из Лохиела. Без него кланы не поддержат принца. Камерон убеждает Карла вернуться во Францию. Он доказывает, что дело безнадежное. И вот тогда принц совершает свой первый (но далеко не последний) героический жест.

— Через несколько дней, — заявляет он, — я с теми малочисленными друзьями, которые у меня есть, подниму королевский штандарт и объявлю народу Британии: Чарльз Стюарт пришел на родину, чтобы заявить свои права на корону предков. И в этой борьбе он либо выиграет, либо погибнет. Что касается вас, Лохиел, человека, о котором мой отец всегда отзывался как о самом честном и надежном из всех друзей, то вы, конечно, можете остаться дома и по газетам следить за судьбой своего принца.

Ну что вы будете делать с таким юнцом!

— Нет, — говорит благородный Лохиел, — я не останусь в стороне и разделю судьбу моего принца. Точно так же поступят и все шотландцы, которые — волею случая или по закону — находятся в моей власти.

Итак, принц победил. Камероны поднялись, и восстание началось. Воодушевленный Чарльз сжигает за собой мосты — он отправляет фрегат обратно во Францию и решает положиться на милость судьбы!

С этого момента события развиваются ускоренным темпом. «Горящий крест» отправляется путешествовать по Хайленду, понуждая горцев обнажить мечи. Не все этому рады. Дело в том, что настало время сенокоса, да и овес еще не убран. Восстание восстанием, а урожай ждать не будет. Но у принца Чарли свои резоны, его тоже поджигает время. Сейчас исключительно удобный



момент для выступления: Георга II нет в стране — он в своем родном Ганновере; основные части британской армии тоже на континенте. Медлить никак нельзя! До лондонцев доходят все более угрожающие слухи, но никто им пока не верит. Исключение составляют лишь якобиты, которые собираются по вечерам, чтобы поднять бокал за скорейшую победу. Тени их колышутся в неверном свете свечи, заговорщики играют в привычную игру — молча пьют за каждую тройку букв английского алфавита:

A B C — Благословенны близкие перемены.

D E F — Будь проклят чужеземец.

G H J — Возвращайся домой, Яков.

K L M — Даешь лояльных министров.

N O P — Нет деспотическому парламенту.

Q R S — Немедленно верните Стюартов.

T U W — Восстаньте же, гвельфы.

X Y Z — Боритесь за победу.

К сожалению, вся борьба так и ограничилась конспиративными пьянками. Если бы все те люди, что поднимали тосты за «короля, который за морем», взялись за меч, то несчастный Яков давно бы уже сидел «на месте Георгишки». Увы, якобитское движение всегда представляло собой бестолковый клубок бесконечных «если». По Англии циркулируют все более угрожающие слухи. В Ганновер спешно отправляют гонцов, чтобы поскорее вернуть короля домой. Георг возвращается и начинает действовать. Как-то раз, когда армия мятежников стояла лагерем в деревушке Кинолхейн, неподалеку от Бен-Невиса, кто-то принес «принцу Уэльскому» прокламацию из Лондона. В ней было написано:

До нас дошло, будто старший сын так называемого Претендента в недавнем прошлом сел на корабль во Франции, дабы высадиться в пределах Нашего королевства. Мы, будучи возмущены столь дерзким деянием... сим оповещаем всех представителей гражданских и военных властей, а также всех лояльных подданных Его Величества, что им надлежит приложить все силы, дабы захватить и обезопасить вышеназванного сына Претендента. В случае, если он высадится на территории Великобритании или Ирландии или иных принадлежащих Нам земель, или сделает попытку высадиться, или будет находиться на борту корабля, лодки и любого другого средства передвижения с целью высадки на территории Великобритании или Ирландии или иных вышеозначенных земель, он должен быть в обязательном порядке задержан и предан в руки правосудия с немедленным оповещением одного из главных министров Его Величества. В благодарность за столь важную государственную услугу Мы гарантируем, что лицо или группа лиц, захватившие и доставившие вышеназванного сына так называемого Претендента, получают награду в тридцать тысяч фунтов стерлингов. Как только преступник будет передан в руки правосудия, надлежит, в соответствии с данным указом, обратиться к главному казначею Его Величества или к присутствующим представителям казначейства Его Величества для немедленной выплаты означенного вознаграждения. Если же кто-то из тех, кто прежде поддерживал, или помогал, или намеревался помочь так называемому Претенденту или его сыну,

поможет его захватить и обезопасить, то Его Величество гарантирует таким людям Свое милостивое прощение. Им также будет выплачено вышеназванное вознаграждение в порядке, указанном выше.

Писано в Уайтхолле, в первый день августа девятнадцатого года правления Его Величества.

Боже, храни короля.

Чарльз в ярости! Он порывается тут же написать ответную прокламацию, в которой будет назначена награда в тридцать фунтов стерлингов за голову Георга II! Как, должно быть, они смеялись позже — когда гнев принца немного поостыл и все осознали комизм ситуации. Окружающие иронизируют, советуют ему поднять цену. И Чарльз (у которого в тот момент не нашлось бы и тридцати фунтов в карманах) действительно садится и пишет воззвание, в котором предлагает фантастическую сумму в 30 тысяч фунтов за голову своего соперника. Делает он это в следующих выражениях:

Не далее как сегодня Нам попалась на глаза скандальная и злобная бумажка, напечатанная в форме прокламации и датированная первым числом сего месяца. Хотя формально в этой бумажке шла речь о передаче Нас в руки правосудия, но по сути с Нами предлагалось поступить так же, как некогда поступили с Нашим венценосным предком, блаженной памяти Карлом I, то есть передать в руки наших врагов. Тому, кто совершит это бесчестное деяние, обещана награда в тридцать тысяч фунтов стерлингов! И хотя в силу Своего воспитания и Своих принципов Мы питаем отвращение к подобной практике, неприемлемой

среди христианских государей, но в целях сохранения собственного достоинства Мы вынуждены сделать встречное предложение. А именно, предложить аналогичную награду в тридцать тысяч фунтов тому человеку или группе лиц, которые захватят и задержат, вплоть до дальнейших распоряжений, ганноверского курфюрста, буде он попытается высадиться в любой части владений Его Величества. И если сие противоборство приведет к какому-нибудь несчастному случаю со смертельным исходом, то пусть вина за это злодеяние всецело ляжет на плечи того, кто первый подал постыдный пример.

*Карл, П(ринц) Р(егент).*

На дворе девятнадцатое августа 1745 года.

В тесной горной долине с крутыми берегами, на берегу реки Финнан томится принц Чарльз. Рядом с ним престарелый маркиз Таллибардин, хранитель королевского штандарта. Вот уже два часа сидят они в маленьком заброшенном амбаре и дожидаются представителей местных кланов. Наконец их взорам предстает отрадное зрелище: через гребень холма переливает толпа камеронцев — восемьсот человек маршируют двумя колоннами по трое. Но кто же эти безоружные люди, которых Лохиел привел с собой на историческую встречу? Выясняется, что это две роты Королевских шотландцев, взятые в плен возле моста Спин-Бридж. Оказывается, во имя принца Чарльза уже пролилась первая кровь! Разворачивают королевское знамя, которое гордо реет на ветру, произносятся прочувствованные речи. Джеймс VIII провозглашается королем Шотландии (второй раз за последние тридцать лет), а принц Чарльз, соответственно, регентом.

Позже начинается удивительный марш-бросок на Эдинбург. По цветущей пустоши шагают люди в клетчатых килтах, армия мятежников движется на юг. В Эдинбурге и Стерлинге тревожно бьют барабаны, призывая к оружию местное ополчение. Лоуленд напуган до смерти. На Низины надвигается варварская орда: полуголые горцы спустились с холмов и теперь идут сюда со своими страшными клейморами и не менее ужасными волынками. К оружию! К оружию! Расквартированные в Шотландии британские войска чувствуют себя неуверенно, им еще не приходилось участвовать в боевых действиях. Единственное опытное подразделение — Шестой полк Гизов, но он несет гарнизонную службу далеко на севере. Местные же шотландские полки — Ли, Мюрреев и Ласкеллов — вообще самые молодые в армии. Кроме них имеются два драгунских полка — Гардинеров и Гамильтонов, но и им ни разу не доводилось ходить в атаку на врага. Да они и не стремятся, кони их мирно пасутся в Карс-о-Стерлинг, обмундирование пылится в углу. И вдруг на тебе — срочно одевайся, снаряжайся и выступай в поход! Со стороны Перта и Данди к столице приближается неприятель, все громче звук военных пиброхов. Они идут! Тысячи воинственных дикарей, некоторые вооружены косами и длинными пиками. Они уже близко — мысль об этом приводит в ужас необстрелянную кавалерию. По мере того как слухи множились, обрастали подробностями, военные стали паниковать даже больше мирного населения. По правде говоря, несчастные драгуны готовы были в любой момент удариться в бегство. Нервы у них были так напряжены, что, когда на марше одна из лошадей оступилась и с грохотом упала, весь эскадрон развернулся и кинулся наутек, побросав по дороге мечи и пистолеты! Все складывалось как нельзя лучше для Красавца Чарли!..

Одиннадцать часов ночи. В Эдинбурге звонит пожарный колокол. Клань наступают! Ополченцы должны браться за оружие. Городская стража выходит навстречу неприятелю, но ополченцы отказываются последовать за ней. Их ведь рекрутировали для защиты города, вот они и будут сидеть за городскими стенами! Белые кокарды в Перте и белые перья в Эдинбурге! Всю ночь горожане провели на сторожевых постах. А утром были вознаграждены незабываемым зрелищем отступающей в беспорядке кавалерии. Драгуны промчались на полном галопе — совершенно деморализованные и ошалевшие от ужаса. Эдинбург впал в панику! Только женщины сохраняют спокойствие: они жаждут видеть принца! Магистраты собираются в Голдсмит-холле и спорят до хрипоты: что делать — сражаться или идти на мировую с мятежниками? Так ничего и не решив, они собирают общее городское собрание. Горожане единогласно выносят вердикт: «Мириться!» В этот миг появляется мальчишка-кадди с письмом для лорда-провоста. По его словам, письмо это он получил от какого-то таинственного чужестранца. Его светлость в растерянности. Тем не менее он вскрывает конверт и начинает читать вслух: «В настоящий момент Мы готовы войти в нашу возлюбленную столицу древнего Шотландского королевства...» Что за чертовщина? Провост заглядывает в конец письма — туда, где красуется подпись «Карл, принц Уэльский, регент Шотландии, Англии, Франции и Ирландии, а также всех принадлежащих им территорий». Он в ужасе отбрасывает письмо, отказывается его читать. На том собрание прерывается. Навстречу горцам выслали делегацию для ведения переговоров. И тут приходят известия, что на помощь эдинбуржцам спешат британские войска. И ждать осталось недолго... Ура! Срочно вернуть выехавшую навстречу горцам делегацию! Ах, поздно, не успели! Еще одна ночь

проходит в тревожном ожидании. В темноте никто и не заметил, как группа Камеронов с полными мешками пороха подкралась к городской стене и залегла у ворот. На рассвете беспечный стражник отворил ворота, чтобы выпустить чью-то карету, и тут же внутрь рванулись вооруженные люди в килтах. За каких-нибудь пять минут Эдинбург перешел в руки принца! Ранним утром один из горожан вышел на улицу и очень удивился, увидев сидящего на пушке горца.

— Эй, а ты кто такой? — спросил он. — И где вчерашний караул?

— Они уволены! — ухмыльнулся горец.

Полдень. Армия мятежников марширует по городу. Стараясь не очутиться на линии огня замковых пушек, они следуют по Даддингстону к Королевскому парку. Их сопровождает толпа — женщины возбуждены, на лицах мужчин написано сомнение. Шествие возглавляет юный принц, он едет верхом, погруженный в глубокую задумчивость. На нем клетчатая куртка, красные бархатные штаны и зеленый бархатный боннет с белой кокардой. Принц неспешно въезжает в Холируд. В этот миг раздается отдаленный грохот, и со Скалы летит бесполезное, никому не причинившее вреда пушечное ядро.

## 7

На непродолжительное время Холируд вновь стал пристанищем шотландского королевского двора. Отсюда кланы уходили в бой. Мне представляется, как на рассвете шли они по осеннему жнивью в сторону Престонпэнса. Карлайл вспоминал, как он наблюдал с крыши отцовской церкви за беспорядочным отступлением армии Коупа. Англичане улепетывали,

«как *кролеки*», — писал Чарльз (тот еще грамотей!) своему отцу в Рим. Успех подвиг его на непостижимо дерзкое вторжение в Англию: принц двинулся на Лондон, имея в своем распоряжении пять с половиной тысяч пехотинцев, пятьсот кавалеристов и всего тринадцать старых пушек. *De l'audace, et toujours de l'audace!*<sup>[40]</sup> Таков был девиз восстания сорок пятого года.

За этим последовала роковая цепь событий: Дерби, нападение на Английский банк, паника Георга II (в гавани уже держали наготове корабль для его бегства в Ганновер), затем долгое унылое отступление шотландской армии, которое завершилось катастрофой на Куллоденском поле, неподалеку от Инвернесса.

Я отправился туда утром, еще до завтрака. Знаменитое поле боя предстало передо мной в виде бесконечной вересковой пустоши, раскинувшейся справа и слева от дороги. С одной стороны ее заслоняли высокие стройные деревья, зато с другой пустошь беспрепятственно тянулась до самого горного кряжа. Утренний туман еще не успел рассеяться и призрачной пеленой лежал на ветвях деревьев. Придорожные кусты утесника были окутаны серебристой паутиной — похоже, минувшей ночью здесь потрудились целая колония пауков.

Насколько мне известно, Куллоден — единственное место, которое вполне может называться именно *полем* боя, таким, как его представляют историки и поэты. Бэннокберн — всего-навсего луг; Флодден — полоска, засеянная рожью; Ватерлоо — скопление ферм; и даже Ипрский Салиент ныне почти неразличим под посевами зерновых. На Углу Адского Огня сегодня выстроено маленький домик, во дворе полощется выстиранное белье, куры деловито разгребают угольную крошку. Как быстро затягиваются шрамы войны! И лишь Куллоден единственный из всех известных мне мест по-прежнему



окутан аурой былой боли и печали. Только здесь, на этом поле боя, сохранились могилы павших воинов — они похоронены в широких рвах там же, где застигла их смерть.

Маленькие, истертые непогодой камни высятся в вереске, и на каждом из них высечено имя клана, отдавшего свою жизнь за Стюартов.

Я шел по мокрой траве и читал вслух эти надписи: «Кланы Макгилливрей, Маклинов, Маклахланов, горцы Атолла».

Неподалеку от этого камня стоит другой, на нем значится: «Клан Стюартов из Аппина». И дальше: «Клан Камеронов»... «Клан Макинтошей»...

Тут же протекает крохотный ручеек. Он настолько мал, что едва ли заслуживает звание ручья; по сути, это просто полоска мокрой травы. Но возле изгороди бьет ключ, над ним тоже стоит камень с надписью «Родник Смерти».

Тогда, во время битвы, сюда сползались раненые горцы — передохнуть, утолить жажду. Среди них был вождь клана, которому изрядно не повезло: стоило ему приподнять голову, как в нее попала меткая пуля неприятеля. Вождь так и упал головой в лужицу воды. После битвы от ключа ничего не осталось, он весь был завален мертвыми телами. С тех пор никто и никогда не пьет из «Родника Смерти».

В нескольких ярдах от него начинается пшеничное поле, возле него стоял очередной камень с лаконичной надписью:

***Поле англичан.  
Здесь они похоронены.***

Пока я смотрел на этот мемориал, мне припомнился любопытный разговор, который я подслушал в одном из лондонских клубов. Некий англичанин объявил, будто

данная надпись — единственное, что выводит его из себя в Шотландии.

— Это звучит так грубо, совсем не по-рыцарски! — возмущался он. — К тому же они засеяли поле пшеницей! Представляете, извлекают пользу из наших трупов!

Кто-то осмелился ему возразить, заметив, что при Куллодене вообще было немного рыцарства.

— Ну, не знаю, — пожал плечами спорщик. — Я просто чувствую, что этот камень сводит меня с ума! Вообще-то я люблю шотландцев, но при виде такого безобразия не могу удержаться, чтобы не воскликнуть: «Черт побери эту Шотландию!»

И это говорил человек, чей прадед был губернатором Форт-Уильяма! Поистине, он не владел своими чувствами.

У меня этот камень не вызвал столь сильных эмоций. Напротив, он показался мне вполне достойным мемориалом. Ведь напомним, что на Куллоденском поле погибло всего пятьдесят англичан. Для Англии это сражение едва ли тянуло на случайную стычку (во всяком случае, если судить по размеру потерь). Для шотландцев же оно не менее трагично, чем незабываемая трагедия Флоддена<sup>[41]</sup>.

Я призываю вас: придите на Куллоденскую пустошь, присядьте на каменный бордюр, как это сделал я, и попытайтесь восстановить в памяти события тех далеких дней. Если в то время еще и сохранялось рыцарство, то эта битва как раз представляет собой безнадежный осколок старомодной рыцарской отваги. В 1746 году здесь не было дороги, лес тоже насадили значительно позднее. Тогда же вокруг простиралась сплошная вересковая пустошь.

У принца Чарльза было пять тысяч человек — голодных, измученных долгим ночным переходом. Им

противостояло 9-тысячное регулярное войско герцога Камберленда. Артиллерия принца находилась в плачевном состоянии. Опытные канониры отсутствовали, они ушли в Инвернесс за провиантом и оставили свое хозяйство на попечение добровольцев, которые по квалификации никак не могли сравниться с английскими артиллеристами. В распоряжении же герцога Камберленда был полноценный полевой обоз из семи 57-мм пушек и шестнадцати полевых орудий, которыми командовал полковник Бедфорд, один из самых блестящих артиллеристов того времени.

Армии расположились на расстоянии 400 ярдов друг от друга. Построение англичан сопровождалось барабанным боем и грохотом литавр. Герцог Камберленд привел с собой целый военный оркестр из 225 человек. Особую ярость у якобитов вызывал звук волынок: это протестантский клан Кэмпбеллов сзывал на позиции своих членов (около восьмисот человек). Им отвели место в арьергарде, Кэмпбеллы должны были охранять движимое имущество. Оба войска выстроились в шеренгу. Герцог Камберленд сидел на коне позади роялистской армии; принц Чарльз расположился на небольшом пригорке, почти напротив своего противника.

На построение ушло два часа. За это время не было произведено ни единого выстрела ни с той, ни с другой стороны. Вскоре после часа дня раздался первый залп со стороны горцев. Герцог ответил крупной картечью, которая буквально выкашивала ряды шотландцев. Затем в направлении принца Чарльза полетело ядро, которое упало в гущу всадников и забрызгало лицо принца грязью...

Кланы рвались в бой, но команды все не поступало. Когда же принц Чарльз решился наконец атаковать, вестовые что-то напутали и не доставили вовремя приказ. В рядах горцев, вынужденных бездействовать,

поднялся ропот. Им не терпелось смять, сокрушить эти пушки, которые безжалостно их обстреливали! Так прошло еще полчаса. Поднялся ветер, он швырял в лицо пригоршни града. Нет, это невыносимо! Сколько же можно ждать? Первыми не выдержали Макинтоши. С диким криком они вырвались из строя и ринулись на вражеские орудия! Впереди мчался, размахивая клеймором, Макгилливрей из Драмгласса. За его спиной развевалось желтое знамя Макинтошей. Горцы бежали через пустошь навстречу картечи, выстрелам мушкетов и фланкирующему огню, который открыло подразделение Вульфа. Они неистово рвались вперед, их мечи взлетали в воздух и снова опадали. Потрясающая атака! Им удалось прорваться сквозь первую цепь, но лишь для того, чтобы тут же нарваться на взвод Сэмпилла, который стоял во втором ряду. У англичан все было отработано до мельчайших деталей. Передний ряд опустился на колени, и солдаты Сэмпилла разрядили свои мушкеты прямо в бегущих горцев. Многие попадали, будто скошенные колосья, но те, что остались, продолжали бежать... Отчаянно и неудержимо неслись на английские штыки.

Атака горцев вылилась в целую серию героических столкновений. Большой Джон Макгилливрей прокладывал себе путь с помощью широкого палаша. Он уложил несколько английских артиллеристов и захватил одну из 57-мм пушек. Это вызвало бурное ликование в стане шотландцев. Англичане отбивались прикладами мушкетов, но Макгилливрей сразил троих врагов. Подобрав килт, он прыгнул вперед и, как дьявол, обрушился на вторую линию. Ему удалось уничтожить еще дюжину вражеских воинов, прежде чем он сам упал замертво.

Сквозь пелену дыма и града горцы рвались вперед в самоубийственном порыве. На бегу произведя залп из мушкетов, они отбросили в сторону огнестрельное

оружие и дальше уже мчались по старинке — с ужасными воинственными криками, с мечами в руках. Так они и обрушились на врага, завязалась страшная сеча. Но армия Камберленда не дрогнула. Солдаты вели себя, как на боевых учениях: держали строй, давали залп из мушкетов, перестраивались, отступая назад, и стояли со штыками наизготовку.

Тяжело раненный Гиллис Макбин из Кинхайла кое-как выбрался из гущи сражения и остановился спиной к каменной ограде. Он увидел приближавшихся драгун Кобэма, которые преследовали его, как загнанного зверя. Макбин решил дорого продать свою жизнь, с мечом в руке бросился на врагов и уложил тринадцать человек, прежде чем сам погиб! Даже Камберленд, наблюдавший за этой сценой, был поражен мужеством горца и позволил себе единственное проявление рыцарства за все сражение.

— Ах, лучше бы они пощадили этого отважного героя! — с горечью произнес он.

Вновь и вновь бросались горцы в атаку. Вновь и вновь падали они наземь, сраженные вражескими штыками. Вся пустошь была усеяна мертвыми телами — бок о бок лежали вожди и рядовые члены кланов в заляпанных кровью тартанах. Наконец раздался барабанный бой, и красномундирники мерным шагом двинулись вперед. Битва завершилась! Шотландцы безоговорочно проиграли. Еще Макдональды с левого фланга шли в свою последнюю атаку, а в воздухе уже разносился тоскливый плач волынок — это Фрэзеры покидали поле боя. Началось бесславное отступление. Принц Чарли в отчаянии: его мечта раздавлена, сердце разбито! Круто развернувшись, он скачет в глубь вересковой пустоши. Прочь, прочь от этой страшной катастрофы... Вперед по дороге, ведущей на остров Скай.

Вот таков был Куллоден. В тот день на пустоши полегли тысяча двести членов различных кланов. Эта пустошь стала могилой не только якобитского движения, но и всей клановой системы. Никогда уже Хайленд не будет таким, как прежде. Многовековые традиции шотландских горцев оказались похороненными среди зеленых курганов Куллодена. Но из этих же курганов суждено было возродиться новой, объединенной Шотландии. Скакавший по обледенелой пустоши Чарльз Эдуард не знал и не мог тогда знать, что его поражение приведет к удивительным результатам, что оно сплотит воедино Хайленд и Лоуленд и породит новое шотландское государство.

В череде кровавых зверств, последовавших за окончанием битвы (и навечно запятнавших имя Камберленда), был, однако, один прекрасный эпизод. Роялистская армия цепью шла по полю боя, на ходу добивая раненых. Взор генерала Хоули упал на истекавшего кровью горца, который сидел, прислонившись к каменной оgrade. Раненый был Фрэзером из Инверлохи, но генерал, естественно, этого не знал. Поэтому он крикнул, обращаясь к незнакомцу:

— Кому ты служишь, горец?

— Моему принцу! — отвечал Фрэзер.

— Расстрелять поганого пса! — скомандовал генерал своему адъютанту.

— Вы можете меня уволить, — отвечал молодой офицер, — но я не стану стрелять в этого человека.

— Тогда это сделает кто-нибудь из драгун, — пожал плечами Хоули.

Фрэзера расстреляли.

Генеральского адъютанта звали Вульф, позднее он стал одним из героев Квебека. В Хайленде существует красивая легенда о его гибели на высотах Абрахама. Якобы когда Вульф упал замертво, то тело его подхватил не кто иной, как Фрэзер из Ловата.

Как-то раз мне попала в руки книга Уильяма Хоуитта под названием «Посещение знаменитых мест». Благодаря мистеру Хоуиту я увидел Куллоденское поле таким, каким оно было через девяносто лет после битвы. Автор рассказывает, что он со своими попутчиками вышел из Инвернесса и направился в сторону Куллодена. По дороге он не раз останавливался и пытался уточнить местоположение знаменитого поля. Однако никто из местных жителей не говорил по-английски. И это происходило в 1836 году! Хоуит набрел на развалины старой кузницы, чей хозяин, по слухам, отличился во время Куллоденской битвы. Рассказывали, что вооруженный одной лишь оглоблей от телеги он творил чудеса на поле боя.

Прошло столько лет, а деревенские жители все еще показывали место, на котором якобы погиб могучий кузнец. Его хижина долго стояла на краю роковой пустоши — осиротевшая, заброшенная, год от года все более ветшающая. В конце концов она превратилась в грудку развалин, которые долгое время лежали нетронутыми. Лишь в последние несколько лет, когда здесь появились новые жители, камни растащили на постройку домов. Рассказывают, что под обвалившейся крышей старой хижины обнаружили кузнечный горн, инструменты и кучу ржавого железа. Неплохая находка для нищего шотландца, но столь велик был ужас перед той давнишней катастрофой, что никто не посмел забрать вещи с навеки проклятого места. Когда мы попали на Куллоденское поле, от хижины кузнеца не осталось и камней, на этом месте зияла неглубокая яма, наполовину заполненная водой. Однако стоило лишь копнуть поглубже, и

вы обнаруживали шлак и окалину — следы деятельности храброго кузнеца.

К своей великой радости, Хоут обнаружил, что в одном из соседних домиков проживает семейство Маккензи, которое худо-бедно владело английским языком. Старший сын по имени Уилли с радостью вызвался проводить любознательного иностранца на поле битвы и показать могилы кланов.

Мы присели отдохнуть возле одного из таких камней, и я с удивлением увидел, что дерн во многих местах раскопан и перевернут. Мой юный провожатый пояснил, что многие посетители желают унести с собой в качестве реликвии кусочки старых костей.

— Как? — спросили мы. — Неужели до них так легко добраться?

— Да, — отвечал паренек, — кое-где кости лежат всего на глубине одного фута.

Эти древние могилы уже раскопаны в сотнях мест, но и поныне многое еще осталось в земле. Стоит лишь копнуть поглубже, и обязательно наткнешься на чьи-либо останки. В подтверждение своих слов Уилли достал нож и скovyрнул пласт дерна. Не прошло и полминуты, как он докопался до земли, перемешанной с фрагментами костей 1746 года. Парень рассказал нам любопытную историю. Как-то раз один путешественник посетил Куллоденское поле и, подобно многим, увез с собой на память некоторое количество костей. Однако время спустя кости вернулись в посылке — с суммой денег и просьбой захоронить их обратно. Как выяснилось, незадачливый путешественник постоянно терзался угрызениями совести за то,



что потревожил покой павших воинов. К тому же мужчину начали мучить ночные кошмары, которые прекратились лишь после того, как его просьба была выполнена.

— Чего там! — сказал Уилли Маккензи. — Закопал я эти кости, пусть лежат себе спокойно — пока кто-нибудь снова их не выкопает и не увезет.

На пустоши все еще можно обнаружить старые пушечные ядра и остатки военного снаряжения. Мы тоже выбрали свинцовую пулю, сплюснутую, будто угодившую в какой-то твердый предмет, и побелевшую от времени.

После прогулки по Куллоденскому полю Маккензи пригласил Хоуита и его друзей к себе и хижину и предложил им послушать игру на волынке. Следующая сцена описана с тем характерным умилением, с каким столетие назад все иностранцы описывали жизнь в Хайленде.

Было так приятно, — пишет Хоуит, — сидеть в скромной хижине горцев и запросто беседовать с хозяевами. В разговоре они обнаруживают ту странную смесь жизненного опыта, ума и суеверия, которую не встретишь больше нигде в мире. Мы заметили, что над постелями и отдельными участками крыши устроено нечто вроде навесов из засохших березовых веток, и поинтересовались их назначением. Хозяева пояснили, что это защита от нашествия мух, и уверяли нас, будто докучливые насекомые не летают возле березы. Полагаю, не стоит огульно отвергать подобное утверждение, в конце концов оно является результатом их многолетних практических

наблюдений и в таковом качестве заслуживает внимания. Мы долго беседовали с этими простыми и добрыми людьми о Куллоденском поле и связанных с ним традициях. Они рассказали, что раньше пустошь называлась иначе — «Драмосси», но теперь все предпочитают именовать ее Куллоденской. Прежнее название сохранилось лишь для кусочка земли, расположенного в дальнем конце пустоши, — том самом, где проходит старая заброшенная дорога на Баденох. Горцы со всей серьезностью утверждали, что там когда-нибудь состоится новое сражение. Мы поинтересовались, почему они так решили. А потому, пояснили хозяева, что его там неоднократно видели. Люди, которым летним вечером случалось ходить по своим делам через пустошь, рассказывали, что вдруг становились свидетелями происходившей на их глазах битвы. Они слышали звон мечей и пушечный грохот, видели сражавшиеся кланы и даже могли явственно различить их тартаны. И, что характерно, во всех этих схватках участвовал всадник на белом коне, в котором нетрудно было узнать лэрда Кулдетела, джентльмена из соседней округи. Одна из свидетельниц так испугалась, что на время потеряла сознание. Когда же она пришла в себя, видение исчезло. Несчастливая женщина от страха позабыла, куда и зачем шла, и поспешила поскорее домой. Мы предположили, что, может быть, воспоминания о далекой исторической битве вызывают у слишком впечатлительных людей галлюцинации, однако горцы отвергли такой вариант объяснения. Судя по всему, им нравилось думать, что когда-нибудь на Драмосси

действительно состоится битва и лэрд Кулдетела будет в ней участвовать (хотя какие кланы и за что будут сражаться, они так и не смогли нам объяснить).

Тем временем Уилли Маккензи настроил свои волынку и заиграл.

Наш славный волынщик, — пишет Хоут, — играл без устали. Это было истинное наслаждение — сидеть в маленькой хижине и слушать его музыку. Мы просили его сыграть то одну мелодию, то другую — все, какие могли припомнить, и он все их мастерски исполнял. Не припомню случая, чтобы музыка оказывала на меня столь сильное и приятное впечатление. Юноша играл пиброхи и марши, и мы невольно заражались военным пылом горцев. Но наибольшее впечатление на нас произвел знаменитый ламент — тоскливая, берущая за душу мелодия. Уилли объяснил нам, что происходит: оказывается, горцы маршируют к берегу моря, где им предстоит сесть на корабль и отправиться в долгое, может, бессрочное изгнание. По дороге они поют эту песню:

Не будет во веки веков мне возврата!  
Не будет во веки веков мне возврата!

Эту мелодию невозможно было слушать без слез. И я хотел бы предложить всем умникам, которые презрительно отзываются о волынках: пусть они сначала приедут в Шотландию и послушают волынку так, как мы ее услышали в тот день, а потом уж выносят свое суждение.

Что касается меня, то я с куда большим удовольствием послушал бы игру Уилли Маккензи 90-летней давности, чем всех этих современных мастеров, которые обивают пороги Бреймарского, Инвернесского и прочих фестивалей. Ведь Уилли, любовно обнимающий свою волынку на Куллоденской пустоши и оглашающий ее зеленые курганы «Похоронной песней Маккриммона», — явление, удивительное во многих отношениях. И прежде всего он удивителен своим непониманием простого факта — всего, что ему так дорого, за что он изо всех сил держится, уже не существует. Оно умерло на этой самой пустоши девяносто лет назад.

## Глава восьмая

### Гора Бен-Невис

*Я пересекаю страну с востока на запад, до полуночи пою песни мятежников, попадаю в Край Оленины, посещаю шотландский монастырь, взбираюсь на Бен-Невис и рассматриваю в Форт-Огастесе засекреченный портрет принца Чарли.*

#### 1

Я распростился с Инвернессом и направился вдоль Каледонского канала к Форт-Огастесу и Форт-Уильяму. Вот два города, чьи имена будто нанесены на карту Шотландии рукой Фенимора Купера! Оба они строились в восемнадцатом столетии как военные крепости. И главное их предназначение заключалось в том, чтобы облегчить процесс покорения местного населения — шотландских горцев. Точно так же, как канадские форты возводились для борьбы с краснокожими.

Теперь я ехал по волшебной стране «гленов и бенов», чье бесконечное чередование время от времени прерывалось проблеском озерных вод. Упомянутый канал меньше всего походил на канал в обычном понимании слова. Да он, по сути, и не является каналом — это серия коротких рукотворных сооружений, соединяющих между собой четыре длинных узких озера, «лоха». В результате тридцать восемь миль от совокупной длины приходится на озера и лишь двадцать две — собственно на канал. Корабль, следующий по Каледонскому каналу от Инвернесса, к моменту входа в озеро Лох-Ойх находится на высоте ста футов над уровнем моря!

Я не уставал удивляться живописной местности, по который проезжал. Сколько первобытной дикости и великолепного уединения в этих горных хребтах и склонах холмов, заросших темными соснами и лиственницами. И как неожиданно открываются меж них узкие озера, в чьих глубоких водах отражаются причудливые контуры горных вершин. Если бы меня попросили назвать самый романтический маршрут для сухопутного путешествия в пределах Европы, то я, не задумываясь, отдал бы пальму первенства путешествию вдоль Каледонского канала. Уж вы мне поверьте, окрестности Рейна ему и в подметки не годятся! Что вы там можете увидеть? Одни и те же холмы, замки да чахлые виноградники. Подобное однообразие быстро приедается и утомляет путешественника (счастливое исключение составляет лишь участок пути через Сен-Гоар и рядом с Бингеном). То ли дело Великая долина, по которой проходит Каледонский канал. Здесь пейзаж поражает воображение богатым разнообразием и почти пугающим великолепием.

И еще хочу признаться: решение ехать на автомобиле было большой ошибкой с моей стороны. Ну ничего, когда-нибудь я вернусь в эти края налегке, и уж тогда-то ничто не помешает мне скользить на пароходике по водной глади канала.

## 2

Судьба занесла меня в Край Оленины.

Я понял это сразу же, как только вошел в маленькую гостиницу, прятавшуюся в тени большой горы. Она была из разряда тех гостиниц, которые представляются англичанам некоторым подобием рая. Еще бы, ведь здесь они могут свободно сидеть и развлекать друг друга небылицами о подстреленных оленях и пойманных

чудо-рыбах. Что может быть лучше! Никто не прервет тебя (поскольку отдыхают они, как правило, без жен); и никто не станет противоречить (ибо, во-первых, это считается невежливым, а, во-вторых, у кого же хватит смелости первым бросить камень в человека, оседлавшего тему охоты или рыбалки?).

В гостинице царит вполне спартанская обстановка. Сквозняки разгуливают по всему дому — от парадных до задних дверей. В холле скопление разнообразных тростей, напоминающих Лурд с его ненужными костылями. В стеклянных ящиках красуются неправдоподобно большие рыбы (на ум невольно приходит сумасшедший таксидермист, накачивающий их с помощью насоса). Эти потрясающие экземпляры, очевидно, призваны внушить великодушным и непредвзятым умам, что не все фантастические истории рыбаков апокрифичны. На консолях расставлены чучела оленых голов. Черные выпуклые глаза взирают на посетителей с легким укором, над ними громоздятся роскошные вешалки рогов. От этих красавцев невозможно нигде укрыться. Их стеклянный взгляд пронизывает вас, даже когда вы следуете по длинному коридору к своей спальне.

Случайному постояльцу не слишком уютно в подобных гостиницах. Он ощущает себя нежелательной помехой — примерно как человек, вынужденный прозябать в чужом клубе, пока в его собственном проводится косметический ремонт. Стоит зайти в комнату, как разговор, шедший до того, внезапно прерывается. Поневоле чувствуешь себя нахалом, вторгшимся на чужую территорию. Ты не убиваешь оленей и не истребляешь осетров, следовательно, не являешься членом тайного сообщества. На тебя смотрят как на неуместное (и весьма неприятное!) напоминание об окружающем мире.

Во время завтраков и обедов вас неизбежно преследует оленина. Лично я ненавижу оленину! Поэтому, это блюдо совершенно незаслуженно перехваляют. Я бы скорее предпочел мясной фарш из консервной банки. Даже странно, что шотландцы — подарившие миру такие восхитительные супы и каши — в девяти случаях из десяти оказываются неспособными приготовить приличное мясо. Эта черта роднит их с ирландцами, те тоже не умеют жарить мясо. Ростбиф в ирландской гостинице более всего смахивает на кусок резинового коврика. Трудно себе представить более жалкое кухонное изделие, если, конечно, не брать в расчет жареную оленину из благословенного Края Оленины. Единственное, что примиряло меня здесь с завтраками, — это джем из красной смородины. Об осетрине не скажу ничего худого. Шотландцы великолепно готовят осетра — когда удастся его поймать!

Как правило, завтраки в гостиницах, подобных этой, проходят в одиночестве. Столовая наполовину заполнена случайными автомобилистами. Постоянные обитатели в эту пору отсутствуют: они либо ползают на пузе в вересковых зарослях, либо же стоят с удочкой по пояс в воде. То ли дело обед! К этому часу охотники обязательно спускаются с холмов, а рыболовы выныривают из «лохов».

Они сидят за столом в гробовом молчании — истинное воплощение английского духа — и бесстрастно поглощают оленину. На их непроницаемых лицах печать былого. Их твидовые пиджаки в крупную клетку и вечерние галстуки бабочкой свидетельствуют о социальном статусе владельцев: здесь сплошные генералы, адмиралы и губернаторы провинций! Сразу же представляются серые контуры линейных кораблей, стройные колонны пехотинцев и запыленные эскадроны кавалерии, жаркие пустыни и белые города на берегу



чужих океанов — все то, что служило фоном к их прошлой жизни. Теперь эти люди самозабвенно ползают в вереске, бродят по мелководью и с каменными лицами сидят по вечерам за столом. Они ждут не дождутся того часа, когда можно будет потихоньку улизнуть в маленькую комнатку позади бара. Там их ждет вечерняя порция скотча из личных запасов хозяина и бесконечное обсуждение дневных успехов и неудач.

Порой до нас, непосвященных, доносятся обрывки их разговоров.

— Ей-богу, в нем было не меньше двенадцати фунтов. Я три часа шел за ним вдоль русла реки, а затем ветер поменял направление...

— Я бросился на него! Он лежал под камнем — двенадцать фунтов и ни унцией меньше! И поверьте мне...

— Вы помните старину Монти Мэддокса?

— Генерала?

— Да, того самого. Это он поймал огромного осетра, который выставлен внизу, в гостиной!

— Пойдите, когда ж это было?

— В тысяча восемьсот девяностом... Верно я говорю, Ангус?

Хозяин гостиницы не спеша выколачивает трубку о каминную доску и после характерной шотландской паузы изрекает:

— Нет, не в тысяча восемьсот девяностом. Эт' было в тысяча восемьсот девяносто втором... пятнадцатого сентября.

И все с почтением внимают заговорившему оракулу.

В этой части Шотландии в полях нередко встречаются таблички с изображением бегущего оленя. Иногда же, устремив взгляд на далекие склоны холмов, вам удастся заметить движущиеся коричневые пятна. Это и есть олени. Даже невооруженным взглядом видно, что держатся они с невероятной, прямо-таки

сверхъестественной осторожностью. Если же прибегнуть к помощи бинокля, можно разглядеть небольшое стадо самочек, которые медленно передвигаются по склону, следуя за своим вожаком-оленом. Они щиплют траву, но и то и дело вскидывают головы, настороженно приносясь чуткими ноздрями. Что касается самца, он стоит немного в сторонке и бдительно поглядывает по сторонам, при этом грациозно изгибая шею. Кажется, он догадывается, что над его великолепными ветвистыми рогами нависла смертельная угроза.

И вы невольно задумываетесь: кто именно из этих клетчатых генералов-адмиралов в настоящий момент ползет по склону с единственной целью погубить прекрасное создание?

### 3

Дорога на Форт-Огастес тянется вдоль северного берега озера Лох-Несс. Этот водоем полностью соответствует моему представлению об идеальном горном озере — узкое, сильно вытянутое в длину, оно даже не пытается притворяться морем. Зато на протяжении целых двадцати четырех миль радует необычайным разнообразием пейзажей, состоящих прежде всего из холмов, леса и воды. Я в жизни своей не встречал столь глубокого внутреннего озера — вода его кажется буквально черной от бесчисленного количества морских саженей до дна (мне говорили, что глубина Лох-Несса достигает 130 морских саженей).

Самое глубокое место (свыше 750 футов) располагается как раз напротив развалин замка Уркварт. Вода здесь зловеще-темная, и в ней, как в зеркале, отражаются мрачные стены древнего замка. Сорная трава уж многих столетий атакует каменные

плиты, пытаюсь разворотить фундамент здания. Но оно упрямо стоит на месте, нависая над темными водами Лох-Несса. Кажется, будто старый замок разговаривает с озером, пересказывая ему свою долгую историю, в которой было немало войн и осад. А что рассказывает ему в ответ озеро? Кто знает... У них обоих полным-полно собственных секретов.

Именно на этой дороге далеким августовским днем 1773 года произошла знаменательная встреча: Босуэлл впервые увидел массивную фигуру своего будущего кумира, доктора Джонсона. Тот ехал ему навстречу и, как отмечает «Босси», весьма неплохо держался в седле. Здесь же, на берегах Лох-Несского озера, доктору довелось познакомиться с одной из жительниц Хайленда, старой миссис Фрэзер.

Вот как описывает эту забавную историю Босуэлл в своей книге «Дневник путешествия на Гебриды с доктором Джонсоном»:

Вдалеке виднелась маленькая хижина с пожилой женщиной на пороге. Подумав, что подобная картинка может понравиться доктору Джонсону, я обратил на нее внимание моего попутчика. Он тут же решил, что не худо было бы заглянуть внутрь. Мы спешили и в сопровождении наших провожатых проследовали к жилищу, которое при ближайшем рассмотрении оказалось жалкой лачугой, наполовину врытой в землю. Окон не было, свет проникал внутрь лишь через небольшую дыру в стене (да и то, когда его не затыкали куском торфа). Прямо посреди помещения на земляном полу горел костер, на котором готовилось какое-то варево — судя по всему, старуха варила мясо козы. Дым выходил в маленькое отверстие, сделанное в крыше.

Один конец комнаты был отгорожен плетеной из ивовых прутьев загородкой — получалось нечто среднее между загоном и детским манежем. Там действительно копошилось изрядное количество чумазных ребятишек. Мебель в хижине отсутствовала.

Доктор Джонсон любопытствовал, где же эта несчастная женщина спит. Я попросил наших проводников перевести его вопрос на гэльский язык. Женщина отвечала с видимым волнением. Как выяснилось позже, она испугалась, что доктор хочет лечь с ней в постель. Подобное женское кокетство (или как там его назвать) нас изрядно рассмешило. При той жалкой и уродливой внешности, которой обладала старуха, оно выглядело просто нелепым! Позже в беседах с доктором Джонсоном мы не раз возвращались к этому курьезному случаю, причем каждый придерживался собственной версии событий. Я утверждал, что доктор — видный, импозантный мужчина — одним своим видом смутил добродетель местной жительницы. «Нет, сэр, — смеялся он, — все было совсем не так! Видно было, что она думает: вот пришел порочный молодой человек, прямо-таки дикий, необузданный пес! Он наверняка бы меня изнасиловал, если б не умиротворяющее воздействие серьезного старого джентльмена, его попутчика. Бьюсь об заклад, что в отсутствие своего наставника этот молодчик не пропустит ни одной юбки — ни молодой, ни старой». «Нет, сэр, — возражал я, — скорее уж она подумала нечто вроде: вот принес же черт старого негодяя, который только и смотрит, как бы соблазнить порядочную женщину. И наверняка бы соблазнил, если б не этот приличный молодой

человек. Подобно ангелу с небес, он ниспослан защитить мою честь».

Вот таким образом доктор Джонсон и его верный Босуэлл пытались оживить свое романтическое путешествие в Форт-Огастес.

Город располагается на том же самом месте, где его впервые увидел доктор Джонсон. Форт-Огастес стоит у изголовья длинного озера и, казалось, задумчиво взирает на далекие мрачные холмы. На въезде в город обнаружился действующий монастырь — по нашим временам большая редкость в Шотландии. Я подошел к воротам и позвонил в колокольчик. После непродолжительного ожидания дверь отворилась. За ней стоял средних лет монах, который говорил с сильным американским акцентом. Казалось бы, что в этом удивительного? За долгие годы путешествий я навидался всякого. Помнится, во время пребывания в Риме я встречал семинаристов, говоривших на всех языках мира. Однако вид монаха-американца у дверей шотландского монастыря поразил меня своей несообразностью. Я вежливо спросил разрешения осмотреть здание.

— О чем речь! — приветливо ответил монах. — Конечно, входите.

По правде говоря, осматривать было особо нечего. Монастырь оказался современной постройки, но возведенным на базе старинного форта. Я выяснил, что в 1867 году правительство продало здание старого форта лорду Ловату, а тот в 1876 году подарил его бенедиктинскому ордену. Сейчас здесь помимо церкви и жилых помещений располагается монастырская школа.

Мой американский гид оказался весьма начитанным и разговорчивым человеком. Мы обсудили с ним проблему семи смертных грехов, затем коснулись нынешних танцев и женских мини-юбок. Странно было

слушать, как этот монах-бенедиктинец на языке нью-йоркских трущоб порицает материализм и греховность современного мира.

— Послушайте, дружище, — произнес он наконец. — Ужасно рад был с вами познакомиться, но сейчас я должен бежать. Слышите, звонят к вечерне... Ну пока, всего доброго!

В глубокой задумчивости я вернулся на дорогу и продолжил свое путешествие.

#### 4

Мисс Макинтош была похожа на маленькую блестящую птичку. А тот факт, что контора гостиницы (где ее чаще всего видели) смахивала на клетку, только усиливал впечатление. Всякий раз, как в холле звонил колокольчик и очаровательное пухлое личико мисс Макинтош показывалось в окошке конторы, у меня возникало впечатление, будто она впорхнула туда прощebetать свое «чик-чирик» и поклевать сахарку. Тем не менее она всегда на месте и успевает вовремя оформить прибывающих коммивояжеров.

Некоторые женщины рождаются на свет, чтобы играть извечную роль сестры. Мэгги именно такова. Это пухленькая девушка, милая и улыбчивая, с очень белой шейкой, серыми глазами и симпатичными веснушками на носу. Она чем-то неуловимо напоминает маленькую самочку снегиря.

Мне нравится наблюдать, как Мэгги в одиночку управляет с целой толпой мужчин (а это, полагаю, нелегкое дело) и при том умудряется не выйти за рамки доверительно-дружеских отношений. Она обладает истинным талантом ненавязчиво заботиться обо всех и быть любящей и любимой сестрой. О таких девушках

обычно говорят «свой парень» и с легким сердцем поверяют им любовные тайны.

— Мэгги, поди сюда! — орут они, словно находятся у себя на кухне.

Никому из приходящих сюда холостяков даже в голову не придет мучиться с иголкой и ниткой — ведь рядом всегда есть Мэгги, которая быстро и споро пришьет отлетевшую пуговицу. Я помню собственные ощущения, когда мне довелось поранить запястье и обратиться за помощью к Мэгги. Она вполне профессионально обработала рану йодом и, вложив ватный тампон, аккуратно перебинтовывала ее, приговаривая: «Ну вот, теперь все в порядке!» От ее тихого, успокаивающего голоса у меня возникло чувство, что со мной и в самом деле все будет в порядке, и никакой столбнячный микроб не посмеет на меня покушаться. Где ему сражаться с магией Мэгги!

«О, Мэгги отличная девчонка... Мэгги одна из лучших... Давайте сегодня вечером разыграем Мэгги! Я войду, пошатываясь, и скажу...»

При этом никому и в голову не придет испытывать к ней какие-то сентиментальные чувства. Все относятся к Мэгги как к члену семьи. Полагаю, современные кинорежиссеры сказали бы, что она полностью лишена сексапильности. Другими словами, она из тех девушек, которые долго дремлют, а потом в одночасье вдруг вспыхивают и становятся героинями самых невероятных романтических историй: то неожиданно выясняется, что она тайно повенчана с газовым инспектором, то поутру весь городок обсуждает новость — «Слыхали, а Мэгги-то сбежала с заезжим священником!»

Пока же у нашей Мэгги обнаруживается лишь одна неодолимая страсть — к музыке. Она обожает играть на пианино. Ей удастся воспроизводить на этом инструменте невообразимую мешанину звуков. И делать это неограниченно долго. В данном занятии Мэгги нет

равных! Обычно по вечерам она появляется в курительной комнате — цветущая, неотразимо элегантная в своем платье из черной блестящей тафты. После шумных приветствий и дружеских подшучиваний ее начинают упрашивать «что-нибудь сыграть». Немного поломавшись для приличия, Мэгги подходит к пианино — этому постыдно-порочному старичку, тщеславно щеголяющему красной шелковой манишкой времен королевы Виктории (надо думать, изделию какого-нибудь покойного мюнхенского мастера). Плюхнувшись на круглый бархатный стульчик, Мэгги долго перелистывает замусоленный сборник «Шотландские песни для начинающих», а затем начинает играть вечные, неустаревающие мелодии.

Для меня остается загадкой, каким образом ее пальчики — столь искусные и ловкие в пришивании пуговиц, накладывании сложных повязок и поддержании порядка в необъятном гостиничном хозяйстве — вдруг оказываются такими тяжелыми и неуклюжими на клавишах пианино. Увы, девушка искренне верит, что играет вполне прилично, и это сильно осложняет дело! Тем не менее Мэгги настолько мила, что мы охотно закрываем глаза на все те вольности, которые она допускает в обращении с нотами. Более того, мы прощаем ей этот маленький недостаток, как прощаем лучшему другу его заикание.

В одном из абердинских магазинчиков я приобрел великолепное первое издание Хогга. У книги длинное название — «Якобитские реликвии Шотландии: сохранившиеся стихи, песни и предания истинных приверженцев династии Стюартов». Старинные песни мятежников приводятся здесь вместе с нотами. И вот как-то вечером я принес эту книгу с собой и попросил Мэгги сыграть что-нибудь вроде «Маленький немецкий лэрд» или «Свиной хвостик для Джорди»<sup>[42]</sup>.



Полагаю, в 1728 году это было бы небезопасное занятие — мы все вполне могли бы угодить в тюрьму! Слава богу, на дворе стоял 1928 год, и у нас выдался потрясающий вечер! В тот вечер в курительной комнате собралась замечательная компания. С нами были Чарли — самый настоящий хайлендер, что называется, до мозга костей; Сэнди — высокий, худой шотландец, быстрый, как летящий дротик, и такой же острый; Ангус — огромный смешливый здоровяк из Абердина; Джок — необыкновенный парень, обладающий внешностью одного из отцов-пилигримов и сердцем католика, особенно если сердце это согрето капелькой виски; а также один йоркширец, имени которого я так и не узнал (он то ли был коммивояжером, то ли занимался постройкой нового дока). Английский характер здорово осложнял ему общение: даже находясь в легком подпитии, бедняга не умел изливать душу в песне. Но ему нравилось скромно сидеть в уголке со своей трубкой и стаканчиком виски и наблюдать за нами со стороны.

Боюсь, нашему пению не доставало слаженности, зато мы вкладывали всю душу в исполнение: горланили громко и самозабвенно. Одна якобитская песня следовала за другой — до тех пор, пока вся крышка старого пианино не оказалась заставленной пустыми стаканами. И в тот миг на нас снизошло озарение: каким-то таинственным образом мы поняли, что в игре Мэгги заключена особая магия. Ее обычно неловкие пальцы вдруг обрели долгожданную ловкость и умудрялись извлекать из старой мюнхенской развалины поистине божественную музыку. Это еще больше нас раззадорило.

— Ай молодца, Мэгги! — кричал Сэнди. — Сыграй нам «Красавчика Чарли»!

— «Красавчика Чарли»? Пожалуйста... Вы готовы?

— Подожди, я только встану на свое место. Теперь поехали!

Едва родился этот год  
Весеннюю порой,  
Мой милый друг ушел в поход,  
Отважный мой герой.

Волянки нас бросали в дрожь  
Воинственной игрой,  
И все смотрели, как хорош  
Отважный мой герой.

Чарли мой любимый, любимый, любимый,  
Чарли мой любимый, отважный мой герой!<sup>[43]</sup>

Финальный аккорд оказался несколько смазанным, но нас это нисколько не огорчило. Мы были во власти слезливо-сентиментального настроения.

— Давайте споем «Лодку с острова Скай»! — предложил кто-то.

— Нет-нет, это уже сто раз пели. Лучше что-нибудь, про красную кровь... Например, «Белую кокарду»!

— О нет, только не это.

— Ну тогда «Файфских вигов»?

— Ни в коем случае! Давайте споем «Маленький немецкий лэрд»!

— Отлично! Вперед, парни!

— Мэгги, сегодня ты играешь, как ангел!

Мы все теперь носили белые кокарды в своих сердцах. Единственное, что нас печалило — то, что мы не родились на двести лет раньше. Неужели бы мы не обнажили свои мечи за принца Чарли? Разве мы бы не последовали за ним на Куллоденское поле и не бросились на вражеские штыки?

На мой взгляд, Хогг, собравший и записавший эти старые песни, оказал Хайленду не меньшую услугу, чем Вальтер Скотт своему любимому Приграничью. «Песни

шотландской границы» и «Якобитские реликвии» — обе книги исключительно важны для Шотландии: в одной запечатлен дух Лоуленда, в другой живет душа Хайленда. В тот вечер между строк якобитских гимнов мы разглядели смутные очертания далекого 1745 года: старые стены, обшитые деревянными панелями... колеблющееся пламя свечей... давно умершие люди молча поднимают тост за отсутствующего короля.

Уникальность этих популярных песен в том, что они живо воспроизводят политическую атмосферу якобитской эпохи. Благодаря им мы можем перенестись на два столетия в прошлое и ощутить дух того времени, складывающийся из ожидания близких перемен, яростных предрассудков, примитивной ненависти, презрительного неприятия, озорного юмора и безрассудной искренности. Эти якобитские песни производят впечатление чего-то очень живого и личного — подобно тому, что возникает при чтении «Дневника» Сэмюэла Пипса. Мне показалось, что от них исходит какой-то неуловимый аромат — как от старых любовных писем. Они трогали наши души и заставляли воспарить над повседневными делами и заботами. Трудно было поверить, что сочинившие их мужчины и женщины уже давным-давно лежат на старых церковных кладбищах Шотландии. Если авторы приграничных баллад выглядели далекими и чужими, то этих людей мы воспринимали как братьев по духу. В тот вечер в маленькой хайлендской гостинице мы думали и чувствовали так же, как авторы якобитских песен.

— Ну, Мэгги, давай! Последнюю песню, и расходимся по домам.

И мы запели «Радушные Маклинов» — наверное, самую прекрасную из всех песен.

Ступай к ручью, ступай к ручью, о Чарли,  
храбрый Чарли!

Ступай к ручью, где Маклины ждут тебя,  
наш храбрый Чарли!  
Приют здесь и кров давно уж готов  
Для нашего храброго Чарли!

Боже, что за песня! Она проникнута совершенно особой поэзией — мощной, грубой, исконно мужской. Соприкосновение с ней пьянит, как глоток ирландского самогона из старой бутылки, найденной на заброшенных торфяниках. И пусть написана она от лица клана Маклинов, но слова ее были бы уместны в устах любого воинственного племени: именно так воины всех времен и народов обращались к своим героям. Даже не верится, что произведение это родилось на свет всего двести лет назад и в каких-нибудь пятистах милях от изнеженного, утонченного Лондона. Горцы Маклинов призывают к себе христианского принца, но посмотрите, что они ему сулят: вино, мясо, цветочные гирлянды и прекрасных девушек, то есть те самые извечные подношения, которым чествовали героев от начала времен. Песня эта естественно звучала бы и на древнегреческом, и на древнеегипетском языках.

— Ну а теперь напоследок споем «Неужто он не вернется?»

Красавчик Чарли теперь далеко,  
За море уплыл от вражеских ков.  
Нам без него ох как нелегко.  
Неужто он не вернется?  
Неужто он,  
Неужто он,  
Неужто он не вернется?  
Никто не любит его, как мы.  
Неужто он не вернется?

Мне трудно описать чувства, которые овладели нами в тот поздний час в комнате со старым пианино, уставленным пустыми стаканами, и спящим йоркширцем в углу.

— Если б он сейчас вернулся, я бы снова пошел за ним! — произнес Ангус со слезами на глазах.

— Ангус, ты пьян!

— Какая разница — пьяный или трезвый? Я бы все равно пошел за ним! — с пафосом повторил Ангус.

Невооруженным взглядом было видно: парень готов подраться с любым, кто посмеет ему возражать.

— А ты, Джок? Ты со мной или против меня?

Джок — более чем когда-либо напоминавший отца-пилигрима в исторический момент высадки в Новом Свете — ответил со всей серьезностью:

— Боже правый! Конечно, я с тобой!

В его устах это прозвучало почти как торжественная клятва.

Сэнди, поблескивая стеклами очков, разразился агрессивной тирадой. И хотя он был вполне логичен, никто не обращал на него внимания. Время старых песен прошло, вещал он. Если бы сегодня принц вернулся, конечно же, никто не последовал бы за ним! С какой стати? Все это сентиментальность! Романтика! Католические штучки! («Заткнись наконец, Ангус!») Однако, если как следует задуматься, разве не за последних Стюартов мы все сражались в войну? И кстати, обратите внимание: принц Уэльский единственный во всей Европе напоминает своей внешностью и своим обаянием Красавца Принца Чарли. Вы когда-нибудь об этом задумывались? Это доказывает, что в нем живет последняя тонкая ниточка, связывающая нас со Стюартами! Что, не так? («Заткнись, Сэнди!»)

— О, принц Уэльский! — возопила вдруг Мэгги, резко разворачиваясь на своем крутящемся плюшевом

стульчике. — Он такой душка! Мы все надеемся, что они приедет на открытие нового завода!

На мой взгляд, именно на этой ноте следовало завершить наш музыкально-якобитский вечер. Оставалось только разбудить йоркширца.

Вся компания вывалилась на крыльцо. Осенняя луна пряталась за холмами. В темноте мы слышали, как шумит ручей, падая со скалы; и как шум этот сменяется тонким серебристым журчанием — там, где ручей достигает дороги и прячется под мостом. Мы все обменялись серьезным рукопожатием — дурной знак в Шотландии! Откуда-то с дороги доносился голос Чарли, который напевал:

Никто не любит его, как мы.  
Неужто он не вернется?

— Да ладно тебе, Чарли! Кончай куролесить, пойдем спать!

— Иди к черту!

## 5

Ярким солнечным утром я отправился в путь по дороге, ведущей к Форт-Уильяму и Бен-Невису.

Мне искренне жаль тех малодушных любителей комфорта, которые, добравшись лишь до Бреймара и Баллатера, полагают, что они повидали шотландский Хайленд. То, что они видели, — не более чем прелестные почтовые открытки. Только здесь, на подступах к Бен-Невису, открывается настоящий Хайленд. Пламенеющий вереск кажется каплями кларета, щедро разбрызганными по гладким склонам холмов. Густые лесные заросли уже тронуты дыханием осени, время от

времени сквозь темные стволы деревьев проглядывает голубая поверхность озера или проблеск горного ручья, торопливо бегущего по крутому склону. Возьмите все самое лучшее, что есть в Рейнской долине, смешайте это с красивейшими швейцарскими пейзажами и выплесните на шотландскую землю — тогда вы получите представление о той щедрой и дикой красоте, которая меня окружала.

Дорога огибала с юга озеро Лох-Ойх, а затем снова пересекала водную преграду возле Инвергарри. Здесь на обочине дороги я увидел удивительный монумент: над бьющим из-под земли ключом (а, может, это был родник) стояла каменная пирамида, увенчанная изображением семи человеческих голов. В нижней части памятника вкруговую шла надпись на четырех языках — английском, гэльском, французском и латыни, которая гласила:

Сей монумент поставлен в память о скором и успешном возмездии, которое было осуществлено на правах кровной мести и в соответствии с приказом лорда Макдоннела и Аросса. Заслуженная кара настигла подлых преступников, повинных в истреблении семейства Кеннох, принадлежавших к могущественному и славному клану Макдоннелов. Этот памятник возведен полковником Макдоннелом из Гленгарри, XVII Маквиком Алистером, являющимся наследником и представителем его светлости, в году 1812 по христианскому летоисчислению. Отрубленные головы злодеев были доставлены в Гленгарри, в замок благородного вождя, но предварительно омыты в водах данного ключа. Все это произошло в начале шестнадцатого столетия, и с тех самых пор сей родник носит название

«Тобар-нан-Шинн», что означает «Родник семи голов».

Я продолжил свой путь в Форт-Уильям.

Ласковое полуденное солнце освещало вершушки холмов. Я наблюдал, как маленький колесный пароходик, пыхтя и плюхая по воде своими лопастями, прокладывает путь к верховьям озера Лох-Лохи. Он выглядел явным анахронизмом, место которому в викторианской эпохе. На палубе такого пароходика полагалось бы стоять респектабельным мужчинам с бакенбардами в просторных норфолкских куртках. Я словно воочию видел этих викторианских джентльменов и их изящных спутниц под кружевными зонтиками и с обязательным томиком «Уэверли» в руках. В те времена имя блистательного мистера Телфорда не сходило с уст у лондонской публики — таким образом Хайленд входил в моду и становился частью культурного, цивилизованного мира!

Вскоре плодородные земли Хайленда остались позади, и я углубился в суровое царство скал и утесов. Временами мне казалось, что ветер доносит запах далекого моря. Я напряженно вглядывался в смутные очертания горных вершин на западе и пытался сообразить, неужели это темнеют горы Ская. В пустынных холмах, которые проносились мимо меня, присутствовала некая потусторонняя магия — сродни той, что ощущается на западном побережье Ирландии. День был солнечный, но, несмотря на это, дул сильный ветер. Он гулял по заросшим вереском полянам, пригибая растения до самой земли. По пустошам были разбросаны одиночные утесы странной формы — издали они казались заколдованными рыцарями. Все вокруг — даже обычные куропатки, перелетающие с места на место — несло на себе печать зловещего и сверхъестественного.



Тени постепенно удлинялись, солнце опускалось за вершины холмов, окрашивая их в новые оттенки. Мне и раньше доводилось наблюдать голубой цвет в природе — голубые берега Твида и голубые холмы Приграничья; я помню, как в Стерлинге восхищался голубизной Охильских холмов, а в Перте — синеющими на горизонте Грампианскими горами. Но попав на исходе дня в западный Хайленд, я понял, что до сих пор не видел по-настоящему голубого цвета. Здешний голубой цвет пока еще не открыт живописцами. Человек, использовавший в своих полотнах такие краски, наверное, прослыл бы безумцем.

На мосту через Спин я остановился и, перегнувшись через перила, посмотрел на реку. Она напоминала кипящий дьявольский котел. Дно у Спины каменистое, его покрывают глубокие каверны с зазубренными краями. Страшно становится, когда заглядываешь сквозь прозрачную коричневую воду в их невероятные глубины.

Именно возле этого моста 16 августа 1745 года произошла знаменательная встреча. Две роты Королевских шотландцев под началом капитана Джона Скотта следовали в Форт-Уильям, куда их направили для усиления местного гарнизона. Возле моста они внезапно услышали звуки пиброха и увидели на противоположном берегу большой отряд горцев, вооруженных мечами и кремневыми ружьями. Завязалась ожесточенная схватка, в которой погибли два солдата. В конце концов Королевских шотландцев окружили со всех сторон и вынудили сложить оружие.

Это была первая победа, одержанная на шотландской земле Красавцем Принцем Чарли...

Я проехал еще немного и в сгуставшихся сумерках увидел исполинскую махину Бен-Невиса, возвышающуюся над крышами Форт-Уильяма. Вершина горы терялась в плотной пелене облаков.

Жителям Форт-Уильяма, наверное, кажется, что они живут на самом краю света. Город приютился у подножия Бен-Невиса — высочайшей (и самой знаменитой) горы на всех Британских островах. Ее высота составляет 4406 футов, что на 846 футов превышает высоту Сноудона. Каждый более или менее здоровый человек, приехавший в Форт-Уильям, поднимается на Бен-Невис. Причем подозреваю, что никто заранее не собирается это делать, но так уж получается само собой. Неумолимые правила хорошего тона велят совершить восхождение на Бен-Невис. Зато, вернувшись с вершины, человек чувствует себя победителем. Он внезапно обнаруживает, что Форт-Уильям потеплел к нему: кажется, будто город улыбается и раскрывает свои дружеские объятия. Человек доказал, что кое-чего стоит.

Горожане — которые до того равнодушно обходили чужака стороной — с одобрительной улыбкой поглядывают на его стоптанные башмаки и говорят: «О, вы поднимались на Бен?» Тут же он узнает, что рекорд побить ему не удалось — большинство местных шотландцев тратят на восхождение вчетверо меньше времени; но это в конце концов не важно! Он заслужил доверие тех, кто поднимался на Бен-Невис до него. Человек отправился наверх неопытным новичком, а сразу же по возвращении стал заслуженным членом благородного сообщества тех, кто покорила высочайший пик Великобритании.

Я сам, прежде чем выступить в поход, долго бродил по Форт-Уильяму и пытался разглядеть вершину Бен-Невиса. Выяснилось, что сделать это практически невозможно. Гора в основании представляет собой окружность длиной в двадцать четыре мили (во всяком

случае так говорят местные жители). Она подобна великану, который незыблемо восседает на своем троне и прячет голову в облаках и за плечами более мелких властителей.

Бодро насвистывая, я шагал узкой долиной, уводящей к вершине Бен-Невиса. На лице моем сияла глупейшая улыбка (ведь в тот момент я еще не знал, что меня ждет впереди!). Под стать ей были и начищенные штиблеты, которые я не догадался сменить перед восхождением. Возле маленькой белой фермы в Ахинтри я повстречал женщину, державшую на руках ребенка в клетчатом килте. Увидев меня, она произнесла с улыбкой: «О, сегодня отличный день для Бена!» Но при этом бросила озабоченный взгляд на небо, туда, где скрывалась невидимая вершина горы. Местные жители именно так говорят о Бен-Невисе — словно это почтенный старый джентльмен, с чьими капризами привыкли считаться. Мне сразу дали понять, что ласковый прием там отнюдь не гарантирован!

Со временем я понял: это самое правильное отношение к Бен-Невису.

Внизу тепло, солнце вовсю сияет на небе. Стоящие в отдалении деревья радуют глаз своим золотым убором. Я следую извилистой горной тропой, и по мере подъема шум ручья, текущего по дну Глен-Невиса, становится все тише, пока наконец совсем не затихает.

Я остаюсь один на один с огромными холмами-великанами. Их склоны местами кажутся коричневыми от засохшего папоротника, местами же серебрятся шелестящим вереском. И почти всюду под растительным покровом обнаруживается болотистая, хлюпающая под ногами почва. Время от времени из вереска взлетают мелкие птички, пасущиеся овцы при моем приближении подымают свои мохнатые морды и, не обнаружив ничего интересного, возвращаются к своему первоначальному

занятию. Маленький коричневый ручеек прокладывает себе путь по склону, образуя микроводопады там, где приходится перепрыгивать с одного валуна на другой.

Уже в процессе восхождения обнаружилось, что дорога на Бен-Невис сложена из самого твердого в мире кремнистого материала. Увы, я сильно промахнулся в выборе обуви. Похоже, что моим штиблетам, немало хаживавшим по Пикадилли и Бонд-стрит, пришел конец. Ну и поделом им! Я решаю устроить себе небольшой отдых — сбросить с плеч надоевший рюкзак и оглядеть оставшуюся внизу долину. Дорога, по которой я поднимался, кажется отсюда тонкой ленточкой, припиленной к склону холма. Ручей ослепительно блестит на солнце, обозначая крутые изгибы русла, пока не скрывается под ковром из осенних листьев. По склонам холмов лепятся случайные фермы, уменьшенные до размеров спичечного коробка.

Все это милые и привычные приметы человеческого быта. Но в каждом горном восхождении наступает миг, когда приходится отвернуться от них и обратиться лицом к суровым и неприветливым склонам, которые никогда не давали и не дадут человеку ни убежища, ни пищи. Склоны холмов напозают друг на друга, будто стремятся поскорее скрыть от ваших глаз обитаемую землю. Зато появляется возможность хорошенько разглядеть облака, которые теперь располагаются значительно ближе. Те из них, которые снизу смотрелись однородными желтоватыми подушками, неожиданно обретают фактуру, внутри них обнаруживаются прорехи и закрученные ветром спирали. Более темные облака шевелятся разорванными краями и грозят непролившимся дождем. Трава становится все более чахлой и уступает место скалам. К тому же дует холодный ветер.

Подъем дается нелегко. Но я медленно, ярд за ярдом, поднимаюсь по мрачной лощине с каменистыми

склонами, по которым сбегает крохотный ручеек. Я уже поднялся выше окрестных гор и теперь могу заглянуть за их вершины. Там виднеются новые холмы, а за ними еще одни... и так до самого горизонта, где обнаруживается легкий намек на море.

По дороге мне встретилось небольшое каровое озеро, на берегу которого стояла каменная хижина без дверей.

Вокруг был разбросан мусор — верный свидетель недавнего человеческого пребывания. Здесь валялись апельсиновые корки, металлические пробки от бутылок и бумага, некогда служившая оберткой для сандвичей. Печальная картина, более уместная в обезьяньей клетке, служила лишним подтверждением дарвиновской теории. Зато отсюда открывался потрясающий вид на Бен-Невис...

Вот она, настоящая Шотландия! Только здесь вы увидите описанный в романах Хайленд. Прямо передо мной, за могучим горным кряжем лежало голубое, словно небо, озеро Лох-Линнхе. Справа между холмов пряталось Лох-Лохи. А еще дальше открывалась удивительно красивая долина, над которой висела радуга. По ней проходил Каледонский канал, он тянулся от озера к озеру и в конце концов приводил к Инвернессу.

Тропа становилась все круче, изобиловала зигзагами и неожиданными поворотами. Я шел, ощущая радостное возбуждение, холодный воздух пьянил, словно вино. Обернувшись, я замер, пораженный новым чудом — внезапным проблеском Атлантики поверх горной вершины. А вон те смутные голубые пики, что виднелись вдали, наверное, были Гебридами. А затем я внезапно очутился в долине смерти. Здесь ничего не росло. Горные склоны усеивали обломки скал. Облака были совсем близко, одно даже оказалось у меня под ногами

— неуловимая серая субстанция, струившаяся по поверхности горы.

Привычный обитаемый мир остался далеко внизу, и даже солнечный свет не скрашивал моего одиночества. Со всех сторон меня окружали горы — жестокие и неумолимые. Во всем таилась неведомая угроза. Легкие золотистые облака, проплывавшие в непосредственной близости, при ближайшем рассмотрении превращались в таинственные видения, которые скрывали в себе нечто жуткое — такое, что могло в мгновение ока смахнуть человека с горного склона, подобно тому, как птица на лету склевывает зазевавшуюся муху.

Человек нигде не ощущает так болезненно свое одиночество, как высоко в горах.

Я продолжал подниматься, хотя легкие мои горели, сердце неистово колотилось, а сбитые в кровь ноги молили об отдыхе. Но я запрещал себе даже думать об этом. Меня подгоняла мысль, что вершина уже близко. Она просто не может быть далеко!

Внезапно дневной свет померк. Я вошел в полосу густого тумана и не сразу почувствовал, какой он холодный и влажный. Тело мое было разогрето долгим подъемом, и до определенного момента я не отдавал себе отчета, насколько понизилась окружающая температура. Внезапно из тумана выплыли две темные фигуры. Навстречу мне двигались мужчины, закутанные до самых глаз. Несмотря на теплые шарфы и рукавицы, они выглядели совершенно замерзшими. Их зубы выбивали дробь, носы покраснели, а уши торчали, будто ломти сырой говядины. Они попытались улыбнуться, но жалкие улыбки замерзли на их обледенелых щеках.

— Осталось еще полмили! — сообщили они и поинтересовались: — Там внизу по-прежнему хорошая погода?

— Да, светит солнце.

Они помахали руками, как это делают морозным утром кучеры. Затем, стащив рукавицы, подышали на пальцы в напрасной попытке их согреть.

— Не наваливайтесь на деревянные ограждения! — предупредили меня. — Они ненадежные. Удачи!

И мужчины пошли дальше, мгновенно растворившись в тумане. А я продолжил подъем. Местами мне попадались заснеженные полянки, где снег лежал в два-три дюйма толщиной. Нежданно-негаданно я угодил в самый разгар зимы. Дул сильный студеной ветер, швырявший в лицо клочья влажного тумана. Все накопленное тепло покинуло мое тело. Ссутулившись на ветру, я поспешил достать из рюкзака теплую куртку. Увы, она не сильно исправила положение. Мне по-прежнему было отчаянно холодно, ушей я не чувствовал, глаза болели и слезились.

Туман незаметно превратился в морозящий дождик, а дождь вскоре сменился снегом. Легкие снежинки кружились в воздухе, исполняя легкомысленный танец на ветру. Постепенно подъем стал более пологим. Вскоре сквозь снег я разглядел какое-то полуразрушенное строение и поспешил туда, чтобы хоть ненадолго укрыться от непогоды. Это оказались развалины каменного дома, с виду напоминавшие останки кораблекрушения. Здание выглядело так, будто над ним потрудились целое полчище злобных демонов воздуха. Спрятавшись за жалкой, зиявшей сплошными дырами стеной, я прислушался к завыванию ветра, гулявшего на вершине Бен-Невиса. Это был ужасный звук, может быть, самый ужасный на земле. Негромкий, но угрожающе настойчивый — от него было никуда не спрятаться. Мне приходилось слушать этот дьявольский, злобный, проклятый звук. Он сам проникал мне в уши и охлаждал кровь. Более того, он притягивал меня и в конце концов заставил выйти наружу. Я подошел к краю

пропасти и посмотрел вниз. Снег кружился над кромкой обрыва, казалось, будто он летит не вниз, а вверх.

Под ногами было полторы тысячи футов пустоты — страшная, головокружительная пропасть. Я поднял камень и бросил вниз. Прошло семь долгих секунд, затем откуда-то снизу донесся звук удара, ему ответило эхо... еще одно... и еще, еще.

Скованный пронизывающим холодом, я стоял на краю обрыва и наблюдал, как кружится и мечется снег на ветру. Временами его относило в сторону, и тогда обнажались грубые, зазубренные очертания утесов, темневшие на противоположной стороне расщелины. Можно было подумать, будто там притаились то ли люди, то ли привидения, то ли вообще какие-то неведомые бесформенные создания. И над всем разгуливал ужасный призрак ветра. Его заунывный вой разносился над пропастью, он стenal и жаловался, что-то рассказывал и обещал, куда-то звал — наверное, в далекие каменистые лощины, где сияет солнце. Порой в нем слышалось злорадное дьявольское веселье, заставлявшее сердце сжиматься от страха. Я не решался отвернуться от бездны. Меня не покидало ощущение, будто оттуда вот-вот появится некий неведомый враг, с которым мне придется сражаться.

Я бы долго еще стоял на краю пропасти, если бы не почувствовал, что промерз до самых костей; пальцы онемели и не слушались. Поэтому я повернулся и побрел прочь сквозь туман и мокрый снег. На обратном пути меня поджидал еще один сюрприз: в облаках внезапно образовалась огромная дыра, и сквозь нее открылась чудная панорама — заснеженные горные вершины, от которых расходились извилистые голубые трещины, а где-то далеко внизу под роскошной радугой синело Лох-Несское озеро. По его поверхности медленно перемещался крошечный, размером с муху, пароходик. Затем дыру вновь затянуло туманом, и я поплелся вниз,



поминутно оступаясь на острых камнях и ругаясь на все корки. Я шел примерно с час, прежде чем туман начал редеть и рассеиваться. Вскоре над головой моей снова засияло солнце...

Вокруг меня расстилались великолепные пейзажи Хайленда: облака плыли по синему вечернему небу, горные вершины перекликались друг с другом, на горизонте серебряной полоской сверкала Атлантика. Голая скала под моими ногами постепенно сменилась коричневой болотистой почвой, вновь появились кусты вереска.

Я присел на пригорок и протянул к солнцу озябшие руки. Внезапно взгляд мой упал на ботинки. И при виде того, во что превратилась моя старая верная обувь, знававшая в свое время Пикадилли и Бонд-стрит, я громко расхохотался!

«О, так вы поднимались на Бен?»

Мы сидели у огня и вели неспешную дружескую беседу. Упрямые хайлендские языки, прежде надежно запертые на замок, развязались. Люди наперебой говорили о том странном и удивительном, что видели «на Бене». Один рассказал о незабываемом рассвете над Шотландией; другой вспомнил великолепный закат, когда солнце, словно огромный раскаленный шар, опускалось за горную гряду. Третий нарисовал перед нами чудесную картину бесчисленных хайлендских пиков, которые на сотни миль протянулись в белом безмолвии облаков.

Я тоже внес свою лепту в этот увлекательный разговор. Рассказал о горных вершинах Швейцарии, на которые мне доводилось подниматься; о неповторимых видах, открывавшихся с Ливанских холмов в Египте и с вершины Орес в Северной Африке. И ничего из того, что я видел, не могло сравниться по своему великолепию с этим нагромождением голубых холмов, величественных

повелителей Шотландии, которые тянутся на многие мили, сверкая заснеженными вершинами на ярком осеннем солнце.

## 7

В Форт-Уильяме есть маленький музей Западного Хайленда, где среди прочих реликвий сорок пятого года хранится засекреченный портрет принца Чарли.

Этот экспонат, как никакой другой, воскрешает в памяти все угрозы и опасности якобитского движения. Портрет, представляющий собой антикварную редкость, скорее всего, был написан для тех, кто с риском для жизни поднимал тосты за «короля, который за морем».

Он выглядит как обычная доска, в центральной части которой намалеван цветной полукруг. Больше всего это напоминает палитру небрежного художника, сплошь заляпанную красками. Вы можете до скончания веков вглядываться в невообразимую мешанину беспорядочных мазков, голубых и красных точек, коричневых и зеленых спиралей, но так и не распознать зашифрованного изображения. Однако обратите внимание на маленький белый кружок размером с основание чайной чашки, который располагается на некотором расстоянии от цветного полукруга. Если поместить туда металлический цилиндр примерно шести дюймов в высоту, то на его изогнутой блестящей поверхности, в которой отражается безумный хаос красок, проявляется прелестный миниатюрный портрет принца Чарльза Эдуарда. Принц изображен в каштановом парике и богато вышитом атласном сюртуке. На груди у него красуется лента с орденом Святого Андрея. Это удивительная маленькая картина. Попробуйте отойти на несколько шагов влево или вправо, и изображение исчезнет. Но если стоять прямо

перед картиной и смотреть на нее сверху вниз — как это обычно делает человек, намеревающийся поднять тост за чье-то здоровье, — то вы явственно видите портрет «принца Уэльского, регента Шотландии, Англии, Франции и Ирландии, а также всех принадлежащих им территорий!»

Я почти не сомневаюсь, что эта уникальная реликвия долго пылилась на прилавке какой-нибудь антикварной лавки и была приобретена музеем за несколько шиллингов. Большая удача, что за долгие годы металлический цилиндр не затерялся, остался лежать в комплекте с портретом. В противном случае нам так бы и не удалось разгадать тайну этого заляпанного красками куска дерева.

Блестящий цилиндр снабжен кожаным футляром, похожим на стаканчик для игральные кости. Им прикрывали цилиндр в присутствии подозрительных лиц или просто в ожидании того дня, когда настанет время для тоста в честь «короля, который за морем».

Пока я разглядывал этот маленький шедевр, меня охватили те же чувства, что и при исполнении якобитских гимнов из книги Хогга. В памяти вновь встали деревянные панели старинных гостиных, вереница фамильных портретов на стене, часовой у дверей и компания заговорщиков, которая собралась в неверном свете свечей, чтобы поднять бокалы за безнадежное, заведомо проигранное дело Стюартов.

В музее можно также полюбоваться на штаны принца Чарльза, сшитые из очень качественной и прочной тартаны. Штанины соединяются с традиционными гольфами — так что получается некое подобие современных колгот. Кроме того, здесь хранится бесчисленное количество документов из так называемого ларца Клунийской хартии: писанные коричневыми чернилами приказы о назначении вождей кланов на должности полковников повстанческой армии,

приказы горцам явиться в условленные места и другие тому подобные бумаги. На многих из них стоит подпись «Карл, П. Р.», и все они пожелтели от времени. Ценным экспонатом является подлинный локон принца Чарльза — золотой, пушистый, похожий на локон ребенка.

Если бы кто-нибудь из американских миллионеров пожелал вписать свое имя в историю Хайленда, то я бы посоветовал ему пожертвовать деньги в фонд музея. Трудно придумать более достойный вклад, чем постройка нового приличного здания для музея Форт-Уильяма.

## Глава девятая

### Остров Скай

*Я совершаю плавание на остров Скай, прогуливаюсь по тамошнему ущелью, наблюдаю за орлом, рассматриваю Волшебное знамя Дунвегана и ожидаю встречи с принцем Чарли.*

#### 1

Если вы посмотрите на карту Шотландии, то на самом краю гористого северо-западного побережья обнаружите на берегу пролива Слит крошечный порт под названием Маллейг. Гавань его со всех сторон защищена скалистыми мысами и окрестными холмами. Городок похож на маленький серый Дувр — с целой ватагой крепеньких пароходиков, над палубой которых торчат красные трубы, и с характерным букетом ароматов. Здесь пахнет постным маслом, гороховым супом и жареной бараниной — всем тем, что в совокупности воссоздает атмосферу веселого портового кабачка.

Упомянутые пароходы осуществляют связь между разбросанными Гебридскими островами и остальным цивилизованным миром. Летом они обычно ходят раз в неделю, зимой же — «в соответствии с погодными условиями». Эти кораблики умудряются добираться до самых удаленных (уже почти и не британских) регионов — к маленьким вулканическим островкам, затерянным на просторах Атлантики, которые, по сути, являются вершинами опустившихся на дно горных хребтов. И куда бы ни заплывали эти суда, они везде служат для местного населения живым и надежным

олицетворением внешнего мира. Особенно это справедливо для тех крошечных скалистых гаваней, где на берегу стоит всего один белый домик. Но и туда пробираются трудяги-пароходики, чтобы выгрузить скромный пакет от министерства почт и новый велосипед для Ангуса Макдональда.

Это единственная связь, которую счастливые колонии островитян имеют с большой землей. Помимо того с Великобританией их связывают разве что военные мемориалы...

Я стою на палубе небольшого судна из Сторноуэя, которое направляется в сторону острова Скай<sup>[44]</sup>. Никогда еще — даже во время моих прошлых путешествий на край земли — меня не захлестывало такое мощное, такое непреложное ощущение приключения. Я еду на Скай! Взгляд мой скользит по туманным контурам мыса (почти неразличимым сквозь серую изморось); затем ныряет в прозрачную зеленую воду, где мелькают проплывающие мимо рыбешки. Вокруг меня царит оживленная суeta, как правило, сопутствующая отплытию судна. Публика подобралась самая разнообразная. Вот красивая длинноногая девушка в харрисовском твиде и с желтым псом неопределенной породы (по виду смахивает на мастиффа, но за точность диагноза я не поручусь). Девица везет с собой целую кучу баулов, среди которых просматриваются удочки и клюшки для гольфа. Скорее всего, это дочка одного из вождей местных кланов, которая едет отдохнуть в уединенный родовой замок.

А вот молодой человек с пухлым лицом. На нем черная велюровая шляпа и короткие гетры сизо-серого цвета. Встреть я его в Ирландии, наверняка бы решил, что это католический священник. Здесь же он, скорее всего, является сыном местного пастора или же сам готовится стать пастором. В уголке, укрывшись от ветра, сидит гувернантка с четырьмя маленькими мальчиками

(на всех новые костюмчики). Их багаж состоит в основном из деревянных ящиков с провизией. Судя по всему, дама совершала вылазку в цивилизованный мир в поисках одежды и тех эпикурейски утонченных штучек, которые не продаются на вершине затонувшей горы. Коммивояжер взошел на борт судна в сопровождении целой горы товаров, упакованных в черную непромокаемую клеенку. Полагаю, он везет на Гебриды послание цивилизации в виде шелковых чулок и пластмассовых гребешков!

На палубе бака собрались лохматые островитяне. Они облачены в брюки гольф и башмаки, которые отродясь не знали чистки. На ногах у них пушистые гольфы домашней вязки с традиционными шотландскими помпонами. Мужчины стоят, опираясь на длинные палки — почти библейские посохи, — и обсуждают по-гэльски цены на овец и прочие важные темы. Небольшие черно-белые овчарки бегают по палубе, обезумев от беспокойства, и разыскивают своих хозяев, а те засели внизу и пропускают уже по пятому стаканчику виски. В какой-то момент на судне возникает страшный переполох: это грузят перепуганную и упирающуюся черную лошадь.

Маленький кораблик весь пропитан теми самыми запахами, которые выводят из себя дам, следующих в Дувр на борту «Континентал экспресс». Пахнет гороховым супом, жареной бараниной и пудингом. Камбуз располагается прямо на палубе. Вот из него выходит в облаке кухонных ароматов кок, рукава у него закатаны выше локтей. Он разыскивает взглядом стюарда и бросает ему несколько слов по-гэльски. Тот, подхватив колокольчик, отправляется в обход судна.

Точно такой же залиvistый звук колокольчика доносится с других маленьких пароходов, которые мы встречаем по пути. С их палубы распространяются уже знакомые кухонные запахи. Пассажиры — точно такие

же, как мы — глядят на нас со своих палуб. Они знают, что мы тоже плывем в далекие синие просторы; что у нас тоже есть черная лошадь, целая толпа местных пастухов и длинноногая девушка в твидовом костюме. Наконец, они знают, что мы тоже готовимся поглощать гороховый суп, жареную баранину и пудинг в патоке.

Наш корабль не спеша скользит по заливу Слит. Вдоль берегов стоят горы, но они плохо видны сквозь пелену дождя. Серый туман окутывает могучие отроги, вершины гор теряются в рваных облаках. И везде, куда ни посмотри, тянутся цепочки далеких, смутных холмов. По небу медленно плывут облака. Время от времени в них образуются прорехи, и тогда солнце заливает золотым светом долину — дикий, темный пейзаж, включающий в себя пару миль серебристого вереска и одинокую белую ферму.

Внезапно тарахтение двигателей смолкает, мы останавливаемся. У берегов маленького уединенного острова двое мужчин сталкивают в зеленую воду неуклюжую лодку и плывут в нашу сторону. Следует обмен веселыми приветствиями на гэльском языке. Гувернантку вместе с ее детьми и деревянными ящиками перегружают на борт лодки. Мальчики выглядят взволнованными. Они снова возвращаются к своим пустынным холмам и вереску, который тянется до самых небес. Они радостно машут, и с берега, откуда-то из-за огромных валунов, приходит ответ в виде короткой белой вспышки. Там их дожидается женщина, очевидно, мать. За ее спиной на горной дороге стоит большой серый автомобиль...

Пронзительно звенит колокольчик. Мы продолжаем свой путь туда, где на мысе возле Кайл-оф-Лохалша высятся очередные горы. Здесь мы ненадолго останавливаемся возле деревянного пирса, густо обросшего розовыми актиниями. Сквозь прозрачную зеленую воду можно разглядеть странные, похожие на



ежики розовато-желтые создания, которые прилепились к древесине. Здесь мне предстоит пересадка, дальше на Скай я поеду на маленьком колесном пароходе.

Кроме меня, на борт поднимается компания пастухов. Выясняется, что мы единственные пассажиры на пароходике. На гладкие доски обшивки плюхаются мешки с почтой, и команда весело болтает по-гэльски с рабочими пирса. Наконец-то они дождались утренних газет! В семь часов вечера они смогут ознакомиться с последними новостями! Капитан выуживает из сумки газету, его окружают члены команды. Они читают по-английски и обсуждают прочитанное по-гэльски!

Удивляться нечему, теперь меня со всех сторон окружает гэльский мир: все вокруг говорят на этом живом колоритном языке. Внезапно капитан прерывает свою быструю текучую беседу и обращается ко мне:

— Похоже, что мы прибудем в Портри на час позже! А вы, должно быть, мистер Мортон?

— О боже, как вы это узнали?

— Да очень просто. Я разговаривал с мистером Кэмпбеллом из Слигахана, и он сказал мне, что вы должны приехать. У него куча писем для вас...

Воистину, если хочешь, чтобы тебя все знали, поселись на самом уединенном острове в мире! Там не существует секретов!

И вот началось трехчасовое путешествие, которое я никогда не забуду. Я с тревогой всматривался в далекие горы Ская и терзался страхами: вдруг остров разочарует меня? Ведь так уже не раз бывало с другими местами, о которых я долго и упорно мечтал. Скай...

Это имя для меня является апофеозом романтики. Должно быть, в далеком детстве какие-то куллоденские ветры задували в мою комнату. Во всяком случае чуть ли не первыми запомнившимися мне историями были рассказы о кареглазом принце, который прятался в

пещере на диком острове Скай. Полагаю, что все мальчишки — как шотландцы, так и англичане — скорее, захотели бы сражаться вместе с Красавцем Принцем Чарли, чем оказаться среди драгун герцога Камберленда. По крайней мере со мной дела обстояли именно так.

В моем представлении Скай всегда был окутан великолепной аурой проигранной битвы. В самом звучании этого имени мне чудится звук меча, возвращающегося в свои ножны. Скай! Не раз в своих мечтах я пересекал на маленькой лодочке холодное море и в закатных лучах приближался к этому острову. На скалистом берегу стояла Флора Макдональд, а рядом с ней неуклюжая «служанка» — девица шести футов ростом, с золотыми локонами и большими проблемами в обращении с дамской юбкой. Как хорошо я представлял себе эту пещеру, где сидел оборванный молодой человек (к которому обращались не иначе как «Ваше величество») и, демонстрируя великосветские манеры, управлялся с сыром и куском холодной баранины.

И сейчас, наяву приближаясь к острову Скай, я чувствовал себя на пороге крушения детской мечты. Возможно, знакомство со Скаем обернется таким же разочарованием, как встреча с девушкой, на которой ты собирался жениться в восемнадцать лет! Однако что-то в очертаниях далеких голубых гор меня успокаивало. Я хорошо разглядел их, когда ветер на несколько минут разогнал облака: это были странные, темные горы — причудливые и героические.

Наше судно ловко проскользнуло между Скаем и маленьким островком Скалпей. На западе неясно маячили контуры огромных пиков, а за ними угадывались еще более высокие, темные и — в это трудно поверить! — еще более дикие вершины. С наступлением сумерек на берегу зажглись редкие мерцающие звездочки — это были огоньки в далеких

домах. Тишину нарушало лишь шлепанье лопастей колеса по спокойной воде. При виде этого темного берега меня посетило странное чувство: будто я навсегда покинул мир, который остался позади.

Никто со мной не разговаривал, и я был рад этому. Ничто не нарушало прелести того волшебного мига, когда вы словно бы застряли между двумя мирами и пребываете в странной вневременной интерлюдии между прошлым и будущим. Я пишу эти слова и боюсь показаться чересчур высокопарным. Ведь только тот, кто, подобно мне, впервые очутился в тени острова Скай, сможет понять мои чувства. В тот момент я бы не удивился, если б увидел, как от темных берегов отчаливает древняя галера с Одиссеем или Ясоном на борту...

Наконец-то мы вошли в тихую и мирную гавань, ярко освещенную висевшими на деревьях лампами. На берегу, казалось, собралось все население Портри. В воздухе разносился сладостный запах шотландского виски.

— В первый раз на острове? — слышался тихий голос за моей спиной.

Оглянувшись, я увидел капитана, который раскуривал трубку.

— Да.

— Помяните мое слово: вы еще не раз сюда вернетесь! — произнес он пророческие слова и швырнул обгорелую спичку за борт.

## 2

Мой отель, который здесь предпочитали именовать гостиницей, стоял в исключительно уединенном месте — в узкой долине, по которой протекал быстрый ручей. Он нес свои студёные и кристально-чистые воды (в которых

наверняка водилось множество осетров) к озеру Лох-Слигахан. Здание выглядело так, будто его по ошибке закинуло сюда из Девона. Проживали здесь в основном охотники за лососем, убийцы оленей, скалолазы, художники, писавшие акварелью и маслом, а также те воспитанные джентльмены с невыразительными голосами, что некогда составляли правящий класс Британии.

В гостиницу я прибыл уже затемно, предварительно проделав девять миль по безлюдной горной местности. Хотя мне ничего не удалось разглядеть в густом тумане, я догадывался, что нахожусь в страшной глуши. Мне казалось, что я ощущаю близость гор, улавливаю их запах в сыром ветру — тем шестым чувством, которым мы различаем запах корабля в морском тумане.

После обеда я присоединился к разношерстной компании, коротавшей вечер в гостинице. Мне показалось, что всех этих людей привела сюда любовь к уединению. Та дикая, безлюдная красота, что пряталась в темноте, собрала их в стенах гостиницы — точно так же, как героев «Декамерона» свела вместе чума. Никто не заботится о строгом соблюдении этикета в горной хижине. А эта гостиница — невзирая на ванны с горячей водой, гараж и акватинты — в некотором духовном смысле была именно горной хижинкой. Единственный островок дружеского тепла и уюта в местности, где на многие мили окрест царят жуткое запустение и одиночество.

Мы все были связаны заговором дружелюбия. На улице завывал ветер, и дождь стучал в окно. Веселая, непринужденная обстановка за вечерним кофе особенно ярко контрастировала с окружавшей нас первобытной дикостью. Если уж английские путешественники — в особенности англичанки с дочерьми — охотно поддерживают случайное знакомство, это означает, что в мире творится нечто невообразимое, как минимум,

мировая война! Наверное, думалось мне, снаружи в темноте кроется действительно страшная угроза, раз эти люди решились нарушить незыблемые английские традиции. В душе у меня поселилось недоброе предчувствие, и еще раз выглянув в темное окно, я тихо удалился в свою комнату...

Ранним утром меня разбудил шум ручья, бегущего по каменному ложу. Я раздвинул занавески и первым делом бросил взгляд на чистое небо, окрашенное в нежный лимонно-желтый цвет. Затем я увидел нечто такое, что заставило меня позабыть обо всем на свете. Прямо перед моими глазами высился самый настоящий Везувий! Здешняя гора под названием Гламэйг полностью повторяла контуры своего знаменитого собрата. На фоне неба темнел идеальной формы конус, по склонам которого сбегали причудливые серо-розовые трещины. Солнце, поднимавшееся прямо над его вершиной, окрашивало склоны горы странным отраженным светом, отчего они казались присыпанными золотой пылью. Вокруг Гламэйга поднимались и другие горы, в этот ранний час они выглядели огромными теньями с белыми облаками поверху. Из окна мне был виден противоположный склон долины, покрытый увядающим коричневым вереском, и ручей, весело журчавший под каменным мостом.

Трудно подобрать слова, чтобы передать своеобразную атмосферу этого места. Во всяком случае это не Шотландия! Не похоже оно ни на Норвегию, ни на Швейцарию... Оно вообще не похоже ни на какое другое место.

Я стал одеваться — еще не догадываясь о том потрясении, которое ожидало меня снаружи!

Гостиница выстроена под таким углом, что с крыльца не видно, что творится справа. Поэтому я застыл у входа, в тени Гламэйга, и, как зачарованный,

созерцал совершенные очертания горы. Она не только повторяла форму Везувия, но и выглядела так, будто в любой момент может загрохотать и извергнуть сноп белого огня. Я сделал шаг вперед и краем глаза уловил нечто огромное, зловеще темневшее справа. Обернулся... и невольно отшатнулся, потрясенный открывшимся видом «Черных» гор Кулинз. Это было как молния, как взрыв под ногами!

В прошлом мне доводилось ночевать в Синайской пустыне и в египетской Долине Мертвых; я наблюдал, как поднимается солнце на вершине Сильвреттахорна в Швейцарии; а как-то раз попал в сильнейший шторм у берегов Крита. Я многое повидал и пережил на своем веку, но никогда еще я не видел ничего подобного. Вид «Черных» гор Кулинз — молчаливых исполинов темно-лилового цвета, застывших в рассветных лучах — оказался для меня настоящим шоком.

Я задохнулся от изумления! У меня, что называется, дух захватило. Мы так часто употребляем эти два выражения, что даже не задумываемся об их смысле. Они давно уже превратились в фигуру речи. На самом деле мы редко испытываем проблемы с дыханием, но в тот миг, когда я впервые увидел Кулинз, у меня действительно открылся рот и перехватило дыхание.

Представьте себе вагнеровский «Полет валькирий», запечатленный в камне и подвешенный на небо в виде огромного экрана. Вот что такое Кулинз! Такое впечатление, будто Природа ваяла их и приговаривала: «Я сотворю горы, которые станут воплощением все самого ужасного, что только есть в горах. Я вложу в них все самые устрашающие тайны земных высот. Я придам им миллион самых причудливых и пугающих очертаний. Угрюмые безжизненные ущелья, в которых ничего не растет, будут вести к неприступным вершинам, и будут те вершины усеяны острыми обломками, упирающимися в самое небо. И будут сделаны те горы из особого, ни на

что не похожего камня, который постоянно меняет свои качества и очертания. А посему горы мои будут то голубыми, то серыми, то серебряными, будут они сегодня наступать, а завтра отступать... Но всегда им суждено нести на себе печать тайны и ужаса».

Человеческий разум не в состоянии сразу воспринять Кулинз, ему требуется какое-то время, чтобы подстроиться к ним, осмыслить самый факт их существования. Мне кажется, что некоторым, особо нервным людям это так и не удастся. И через месяц, и через год им будет казаться, что у них под боком живет ужасный призрак. Немудрено поэтому, что неврастеники бегут от Кулинз, как от дьявола.

Я понимаю и ощущаю те чары, которые Кулинз накладывают на других людей.

Немного оправившись от потрясения, я решил прогуляться по долине. Впрочем, не совсем правильно называть Глен-Слигахан долиной. Скорее уж это горное ущелье, темное углубление в мрачных горах. Здесь повсюду разбросаны скалы, даже на пустошах среди зарослей вереска торчат зловещие осколки. Зато вереск в эту пору просто прелестен — своим серебристо-серым цветом он напомнил мне оливковые рощи на авиньонских равнинах.

Солнце поднималось все выше. Бледные облака над Кулинз наполнились огнем и заиграли новыми красками. Небо над зазубренными пиками Сгурр-нан-Гиллеан теперь было окрашено в абрикосовый цвет. Над горой Гламэйг солнце и вовсе выкинуло удивительный фокус: лучи его били из-за вершины удивительным гигантским веером. Я шел по заколдованной лощине. Тишину нарушали лишь доносившиеся с болота птичьи крики да журчание ручья, весело перекатывавшегося по лазурным камешкам.

Остров Скай видится мне самым необычным местом на всех Британских островах. Это величайшая

драгоценность Шотландии. С того самого мгновения, как я пересек границу этой страны, мне постоянно твердили о его колдовских чарах. Все сходились на том, что Скай — волшебное место. Люди, которых трудно заподозрить в склонности к галлюцинациям, рассказывали мне о сверхъестественных явлениях, которые они наблюдали на острове. Теперь я сам в этом убедился. Все, что мне говорили о Скае, оказалось правдой! Это место просто не укладывается в нормальные рамки человеческого восприятия.

Оно ни с чем не сравнимо. Может быть (только может быть!), я бы поставил в один ряд со Скаем Аран — еще один гэльский остров, расположенный у западных берегов Ирландии. В нем тоже виден проблеск странной дикой красоты и непохожести на окружающий мир. Однако Скай — как величайший эксперимент Природы — остается непревзойденным.

Пока я шагал по ущелью Слигахан, мне пришло в голову, что, наверное, именно такой представляли себе древние викинги Валгаллу. Здесь все насквозь скандинавское. Все названия на Скае представляют собой смесь древненорвежского и гэльского. Это и понятно, ведь в древние времена Скай являлся колонией викингов. И поныне среди жителей Ская встречается много голубоглазых и русоволосых людей — так островитяне платят дань своим далеким предкам. Именно викинги давали имена здешним озерам, холмам и мрачным вершинам. И поныне над узкими морскими заливами Ская нависает тень длинного викингского драккара; а в грозу — когда молнии бьют из одной вершины в другую, а раскаты грома грохочут то на Аласдере, то на Деарге — легко поверить, что это призрак Тора забавляется на вершине Сгурр-нан-Гиллеан.

Да что уж говорить про грозу, если даже в такое славное октябрьское утро долина производила странное



впечатление. В ней чувствовалось нечто потустороннее. Я прогуливался в полном одиночестве в совершенно безлюдной местности, и несмотря на это, меня не покидало ощущение, будто за мной кто-то наблюдает. Причем я догадывался, что этот таинственный «кто-то» вовсе не милая фея с западных берегов Ирландии, скорее уж он похож на злобного гнома. Здесь, в Слигахане, вам вряд ли удастся насладиться волшебными звуками эльфийских арф. Зато у вас хорошие шансы услышать перестук подземных молотков, который временами доносится из-под земли. Прогуляйтесь-ка ночью среди странных, поросших вереском холмов, и, может быть, вам повезет: кто-нибудь выйдет из-за камня и вложит вам в руки меч (бьюсь об заклад, это будет меч викинга).

Неудивительно, что на Скае существует множество историй о призраках. Неудивительно также, что жители острова держатся настороженно и предпочитают не откровенничать с чужаками. Вы только послушайте рассказы о тех странных явлениях, которые случается увидеть пастухам на склонах холмов и в долине. Достаточно лишь бросить взгляд на эти скалистые пики, что громоздятся вдоль темной гряды Кулинз, и вы поймете, какие неожиданности поджидают смельчака, рискнувшего в одиночку штурмовать таинственные вершины. Почти наверняка где-нибудь в холмах он повстречается с кровожадным языческим божеством, и неизвестно еще, чем закончится эта встреча! А, вступая в темную горную лощину, вы, скорее всего, наткнетесь на воинов Фингала, которые сидят с мечами на коленях и обглаживают огромные оленьи кости.

Мне кажется, в том и заключается главное очарование этих гор: человек может их видеть, может к ним приблизиться и потрогать, но ему так и не дано их понять. Мы смотрим на вулканические скалы, проводим пальцем по царапинам, которые в незапамятные

времена оставили ледники, даже разрабатываем научные теории на сей счет. Но до сих пор мы имеем смутное представление о том невообразимом извержении, которое некогда выплюнуло здешние скалы, извергло их из огнедышащих недр земли. Мы живем в тени этих загадочных громад и не можем их постигнуть. И тогда наше воображение набрасывает на них полог таинственности и суеверного страха — столь же плотный, как те туманы, что время от времени скрывают их от наших глаз.

Мы пытаемся хорохориться — наступаем на скалы, карабкаемся по ним, воображаем себя их победителями — но всегда, в каждую минуту, понимаем, что они, эти скалы, столь же недостижимы для нашего покорения или понимания, как и горы на луне.

### 3

Первое, что вы делаете, проснувшись поутру на острове Скай, — подходите к барометру и щелкаете по нему пальцем. Спустившись вниз, вы обнаруживаете в гостинной полковника Х., того самого, что на прошлой неделе поймал пять осетров. Он стоит над барометром и смотрит на него с мрачной укоризной.

— Все лезет вверх, будь он проклят, — ворчит полковник. — А ведь так нужен дождь! Причем настоящий, хороший дождь... Река-то совсем обмелела.

В этот миг на пороге появляется майор Б., который в прошлом году подстрелил великолепного оленя-шестилетку. Он на ходу раскуривает трубку, первую за сегодняшний день, и говорит:

— Идет вверх? Дело дрянь.

Полковник рычит, как разъяренный кабан.

А вот и мистер А. Д., член альпинистского клуба. Он спускается по лестнице в своих огромных горных

ботинках, подбитых крабовидными гвоздями. Шум стоит как от ширского тяжеловоза. Бросив на барометр быстрый взгляд, мистер А. Д. удовлетворенно замечает:

— Ага! Идет вверх! Боюсь, как бы туман не собрался. Но пока нет дождя...

Оба — рыболов и охотник — бросают на него короткий, но очень выразительный взгляд.

В гостиную входит мисс Y., которая ведет безнадежную борьбу с островом Скай и акварельными красками.

— Скажите, полковник, он действительно повышается? — щебечет она. — Очаровательно! Наконец-то я смогу написать Лох-Коруиск в идеальном свете. Вы только представьте: все такое лиловое, как виноградное вино, которое доктор прописывает при тяжелой болезни.

Полковник, который отчаянно мечтает о проливном дожде и втайне презирает войну мисс Y., издает рев быка, страдающего от *самой* тяжелой болезни. Впрочем, как истинный джентльмен он прячет свои чувства за манильской сигарой.

И все это время слуги снуют по гостиной, выкладывая на стол пергаментные свертки с бутербродами: сэндвичи с холодной бараниной, бисквиты с сыром, бисквиты с джемом, булочки с маслом и вареные вкрутую яйца. А снаружи, на сырых пустошах и в горах, уже собираются суровые бородатые проводники. Некоторые из них вооружены ружьями и телескопами, другие держат наготове удочки, тут же стоят оседланные лохматые пони. И в тот самый миг, когда вся честная компания готова разбрестись по намеченным маршрутам, погода решает выкинуть одну из своих шуточек — ту самую, которая казалась совершенно невозможной согласно показаниям барометра, но на которую кое-кто очень даже надеялся.

Я принимаю решение совершить 20-мильную пешую прогулку.

Складываю в походный рюкзак заготовленные бутерброды, проверяю наличие спичек и карты и, вооружившись крепким ясеневым посохом, отправляюсь исследовать здешнюю Валгаллу.

На Скае стоит осень. Она обволакивает остров, как колыбельная. Но не та ласковая английская колыбельная, которая навеивает мысли о сжатых полях и фруктовых деревьях, гнущихся под тяжестью плодов. Нет, это особая гэльская колыбельная — дикая и печальная. В ней слышится завывание морского ветра и шелест засохшего вереска. Именно такие песни поют на Гебридах матери своим детям.

Сегодня Кулинз свободны от тумана, и их изломанные, зазубренные вершины четко выделяются на фоне чистого неба. Однако на горизонте уже собирается подозрительная синева — похоже, эти горы обладают талантом формировать облака буквально из пустого места. Кулинз волнуют и пугают меня. Они ужасны. Они огромны. Когда вы смотрите на эти невероятные, фантастические махины — безмолвные, но все же пугающе живые, — у вас возникает чувство, будто в один прекрасный день они вскрикнут хором и объявят, что наступил конец света.

Незабываемое, величественное зрелище! И в моей душе поднимается протест: ну кто придумал этим грандиозным горам такое глупое название? «Кулинз»! Хорошее имя для свежеподстриженной лужайки. Или для купленной в рассрочку виллы в Бекенхеме. Я так и вижу слово «Кулинз» написанным на садовой калитке. По-гэльски звучит лучше — «Хуллион»; равно как и видоизмененный вариант — «Куйлин». Хорошо хоть отдельные горные вершины сохранили свои достойные названия, в которых слышатся грозные раскаты грома.

Сгурр-нан-Гиллеан, Сгурр-Вик-Койнеах, Сгурр-Греадайлих и Сгурр-Аласдер...

Я прошел около пяти миль, и все это время справа от меня высились мрачные Кулинз — подобно всемогущему божеству, которое краем глаза поглядывает на муху. С левой стороны тоже стояли могучие горы, коричневые от мертвого вереска. Тишину нарушало лишь журчание бесчисленных ручьев да звучное чавканье моих башмаков по болотистой почве.

Мне показалось, что слева от себя, высоко в горах, я вижу оленя. Я залег в вереске и навел на резкость полевой бинокль. Так и есть: на склоне пасется великолепный самец и с ним пять ланей, прелестных, длинноногих и грациозных созданий. Олень выглядел настоящим красавцем — покрытое желтым мехом сильное тело, великолепные ветвистые рога и мощная грудина. Время от времени олень вскидывал величавую голову, чутко принюхивался и затем снова опускал морду в траву.

Огибая широкий торфяной пригорок, я наткнулся на троих мужчин, которые распластались на земле в позах, достойных юмористической странички «Панча». Один из них был охотником, двое других, очевидно, его помощниками. Я нырнул в вереск рядом с ними, подсознательно ожидая, что вот сейчас егерь отпустит саркастическую шуточку по поводу человека с ружьем. Однако ничего подобного не произошло. Эти трое с самого рассвета выслеживали добычу, и им было не до шуток. Старый егерь, в чьей бороде застрял засохший вереск, не отрывал глаз от моего красавца-оленя и все повторял шепотом: «На девять фунтов потянет, отличный девятифунтовик!»

Охота на оленей несет в себе элементы вечности — бесконечное ползание по вереску и долгие часы ожидания, во время которых изъясняться можно лишь шепотом. В сравнении с этим рыбная ловля кажется

спортом спринтеров. Посоветовавшись, троица решила двинуться вдоль русла высохшего ручья. Один за другим они уползли в вереск, извиваясь, как большие коричневые гусеницы. Я же двинулся дальше, отчаянно жалея, что не могу послать телеграмму оленю.

Достойным завершением моей пешей прогулки стал подъем на вершину гор, обрамлявших Лох-Коруиск. Оттуда открывался великолепный вид — возможно, самый красивый и самый мрачный на всех Британских островах. Со всех сторон меня окружали горы. Зловещие Кулинз высились на западе гигантским непреодолимым барьером. А внизу, подобно затерянному в горах изумруду, лежало озеро. По его поверхности — бледно-зеленой у краев и менявшей свой цвет до темно-зеленого на глубине — разгуливал ветер, порождая миллионы белых барашков.

На некотором расстоянии виднелось еще одно озеро — Лох-Скавейг. Я знал, что еще дальше — за озерами и за ослепительно-блестящей морской гладью — лежали острова, чьи названия звучат как составные части алкогольного коктейля: остров Рам, острова Эйгг и Мак. Однако мне удалось разглядеть лишь неясные контуры Рама, он напоминал плывущего в морском тумане голубого кита.

Основательно продрогнув на ледяном ветру, я решил вскарабкаться еще немного повыше и поискать убежища среди огромных валунов. Я двигался по плоскому карнизу и, завернув за угол, едва не наткнулся на горного орла. Судя по куче окровавленных перьев, тот только что закончил трапезу. Нас разделяло не более тридцати ярдов. Мы оба — и я, и орел — были удивлены и слегка встревожены. Он отреагировал первым — развернулся, намереваясь покинуть площадку. Но орел слишком отяжелел от еды и не смог сразу подняться в воздух. Я с удивлением наблюдал, как он неуклюже

бежит, растопырив огромные, изогнутые на концах крылья. Ну в точности аэроплан, берущий разбег перед стартом! Затем послышался шум крыльев, и орел оторвался от земли. Он медленно пролетел возле меня и направился в сторону ближайшего ущелья. Некоторое время я следил за ним, а затем потерял из вида на фоне темных вершин и зазубренных террас.

Было так странно сидеть в абсолютном одиночестве и наблюдать за пернатым хищником, который казался духом местных гор. Туман курился над вершинами, то затягивая то обнажая их снова. Я смотрел на Кулинз, которые и пяти минут не оставались неизменными — только что они были голубыми, но вот уже стали серо-стальными, а вслед за тем почернели...

На долину опускался закат, когда я, смертельно уставший и продрогший, пустился в обратный путь. Я миновал кровавый камень, где когда-то вырезали клан Макдональдов — или это были Маклауды? — и поплелся дальше под заунывный вой ветра, в котором мне слышались горестные стенания мертвых.

Следуя по извилистой тропе, я увидел на острых камнях каплю крови, затем еще одну... и еще. Дрожь пробежала у меня по спине. Через всю долину тянулся кровавая дорожка. Примерно через три мили она привела меня к уже знакомой группе охотников. На спине белого мохнатого пони лежал мой олень — обмякший и совсем холодный. Кровь капала из его ран.

— Отличный девятифунтовик! — произнес бородатый старик.

Во мне, наверное, совсем нет спортивной жилки. Я провел рукой по жесткой шерсти и почувствовал, как в душе моей что-то дрогнуло. Мне отчаянно хотелось, чтобы этот красавец — сильный, грациозный и горделивый — по-прежнему бродил в вереске со своими самочками.

Вокруг меня высились дикие холмы, суровые и кровожадные. Они-то, похоже, одобряли свершившееся убийство! И вся атмосфера Кулинз была такова, что я с невольной опаской обвел взглядом неровные вершины гор и глубокие, извилистые лощины. Где-то там скрывались жестокие древние боги. Изголодавшись по жертвам, они выйдут сегодня ночью и будут жадно принюхиваться к запаху свежей крови, которая вновь обогригла камни Валгаллы.

#### 4

Всякий, кто носит славное имя Маклаудов (а это все равно, что идти по жизни в фамильной тартане), знаком с историей о Волшебном Знамени замка Дунвеган. Полагаю, это первая история, которую рассказывают маленьким Маклаудам в Канаде, Австралии, Новой Зеландии и в любом другом месте, где им довелось родиться...

Дунвеганский замок, который на протяжении тысячи лет служил родовым гнездом для клана Маклаудов из Маклауда, является старейшим замком Шотландии. Все, что вам приходилось читать или слышать о заколдованных замках, плененных принцессах, о всемогущих магах с их «живой водой» и несчастных узниках, погибающих от жажды в подземных темницах, о русалках, выплывающих на берег в лунном свете, чтобы заманить неосторожного путника, о свисте боевых мечей и пении стрел, — все имеет самое непосредственное отношение к Дунвеганскому замку. Множество древних сказаний — прекрасных и мрачных — оживает в памяти, когда вы смотрите на башни Дунвегана, вздымающиеся на вершине скалы в окружении пенного прибоя.



Замок с трех сторон окружен водой и со всех четырех — призраками былого. Оно и понятно, ведь жители маленькой деревушки, издавна ютящейся поблизости, только и делали на протяжении столетий, что вспоминали истории, связанные с замком, приукрашивали их в соответствии с веяниями кельтской моды и добавляли от себя новые красочные подробности. Дунвеганский замок — это главный герой легенд западного Ская. Он подобен бессмертному серому призраку, от которого никуда не скрыться. Это в некотором роде скайская «Илиада» или сага, изваянная в камне. Само имя Дунвегана несет в себе запах крови, огня и всего того, что творилось в замке под покровом ночи.

А творилось там страшное. Поэтому неудивительно, что деревенские жители избегают в ночное время появляться возле замка, и никто из местных девушек не задерживается в услужении в Дунвегане.

В наши дни замок пустует большую часть года. Нынешний вождь клана Маклаудов, двадцать третий по счету, — почтенный старец, которому уже перевалило за восемьдесят. Он предпочитает жить в Англии, и я его понимаю. Когда какое-то место на протяжении многих веков служит домом одной семье, то в нем накапливается столько воспоминаний, что соседство с ними становится утомительным. А, может быть, и непереносимым. Я думаю, для любого Маклауда жить в Дунвегане — все равно что обедать в фамильном склепе в компании со своими далекими предками.

Два раза в неделю замок распахивает свои двери для тех, кто желает полюбоваться на Волшебное Знамя Дунвегана.

Я пересек по мосту древний крепостной ров и позвонил в колокольчик. Двери открыла средних лет англичанка. К моему удивлению, выяснилось, что

женщина круглый год живет в замке одна, лишь изредка у нее бывает наездами сестра.

— Я ничего не имею против такой жизни, — сказала она, — хотя, по правде говоря, зимой здесь бывает довольно одиноко! Привидения? Нет, ни разу не видела... Хотя, может, это оттого, что я не шотландка. Как раз на днях разговаривала с одним мужчиной из местных. Так он все удивлялся, как я могу здесь жить. Он, мол, ни за какие коврижки бы не согласился. Так прямо и сказал: «Если бы Маклауд из Маклауда пришел ко мне и предложил подарить замок со всем, что в нем есть, я бы ему ответил: «Можете оставить себе свой замок — мне ни к чему такой подарок!»»

Мы отправились на осмотр замка. Все комнаты, хоть и были полностью обставлены, несли на себе печать заброшенности и одиночества, характерных для нежилых помещений.

Из каждого окна открывался вид на море и скалистые мысы; в каждой комнате стояла мебель из красного дерева, высокие стулья, казалось, ждали возвращения хозяев. При взгляде на пустые, накрытые скатертью столы легко было представить, как по ночам предки Маклаудов сходят со своих роскошных портретов в золоченых рамах и рассаживаются вокруг этих столов; как они, преодолев расстояние в несколько веков, до рассвета беседуют и обсуждают семейные новости. Их очень много, этих Маклаудов. Долгие годы они вынуждены прозябать в холодной пустоте пустынных залов. Среди них попадаются мужчины в старомодных мундирах, изображенные на фоне чужеземных пейзажей, а также мужчины в тартанах старинного образца. Есть и женщины — элегантные красавицы в тесных корсажах и напудренных париках, их плечи сияют среди белого атласа, на лицах застыло суровое, неприступное выражение.

Вот этот, рассказывала мне смотрительница замка, был хорошим человеком. Он восстановил семейное достояние. А вот посмотрите на этого Маклауда. Здесь он в молодости, а здесь в более поздние годы... Я смотрел и не мог удержать горькой усмешки: да, действительно, те же глаза и рот, то же самое выражение надменной гордости, но только нет прежней невинности и жажды жизни, на плечах лежит груз несбывшихся надежд. А вот здесь, на тартане, висит портрет злобного Маклауда, который, по слухам, держал в темнице свою красавицу-жену...

После такой прогулки начинаешь понимать: Дунвеган — фамильный мавзолей. Никто, ни один человек на свете не посмеет нарушить покой импровизированной картинной галереи. Никто не рискнет убрать этих мужчин и женщин с их законного места на родных стенах и поместить в темноту чулана. И каждый наследник, прежде чем войти в вереницу парадных залов, чувствует себя обязанным обнажить голову перед почившими предками. А дальше начинается... Можно мне? Вы позволите? Как, на ваш взгляд, я должен поступить — так или так? Вы не возражаете, если я сделаю то-то и то-то? В Дунвегане ни один из Маклаудов не сможет и минуты побыть в одиночестве. В том-то и ужас всех старых замков! Их призраки — это спокойные, внимательные глаза предков.

Затем смотрительница подвела меня к стеклянной витрине, в которой лежал сверток материи, с виду напоминавшей шелковый туссор<sup>[45]</sup>. И хотя ткань потемнела от времени, еще можно было разобрать богатое золотое шитье. Вот оно, Волшебное Знамя Дунвегана!

С ним связана следующая история.

В незапамятные времена у Маклауда из Маклауда родился наследник. По этому поводу в замке было

устроено пышное торжество. Нянька, оставив ребенка в одной из башен, спустилась вниз, чтобы принять участие в празднике. Спустя некоторое время хозяин замка захотел показать младенца собравшимся членам клана. Девушка поднялась в детскую и обнаружила, что ребенок по-прежнему лежит в своей колыбельке, но завернут он в Волшебное Знамя. Она так и принесла его в пиршественную залу. И тут откуда ни возьмись раздались бесплотные голоса, которые поведали присутствовавшим, что знамя это трижды спасет клан в минуту смертельной опасности. Его можно развернуть три раза, но только в случае крайней необходимости. Если верить историкам, то два раза уже миновали. Впервые к этому средству прибегли, когда у клана возникли серьезные проблемы с Макдональдами. Ситуация складывалась не в пользу Маклаудов. Дело дошло до того, что крупное неприятельское войско высадилось в Уотернише, разграбило церковь в Трампэне и угрожало самому Дунвегану. Но стоило развернуть Волшебное Знамя, как на Макдональдов обрушился целый ряд напастей. В конце концов клан Макдональдов настолько ослабел, что был перебит почти целиком. В другой раз Знамя помогло Маклаудам остановить эпидемию чумы среди рогатого скота.

— С давних пор существовало также поверье, — рассказывала хранительница, — что если Знамя потревожить по какому-то пустяковому поводу, то на всех Маклаудов падет страшное проклятие: наследник клана умрет, а «Три Девы» (так называются скалы в Дунвегане) будут проданы Кэмпбеллам. Когда же лисица выведет потомство в одной из башен замка, величие клана и вовсе померкнет: большая часть земель окажется распроданной, и среди Маклаудов не сыщется достаточно мужчин, чтобы перевести гребную лодку через озеро.

И вот, — продолжала женщина, — в 1799 году управляющий имением Маклаудов, по имени Бьюкенен, решил из любопытства проверить это пророчество. Он нанял в деревне одного английского кузнеца, чтобы тот взломал железный ларец, в котором хранилось Волшебное Знамя. Бьюкенен достал Знамя, развернул его, а затем спрятал обратно. И что бы вы подумали! Можете считать это совпадением, но вскоре наследник клана погиб во время взрыва на английском военном корабле «Шарлотта», а «Девы» действительно были проданы Ангусу Кэмпбеллу из Эснея. Но и это еще не все! В то время в замке жила ручная лисица, принадлежавшая лейтенанту Маклейну, и она вывела потомство в западной башне. После этого удача совсем отвернулась от Маклаудов, состояние их таяло на глазах. Правда, нынешний вождь клана и его отец сумели более или менее выправить финансовое положение. Но на сегодняшний день в живых осталось лишь трое Маклаудов, то есть они не способны перевести четырехвесельную лодку через озеро Лох-Дунвеган.

Конечно, все это может быть простым совпадением, но согласитесь, странно как-то...

Откуда взялось Волшебное Знамя? Если верить легенде, то в прошлом оно принадлежало сарацинам и было захвачено во время крестовых походов. Шелк действительно очень хорошего качества и вполне может быть произведен в Дамаске. На знамени сохранились остатки золотой вышивки, которые носят название «эльфийских пятен».

По каменной винтовой лестнице я поднялся в Волшебную Башню — ту самую, где лежал ребенок и где состоялась первая встреча Дунвегана с Волшебной страной. Сегодня здесь почти ничего не сохранилось от прежней обстановки. Стены комнаты (как и в остальных

помещениях замка) обшиты георгианскими панелями. Я разглядывал их и вспоминал самого далекого от волшебства человека — доктора Джонсона. Известно, что во время своего памятного путешествия на Гебриды он провел ночь в этой комнате. Для меня до сих пор остается загадкой, как доктор — человек весьма и весьма солидной комплекции — умудрился протиснуться по узенькой винтовой лестнице в Волшебную Комнату.

Довольно странно, что Босуэлл, насколько мне помнится, не сообщает никаких подробностей относительно той ночи. Допускаю, что доктор Джонсон проявил себя там не с лучшей стороны, и беспримерная преданность Босуэлла заставила его опустить эти моменты в своем описании...

Тем же вечером в гостинице мне довелось обсуждать историю о Волшебном Знамени с человеком из Глазго. В комнате находились пять или шесть местных фермеров — высоких, худых, краснолицых и лохматых, как здешние хайлендские коровы. Мне казалось, что они не обращают на нас никакого внимания, пока один из фермеров не вмешался в наш разговор. Он подошел к нашему столику и произнес с чисто шотландской серьезностью и убежденностью:

— Вот вы тут говорили, что Знамя не будет р-р-развернуто в третий раз. Ошибаетесь! Его р-р-развернут в третий и последний р-р-раз, когда умрет последний из Маклаудов. После того оно рассыплется в пр-р-рах и исчезнет!

Он сообщил эту весть с непререкаемостью пророка, после чего развернулся и вышел из комнаты. Остальные фермеры прервали собственную беседу и серьезно покивали в знак согласия.

При свете свечей я сижу в номере гостиницы в Портри и ожидаю появления призрака. Ночь выдалась на редкость ненастной. Завывает ветер, дождь яростно стучит в окно. Должно быть, точно такая же погода стояла и много лет назад, когда в этой комнате принц Чарли прощался с Флорой Макдональд...

Я представляю себе, как все происходило. Время близится к полуночи. Ставни трясутся от порывов ветра, льет проливной дождь — такой, какой бывает только на Скае. В освещенную свечами комнату входит принц, только что прибывший из Кингсберг-хауса. Маскировка отброшена, Чарльз не желает больше изображать из себя ирландскую горничную Флоры Макдональд. По дороге сюда он зашел в лесок и переоделся: с наслаждением скинул цветастое платье и стеганую нижнюю юбку, к которой так и не смог привыкнуть. Взамен он надел традиционную одежду горцев — куртку из тартаны, жилет, килт, длинные гольфы и плед. На голове у него боннет, надетый поверх парика.

Чарльз вымок до нитки. Он просит принести глоток спиртного и переодевается в сухую рубаху. Хозяин гостиницы не догадывается о личности постояльца, а если и догадывается, то предпочитает помалкивать — как и все жители Хайленда. Он ставит на стол хлеб, рыбу и сыр. В эти ужасные дни, после Куллодена, Чарльз держится отлично: он часто что-то напевает, улыбка не сходит с его лица. Вот и сейчас он шутит с хозяином, пытается разменять у него гинею, но получает за нее лишь тринадцать шиллингов!

В полумиле от гостиницы стоит наготове гребная лодка, нос ее нацелен на остров Раасей. В гостиничном номере появляются люди, объявляют принцу, что он должен срочно бежать. Объявленная награда в 30 тысяч английских фунтов дамокловым мечом висит над его головой. И хотя никто из горцев не согласился бы взять даже пенни из этих денег, лучше не рисковать. Одному

Богу известно, кто может забрести в гостиницу в такую дьявольскую ночь. А вдруг это окажутся ганноверские солдаты? Принц прислушивается к шуму дождя на улице. Наверное, он, как и я, подходит к окну и смотрит на темный залив, полосы тумана над водой и деревья, гнущиеся под порывами ветра. Нельзя ли здесь хотя бы переночевать и выйти на рассвете? Никак невозможно! Они не хотят и слышать об этом. Ну хорошо, он уйдет, но сначала выкурит трубку!

Вы представляете, как они раздражаются и кипят от злости, пока Чарльз раскуривает свою трубку. Они настороженно прислушиваются к каждому скрипу на лестнице, им все кажется, что это враги крадутся в темноте. Они неоднократно подходят на цыпочках к двери и выглядывают в коридор, а сами прикидывают, можно ли выскочить в окно.

Наконец принц выколачивает трубку и встает. Он готов! Он оборачивается к храброй девушке, спасшей его жизнь, и говорит ей теплые слова благодарности. Он дарит Флоре свой миниатюрный портрет и возвращает незначительную сумму, которую брал взаймы. Этот жалкий, промокший беглец улыбается и говорит — вот оно, великолепие Стюартов! — что, несмотря на все несчастья, он не теряет надежды когда-нибудь принимать ее в Сент-Джеймском дворце!

Можно ли придумать более опереточную сцену прощания! Вы только представьте, как он стоит посреди комнаты: несчастный, побежденный, нищий принц. Одежда на нем с чужого плеча, над головой висит награда в 30 тысяч, вся Англия идет по его следу! В походном мешке у него четыре чистые рубахи и кусок холодного мяса, завернутый в носовой платок. С одной стороны на поясе у него бутылка бренди, с другой — бутылка виски. Через несколько мгновений он уйдет в ненастную ночь и при этом приглашает девушку во дворец!



Флора Макдональд смотрит, как принц покидает комнату, прислушивается к осторожным шагам на темной лестнице. Вот хлопнула входная дверь, и шаги прозвучали под окном.

Я все жду, когда же дверь распахнется и на пороге появится призрак принца Чарльза. Увы, все, что мне удалось увидеть, — это картину, воссозданную моим собственным воображением: Флора Макдональд стоит посреди комнаты и прижимает к сердцу миниатюру, которая еще хранит тепло его рук.

Город Портри является столицей и, собственно, единственным городом на Скае. Он отличается от Слигахана примерно так же, как Херефорд от Корнуолла. Дикие горы Слигахана остались в девяти милях к северу, уступив место мягкому пейзажу Портри (который вполне мог бы стать родным братом Полперро в Корнуолле).

На берегу залива стоит кучка домов, окруженных деревьями. Каждую ночь к деревянному причалу подходит колесный пароходик с красной лампой на мачте — единственное, что напоминает островитянам о существовании внешнего мира. Жизнь здесь на редкость спокойна и размеренна. Это, пожалуй, самая тихая столица из всех, что мне доводилось видеть. Звуковой фон составляют не шум моторов и шуршание автомобильных покрышек. Нет, голос Портри — мычание коров поутру и блеяние овец по вечерам. Город может похвастать девятью сотнями жителей; несколькими фонарями, которые зажигаются с наступлением зимнего времени; одной улицей с вполне удовлетворительными магазинами (в них продаются сладости, анисовое драже, мятные леденцы, ботинки, бакалейные товары, почтовые открытки, джемперы, табак и все остальные предметы первой необходимости); огромной площадью с военным мемориалом посередине; полицейским участком, весь

штат которого составляют инспектор, сержант и констебль, а также старой тюрьмой (которая, несомненно, развалилась бы, если бы туда попробовали поместить постояльца — при условии, что таковой бы сыскался на острове).

В настоящий момент в Портри прибыл со своим ежеквартальным визитом молодой и очень умный на вид дантист из Абердина. Предвестниками его появления (глубоко взволновавшими все население города) стали ножная бормашина, обернутая коричневой бумагой, ящик с инструментами и прочие пыточные приспособления, которые торжественно перенесли с пристани в гостиницу. И вот теперь на ступеньках собралась внушительная толпа: все флюсы острова Скай и другие зубные недомогания, накопившиеся с июня прошлого года, ждали своей очереди. Причем в толпе я не заметил того зловещего молчания, которое обычно царит перед кабинетом дантиста. Нет, среди островитян царило здоровое гэльское оживление, из чего я заключил, что приезд врача воспринимался, в первую очередь, как общественное событие. Знаете, такой своеобразный светский раут. В подобных условиях не иметь дупла в зубе или по крайней мере флюса означало идти против общего течения.

Таким образом, по пути в свой номер мне пришлось миновать самую разношерстную толпу. Здесь были и совсем древние крофтеры — они пришли, чтобы расстаться со своими последними зубами, и теперь терпеливо дожидались приема, а рядом безмолвно лежали их неперенные пастушеские собаки. Тут же сидели женщины в клетчатых шалях и очаровательные молоденькие девушки в шелковых чулках и модных шляпках колпаком. В толпу затесался и случайный моряк в синем джерси.

Деликатный седовласый шериф, лорд главный судья, который при надобности вершит правосудие на острове,

оказался на выезде: видно, какой-то житель одного из удаленных островов прихватил овцу своего соседа. А может быть, и нет...

Чтобы понять Гебридские острова, человеку необходимо не только поселиться здесь, но и завести семью. Вот его дети станут уже законными островитянами, они будут все знать и понимать. Впрочем, вполне возможно, что я делаю поспешные умозаключения!

Человек с большой земли всегда будет чувствовать себя чужаком на Гебридах. Если он голоден, его, конечно, накормят; если замерз — предоставят кров и обогреют. Но это никоим образом не означает, что к нему прониклись доверием. Шотландские горцы — люди гордые и замкнутые, и единственный путь к их сердцам лежит через кровное родство. Мне рассказывали про одного местного жителя, который в свое время женился на девушке с большой земли (всего-то в нескольких милях отсюда!). Она прожила с ним пятьдесят лет и умерла в кругу семьи, оставив после себя долгую и добрую память. И что бы вы подумали! На следующий день мужчина повстречал своего друга, тоже коренного островитянина.

— Я слышал, — сказал тот, — что эта чужеземка наконец-то умерла!

Я почти уверен, что когда священник какой-нибудь удаленной островной церквушки уезжает провести родственников на материке, то на дверях появляется объявление: «Воскресной службы не будет, священник уехал за границу».

Кельты обречены на извечное непонимание у нас, у англосаксов. Ведь тот расхожий образ ирландца или шотландца, который пропагандируется во всем мире, существует только в нашем представлении. Горцы же в полной мере обладают всеми сугубо кельтскими добродетелями и пороками. Они в некотором роде

экстремисты — одновременно твердые, как сталь, и мягкие, как вода. Сентиментальность свойственна им почти в угрожающей степени. Их гордость может поспорить только с их бедностью. Обратитесь к горцу за помощью, и вы увидите перед собой истинного аристократа. Но попробуйте только его обидеть, и вам придется иметь дело с беспощадным воином. Я знаю девушек со Скай, которые могли бы за короткий срок — за каких-нибудь несколько недель — занять достойное место в обществе и при этом ни словом, ни делом, ни даже мыслями не выдать своего происхождения. Я знаю также мужчин, которые могли бы (а нередко так и делают) подняться по общественной лестнице, невзирая на свои крестьянские традиции.

Шотландцы не приемлют раболепия. Здесь всегда считалось, что самый последний член клана так же хорош, как и его вождь. Кельты — не знакомые, в отличие от англосаксов, с феодальной системой — никогда не гнули спину перед баронами. Клань строились не на социальной иерархии, а на семейных отношениях. Однако я что-то отвлекся, вернемся в Портри...

Для нас главным событием дня является вечернее прибытие парохода «Гленко».

Примерно за час до назначенного времени мы собираемся на пристани. Пассажиры судна, наверное, подумают: вот, весь город пришел их поприветствовать. На самом деле Портри просто любопытно посмотреть на те странные вещи, которые этот невероятный далекий мир привез к его берегам.

В дальнем конце залива показался колесный пароходик. Он бодро движется, звучно шлепая по воде своими лопатками и посылая сквозь сумерки красный свет лампы, закрепленной на мачте. Доблестный капитан стоит на палубе и руководит процессом швартовки. А мы торчим на пристани и внимательно

следим, фиксируя каждое слово отданного приказа, каждую вибрацию маленького судового колокола, каждое перемещение пассажиров — как людей, так и животных. Ага, на палубе двое незнакомцев. Англичане! Интересно, откуда? Наверное, из Глазго! А куда? Наверняка в Слигахан! Это неинтересно! Так, что там еще? Стадо шевиотских овец из Дингуолла. Куча почтовых сумок. А это блестящее крыло, должно быть, для старого велосипеда Мэгги Макферсон? Вот уж она обрадуется! Три ящика виски... уже лучше! Канистры с маслом и бензином. А что это за огромная коробка, вокруг которой так суетится мистер Макдональд? Очень, ну просто *очень* интересно! Что бы это могло быть? Непременно надо выяснить! Давайте-ка спросим у мистера Макгрегора, он должен знать...

Так мы наблюдаем и размышляем вслух. А по сходням тем временем катится мохнатая серая лавина — это проворные овчарки сгоняют на берег овец, то и дело щелкая зубами, но никогда по-настоящему не кусая за их глупые овечьи хвосты...

Всю ночь «Гленко» простоит на якоре. Его красное немеркнувшее око будет напоминать нам, что где-то там, за пределами нашего познания, располагается беспокойное место под названием Шотландия. А еще дальше находится другое мифическое место, которое именуется Англией. И вместе они образуют совсем уж непонятное место со звучным именем Великобритания. Та самая Великобритания, которая периодически — раз или два в столетие — требует от нас солдат. И заметьте, каждый раз их получает.

## 6

На заре судно отправляется в обратное плавание. Я пакую вещи при свете свечи и спускаюсь на пристань,

где стоит «Гленко». В серой предрассветной полумгле тускло светятся его якорные огни. А вот и овцы — гладкие шевиоты и рогатые горные овцы; им предстоит путешествие на зимние пастбища в материковую Шотландию. За погрузкой наблюдают все те же маленькие черно-белые овчарки: с характерной ухмылкой на морде они бегают туда-сюда и подправляют движение белой шерстяной лавины, которая заполонила дощатый причал. В воздухе раздается щелканье десятков зубов — оно перекрывает скрип деррик-крана и тарахтение вспомогательного двигателя. С помощью этой меры устрашения собакам удастся сформировать из общей овечьей волны узкий ручеек, который по трапу вливается на палубу и там образует беспокойную бляющую запруду на полубаке.

Овцы — несчастные создания. Им самой природой суждено вечно толкаться, теряться и вообще всячески канителиться. Думаю, без присмотра смысленных овчарок или человека с палкой они и вовсе пропали бы. Когда я смотрю на их невероятно глупые морды и встревоженно поднятые рваные уши, меня обуревают жалость. Достаточно лишь поглядеть, как они хаотически мечутся, как крайние пытаются по головам своих товарок перебраться в безопасную, по их мнению, серединку; как они впадают во внезапную панику, стоит подъемному крану пронести над их головами какой-нибудь груз, и вы несомненно поймете: это самые бестолковые существа на свете.

А на утесе просыпается Портри, прячущийся за темными кронами деревьев. Из печных труб потянулись в небо голубоватые дымки. В десятках окон зажглись робкие огоньки утренних свечек. Сама мысль о том, что мне предстоит покинуть Скай, кажется непереносимой. На мой взгляд, этот остров занимает достойное место в ряду волшебных мест — таких как Линдисфарн, Тинтагель и Коннемара. Стоя в предрассветной мгле на

палубе, я вспоминаю голубые горы Слигахана, туманные глены, морское побережье, где летают и дерутся из-за рыбы чайки, просторные нагорья с их темными торфяными валами, белые крофты, чьи соломенные крыши укреплены камнями, крохотные поля с желтыми кринолинами пшеничных снопов, медленные речки, где плещутся осетры, протяжные крики чибисов над заброшенными торфяными разработками, маленькие садики, где яркие клумбы все еще напоминают о прошедшем лете, и тихие озера, в чьих темных водах отражаются окрестные горы.

Мне припомнилось также мое недавнее прибытие на остров — тихий вечер, огоньки на берегу и пророческие слова капитана: «В первый раз на острове? Помяните мое слово: вы еще не раз сюда вернетесь!»

В этом и заключается правда Ская. Он принадлежит к той категории мест, куда люди всегда возвращаются.

Пастухи пересчитывали овец. Собаки чинно удалились на палубу первого класса и оттуда наблюдали за своими подопечными, готовые по первому сигналу хозяина прыгнуть вниз. «Гленко» был готов к ежедневному путешествию в другой мир.

На пристани стояла группа подгулявших солдат — «Горцев Камерона», они провожали на большую землю своего сержанта.

— Передавай привет Пикадилли! — закричали они, когда колеса парохода медленно завертелись.

Пикадилли и Портри! Можно ли себе представить два места, более далеких друг от друга? Итак, мы вышли на середину залива со своим взволнованным и блеющим грузом и развернулись в сторону рассвета, оставив позади терявшиеся в тумане горы.

Сержант долго стоял на палубе — прекрасная фигура в килте и белоснежных гольфах. Он махал, пока Портри не скрылся за холмом, затем раскурил трубку и впал в глубокую меланхолию. Он рассказал мне, что

закончил службу в армии и отправляется на пенсию (вполне заслуженную, если судить по ленточкам боевых орденов). Он сознавал, что в первое время будет чувствовать себя несколько одиноко — это участь всех военных пенсионеров. Будучи выходцем со Ская, он в последнее время занимался вербовкой рекрутов на острове. Меня удивил тот факт, что британская армия набирает солдат на таком крохотном клочке суши, как Скай, и я сказал об этом сержанту. Он возразил, что его земляки как раз самые лучшие солдаты.

— Если уж мы кого даем, — сказал он, — то это стоящие парни.

Он принялся развивать эту тему, упирая на местные проблемы. Скай, говорил он, прекрасный остров, и здесь полным-полно отличных парней. Но, к сожалению, это не то место, куда можно привезти жену-горожанку. Ему-то самому жалко уезжать отсюда, зато жена будет рада. Женщины ведь не любят глухомани. В то время как старый солдат может осесть и наладить себе быт практически в любом месте, женщина начинает скучать по магазинам, кинотеатрам и толпам на улице. В конце концов все это естественно...

Так мы беседовали, облокотившись на перила и не сводя глаз с окутанной облаками громады Гламэйга и зловещих контуров Кулинз, которые маячили на заднем плане.

Наш пароход медленно входил в зону хорошей погоды. На небе снова появилось солнышко, оно ласково светило над темными инвернесскими холмами. А позади оставались горы Ская — окутанные туманом, с облачными шапками на макушках, странным образом далекие и нереальные.

У Ская собственный климат и своя погода!

На несколько минут «Гленко» причалил у деревянной пристани Бродфорда. Местный полицейский



с помощью нескольких мальчишек закрепил наши швартовы.

Овцы разволновались, начали блеять. Наверное, они почувствовали землю и стремились поскорее оказаться на берегу, в любимых вересковых зарослях. С причала нам спустили почтовые сумки, а вместе с ними множество пузатых мешков, внутри которых что-то странно шуршало и поскрипывало. Меня это заинтриговало, тем более что на каждом мешке красовалась наклейка «В Лондон». Что такого можно везти в Лондон из этой маленькой тихой заводи?

— Моллюски, — пояснил капитан.

— Вы хотите сказать, что Скай поставляет Лондону моллюсков?

— В миллионных количествах.

— До чего ж голодное брюхо у нашей столицы!

— О да, — кивнул капитан, — и немалое брюхо!

Он рассказал мне, что жители Ская давно уже не имеют возможности полакомиться омарами, поскольку все уходит в Лондон.

Кто бы мог подумать, что в обыкновенных моллюсках может скрываться какая-то романтика? Теперь я не смогу пройти мимо прилавка в Бетнал-Грин или Шордиче без того, чтобы не вспомнить мистический полумрак Ская. И всякий раз, как увижу компанию кокни на отдыхе — как они поливают уксусом моллюсков, — перед глазами у меня встанет деревянная пристань Бродфорда с темными горами на заднем фоне...

Наше путешествие близилось к концу. Уже можно разобрать вдалеке дым от паровоза. На палубе царило лихорадочное нетерпение. Все мы снова готовились связать свою судьбу с большим миром. Сержант возвращался в него со своей вновь обретенной свободой; две девушки, по виду горничные, с жестяными дорожными сундуками — они явно спешили за какими-то покупками; коммивояжер направлялся за новой партией

шелковых чулок; пастухи, которые не любили покидать родные острова, недовольно хмурились; а я... я сам радовался новой встрече с материковой Шотландией, но отчаянно жалел о той прекрасной и таинственной земле, что оставил позади. Никогда не забуду своей встречи с горой, и туманами, и теми волшебными ветрами из далекой земли фейри, что дуют над Скаем.

Легкий толчок, и наш корабль остановился у пристани в Кайле. Кто-то любезно предложил нам купить вчерашнюю газету.

Мы и впрямь вернулись в большой мир.

## Глава десятая

### Долина Гленко и Роб Рой

*Я нарушаю священное воскресенье, отправляюсь на мрачный перевал Гленко, по дороге встречаю богиню и попадаю в страшную грозу. Направляясь в край Роб Роя, я подбираю насквозь промокшего горца и выслушиваю весьма необычную историю.*

#### 1

Было воскресное утро.

Некоторое время я лежал в постели, прислушиваясь к окружающему миру. В шотландском Хайленде вы можете определить этот день, даже не заглядывая в календарь. Вы слышите его — как слышите выпавший снег в большом городе. Весь мир кажется укутанным в невидимую пушистую перину: обычные утренние звуки либо вовсе отсутствуют, либо сильно приглушены.

Тем не менее утро выдалось настолько чудесным, что я громко запел в ванной. Затем, вспомнив, что нарушаю покой священного дня, поспешно умолк и почувствовал себя преступником. Внизу в гостиной было пустынно, так что завтракать мне пришлось в одиночестве. Я сидел у окна и разглядывал безлюдную узкую улочку, закрытые магазины и большой застекленный эркер в доме напротив. Он располагался так близко, что я мог разглядеть во всех подробностях комнату внутри. Это была типичная шотландская гостиная: набитые конским волосом диваны, на стенах устрашающего вида увеличенные портреты чопорных представителей предыдущего поколения. Дедушкино лицо в обрамлении седых бакенбард сохраняло

твердость гранитного карьера. Бабушка в кружевном чепчике на поредевших волосах смотрела со смешанным выражением укора и обвинения. Я не раз обращал внимание на удивительное сходство всех шотландских стариков. Уверен, что если бы кто-нибудь в порядке эксперимента заменил данные портреты на изображения дедушки и бабушки из соседнего дома, то хозяева гостиной ничего бы не заметили!

Там тоже было пусто. В этот ранний час все обитатели маленького городка лежали в постелях — как и полагается благочинным христианам воскресным утром.

В этот миг на улице слышались шаги. Я с интересом перевел взгляд вниз и увидел молодого мужчину в необычном костюме. Рядом с ним шагал маленький мальчик, обряженный в килт. Оба они выглядели неудачно вырядившимися иностранцами, хотя на самом деле просто надели воскресные костюмы.

Я почувствовал какое-то неудобство и смущение. От нечего делать начал перелистывать «Автобиографию» преподобного Томаса Гатри и в конце концов наткнулся на следующий отрывок:

В первый раз я приехал в Россшир, чтобы повидать своего лучшего друга мистера Кармента из Росскина и прочитать для него воскресную проповедь в местной церкви. Дело происходило субботним вечером, и перед тем как удалиться в постель, я поинтересовался, смогу ли утром получить теплую воду для бритья. Мой друг вскинул руку в предостерегающем жесте и зашикал на меня: «Тише! Тише!» И поскольку на моем лице отразилось непонимание, он пояснил: «У нас в Россшире так не принято! Если ты в Божий день заведешь речь о бритье, то тебе никогда больше

не придется здесь проповедовать». При этом глаза его горели праведным огнем. Позже мне довелось беседовать с сэром Кеннетом Маккензи из того же графства, и он указал мне на одну девушку, как он выразился, «если и не самую недобросовестную, то уж точно самую логичную в его практике». Она работала служанкой у его арендатора и безмерно удивила хозяина, заявив, что не будет кормить коров по воскресеньям. Причем доить их она соглашалась, а вот кормить наотрез отказывалась. Объяснения, которые она дала хозяину, доказывали, что при всей своей фанатичности эта девушка отнюдь не была дурой. Достаточно любопытно познакомиться с ходом ее рассуждений, поскольку он демонстрирует отличное понимание довольно тонкого метафизического различия между тем, что является необходимым с точки зрения милосердия, и что *не* является. «Коровы, — доказывала она с логичностью, сделавшей честь любому записному казуисту, — не могут сами себя подоить, поэтому этот вид работы является необходимым актом милосердия. С другой стороны, если выпустить их в поле, то они благополучно прокормятся сами».

Нет, читать мне определенно не хотелось. Некоторое время я бесцельно бродил по пустынной, словно вымершей гостинице, и в конце концов дернул за колокольчик над конторкой портье. На мой звонок спустилась мисс Кэмпбелл, на ней был аккуратный костюм — жакет с юбкой и скромная черная шляпка. У нас произошел следующий диалог.

— Доброе утро! — поприветствовал я ее. — Можно попросить сигарет?

— А вы разве не идете в церковь?

— Пока не знаю...

— Сегодня будет выступать мистер Маклин. Он великолепный проповедник!

Пока мисс Кэмпбелл отпускала мне сигареты, я разглядел за ее спиной девственно чистую и по-воскресному праздную кухню (никто в ней не разжигал плиты и не готовил пищи). По коридору прошла одна из горничных, также одетая в жакет с юбкой и скромную шляпку. Во всей гостинице царила атмосфера благочестивого ожидания.

— Думаю, мне тоже интересно послушать проповедь мистера Маклина. Можно пойти с вами?

— О да, конечно, можно.

Я немедленно раскаялся в своем порыве. Тут же припомнил, что давно собирался напечатать фотографии со Ская. Я поднялся в свой номер и обнаружил, что у меня закончился закрепитель. Не страшно, я сейчас быстренько сбегаю в аптеку и уговорю старину Макинтайра продать мне пакет закрепителя. Я выскочил на улицу без шляпы, даже не подумав, как это будет выглядеть в священный воскресный день. Как и следовало ожидать, аптека оказалась закрытой. Но я-то помнил о маленьком колокольчике у задних дверей, поэтому не слишком расстроился. Старый весельчак Макинтайр наверняка будет рад моему визиту: пригласит внутрь, мы, как всегда, обменяемся парой шуточек. Я услышал шаги на лестнице, и дверь приоткрылась на пару дюймов. В образовавшуюся щель я увидел лицо мистера Макинтайра — но, боже мой, это был совсем другой мистер Макинтайр!

На нем была черная визитка и низко вырезанный жилет, под ним виднелась накрахмаленная белая рубашка. Мало того, на белом полотне ослепительно сверкали золотые запонки! Шею моего приятеля охватывал тугой воротничок (из тех, что обычно носят

профсоюзные деятели), а из-под него спускался узенький галстук похоронно-черного цвета. В руке мистер Макинтайр сжимал Библию.

При виде стального блеска в его глазах у меня возникло страшное предчувствие надвигающейся катастрофы. Каким-то непостижимым образом мой старый друг превратился в зловещую карикатуру на самого себя. Эта метаморфоза напомнила мне известную историю о докторе Джекиле и мистере Хайде.

— Ну? — процедил он сквозь зубы в образовавшуюся щель.

— Доброе утро, — радостно произнес я. — Простите за беспокойство, но я тут неожиданно выяснил, что у меня закончился крепеж и...

Рот мистера Макинтайра сжался в тонкую непреклонную линию, и я почувствовал, что, оказывается, совсем не знал его прежде.

— Вы что, забыли, какой сегодня день? — спросил он таким тоном, каким обычно разговаривают с набедакурившим двухлетним ребенком.

— Но...

Никаких «но» не могло быть: дверь захлопнулась у меня перед носом, и я услышал звук удалявшихся шагов.

Я чувствовал себя ужасно обиженным и униженным. Моим первым движением было хорошенько пнуть дверь и во всеуслышание объявить аптекаря старым ослом. Затем до меня дошло, на что я собирался поднять руку (а вернее сказать, ногу в ботинке)! Я посягал не на безвинную дверь мистера Макинтайра, а на самую твердыню кальвинизма. На моей совести лежал страшный грех. Я не только проявил себя злостным нарушителем священной традиции дня отдохновения, но и попытался вовлечь своего друга в этот кощунственный бунт против Божьих заповедей. Меня захлестнуло раскаяние. Я жаждал извиниться перед мистером Макинтайром, однако быстро сообразил, что лишь

усугубляю ситуацию, вот так маяча перед чужой дверью — в неурочный час и без шляпы.

Перед глазами у меня встали многие поколения Макинтайров, уходящие в прошлое вплоть до времен Джона Нокса. Все они были в черном, все с ледяным взглядом и Библией в руках, и все претерпевали разительные изменения на седьмом дню недели! Вы только представьте себе старого Макинтайра, сидящего в подобном виде в гостиной и предающегося оргии древнего иудейского пророчества! Мне захотелось улыбнуться. И все же присутствовало нечто чрезвычайно мрачное в этом воскресенье — по крайней мере для меня, знавшего старика лишь на протяжении рабочей недели.

Я повернулся, чтобы уйти, и в этот момент заметил мистера Гульма, местного галантерейщика. Он стоял у окна своей гостиной и задумчиво глядел на улицу. Меня охватил стыд: наверняка этот человек все видел, а, следовательно, стал невольным свидетелем моего унижения. Затем в голову пришла новая мысль: а насколько невольным? Может, он специально наблюдал, предвидя подобный поворот событий?

Маленький город потихоньку пробуждался к жизни.

Мне показалось странным, что он выглядел самым обычным образом. Да и окрестные горы нисколько не изменились со вчерашнего дня. Почему никто не позаботился развесить траурный креп на деревьях? В пламенеющих гроздьях рябины, на мой взгляд, присутствовало что-то греховное. Тем временем начал звонить колокол — настойчивый оловянный колокол. Двери домов открывались, выпуская наружу целые семьи, после чего вновь захлопывались. Люди медленно шествовали по узким тротуарам, издали раскланиваясь с родственниками и знакомыми. Каждый горожанин нес в руке, затянутой в перчатку, книжку с религиозными гимнами. Дети казались совершенно подавленными в



чистых и опрятных одеждах. В это утро весь город погрузился в мысленную скорбь. Он наглухо замкнулся в воскресной традиции. Каждый старательно делал вид, что отринул все плотское. Да что же это за требовательный Бог, которому они поклоняются? Почему-то мне казалось, что он носит штиблеты с резинками и обряжает своих ангелов в килты.

Я вернулся в гостиницу и сообщил мисс Стюарт, что не смогу пойти с ней в церковь. У меня возникли новые обстоятельства. Я и впрямь чувствовал, что еще одна встреча с мистером Макинтайром окажется для меня непосильной. Лучше я схожу и посмотрю на честных будничных коров...

На обратном пути я как раз попал в обратный поток кальвинизма: прихожане расходились по домам после проповеди. Мне вновь стало не по себе, я чувствовал себя единственным бессовестным язычником. И как бы вы думали, кого я встретил в толпе возвращавшихся горожан? Конечно же, мистера Макинтайра! Он шел медленно и торжественно, печатая шаг, словно на военных похоронах (в моих ушах зазвучала незабвенная мелодия «Цветов леса»!). Вы не поверите, но на нем были черные перчатки. Его горячо любимая трубка не торчала изо рта и даже, я уверен, не лежала в кармане его черной визитки. Теперь я понимал, что чувствовали сэр Тоби Белч и другие, когда в саду наблюдали за спятившим Мальволио. Как же лучше поступить в такой ситуации? Перейти на другую сторону улицы или проигнорировать старика?

— Добрый день, — к своему удивлению, услышал я голос мистера Макинтайра.

Он почти вернулся к своему привычному человеческому обличью.

— Хорошая проповедь? — вежливо поинтересовался я.

Из его поведения я понял, что он предпочитает не вспоминать нашу утреннюю встречу.

— О да, совсем неплохая.

Я совсем запутался в его религиозных настроениях и не мог придумать, что бы еще такое сказать. Внезапно он посмотрел на меня со своим обычным повседневным блеском в глазах.

— Сожалею, что пришлось вам отказать поутру, — произнес он и затем добавил, заговорщически понизив голос: — Если вам все еще нужен закрепитель, *приходите снова к задней двери!*

Он оставил меня стоять посередине тротуара — ошарашенного, утратившего дар слова — и продолжил свое великолепное черное шествие по узенькой Хай-стрит.

## 2

Если ехать по дороге из Баллахулиша туда, где река Коэ впадает в озеро Лох-Левен, то непременно наткнешься на маленькую уютную деревушку, возле которой выставлен самый нелепый дорожный знак на всех Британских островах:

ДЕРЕВНЯ ГЛЕНКО  
МЕСТО ЗНАМЕНИТОЙ РЕЗНИ  
ЧАЙ И ЗАКУСКИ, ТАБАК И СИГАРЕТЫ

С другой стороны, последнее предложение несколько смягчает тягостное чувство, которое неизменно охватывает путника на подъезде к этому мрачному месту гибели целого клана. Наверное, Эндрю Лэнг был единственным писателем, на которого долина Гленко произвела приятное, бодрящее впечатление. Описание, данное Маколеем, хорошо известно читателю,

и нет нужды его здесь приводить. То же самое можно сказать и о впечатлениях Дороти Вордсворт. Но лично мне больше всего нравится малоизвестное письмо Диккенса Джону Форстеру, где первый описывает свою поездку через эту долину.

Все время, — пишет Диккенс, — дорога тянулась среди пустошей и гор с огромными массами скал, которые свалились Бог знает откуда и рассыпались по земле во всех направлениях, придавая этому месту сходство с кладбищем некоей расы великанов. Время от времени нам попадалась одинокая хижина, у которой не было ни окон, ни печной трубы, а дым от сжигаемого торфа выходил прямо в дверь. Однако должен сказать, что за дюжину пройденных миль мы едва ли встретили шесть таких хижин. Трудно себе представить места более пустынные, дикие и величественные, чем эта долина. Гленко сама по себе *совершенно* ужасна. И дорога выглядела не менее кошмарной. По обочинам от нее тянутся высокие скалы, по которым во всех направлениях стекают шумные ручьи. С одной стороны (слева по ходу нашего движения, если быть точными) среди этих скал на большой высоте пролегают десятки узких гленов. Они образуют такие жуткие места, какие можно узреть лишь в самых страшных горячечных кошмарах. Увиденная картина запомнится мне на долгие годы, а вернее сказать, до конца моих дней (и это не шутка и не фигура речи). Само воспоминание об этом переходе заставляет меня содрогаться...

После такого описания я выступил в путь уже готовым ужасаться и содрогаться. Однако, увы, в тот

день сияло солнце, Гленко пребывала в радостном и отнюдь не пугающем расположении духа (наверное, именно в этом настроении ее и застал Эндрю Лэнг). Она, конечно, пустынная, дикая и, как большая часть горной Шотландии, внушает почтение человеку. Я бы сказал, что Гленко преподает нам хороший урок смирения. Попав сюда, начинаешь осознавать, что человек — пренебрежимо малая величина, которую здешние горы никогда не принимали в расчет. Они относятся к нам не враждебно, скорее, с рассеянным небрежением. Если бы человека внезапно закинуло на Луну, то он, наверное, рассматривал бы лунный пейзаж — чужой, холодный, безразличный — с тем же суеверным трепетом, с каким я взирал на долину Гленко. Здешним горам неведомо милосердие. С самого момента зарождения жизни они так и не выбрались из своей первоначальной теплой слизи. Они до сих грезят геологическими конвульсиями. Озаренная солнечным светом Гленко не вызывает у человека содрогания, потому что она прекрасна. Она, скорее, зачаровывает. Хочется сесть и долго-долго смотреть на нее — как вы часами сидите на песке, глядите на Сфинкса и гадаете, что там он (если, конечно, предположить, что Сфинкс — «он») увидел в бесконечном небе. Возможно, Бога? Гленко порождает такие же чувства.

Тем не менее я продолжал ехать по самой худшей дороге во всей Шотландии. С обеих сторон от меня вздымались серо-стальные горы. Половина перевала была залита солнечным светом, вторая половина пребывала в глубокой тени. Болотистая почва поросла высокой, упругой травой, которая волновалась и колыбалась на ветру. Единственным звуком было журчание ручья с ледяной, коричневой от торфа водой, а единственным движением — медленный, зловещий полет неведомой птицы над холмами.

Вулканические горы иссечены множеством ущелий, за долгие столетия проложенных горными потоками. Узкие у вершины, они постепенно расширяются книзу и впадают в общую долину. Редкие худосочные деревья сиротливо жмутся к склонам ущелий, пытаясь укрыться от порывов ветра. Мне они напомнили несчастных путников, застигнутых в горах грозой. Однако лишь редкие ущелья могли похвастаться растительностью. Большая же часть из них представляла собой просто расселины в вулканической скале, будто неведомые великаны затачивали здесь свои мечи...

Внезапно небо затянуло тучами. Свет в Гленко погас так внезапно, словно кто-то вошел в комнату и щелкнул выключателем. И долина сразу же поменяла свой цвет: она стала безнадежно серой. Теперь ясно, почему Маколей называл Гленко «долиной теней». При взгляде на эти суровые горы, причудливые холмы и темные ущелья казалось, будто там непременно должны обитать нагие злобные демоны. Наверное, именно в таком месте, как Гленко, нашли свой конец библейские гадаринские свиньи.

По пути мне повстречался молодой пастух, который брел рядом с отарой овец — серой лавиной, медленно двигавшейся на невидимых ножках. Пастуху помогала вездесущая собака-колли, которая зорко следила за подопечными умными, ясными глазами. Пока все шло как надо, овчарка лежала, притаившись в траве и чутко поводя длинным носом. Но стоило какой-нибудь растяпе-овце зазеваться или же забрести в сторону, как собака немедленно вмешивалась и наводила порядок. На моих глазах одна из овец вознамерилась было подняться по склону холма, тут же в ее сторону метнулся белокоричневый дротик (а именно так выглядит колли на бегу), и через пару секунд серая лавина вновь восстановила свои стройные ряды.

Вот со стороны пастуха донесся протяжный свист. Колли — которая до того, казалось, всецело была поглощена овцами — немедленно отреагировала: длинными, грациозными прыжками она примчалась к хозяину и застыла, слегка склонив голову набок и выжидающе глядя на человека. Сизо-серый язык свешивается наружу, карие глаза, не отрываясь, смотрят в глаза пастуха — на мой взгляд, это одна из самых великолепных и наглядных демонстраций разумного сотрудничества между человеком и животным.

Парень что-то тихо сказал колли, что именно, я не расслышал. Овчарка очень ловко развернула отару на сто восемьдесят градусов и погнала в противоположном направлении. Пастух, явно гордый своей помощницей, снова отдал какую-то команду, и собака вновь направила овец по прежнему курсу! Еще один свисток — умница-колли метнулась к началу отары и послушно залегла в траве.

— Неплохая собака, — небрежно прокомментировал парень, даже не потрудившись похвалить овчарку. — Но не такая умная, какой была ее мать!

Где-то вдалеке прозвучал выстрел, и эхо разнеслось над холмами. Мы невольно посмотрели вверх. Сегодня в холмах охотятся, пояснил пастух, поэтому дороги перекрыты. А им нужно попасть на рынок. В результате вместо обычных двух часов ему предстоит потратить целый день. Что поделать, в Хайленде спорт не принимает во внимание нужды маленьких людей.

Окна маленькой белой гостиницы выходили прямо на Раннох-Мур. Я заметил, как в дальнем конце пустоши появились две фигуры и медленным, размеренным

шагом альпинистов двинулись в нашу сторону. Когда они приблизились, стало видно, что это парень с девушкой. Но, боже мой, что это была за девушка! Самая настоящая Диана-охотница в бриджах. Она была без шляпы, и золотые волосы свободно развевались на ветру. Ворот ее блузки был расстегнут. Помимо того на девушке был твидовый пиджак и бриджи. Я знаю: это звучит ужасно! Сразу вспоминаются малопривлекательные барышни, которые в большом количестве разгуливают по Камберленду: их толстые, обтянутые бриджами ноги заканчиваются кошмарными шерстяными гольфами. Меня до сих пор бросает в дрожь от подобных воспоминаний! Но эта Диана в современной одежде шагнула в Раннох-Мур прямо с древнегреческих фресок. Она была выше своего спутника (судя по всему, ее брата) по крайней мере на четыре дюйма.

Парочка зашла в гостиницу, и я смог разглядеть Диану вблизи. Ну что вам сказать, друзья? Огромные, подбитые гвоздями башмаки и шерстяные гольфы никак не портили красоту длинных и сильных ног. Девушка скинула тяжелый рюкзак с плеч, пробежалась пальцами по копне золотых волос и уселась за столик поесть баранины. Она вся казалась воплощением молодости и здоровья. Говор девушки выдавал в ней уроженку Эдинбурга, но лицо... Лицо принадлежало Греции! Мне никогда еще не доводилось видеть, чтобы простой процесс поедания баранины превращался в высокохудожественное представление. Я был совершенно очарован. Меня не интересовало, откуда эта девушка и куда она направляется. Мне доставляло наслаждение просто наблюдать за ней. Наконец она доела, взгромоздила зеленый рюкзак на свои очаровательные плечи и, громко поскрипывая грубыми подошвами по гаревой дорожке, направилась прочь от гостиницы. Я смотрел ей вслед и понимал, что в этот день на долину Гленко снизошла истинная красота! Я бы

не удивился, если бы древние ужасные холмы хором приветствовали юную богиню.

Я никогда больше не увижу эту девушку, и она ничего не узнает о тех минутах чистого наслаждения, которые доставила мне. Она может сама этого не сознавать, но человек всегда понимает, что сегодня в горах он удостоился чести лицезреть богиню.

#### 4

Возле гостиницы я столкнулся с местным жителем — тихим, спокойным старичком с густым, бархатным голосом. Мы уселись за стол и разговорились. Старик сообщил, что «владеет гэльским» и предпочел бы говорить именно на этом языке. И не только потому, что так ему легче подыскивать слова, но и потому что гэльский, на его взгляд, лучше всего подходит для выражения определенных идей.

Разговор коснулся знаменитой резни в Гленко. Я попросил старика рассказать, что ему известно об этом случае, и он довольно охотно согласился удовлетворить мое любопытство. В своем рассказе он использовал тот же самый прием, который я неоднократно наблюдал у ирландцев, когда они берутся пересказывать какие-то давние истории. Я бы назвал его «эффектом присутствия», и, слушая старика, я действительно не мог отделаться от впечатления, будто он говорит о лично знакомых ему людях.

Итак, эта история произошла в самый разгар суровой зимы 1691 года. Согласно указу Вильгельма III хайлендерские кланы должны были еще до конца года присягнуть на верность. Все это сделали, кроме клана Макдональдов из Гленко. Старый Макиэн, вождь клана, тянул до последнего, однако в конце концов осознал, насколько глупо и опасно такое поведение — а скорее



всего, ему это объяснили женщины. Так или иначе, но старик отправился сквозь снежную вьюгу в Форт-Уильям, дабы принести положенную присягу перед тамошним магистратом, полковником Хиллом. Однако в Форт-Уильяме выяснилось, что пришел он не по адресу, и ему следует отправиться к инверерскому шерифу. Старому вождю снова пришлось пуститься в путь. Пурга не утихала, на горных перевалах лежал глубокий снег, так что Макиэн смог добраться до Инверери лишь 6 января. Он по всем правилам принес присягу, о чем шериф и уведомил столичные власти.

Однако в Эдинбурге нашлись люди, которым была весьма на руку гибель клана Макдональдов. Вдохновителем карательной акции стал министр по делам Шотландии Джон Далримпл. Все Макдональды паписты, утверждал он. Они якобиты. Они злостные воры и угонщики скота. Было бы куда легче управлять страной, если бы этот мятежный клан перестал существовать. Когда в Тайный совет Эдинбурга поступил официальный реестр кланов, выяснилось, что имя Макдональдов подлежит стиранию из списков, а сами члены клана — истреблению. Сэр Далримпл отправил письмо своему шотландскому другу, в котором выражал радость по поводу того, что назначенный срок пришелся именно на середину зимы. Ибо, как он выразился, «холодные и длинные зимние ночи представляются исключительно удобными для приведения приговора в исполнение». Одиннадцатого января он пишет в Шотландию главнокомандующему: «Милорд Аргайл сообщил мне, что Гленко не принес присяги вовремя, чему лично я очень рад. Это великое благодеяние — участвовать в истреблении проклятого клана, самого худшего во всем Хайленде».

Итак, братья-шотландцы запланировали «великое благодеяние».

В начале февраля — через четыре недели после того, как старый Макдональд принес присягу — сто двадцать человек из полка графа Аргайла (все Кэмпбеллы и кровные враги Макдональдов) покинули гарнизон в Инверлохи и направились в сторону Гленко. Командовал ими Кэмпбелл из Гленлайона (кстати сказать, дальний родственник старого вождя Макиэна). Отряд вошел в долину и был принят местными жителями с истинно хайлендерским гостеприимством. Несколько дней убийцы и их будущие жертвы провели вместе.

Каждое утро командир отряда приходил в скромное жилище старого вождя и пил его виски. По вечерам он играл в карты с членами семьи Макиэна. И все это время в кармане его куртки лежала бумага со смертным приговором клану: «Надлежит предать мечу всех членов клана моложе семидесяти лет. Особо должно позаботиться, чтобы старый лис и его сын ни в коем случае не ускользнули из рук. Следует перекрыть все пути, чтобы никто не мог бежать. Исполнить приказ должно ровно в пять часов. К этому времени или чуть позже я постараюсь прибыть с подкреплением. Но даже если я не поддерживаю вас, вы должны без промедления исполнить приказ».

В пять часов утра (то есть еще затемно по зимнему времени) «гости» клана приступили к осуществлению чудовищного приказа — началась страшная резня в Гленко. В каждой из маленьких хижин, разбросанных по долине, происходило одно и то же: подлые предатели убивали своих хозяев и членов их семей. Лейтенант Линдси пришел со своими людьми к хижине вождя. Старый Макиэн поднялся с постели и был застрелен, когда только начал одеваться, чтобы принять «гостей». Его жена скончалась на следующий день. Вся долина огласилась выстрелами убийц и криками их жертв. Одну семью расстреляли прямо у камина, в котором едва успели развести огонь. Среди погибших был и

старейшина деревни, в кармане которого лежала охранный грамота от полковника Хилла, выписанная за три месяца до того.

Над Гленко взошло солнце и осветило ужасную картину: снег покраснел от крови, в чистом морозном воздухе дымились пепелища. Между ними лежали тела тридцати восьми убитых Макдональдов.

Полковник Гамильтон, командир воинской части из Инверлохи, прибыл к завтраку, чтобы удостовериться в исполнении «акта благодеяния». На месте бывшей деревни Макдональдов он обнаружил седовласого старца, который оплакивал своих близких. Кэмпбелл вскинул кремневое ружье и застрелил коленопреклоненного старика — и тело упало на трупы родственников.

После этого Кэмпбеллы покинули долину, прихватив с собой две сотни лошадей, девятьсот голов крупного рогатого скота, а также великое множество коз и овец...

В Хайленде до сих пор помнят эту историю во всех деталях. Мой собеседник — говоривший по-гэльски старик из Раннох-Мура — с неподдельной горечью и возмущением рассказывал о том, как Кэмпбеллы братались со своими жертвами накануне убийства. Я почувствовал, что для него, как и для всех жителей Гленко, эта долина по-прежнему населена тенями убитых горцев.

Следует отметить, что именно лондонские власти (а не официальный Эдинбург) потребовали полного расследования этого беспрецедентного случая. Джон Далримпл получил грозное письмо из Лондона, датированное 5 марта 1692 года. Почуввав, что тучи сгущаются над его головой, министр попытался все отрицать. Однако общественный резонанс был так велик, что Лондону пришлось продолжить расследование. Результатом стало заключение, в котором массовое убийство в Гленко характеризовалось

как самое низкое и варварское деяние во всей истории клановой борьбы.

Кровная вражда существовала в Хайленде на протяжении столетий. История Роб Роя и клана Макгрегор пестрит подобными эпизодами.

Да и сами Макдональды, к слову сказать, имели на своей совести деяния, вполне сопоставимые с кровавой резней, учиненной в Гленко и почти полностью истребившей их клан. Например, в 1588 году группа молодых Макдональдов бродила вдалеке от родной долины и в лесу Гленартни попыталась загнать оленя. Младший лесничий королевских лесов по имени Драммонд из Драммондероха изловил юных нарушителей и отправил их домой, предварительно обкорнав им уши.

Макдональды не привыкли спускать обиды! Вскоре после этого инцидента им удалось выследить и убить лесничего. Действие, само по себе жестокое, пока еще укладывалось в рамки обычной кровной вражды. Но вот то, что сделали Макдональды потом, выглядело вопиющим даже с точки зрения хайлендерских нравов. Они отрубили бедняге Драммонду голову и, припрятав ее до поры до времени в мешок, отправились к дому сестры убитого, миссис Стюарт из Ардворлиха (которая была беременна). Ничего не подозревающая женщина приняла гостей, как положено: она усадила их за стол, выставила хлеб и сыр и, извинившись, удалилась, чтобы приготовить более достойное угощение. В ее отсутствие Макдональды установили на столе отрубленную голову ее брата, да еще и засунули ему в рот кусок хлеба с сыром. Когда несчастная женщина вернулась и увидела сей, с позволения сказать, натюрморт, рассудок ее помрачился. В ужасе покинула она родной дом и долгое время скиталась по окрестным лесам. В результате у нее родился сын, обладавший совершенно диким и неуправляемым нравом. Звали его Джеймс Стюарт, и

как-то раз в припадке ярости он заколол кинжалом своего друга и покровителя лорда Килпонта.

Однако трудно найти во всей истории хайлендского варварства (а иначе те нравы не назовешь!) эпизод, более жестокий и бесчеловечный, нежели резня в Гленко. Если бы Кэмпбеллы объявили войну Макдональдам и открыто напали на деревню, никто бы и слова не сказал против. Но тот факт, что они подло надругались над священными законами гостеприимства, поставил их в один ряд с самыми страшными предателями. А потому нет им прощения! Как сказал мой собеседник, старик с бархатным голосом: «Покуда стоят холмы, люди будут помнить Гленко».

## 5

Небо потемнело, пошел дождь. Вначале он был слабеньким, почти незаметным — просто казалось, будто ты въехал в холодное влажное облако. Привычная линия горизонта (а я уже помнил ее наизусть) внезапно затянулась туманом, размылась и приобрела какой-то зловеще-таинственный оттенок.

Вам приходилось видеть, как вечерние сумерки изменяют атмосферу и сами очертания хорошо знакомого дома, наполняя его реальными тенями и воображаемыми призраками? Точно так же и облако, окутавшее вершину горы, или опустившийся на долину туман способны в одночасье преобразовать солнечный пейзаж в нечто мрачное и ужасное.

Когда вы едете в сильный туман по Лондону и время от времени перед вами материализуется фигура случайного прохожего — вот она на мгновение вынырнула из серой мглы и снова исчезла, — то она кажется вам чем-то вроде удивительного привидения. Ваш глаз без всякой на то причины задерживается на

незнакомом человеке и фиксирует все мельчайшие детали его внешности. В Хайленде туман проделывает те же самые фокусы, наделяя случайные предметы жуткой сверхъестественной значимостью. Пока я ехал в дождевом облаке по долине, мой взгляд периодически отрывался от цепочки холмов на горизонте и мельком ловил где-то сбоку, на пределе видимости, причудливое скопление теней, которые затем оказывались серыми, замшелыми утесами, а при ближайшем рассмотрении — просто гладкими черными скалами, испещренными мраморными прожилками и ярко блестящими под дождем. Однако вынужденная ограниченность зрения и прочих органов чувств деформировала нормальное восприятие окружающего мира, придавая неоправданную важность всему, что я видел. В результате я был почти готов к тому, что вот сейчас из-за скал появятся какие-то люди... а может, и не люди вовсе, а древние духи, поселившиеся на этих холмах еще в незапамятные времена.

Маленький ржавый ручеек, беспечно скользивший по коричневым камням, почему-то казался очень значительным. И серебристый ковер вереска, вибрировавший и пригибавшийся на ветру, тоже становился чрезвычайно важным. Глаз не отрываясь следил за его движением, выделяя отдельные стебельки и радуясь их множественности. В какой-то миг пришлось объезжать небольшое каровое озеро, оно показалось мне похожим на миску с серебряным дымящимся супом.

Тот, кому доводилось во время тумана путешествовать в одиночку по горам или в другой пустынной местности, наверняка помнит это чувство потерянности и внезапные приступы паники, когда так и подмывает оглянуться и убедиться, что никто не тянет к тебе свои призрачные костлявые руки. Вы постоянно ощущаете чье-то незримое присутствие, и это, кстати,

объясняет, почему наши предки снабжали каждый холм и каждый ручей собственным гением.

И в тот миг, когда чувства мои обострились до предела, когда я отчаянно жаждал человеческого общения (что вообще-то со мной нечасто случается), я услышал отдаленные громовые раскаты. Этот грозный звук прокатился по холмам — будто где-то там, наверху, пробудился от вековой спячки сказочный дикий зверь и теперь рыщет в поисках неведомо чего. Наступившее вслед за тем затишье казалось зловещей паузой перед очередной атакой грозы. И точно: внезапно все небо озарила ослепительная вспышка молнии, и затем, как из пушки, грянул оглушительный гром, эхом отозвавшийся на далеких холмах.

Легкая морось сменилась настоящим дождем, но я еще мог разглядеть сквозь него голубые контуры гор и черный кусок неба там, где гнездилась гроза.

Больше всего на свете я ненавижу вести машину в такую погоду! Однако в моей ситуации выбирать не приходилось, так что я продолжал катить по размокшей горной дороге под непрерывный грохот грома и яркие вспышки молний. Гроза постепенно перемещалась и теперь, покинув горы Росса, гремела над Грампианами со всей яростью тяжелой артиллерии. Барабанные перепонки едва выдерживали оглушительные громовые раскаты, казалось, будто в непосредственной близости стреляет гаубица. Затем звук понижался и отправлялся путешествовать по горным гленам, постепенно затихая вдали. Дождь усилился и превратился в настоящий ливень. Получив неожиданную поддержку, безобидные ручейки набухли, вышли из берегов и теперь с ревом неслись по склонам и обрушивались вниз подобно миниатюрным злобным Ниагарам.

Меня переполняло чувство безумного восторга и возбуждения. Нечто подобное я испытывал на море во время шторма. Такое впечатление, будто в вас

вселилась ярость природной стихии. Над моей головой сверкали молнии, гремел гром, горные долины улавливали этот звук и по цепочке передавали друг другу (мне вновь представились боги-великаны, затеявшие игру в мяч). И каждая новая молния разжигала огонь в моей крови, каждый раскат грома сопровождался моим криком: «Громче! Еще громче!»

За очередным поворотом дороги мне показалось, будто на обочине промелькнула человеческая фигура — словно кто-то ринулся мне навстречу, отчаянно размахивая руками. Краем глаза я уловил движение, но в том состоянии, в каком я ехал, отреагировал далеко не сразу. Лишь на следующем повороте мне удалось остановить машину. Что это было? Действительно человек или просто придорожный утес причудливой формы? Однако, насколько мне известно, утесы не кричат, а я мог поклясться, что слышал удалявшийся крик! Я оглянулся... И точно: из-за поворота показался мужчина. Плюхая прямо по лужам, он бежал в мою сторону.

— Совершенно негде укрыться! — прокричал он, приблизившись к машине. — Вы едете в Крианларих?

— Поеду туда, куда вам надо.

— Спасибо, — поблагодарил он, забираясь в машину. — А то я вымок до нитки.

Действительно, мужчина напоминал ондатру, только что вылезшую из воды. Он был без шляпы, мокрые волосы распались на прямой пробор и прилипли к черепу. Его макинтош казался одинаково мокрым как снаружи, так и изнутри. Под плащом обнаружилась распахнутая у ворота рубашка и клетчатый килт. На вид мужчине было около тридцати пяти лет.

Ужасный раскат грома прогремел прямо над нашими головами:



Видели вы Джона Пила в его разноцветном плаще?

Видели вы Джона Пила в его разноцветном плаще?

Я пропел эти строчки во весь голос. Бросив на меня быстрый взгляд, мой попутчик прекратил вытирать волосы уже насквозь мокрым носовым платком и присоединился к песне. У него обнаружился неожиданно приятный и звучный баритон. Я почему-то сразу понял, что мы поладим.

В плаще он ходил и мертвых будил...

Ах, как мы это пропели! Под грохот грома! Под проливным дождем! Ветер бил в ветровое стекло, дворники не успевали разгонять струившиеся потоки воды. А мы себя чувствовали очень, очень счастливыми.

Постепенно гроза начала стихать, дождь, казалось, исчерпал свои силы — и вот снова засияло солнце!

— Вы знаете увертюру из «Вильгельма Телля»?

— Вот эту, что ли: «Тарам-пам-тарам-пам-тарам-пам-пам?» — спросил мой попутчик.

— Именно! Вам никогда не приходило в голову, что это удивительно похоже на конец грозы? Представьте себя посреди лесной чащи, когда свищет ветер...

Мы оба огляделись. Впереди высились громады Бен-Дорейна и Бен-Одара. На севере колыхался под дождем Раннох-Мур; оттуда доносился разноголосый шум воды: рев больших потоков, серебряное позвякивание крохотных ручейков и сытое урчание горных речушек.

— Ну разве не здорово?

— О да, здорово, — ответил мой спутник, энергично вытирая голову. — Ничто не может сравниться с грозой в

Хайленде.

— Грозой? Вы называете это грозой? По мне, это больше похоже на конец света...

Над вершиной Бен-Дорейна проплыло маленькое золотистое облачко. Оно словно намекало, что в небесной лаборатории погоды отсутствует такое явление, как гром.

Мокрые валуны быстро подсыхали на теплом осеннем солнышке, и казалось, что небо никогда больше не будет орошать слезами землю.

Мы решили немного перекусить и достали свои бутерброды. Мой новый знакомый был высоким и ширококостным хайлендером с роскошной копной волос. Я нисколько не сомневался, что его зовут Мак-Какой-то Там. Во время грозы он изрядно вымок, единственной сухой вещью оставался килт, который вообще является самой разумной формой одежды для мужчины. Посудите сами: он согревает в холода, дарит прохладу в жаркую погоду и сухость под дождем, не говоря уж о том, что всегда, во все времена, он придает своему хозяину ореол благородства. Мой спутник скинул мокрую рубашку и, держа ее на вытянутых руках, принялся бегать по пустоши — таков был его способ сушить одежду.

Тут я весьма кстати припомнил, что на дне моего рюкзака лежит заветная бутылочка «Талискера» — замечательного виски, который изготавливается на острове Скай, но даже и там представляет изрядную редкость. Мне показалось, что сейчас как раз подходящий случай для снятия пробы с моего сокровища. Увидев бутылку «Талискера», мой попутчик враз перестал скакать вокруг машины и очень серьезно произнес:

— «Талискер»? Надеюсь, вы не собираетесь открывать бутылку? Совесть расходовать впустую... Но, приятель, это великолепный виски!

Мы уселись поудобнее.

Он достал из рюкзака оловянную кружку, у меня сыскалось одно из тех идиотских приспособлений, которые почему-то называют походными стаканчиками (вы наверняка такие видели: когда их помещаешь на ровную поверхность, они неожиданно складываются и разбрызгивают налитую жидкость). Мы плеснули в свои емкости янтарного виски, а затем, спустившись к ручью, разбавили его студеной чистой водой.

Недаром говорят, что всему свое время. Так вот, я считаю, что лучшее время для виски — это минута отдохновения после физической нагрузки, да еще на свежем воздухе в окружении величественных гор. И поверьте, «Талискер», выпитый в тени огромного Бен-Дорейна, под медленно плывущими грозowymi облаками — совершенно особое удовольствие. Он так же отличался от виски, который пьешь с друзьями в пабе, как отличается «Лакрима Кристи», выпитое у подножия Везувия, от того же вина, но потребленного в ресторанчике Сохо. Такая выпивка наполняет вас энтузиазмом и добродушием.

Вот и моего приятеля потянуло на откровенность. Живописно раскинувшись на огромном валуне, он начал излагать факты своей биографии. Выяснилось, что в настоящее время он проживает в городе, но отпуск предпочитает проводить в родном Хайленде. Ему нравится, надев килт, побродить по вересковым пустошам. По мере того как «Талискер» согревал его внутренности, в душе шотландца разгорался огонь патриотизма. Я с удовольствием слушал, как он рассказывает о любимых холмах и долинах, о заброшенных торфяниках и серебристых туманах.

Я, в свою очередь, поведал ему о путешествии в долину Гленко. Среди всего прочего упомянул и старика, которого повстречал в Раннохе, восхитился его манерой повествования — о давнем предательстве Кэмпбеллов

он говорил так, будто это произошло только вчера. Мой знакомый, который как раз раскуривал свою трубку, неожиданно улыбнулся и произнес:

— Я тоже могу вам кое-что рассказать на сей счет. Видите ли, меня самого зовут Кэмпбелл! А история моя абсолютно правдива, поскольку приключилась лично со мной.

Произошло это году в 1909 или, может, в 1910-м... Во всяком случае я был еще мальчишкой и жил в Эдинбурге. В выходные дни я решил отправиться на экскурсию в Гленко — ну, вы знаете, как это бывает: подъем в пять утра, весь день на ногах, а к девяти вечера возвращаешься обратно. И все удовольствие за шесть шиллингов...

Короче, в поезде я познакомился с одним бизнесменом, который ехал навестить своих родителей — они все еще жили на маленькой ферме в глене. Узнав, что у меня нет конкретного маршрута, он пригласил меня к себе — так сказать, посмотреть, как жили горцы в прежние времена.

— Как тебя звать, парень? — поинтересовался он между прочим.

— Кэмпбелл, — ответил я и увидел, что по лицу моего нового знакомого пробежала легкая тень.

— Послушай меня, — сказал он, — не называй своего имени в присутствии стариков...

Мы отправились вместе через долину и в конце концов пришли к маленькой хижине. Отец его, простой крофтер, был из тех старых горцев, которые держат голову подобно королевской короне. Вы, наверное, встречали таких людей и знакомы с их манерами — настоящие джентльмены! Увидев меня, он торжественно произнес: «Добро пожаловать в мой дом, сэр!» Хайлендерское гостеприимство в чистом виде! После обычных приветствий он спросил: «Вы сами из Хайленда,

сэр?» Я ответил, что приехал из Эдинбурга, но предки мои жили в горах.

— Из какого же клана ваш отец? — поинтересовался старик. — Из Дингуоллов?

— Нет.

— Из Фрэзеров?

— Нет, — ответил я.

— Может, из Грантов?

— Нет.

— Так как же его имя? — требовательно спросил старый крофтер.

Все это время я видел, как его сын делает мне молчаливые знаки и понимал: он велит мне солгать. Но я не мог обманывать этого благородного старика, да и в конце концов, какого черта! Я гордился своим именем, поэтому ответил со всей прямоотой:

— Сэр, я не вижу причин стыдиться своего имени: моего отца звали Кэмпбелл!

И тут старик поднялся! В нем было более шести футов роста! Казалось, он заполнил всю хижину! Он указал мне на дверь со словами:

— Ни один Кэмпбелл никогда не будет сидеть у моего очага!

Сын пытался урезонить старого горца, умолял его, но все было напрасно! Старик стоял и указывал пальцем на дверь. Что мне оставалось делать? Я поднялся из-за стола, поклонился и вышел. И все это происходило в тысяча девятьсот девятом или десятом году! Никогда не забуду этого случая!

Он сделал еще глоток восхитительного «Талискера» и сокрушенно покачал головой.

— У Хайленда долгая память, — произнес он, — и я не могу выразить то смешанное чувство стыда и гнева, которое кипело в моей душе, пока я шагал по долине Гленко. Я чувствовал себя козлом отпущения, если вы понимаете, о чем я, сэр...

Мы распрощались с Кэмпбеллом на окраине Крианлариха. Уже отъехав, я оглянулся: он стоял на камне в развевающемся килте — потрясающе красивый образ — и махал мне вслед.

## 6

Я миновал города Крианларих и Балхиддер и подъехал к маленькому, чистенькому Калландеру, который является воротами в Троссакс.

Шотландия — страна воспоминаний, причем каждый герой «живет» в своем регионе. В Приграничье господствует культ Вальтера Скотта, в Эдинбурге царит Мария Стюарт. В Хайленде до сих пор вспоминают принца Чарли, а Троссакс и Лох-Ломонд связаны с именем Роб Роя.

Шотландия не так-то легко поддается описанию, она часто ставит в тупик. Только-только вы придете к мнению, что наконец-то узнали эту страну, постигли ее ценности и сформировали свое мнение, как Шотландия (совершенно неожиданно!) преподносит вам сюрприз. Вот и Троссакс играет не по правилам. Человек проводит не один месяц, путешествуя по стране, преодолевая трудности, углубляясь в самые отдаленные горные районы. Он доблестно переносит все — жару, холод, усталость, изобильные шотландские завтраки, священные воскресные дни, многочисленные шотландские церкви. Он проникается сознанием, что увидел в этой стране все... И в конце путешествия попадает в Троссакс — место, где вышеописанное собрано воедино в концентрированной форме. Такое впечатление, будто кто-то сложил все истинно шотландское в один котел, долго выпаривал и оставшуюся квинтэссенцию щедро выплеснул на

маленькую область, расположенную в непосредственной близости от Эдинбурга и Глазго. Неудивительно, что многие путешественники ограничиваются посещением Троссакса и никуда больше не едут. Повторяю: Троссакс определенно жульничает, и его надо немедленно изъять из всех туристических программ (или по крайней мере серьезно ограничить в правах) в интересах более удаленных областей Шотландии.

Троссакс представляет собой как бы рекламный образец шотландской природы. Он напоминает мне те маленькие, прекрасно оформленные упаковки сухого печенья, которые фирмы-производители рассылают в рекламных целях по клиентам. «Если вам понравится, можете заказать целую партию!»

И многие простодушные путешественники (особенно из числа американских туристов) попадают на эту удочку. У них возникает соблазн удовольствоваться своеобразной «выжимкой» из Шотландии и таким образом сэкономить драгоценное время. Ведь после посещения Троссакса они могут с чистой совестью сказать, что видели все самое интересное в Шотландии. Достаточно побывать на перевале Лени, чтобы ощутить вкус исконно хайлендской дикости и безлюдности; на склонах холмов Балхиддера вы найдете всего понемногу.

Сколько раз за время путешествия я говорил сам себе: «Это лучший пейзаж во всей Шотландии!» И вот снова я стою на берегу озера Лох-Эрн и наблюдаю, как опускается за горизонт солнце. Бен-Ворлих и Стак-а-Хройн меняют цвет в закатных лучах, какая-то водяная птица медленно и лениво машет крыльями, направляясь к прибрежным камышам, и ее угольно-черный силуэт четко выделяется на фоне серебристой водной глади. Насколько мне известно, Троссаксу посвящена лишь одна книга — это поэма Вальтера Скотта «Дева озера».

На церковном кладбище Балхиддера есть могила, в которой, по словам местных жителей, похоронен Роб Рой. Однако надгробие с высеченными на нем крестом, мечом и воином в килте показалось мне гораздо старше восемнадцатого века. Я стоял над могилой, на которую кто-то положил охапку цветов, и размышлял над судьбой исторического персонажа Роб Роя и его литературного воплощения. Слов нет, Вальтер Скотт написал превосходный роман, и произведение это занимает достойное место в ряду прочих шедевров автора. Однако меня не покидало ощущение, что писатель так и не сумел оценить по заслугам своего героя. Вступление к роману великолепно, и эпизоды, имеющие отношение к Хайленду, выше всяких похвал. Но как мало легенд о Роб Рое использовано в романе! Что заставило автора ограничить исходный материал?

Прежде чем вступить в край Макгрегоров, я заново перечитал роман Вальтера Скотта.

Похоже, что писатель воспринимал Роб Роя как некий обобщенный образ. Во всяком случае его герой в той же мере воплощает характерные черты Хайленда, как и Троссакс — всей Шотландии. По собственному замечанию Скотта, Аддисон и Поуп были бы немало удивлены, если бы узнали, что литературный персонаж, — совмещающий в себе весь спектр героических добродетелей с благородной сдержанностью горца и необузданностью американского индейца, — на самом деле являлся их современником, жившим в изысканный век королевы Анны и Георга I! Попробуйте себе представить Робин Гуда или Хереварда Уэйка<sup>[46]</sup> в качестве реальных персонажей Англии восемнадцатого столетия! Так вот, Роб Рой — это шотландский Робин Гуд, который умер в 1734 году. Он покинул наш мир всего за два года до рождения Джеймса Уатта. Странно думать, что



знаменитый романтический герой и паровой двигатель разминутись всего на пару десятков лет!

Человек, который грабит богатых и отдает награбленное бедным, — несомненно, бессмертный персонаж (и совершенно не важно, как относилось к нему его собственное поколение). Посему имя Роб Роя будет жить в веках — до тех пор, пока останется в живых хоть один шотландец, выросший на легендах о нем. Что немаловажно, почти все истории о Роб Рое содержат в себе зерно правды. Как бы мне хотелось, чтобы Скотт меньше внимания уделял эсквайру Осбалдистону и его вялотекущим любовным делам, а побольше рассказал бы о знаменитом разбойнике. На мой взгляд, роман от этого только бы выиграл!

Чего только стоят замечательные истории о тех попытках изловить Роб Роя, которые периодически предпринимались представителями короны и частными лицами. Например, был один здоровяк, который хвастал, что, если ему дадут шестерых помощников, то он обойдет весь Хайленд, но в конце концов пленит злокозненного Роба и доставит в тюрьму Стерлинга. Ну и дохвастался — ему предоставили *такую* возможность. Вооруженный дубинками отряд прибыл в Балхиддер и, завалившись в трактир, стал расспрашивать, как найти Роб Роя. Хозяин трактира дорогу сообщил, но параллельно послал Робу весточку о том, что к его жилищу направляется группа незнакомцев.

Разыскав нужный дом, командир отряда решил схитрить: прикинулся заблудившимся путником и попросился к Роб Рою на постой. Тот вежливо принял чужака и проводил в большую комнату, полную мечей, боевых топоров и всевозможных охотничьих трофеев. Когда дверь захлопнулась, чужестранец вскрикнул от ужаса, ибо увидел, что на ней висит труп мужчины. Роб Рой (который намеренно повесил туда тело) спокойно объяснил: это все, что осталось от подлого предателя,

который под обманной личиной попытался проникнуть к нему в дом. Случилось это только прошлой ночью, и он еще не успел похоронить наглеца!

Нетрудно догадаться, чем закончилось дело для незадачливого охотника за Роб Роем: как и многие до него, он нашел свою смерть на дне ближайшей реки!

Но самым необычным событием в жизни Роб Роя стал его визит в Лондон. Он подробно описан в книге преподобного Маклея с названием «Исторические воспоминания о Роб Рое и клане Макгрегоров» (1881). До сих пор не могу понять, почему Вальтер Скотт не использовал столь выигрышный материал в своем романе. Ниже приводится отрывок из труда Маклея:

Многочисленные подвиги Роб Роя снискали ему такую известность, что имя его гремело по всему Хайленду. При дворе тоже часто говорили о Роб Рое, причем обычно упоминали его как протеже графа Аргайла — тот и вправду нередко покрывал проступки своего буйного соотечественника. Король, зная об этой душевной склонности графа, неоднократно подшучивал над Аргайлом. Впрочем, он и сам был заинтригован и выражал желание увидеть дерзкого горца. Идя навстречу пожеланиям его величества, граф послал за своим другом. Дабы не подвергать Роб Роя риску поимки (а в столице хватало офицеров, которые с радостью задержали бы знаменитого разбойника), он должен был приехать в Лондон инкогнито. Аргайл позаботился о том, чтобы король увидел Роба со стороны, но не догадался, кто перед ним. С этой целью Роб Рою надлежало некоторое время прогуливаться перед дворцом Сент-Джеймс. Его величество действительно обратил внимание на огромного горца в традиционном

костюме, которого никогда прежде не видел в окрестностях своего дворца. Позже он рассказал об этом Аргайлу, и тот признался, что это и был знаменитый Роб Рой Макгрегор. Король не поддержал шутку. Он выразил сожаление, что не знал этого раньше. Ему совсем не понравилась уловка Аргайла, он посчитал это насмешкой над собой и недопустимым потворством наглости нашего героя.

Роб Рой, слоняющийся по Сент-Джеймс-стрит в килте — это картина, вполне сопоставимая с принцем Чарли, прогуливающимся по Стрэнду!

Что касается Роба, тот умудрился извлечь финансовую выгоду из своей поездки в Англию. Об этом весьма убедительно свидетельствует следующий отрывок из мистера Маклея:

На обратном пути из Лондона Роб случайно оказался в компании нескольких офицеров, которые вербовали рекрутов в Карлайле. Они были настолько впечатлены могучим телосложением горца, что посчитали его вполне достойным поступить на службу к королю, и пожелали внести Роба в свои списки. Он, однако, заявил, что примет их предложение лишь при условии тройной оплаты, и офицеры вынуждены были согласиться. Получив деньги, Роб Рой несколько дней провел в городе, не обращая никакого внимания на своих нанимателей. Когда же он закончил все свои дела и был готов продолжить путь, то так и поступил. И военные не смогли его остановить! В результате деньги, полученные за вербовку, помогли Робу Ройу оплатить возвращение домой.

Не менее замечательная история связана с кончиной знаменитого героя. Трудно было предположить, что человек, живущий подобной жизнью, умрет своей смертью. Тем не менее это именно так: Роб Рой скончался в преклонном возрасте в собственной постели. Рассказывают, что когда он уже лежал при смерти — старый, больной и уставший от жизни, — к нему в дом появился не слишком приятный ему человек.

— Поднимите меня и усадите в кресло! — скомандовал Роб Рой. — Наденьте на меня лучшие одежды и привяжите меч к моей руке. Этот парень никогда не увидит меня на смертном одре. Я не желаю доставлять ему такого удовольствия!

Он принял гостя по всем правилам вежливости, а когда тот ушел, откинулся на спинку кресла и закричал:

— Все кончено, уложите меня обратно в кровать! Позовите волынщика! И пусть он играет «Не будет во веки веков мне возврата», покуда я не испущу дух!

Он умер на своей ферме в Балхиддере. Как это ни печально, но Хайленд ненадолго пережил знаменитого героя.

Таким образом завершилась эта сага, столь же древняя, как и здешние холмы. Смешно, нелепо, невероятно, но исполнялась она уже в современные времена! В то время, как в декорациях Балхиддера разыгрывалась сцена из «Илиады», в Лондоне по Мэйферу прогуливались английские джентльмены, деликатно постукивая по мощеным тротуарам наконечниками эбеновых тросточек.

Лох-Ломонд.

Это одна из величайших мировых драгоценностей. По берегам озера стоят холмы: они громоздятся,

наползая друг на друга, и тают в синеющей дали. Осенние листья — красные, золотые, желтовато-коричневые — падают на водную гладь и оседают у берегов озера. Незабываемая картина! Двадцать четыре мили потрясающей, совершенной красоты.

Эти «милые, милые берега» встречают и провожают вас на границе Хайленда. Если вы направитесь на север вдоль западного побережья озера, то вскоре увидите Бен-Ворлих: из заоблачных высот донесется его громовое «Привет, путник!» Если же вы, напротив, спускаетесь по горным склонам, возвращаясь с севера, то опять же последнее, что вы услышите, будет «Прощай!» этого могучего великана. Для вас это будет означать прощание с шотландским Хайлендом! А озеро Лох-Ломонд собрало в себе тысячу прелестнейших пейзажей: пологие зеленые берега и обрывистые кручи, шепот лесных дубрав и величественная красота гор с их белоснежными облачными шапками, и повсюду, на протяжении всех двадцати четырех миль, вас будет сопровождать серебряная озерная гладь — она начинается узкой полоской на севере и постепенно расширяется к югу, где великодушный Лох-Ломонд заготовил еще одно визуальное яство для путешествующих гурманов: десятки мелких островков разбросаны у побережья, они толпятся, напоминая зеленую флотилию на приколе.

Когда вы стоите на берегу этого озера и наблюдаете, как волны его разбиваются о коричневые прибрежные камни, когда прислушиваетесь к их нескончаемому плеску, мыслями вы невольно обращаетесь к Глазго. Город этот расположен так близко от Лох-Ломонда, что за долгие века впитал в себя частицу его красоты и величия. У подобного города не может не быть души. В таком прекрасном окружении — когда у порога плещется Лох-Ломонд и высится торжественная, как

звук фанфар, махина Бен-Ломонда — это стало бы непростительным преступлением для города.

Любой человек имеет возможность выйти из Глазго, взобраться на эту гору и увидеть Шотландию. Родная страна простирается перед ним в виде многомильной цепочки холмов и горных вершин. Там, где глаз уже не может ничего разглядеть, приходит на помощь воображение: мысленным взором вы прозреваете бесчисленные пики Грампианских гор, далекий Бен-Невис и теряющиеся вдали вершины Западных островов. Еще дальше, за морскими просторами — величественные Кэйрнгормы, а совсем уже на краю Шотландии высятся голубые горные отроги — хранители восточных берегов. Какое потрясающее мысленное путешествие можно совершить, стоя на вершине Бен-Ломонда у самого порога Глазго!

На берегах Лох-Ломонда вы ощущаете близость города. Глазго заявляет о своем присутствии десятками различных способов: это и маленькие прогулочные пароходики, покачивающиеся на якоре у пирса; и многочисленные заведения под названием «водолечебницы» — они стоят в окружении деревьев или скрываются за поворотом парковых тропинок. Ощущение близости большого города еще более усиливается, пока вы преодолеваете последние мили перед Баллохом, и вот наконец на глаза вам попадают трамвайная линия, полицейский и первая печная труба, торчащая в отдалении. Вы почти в Глазго!

## Глава одиннадцатая

### Глазго

*Я плыву по Клайду в Глазго, вступаю в «Город Реальности», знакомлюсь с рецептом приготовления шотландской похлебки и присутствую при рождении корабля.*

#### 1

Один умный старик из Глазго, чья память уходила корнями на полстолетия назад, дал мне хороший совет:

— Отправляйтесь на Ферт-оф-Клайд, возьмите там лодку и прогуляйтесь на ней до причала Брумилоу. У нас ведь в Шотландии говорят: «Клайд сделал Глазго, а Глазго сделал Клайд». И это чистая правда! Если вы не посмотрите на Клайд, вы не увидите и Глазго...

Я поблагодарил его и отправился искать моторную лодку, которую можно было бы нанять на весь день...

Ранним ветреным утром я стоял в тридцати милях ниже по течению Клайда и рассматривал свое предполагаемое средство передвижения. Маленькая выдавшая виды моторка покачивалась на приливной волне в окружении каменистых холмов и мысов. На корме сидел краснолицый мужчина (звали его, конечно же, Джок) с трубкой в зубах и в морской фуражке, напыленной под заливчатским «углом Битти»<sup>[47]</sup>.

— Добрый день! — поприветствовал меня Джок, аккуратно сплюнув в Ферт-оф-Клайд. — Вам в Глеску? (Так местные именуют Глазго.)

— Так точно!

Он пробурчал нечто, что прозвучало как:

— А-х-ха!

После этого он запустил неподатливый мотор, и наша лодочка затарахтела вверх по Ферту, держа нос по ветру, как плывущая крыса.

Над водой низко струился туман. И из этого тумана доносился низкий, стонущий звук — будто гигантская корова призывает к себе заблудившегося теленка.

— Это маяк Клох, — бесстрастно пояснил Джок в ответ на мой вопросительный взгляд.

По мере того как мы продвигались, ужасное мычание становилось все громче, пока внезапно туман не рассеялся и мы не увидели прямо перед собой высокое белое здание маяка. Мы пришвартовались возле маленького деревянного причала и прислушались. Маяк Клох хорошо известен морякам всего мира. Для них он такой же родной и знакомый, как для вас фонарь над вашей садовой калиткой. Фигурально выражаясь, это последний верстовой столб при подходе к Глазго. По всей длине Ферта — от самого Эйра до Бьюта — протянулась цепочка маяков, которые заботливо ведут проплывающие мимо корабли и в конце концов передают их Клоху. Его белый широкий луч шарит в ночи, двигаясь по круговой траектории. Большие и маленькие корабли, на секунду попадающие в сноп света, кажутся бледными, призрачными мотыльками, скользящими по водной глади. А когда на залив спускается туман, маяк издает те самые стонущие звуки, которые так поразили меня. И хотя больше всего это похоже на мычание осиротевшей коровы, для всех моряков голос маяка полон особого смысла.

— Вперед, дети мои! — говорит им Клох. — Плывите домой по этой старой реке. И будьте внимательны возле Думбартона. Глядите в оба, ведь Клайд не стал шире с тех пор, как вы отбыли в Сингапур!

Человек, который работает на маяке — обеспечивает и этот свет в ночи, и тоскливое мычание, — оказался выходцем со Ская. Мы долго беседовали с ним: спорили,



доказывали, умоляли... Мы даже заклинали упрямца именем его старой матушки (которая преспокойно живет в Дунвегане) — и все это ради того, чтоб он сжалился и разрешил осмотреть маяк. Однако он твердо стоял на своем — неприступный, как его родные Кулинз.

— Нет, нет, — твердил он, — не положено. Когда сирена работает, всякие посещения запрещены. И не просите, я не могу нарушить правила!

Я уже достаточно хорошо изучил Шотландию, чтобы знать: если хайлендер что-то вбил себе в голову, спорить с ним бесполезно! Да если бы даже сам король Великобритании заявился сюда — в короне, с державой и скипетром в руках, — этот непреклонный горец завернул бы монарха обратно, сославшись на «работающую сирену».

— Отчаливай, Джок, — скомандовал я. — В это здание можно попасть лишь при поддержке артиллерийской бригады!

Наша лодка заскользила дальше, и скоро Клох скрылся в тумане.

Мой знакомый старик оказался прав: за те четыре часа, что мы двигались по Клайду, я узнал о Глазго больше, чем смог бы узнать в библиотеке за четыре дня.

Мимо нас проплывали разнообразные суда: маленькие бойкие пароходики с пустыми ящиками для сельди — они шли за утренним грузом «магистратов Глазго», как шутливо именуют селедку; элегантные миниатюрные лайнеры, совершающие плавание вдоль изрезанной береговой линии; громоздкие грузовые суда, ползущие на край света через Белфаст; и те маленькие шустрые буксирчики, которые обычно суется вокруг огромных морских кораблей, препровождая их в безопасную гавань Брумилоу.

Однако самым странным открытием на Клайде стал для меня «Хоппер № 20». Его трудно было назвать красавчиком. Вся конструкция изрядно проржавела,

однако судно было на ходу и казалось вполне работоспособным. При первом взгляде на хоппер создавалось впечатление, будто он проглотил гигантское железное колесо, которое целиком не поместилось в недрах судна, и теперь обод торчит посредине палубы. Позади этого неуместного обода, прямо на корме баржи, располагалась огромная воронка. Я заинтересовался назначением данного судна (и, как выяснилось, правильно сделал, ибо во время путешествия по Клайду мне предстояло встретить девятнадцать остальных хопперов). Джок объяснил мне, что эти плавучие приспособления используются при очистке русла реки: жидкая грязь перегружается из землечерпалок на хопперы, а те уже перевозят ее в открытое море.

— Но почему они так странно называются — «хопперы»? — поинтересовался я.

— Да потому что вечно прыгают туда-сюда, хоп-хоп, — ответил Джок, но его объяснение показалось мне несостоятельным (скорее всего, он сам его выдумал).

Таков был первый урок, который преподавал мне старина Клайд. Эта река представляет собой непрекращающиеся земляные работы! Если вы полагаете, что природа создала Клайд таким, каков он есть, а потом для удобства судостроения поместила его рядом с Глазго, то вы глубоко ошибаетесь. Когда матушка-природа создавала Клайд, ее помыслы ограничивались неглубокой речушкой, где на приволье плещутся осетры! А дальше уже вмешался Глазго. Когда город решил строить корабли, то прежде всего ему пришлось заняться переделкой реки в соответствии с собственными нуждами. Надо было не только изначально углубить Клайд, но и постоянно поддерживать нужную глубину! Более столетия Глазго потратил на дноуглубительные работы. Наверняка ни

над какой другой рекой в мире человек не трудился с такой мрачной и целеустремленной решимостью.

Второй урок Клайда заключался в том, что он способен хранить секреты. В отличие от незанятых актеров, Клайд не умеет во время безделья прикидываться «просто отдыхающим». Его верфи, начинавшиеся в Гриноке, постоянно находятся под пристальным вниманием горожан. Строится ли там какой-нибудь корабль или нет; оглашаются ли верфи оживленным перестуком молотков или же там царит мертвая тишина (когда рабочие получают пособие по безработице и, собираясь кучками, толкуют о политике) — все неминуемо становится предметом оживленного обсуждения.

Я взглянул по дороге на Гринок — он производит жалкое зрелище. Порт Глазго выглядит немного лучше, но и здесь царит запустение, и целая компания подъемных кранов скучает вместо того, чтобы переносить с места на место остовы будущих кораблей...

Итак, мы плыли дальше по Клайду, миновали романтическую скалу Думбартон, и где-то в районе Олд Килпатрика река внезапно закончилась и перешла в рукотворный канал, напомнивший мне Суэцкий канал в миниатюре. Теперь по обоим берегам тянулись сплошные судостроительные верфи — самые крупные и самые квалифицированные во всем мире. Небо загораживали неровные контуры огромных мачт, шлюпбалок и серо-стальных подъемных кранов, которые захватывали своей клешней колоссальные грузы и с легкостью переносили в нужное место — так же нежно, как юная модница несет домой пакет с новой парой шелковых чулок.

В воздухе пахло дымом, и запах этот красноречиво свидетельствовал о близости Глазго. Русло, по которому мы двигались, сузилось настолько, что я мог разобрать разговоры людей на берегу. Пейзаж нельзя было

назвать прекрасным, но он впечатлял — как впечатляет любое зрелище бед и проблем Человека.

На протяжении нескольких миль я увидел двадцать или тридцать недостроенных кораблей. Некоторые из них представляли собой не более чем остовы и напоминали скелеты китов в музеях; другие успели обрасти корпусами — еще ржавыми или уже покрытыми ярко-красной киноварью. Парочка кораблей выглядели почти готовыми для встречи с бутылкой шампанского. Одно же судно под названием «Герцогиня Йоркская» лежало в доке на боку — ужасно молодое и неопытное, но впереди у него маячили долгие годы плавания по волнам Атлантики.

Здесь у Клайда был совершенно иной звук — тысячи молотков деловито стучали по металлическому корпусу, и стук этот эхом отдавался в пустом чреве корабля. В общий хор вплеталось дребезжание электрических клепальщиков и визг терзаемого металла. Взглянув вверх, я увидел крошечных человечков, которые висели в подвесных люльках возле стальной громады будущего корабля и колотили молотками по раскаленным добела заклепкам. Каждый такой удар порождал сноп золотых искр: они летели вниз и гасли на лету, еще не достигнув земли.

— Изумительное зрелище! — поделился я своими впечатлениями с Джоком. — А я-то думал, что верфи Клайда бездействуют.

— Ничего изумительного, — отреагировал Джок. — Все далеко не так хорошо, как кажется.

Он объяснил мне: сегодня многие корабли строятся, что называется, по себестоимости — просто для того, чтобы не закрывать верфи. Сообщил, что Клайд загружен едва ли на сотую долю полной мощности, а затем вдруг перескочил на политику — начал проклинать Версальский договор, и тут я потерял нить его рассуждений.

— Послушай, Джок, один книготорговец из Глазго сказал мне, что, когда на воду спускают новый корабль, объем продаж книг резко увеличивается!

— Ну да, а кондитер расскажет вам, что они в этот момент продают больше булочек!

— Но тогда выходит, что каждое новое судно — это как большой стакан виски в холодный день: он согревает сердце Глазго и пробирает его до кончиков пальцев.

Джок облизал губы и сказал с одобрительным видом:

— О да, это очень хорошее сравнение... Да только виски уже не тот, что в старые добрые времена!

Что за невероятная река! Кто бы мог поверить, что этот канал станет местом рождения военно-морского флота? Все юные корабли лежат под углом. Если их спускать на воду по прямой, то они наверняка врежутся в противоположный берег.

И что за романтическая река! Я видел на верфях лодку-плоскодонку, она выглядела так, будто когда-нибудь поплывет при свете полной луны по широкому Нилу к Луксору. Я так и вижу стайку американских студенток на палубе, которые щебечут: «Эй, посмотри на эту луну! Висит так низко, что, кажется, можно достать и съесть, как апельсин!» А в соседнем доке строился большой корабль: в один прекрасный день ему суждено принять на палубу британских майоров, навсегда покидающих жаркие берега Индии и возвращающихся в родную Англию. Бок о бок с этим кораблем стоит грузовое судно, которое в будущем станет курсировать между белыми городами под пальмами. Оно будет приплывать в эти города, обменивать английский бензин на сахар и вновь уплывать за горизонт, растворившись в неизвестности.

И все это время — пока под молотками рабочих рождаются новые корабли — на верфи Глазго возвращаются из разных концов света флотилии, в

прошлом построенные на Клайде. На их продымленных трубах осела соль далеких морей, на побитых корпусах отражается опыт странствий в чужие страны.

Они причаливают к тем самым верфям, где некогда лежали на боку, пустые, беспомощные и дожидались своего рождения. И тут же — стоит лишь кораблям занять свое место в тесных водах дока — возле них возникает обычная круговерть со стуком молотков и снопами летящих искр. Ибо, несмотря на все трудности и горести минувшей войны, отец Клайд продолжает снаряжать своих детей и посылать их в дальние океанские плавания...

Передо мной проплывал город — в сизой дымке тумана, в грохоте трудолюбивых молотков. Наконец наша лодка скользнула под мост, и я поднялся по железной лестнице на набережную Брумилоу. Наше путешествие по Клайду закончилось, я был в Глазго.

Над дощатым покрытием показалась голова Джока, и он задумчиво произнес:

— Я вот думаю: все-таки вы нашли отличное сравнение!

— О чем это ты?

— Да о виски же! — ответил Джок.

## 2

Глазго ноябрьским вечером...

Густой туман, который целый день не давал продохнуть горожанам, немного рассеялся. Теперь он висел в воздухе легкой дымкой в воздухе — так, что все уличные фонари отбрасывали на тротуары конусы света в виде перевернутой буквы «V». Улицы были заполнены гуляющими — мужчинами и женщинами, которые вышли поразвлечься после рабочего дня. Вечерний полумрак то и дело оглашался взрывами смеха, люди толклись возле

освещенных витрин, где выставлялись пирожные, часы, кольца, автомашины, шелковое белье и прочие достойные товары.

В этот час звуковой фон Глазго в основном состоял из людской болтовни, изредка прерываемой дребезжанием трамваев: маленькие вагончики, разноцветные словно «неаполитанский лед»<sup>[48]</sup>, выворачивали из-за поворота и направлялись в сторону Ренфилд-стрит. Откуда-то издалека доносился колокольный звон, астматический кашель мотора — это междугородний экспресс прочищал горло перед дальней дорогой в Лондон, но самые характерные звуки доносились с реки — внезапное резкое взвизгивание, словно наступили на хвост зазевавшемуся терьеру — это подавали сигналы буксиры, прокладываявшие себе путь по узкому руслу Клайда.

А толпы горожан движутся непрерывным потоком. Некоторые торопятся домой в Поллокшоу и в Кроссмайлуф (очаровательное название!) — то место, где Мария Стюарт некогда села на коня<sup>[49]</sup>. Иные же предпочитают посидеть в кафе и ресторанчиках за плотным ужином с чаем — традиционной трапезой, в которой шотландцы достигли непревзойденных высот по части неудобоваримости (ибо хоть вы меня режьте, а я не могу поверить, что чай сочетается с мясным филе!). Есть и такие, которые отправляются потанцевать — это удовольствие стоит три шиллинга, в то время как мы у себя в Лондоне платим тридцать — или посещают театры. Большая же часть горожан просто слоняется по ярко освещенным улицам до тех пор, пока последний «неаполитанский лед» не подхватит их и не отвезет в родной Камлахи или Мэрихилл.

Я тоже затесался в толпу гуляющих. Джордж-сквер — местный аналог Трафальгарской площади — по виду тянет на центр города, хотя таковым по сути не является. Здесь немного пустовато, не хватает уличного

освещения, чувствуется, что главный поток городской жизни протекает где-то в другом месте. Великолепные Городские палаты окутаны пеленой тишины и отчужденности от соблазнов ночной жизни — такую же картину представляет собой Вестминстер в вечернее время, когда основное веселье кипит на Пикадилли.

Я полагаю, что Трафальгарская площадь в Лондоне и Джордж-сквер — две самые прекрасные и гармоничные британские площади. Здесь в Глазго тоже есть своя колонна, правда, венчает ее не адмирал Нельсон, а Вальтер Скотт. Через плечо у него перекинут плед, а сзади из шеи торчит блестящий молниеотвод — кажется, будто великого писателя поразили дротик. По периметру площади среди немногочисленных деревьев расположились конные статуи государственных деятелей.

Что меня больше всего поразило в Глазго, — его компактность. Миллион с четвертью жителей втиснут в значительно меньшую площадь, чем в других городах с таким же населением, и это сжатие создает эффект беспредельности. Если в Бирмингеме, Манчестере и Ливерпуле, покидая главные улицы, вы оказываетесь в темных и безлюдных долинах мертвых, то в Глазго ничего подобного нет и в помине. Центральные улицы тянутся на многие мили, повсюду сохраняя мрачную и тяжеловесную солидность: магазины здесь так же хороши, как и на Бонд-стрит, клубы представляют собой изысканные георгианские заведения, которым впору стоять на Пэлл-Мэлл. Только что вы шли по проспекту, где можно потратить тысячу фунтов на какую-нибудь женскую безделушку, и всего через несколько ярдов оказываетесь на другой улице — такой же широкой и хорошо освещенной, на которой самым дорогим товаром станет баранья вырезка (труп несчастного животного висит тут же, перепачканный в крови и древесных опилках).



Такое столкновение крайностей весьма характерно для Глазго. Блеск богатства и убожество нищеты, когда они совмещены столь близко, ранят сильнее, чем в иных — более просторных — крупных городах. В Глазго Ист-Энд и Вест-Энд смешиваются самым причудливым образом. В Лондоне, например, каждая прослойка населения проводит время строго в своем районе. Вы сразу же можете определить людей, которых встретите на Пикадилли или Оксфорд-стрит. Обитатели ареала, ограниченного Олдгейт-Памп и Стрэндом, не отправятся вечером развлекаться на Кокспур-стрит. Точно так же лондонцы с Пикадилли и Лестер-сквер ни при каких условиях не пересекут невидимую границу, отделяющую ее от Чаринг-Кросс. Здесь же, в Глазго, не существует границ.

Это придает исключительное разнообразие тем толпам, что прогуливаются по улицам вечернего Глазго. Я с любопытством разглядывал проплывающие мимо лица и обнаружил, что в, казалось бы, монолитной массе праздных горожан довольно часто попадаются инородные вкрапления. Так, на одной из центральных улиц — своеобразной шотландской Бонд-стрит — среди множества респектабельных бизнесменов в неизменных котелках (а этих нелепых головных уборов в Глазго больше, чем в любом другом британском городе) и толпы очаровательных нарядных барышень вы можете внезапно заметить понурую и сгорбленную фигуру нищего старика. Или же вам бросится в глаза нахальная развязность какого-нибудь юноши в надвинутой на глаза кепке. Или медленной, усталой походкой пройдет простоволосая женщина из соседнего квартала, которая, подобно кенгуру, несет на животе младенца, и его крохотное невинное личико выглядывает из складок клетчатой шали.

Столь близкое соприкосновение различных слоев является характерной особенностью Глазго. Это

означает, что миллион с четвертью его обитателей живет ближе к сердцу города, чем в любом другом социальном образовании такого размера. И этим, по моему мнению, объясняется яркая индивидуальность Глазго. В этом городе нет ничего вялого, половинчатого. Его не спутаешь ни с каким другим. И, в отличие от Лондона, его никак не назовешь городом предместий.

Одна из самых привлекательных черт Лондона заключается в том, что лондонцев как таковых не существует на свете. Многомиллионное население распределено по двадцати восьми столичным районам, а по сути, самостоятельным городкам. И жители этих районов знают о Лондоне не больше, чем о загадочной Атлантиде (а с учетом нынешней дешевизны энциклопедий, может быть, и меньше!). Для среднестатистического горожанина Лондон — то место, куда можно пару раз в год смотаться поразвлечься в ночном клубе. И не более того... В наше время легче съездить из Ливерпуля в Нью-Йорк, чем из Хэмпстеда в Пендж. В результате сложилась абсурдная ситуация, когда миллионы лондонцев не способны сдать простейшего экзамена по топографии родного города!

Однако Глазго — это Глазго. Эгоцентричный город с самой большой и тесно сплоченной общиной во всей Великобритании. В нем практически не существует пригородов. Глазго умудрился стать самым густонаселенным (после Лондона) мегаполисом и при этом не растерять индивидуальности, не рассеять ее по десяткам далеких окраин. Я не ведаю другого города такой величины, где жители знают друг друга (по крайней мере в лицо). А знать человека в лицо для Глазго означает пригласить его на чашечку кофе в одиннадцать утра. Кофе вообще играет большую роль в жизни Глазго. Если даже завтра Клайд пересохнет, все равно в Глазго будут потреблять все то же количество

кофе, необходимое для строительства нового лайнера линии «Кьюнард».

В Глазго присутствует особая заинтересованность в трансатлантическом флоте, какой я больше не встречал нигде на Британских островах. Город этот может быть избыточно, почти угнетающе дружелюбным. И еще одно качество, в котором Глазго даст сто очков вперед любому британскому городу, — его доступность. Государственные деятели, как и ведущие бизнесмены, всегда здесь готовы приветствовать иностранца. Самые важные офисы легко распахивают двери перед ним (правда, если он вздумает попусту тратить чужое время, то, думаю, так же быстро вылетит из чужого кабинета, как и попал в него). По правде говоря, я встречал больше бессмысленных ритуалов и помпезного обструкционизма в какой-нибудь бакалейной лавке мелкого английского городка, чем в мраморных залах Глазго, где лорд-провост правит судьбами «второго города» Шотландии.

Глазго занимает то же место по отношению к Эдинбургу, что и Чикаго по отношению к Бостону. Глазго — город радушного приема, который при первой же встрече дружески хлопает вас по спине, в то время как Эдинбург хранит гробовое молчание до тех пор, пока ваше происхождение (или ваши мозги) не откроют вам доступ в общество. Фигурально выражаясь, в Глазго человек невиновен до тех пор, пока его вина не будет доказана. В Эдинбурге же, наоборот, он будет считаться виновным — до тех пор, пока не докажет свою невиновность. Если Глазго сталкивается с чем-то незнакомым, он склонен верить в лучшее. Эдинбург, как и всякий аристократ, пессимист и от каждой новации ожидает одних неприятностей!

Однако основное различие между двумя крупнейшими городами Шотландии заключается не только в противоречии культурной и финансовой

традиций. Оно гнездится гораздо глубже. Ведь оба эти города по сути своей позы. Эдинбург стремится казаться более изысканным, чем есть на самом деле. Глазго, в свою очередь, прикидывается более материальным, чем в реальности. Отсюда и легкая застенчивость Эдинбурга, и наигранная грубоватость Глазго. Принципиальная же разница между ними заключается в том, что Эдинбург насквозь шотландский город, в то время как Глазго — город-космополит. Они настолько разные, что всегда будут тайно восхищаться друг другом. И по этой причине Эдинбург всегда будет играть роль несомненной столицы Шотландии.

Глазго является наглядным примером величественной и вдохновляющей человеческой истории. Он служит своеобразным якорем реальности. Без Глазго Шотландия осталась бы отсталой страной, которая затерялась бы в своих поэтических воспоминаниях и своей безнадежной вражде со временем. Именно Глазго, обращенный лицом на запад — туда, где проходят новые торговые пути и откуда дуют прогрессивные ветры — возвысился после Англошотландской унии. Он призвал Хайленд и Лоуленд позабыть старые счёты и совместно принять участие в строительстве нового мира, развивающегося по законам промышленной революции. Начало этому миру было положено в воскресенье 1765 года, ранним весенним вечером, когда Джеймс Уатт прогуливался по Глазго-Грин, и в голове у него вертелись греховные, совсем не воскресные мысли. В тот день Уатт наконец-то нашел решение мучившей его задачи, а результатом стало создание универсальной паровой машины двойного действия. Это изобретение открыло новую эпоху в развитии человечества и породило новый мир — мир стали и железа, мир высоких труб и скоростей.

Оплывали и догорали старомодные свечи: их время безвозвратно ушло. А Глазго рос и развивался. Этот

город, объединивший в своем лице Манчестер и Ливерпуль, стал памятником таланту и энергии шотландского народа.

### 3

А теперь давайте поговорим о еде.

В наш век всеобщей стандартизации города мира стали настолько похожими друг на друга, что скоро путешествия вообще потеряют всякий смысл. Какой прок уезжать из дома, если архитектура, одежда и даже еда — которая готовится в гигантских гостиничных синдикатах с их унифицированными ресторанами и однотипными гриль-барами — одинаковы по всему миру? Не знающие меня люди могут решить, что автор этих строк либо толстяк-обжора, либо эпикуреец. Хвала небесам, это не так! На самом деле я придаю небольшое значение еде как таковой, но для меня исключительно важна индивидуальность.

В одном из лучших (а, следовательно, и наиболее дорогих) ресторанов Глазго я обратился к официанту с просьбой принести мне хаггис. Юноша (по виду иностранец) был шокирован. Наверное, если бы я попросил доставить мне сэра Вальтера Скотта с вершины колонны, то и тогда состояние моих мозгов не вызвало бы у него столь явного сомнения. Официант наклонился и вперил в меня взгляд, в котором профессиональное подобострастие смешивалось с неподдельной жалостью.

— Вы сказали «хаггис», мсье? — переспросил он и пожал плечами с таким видом, будто за его столик уселся каннибал и потребовал любимую лопатку.

Я поднялся и молча покинул ресторан, чем искренне удивил (и боюсь, оскорбил) официанта.

Зато здесь я вновь повстречался с божественным супом под названием «шотландская похлебка». На сей раз я досконально выяснил, как его готовить, и теперь до конца своей жизни смогу баловать себя этим неземным яством. Более того, сейчас я намереваюсь раскрыть этот секрет перед читателями и тем самым сделать свадебный подарок всем юным невестам, которые, несомненно, заслуживают счастья. Ибо, по моему твердому убеждению, владение рецептом шотландской похлебки многократно повышает их шансы на долгую и счастливую семейную жизнь. Уж вы мне поверьте: если ваша избранница умеет готовить сей суп, значит, она умная и толковая женщина. Такое умение само по себе является гарантией тонкого вкуса и приличных кулинарных навыков: это неизменный комплимент ее здравому смыслу. Я сам почерпнул свои знания не из кулинарных книг (на мой взгляд, наиболее невразумительных образчиков литературы, с которыми не могут конкурировать даже учебники по металлургии, физике и математике). Нет, я просто отправился на кухню, надел фартук и, засучив рукава, приступил к делу. И вот как это делается.

Накануне вечером возьмите четверть фунта шотландской перловки и замочите на всю ночь. Сразу же оговорюсь: шотландская перловка вовсе не та микроскопически мелкая перловая крупа, которую обычно используют английские хозяйки. Это крупные зерна, в размоченном состоянии достигающие размера горошин. Итак, ваша перловка мокнет. Теперь возьмите четверть фунта сушеного гороха и поступите с ним аналогичным образом, то есть тоже залейте холодной водой. Если вы большой любитель гороха, можете добавить лишнюю пригоршню — вкус похлебки от этого не пострадает. Внимание! Кулинарные книги (которые я как добросовестный ученик, конечно же, изучил) советуют по возможности использовать свежий горох.

Полный бред! Не давайте себя сбить с толку: только сушеный горох обеспечит успех вашему супу. Лично я, поскольку люблю горох жестковатым, избегаю замачивать его на всю ночь. Мне кажется, что слегка недоваренный горох придает блюду более интересный и богатый вкус! Впрочем, это мое мнение. Вы же, пару раз приготовив похлебку самостоятельно, сможете решить, насколько оно совпадает с вашим собственным.

И вот наступает утро следующего дня. Это великий день, ибо сегодня вам предстоит приготовить божественное блюдо. На кухне у вас стоят замоченные перловка и горох. Теперь возьмите полфунта баранины, и если кто-нибудь скажет вам, что сгодится любое другое мясо — тресните его по голове первой попавшейся под руку сковородой! Такое утверждение сродни ереси. Вам понадобится кусок баранины, который в Шотландии называют «грудинка», а у нас в Англии — «передняя часть туши». Поместите эти полфунта баранины в достаточно просторную кастрюлю и залейте холодной водой. Добавьте столовую ложку соли и доведите до кипения. Оставьте кипеть на тихом огне в течение часа.

А за это время сделайте следующее. Возьмите две, или нет, лучше даже три луковицы порея, две морковки, одну репу и один вилок молодой свежей капусты. Порубите морковь и репу мелкими кубиками, лук и капусту нарежьте соломкой и перемешайте все ингредиенты в миске. У вас получится живописный — красно-бело-зеленый — сырой салат.

По истечении часа, в течение которого баранина варилась на медленном огне, возьмите перловку и горох (те самые, которые вы замочили на ночь) и переложите в кастрюлю с бульоном. Туда же добавьте и свой овощной салат и помешайте все деревянной ложкой. Ну вот, считайте, полдела сделано.

Суп должен кипеть еще час. Вскоре от кастрюльки начнет исходить характерный аромат шотландской похлебки, и вы почувствуете приступы дикого голода. На этой стадии у вас неминуемо возникнет искушение вооружиться ложкой и приступить к вылавливанию из супа аппетитных горошин. Заклинаю вас: не поддавайтесь соблазну, иначе вы можете нарушить баланс сил и безвозвратно загубить блюдо! Лучше займитесь вот чем: возьмите небольшой пучок петрушки, мелко порубите и переложите на блюдо. Затем потрите на мелкой терке сырую морковь (должно получиться морковное пюре) и выложите на другую тарелку. Это важные компоненты, держите их наготове.

Что ж, прошел час с того момента, как вы запустили овощи в бульон. Теперь пора! Добавьте в кастрюлю мелко нарубленную петрушку и тертую морковь (она придаст вашему супу нежно-розовый оттенок), осторожно помешайте. Через пятнадцать минут похлебка будет готова. Кулинарные книги советуют снимать образовавшуюся на поверхности пленку жира. Не верьте им, это чушь!

Правильно приготовленная шотландская похлебка должна быть наваристой, но не слишком густой — так, чтобы ее можно было свободно помешать. Когда вы зачерпнете полную ложку супа, в ней должны явственно просматриваться все ингредиенты: крупа, горох, кубики репы и моркови, кусочки лука-поррея и капусты, а также намек на петрушку. Если не вышло, значит, вы что-то напутали с пропорциями и следует повторить опыт. Дерзайте, дорогой читатель, до тех пор, пока вы не достигнете идеальной симфонии вкуса.

Во время своей поездки по Шотландии доктор Джонсон тоже попробовал этот суп и возлюбил его всей душой. «За обедом, — пишет Босуэлл, — доктор Джонсон съел несколько полных тарелок шотландской похлебки с крупой и горохом и, судя по всему, пришел в



восторг от этого блюда. Я спросил его: «Вы никогда не пробовали ее раньше?» Джонсон ответил: «Нет, сэр, и я не знаю, когда еще доведется отведать столь восхитительный суп»».

Я полагаю, что это одно из величайших заявлений доктора Джонсона.

Теперь о хаггисе.

Англичане почему-то находят это блюдо забавным. Ходит бесчисленное множество шуточек по поводу хаггиса. Уж не знаю, почему. Возможно, не последнюю роль в этом сыграла привычка шотландцев иронизировать над собой. Во всяком случае во время ежегодного празднования Ночи Бернса 25 января, когда в отеле «Савой» под звуки волынок разрезается традиционный хаггис, газеты буквально пестрят «бородатыми» шутками о хаггисе. И большую часть из них запускают многочисленные шотландцы, работающие на Флит-стрит.

Многие англичане убеждены, что хаггис — это разновидность музыкального инструмента. Они очевидным образом путают блюдо с музыкальными почестями, ему воздаваемыми. На самом же деле хаггис — нечто вроде нашей ланкаширской кровяной колбасы, овечий желудок, фаршированный смесью ячменной каши с бараньей требухой. Вполне адекватное изобретение для вечно нищих и прижимистых шотландцев. Всемирную славу это блюдо получило благодаря Роберту Бернсу, который прославил его в своей оде как «командира всех пудингов горячих мира». Как ни странно, многие шотландцы ни разу в своей жизни не пробовали хаггис. А между тем он изготавливается в Глазго и продается в герметично запакованных банках — специально чтобы уменьшить муки тех шотландцев, кто вынужден жить вдали от родины.

Самое лучшее описание этого блюда я нашел в кулинарной книге Ф. Мэриан Макнейл под названием «Шотландская кухня» (единственной достойной книге, которая примиряет меня с существованием данного литературного жанра).

Считается, что само название «хаггиса», — пишет автор, которая приводит три рецепта приготовления блюда, — происходит от французского *hachis*<sup>[50]</sup>, слова, которое использовал шотландский повар короля Якова в романе Вальтера Скотта «Приключения Найджела». Джемисон, однако, выводит это слово от шотландского *hag*, которое является искаженным английским *hack* (рубить). Вполне возможно, что это название получилось тем же самым путем, каким эйрширская вышивка преобразовалась во французское *broderie anglaise*. Во всяком случае, предположение о том, что хаггис достался нам в наследство от Франции, можно смело отвергнуть как ошибочное. Рецепт этого блюда опровергает подобную гипотезу. Да и сами французы если и упоминают хаггис, то как блюдо, которое присылали шотландским изгнанникам во времена «Давнего союза»<sup>[51]</sup> в качестве «*le pain benit d'Ecosse*» (освященного хлеба Шотландии).

Выбор хаггиса в качестве главного национального блюда Шотландии выглядит очень разумным. Ведь хаггис — это доказательство чисто шотландского таланта добиться максимума минимальными средствами. И действительно, мы берем скромные, чуть ли не презренные компоненты и сооружаем из них блюдо, достойное называться *plat de gourmets* (утехой гурмана). Хаггис содержит в заданной пропорции

овсянку, которая на протяжении столетий служила основным продуктом питания для шотландцев. Вкусная и питательная смесь злаков с луком и нутряным жиром (при всей своей простоте лежащая в основе таких блюд, как маисовые пудинги) также является типично шотландской. Далее, хаггис — это в высшей степени демократичное блюдо: оно в равной степени доступно для приготовления как в аристократическом замке, так и на ферме или крофте. И, наконец, использование желудка животного в качестве вместилища прочих компонентов придает всему блюду оттенок романтического варварства, столь милого сердцу шотландцев.

Большинство ресторанов Глазго готовит хаггис, который на блюде с картофельным пюре выглядит в точности как кусок вареного гранита. Когда у меня будет время, я обязательно выясню, каким образом хаггис стал комическим персонажем. В жизни не встречал продукта, менее располагающего к юмору.

Вы либо влюбляетесь в хаггис с первого взгляда, либо же сразу понимаете, что этот кулинарный продукт не для вас, и стыдливо прячете его под грудой картофеля. Если уж сердечной склонности между вами не возникло, то упорствовать бесполезно. Мне, по счастью, нравится хаггис, но в малых количествах. Я считаю его основательной, надежной едой, которую — подобно традиционному порриджу и шотландской похлебке — изобрели для того, чтоб поддерживать жизненные силы человеческого организма. Хаггис никогда не согласится на скромную роль *антре* в обеденной церемонии.

Кафедральный собор Глазго — обломок истории, ветрами времени закинутый в самый центр современного мегаполиса. В его великолепной крипте хранятся кости святого Мунго, основателя и святого покровителя города. Жители Эдинбурга, которые иронизируют над новизной Глазго, очевидно, забывают, что святой Мунго почил в своей святости еще в 603 году — задолго до того, как их величественный утес воздвигся в тумане истории. Кости святого в соборе Глазго — единственная католическая реликвия, сохранившаяся в шотландском соборе.

Побывав на службе, я был очарован пением хора. На мой взгляд, это самый лучший хор, который я когда-либо слышал (если, конечно, не считать Вестминстерского). Он показался мне верхом совершенства! Партию вели женские голоса, и это придавало службе особую красоту и проникновенность. По мне, женские голоса гораздо больше трогают сердце, нежели холодная бесполость английских церковных хоров.

Рядом с кафедральным собором раскинулся на холме поистине удивительный некрополь. Исконная привычка шотландцев воздвигать своим усопшим тяжеловесные монументы доведена здесь до апогея.

Этот внушительный город мертвых является, пожалуй, самым впечатляющим зрелищем в Глазго. Когда вы в первый раз сюда попадаете в меркнувшем свете дня, скопление обелисков, башен и минаретов, четко выделяющихся на фоне неба, кажется неким фантастическим городом, призрачным миражом, который в любой момент может исчезнуть. Дунет ветерок — и нет его!

Однако не верьте своим ощущениям: кладбище это, возможно, самое прочное и солидное в мире. Вы прогуливаетесь по вполне реальным наклонным дорожкам, а вокруг высятся грандиозные мраморные памятники — самые претенциозные знаки печали, какие

человечество породило со времен египетских пирамид. Джон Нокс похоронен под одной из эдинбургских мостовых, зато здесь ему возведен памятник — фигура знаменитого реформатора в мантии и женевском берете стоит на верху дорической колонны, словно охраняя покой кладбища. Самым же большим и трогательным открытием для меня стала могила Уильяма Миллара, человека, написавшего знаменитого «Крошку Вилли-Винки» — стишка, который я знаю с малых лет.

Созерцание здешних надгробий напомнило мне еще об одной могиле: она располагается прямо на улице Глазго, и тысячи людей ежедневно проходят мимо, не обращая внимания. Речь об участке тротуара напротив старой церкви Святого Давида (или Рамшорн, как ее стали называть позднее). Здесь виден крест и буквы «KBVC», то есть «Королевские военно-воздушные силы».

## 5

Если вы никогда не присутствовали при спуске на воду корабля, то гарантирую: вам предстоит волнующее событие...

Вы входите на верфи через главные ворота и замечаете, что все вокруг улыбаются. Люди стараются не показывать своего возбуждения. Если спросить любого из них, то он скажет, что предстоит повседневная работа, обычная рутина, к которой они давно привыкли, однако не верьте этим словам! Ни один человек — если у него, конечно, есть сердце — не может остаться равнодушным при рождении нового корабля. Особенно если перед этим вы напряженно трудились на протяжении восьми месяцев: колотили молотком по обшивке или висели в хлипкой люльке, орудуя клепальной кувалдой; если вы сидели в кабине подъемного крана и по частям — пластина за пластиной

— переносили гордое тело будущего корабля. И вот теперь вы совсем не волнуетесь? Да ни за что не поверю!

Судно лежит на боку на стапеле — странно обнаженное, высокое и сухое. У него пока нет ни мачт, ни труб, ни двигателей. Мостик, правда, уже присутствует, но еще не крашенный и не одетый в стекло. Там, на страшной высоте, кучка рабочих суется на палубе корабля — бегают, что-то кричат, свесившись через борт, глазят на далекий эллинг. Все готово к спуску, дело за Клайдом.

Корма корабля со своими еще не опробованными гребными винтами вознесена на высоту многоэтажного дома. Если совершить пятиминутную прогулку вдоль корпуса, то там, в тени огромного переднего полубака, располагается маленькая огороженная платформа, затянутая малиновой тканью.

Так приятно наблюдать за людьми, которые только что вколотили последние заклепки в эти пол-ярда красной материи.

И вот начинается прилив. Вода постепенно прибывает, а все присутствующие с нетерпением поглядывают на часы. Приезжают на машинах хорошенькие девушки. Они останавливаются возле мастерских, рассматривают судно, читают вслух его название — вроде бы «Императрица Востока»? — которое большими бронзовыми буквами выгравировано на носу. Люди в рабочей одежде — те самые, что на протяжении восьми месяцев трудились над будущим судном, собираются кучками, тоже смотрят вверх, курят, шутят и смеются, восхищаясь красотой «Императрицы».

Внизу, в тени корпуса, как крысы, копошатся какие-то люди: они проверяют огромные деревянные блоки, на которых покоится корабль. Когда вода поднимется

достаточно высоко, несколько ударов молотка пошлют его вниз, в устье Клайда.

Сейчас важна каждая минута. В толпе рабочих раздается смех: это сверху, с палубы судна спускают веревку, которая в конце концов останавливается как раз напротив малиновой платформы. По мере того как она опускается, становится видно, что это не простая веревка, ее последние ярды раскрашены в красно-белоголубой цвет. Преисполненный важности чиновник верфей поднимается по ступенькам платформы, в руках он держит бутылку шампанского, украшенную разноцветными ленточками — тоже красными, белыми, голубыми. Он привязывает бутылку к концу веревки и застывает в ожидании.

И вот миг настал! Группа высокопоставленных гостей восходит на малиновую платформу. Женщина, которой предстоит осуществить спуск судна на воду, нервно переминается на месте и тычет пальцем в висящую бутылку.

— Что я должна делать? — спрашивает она шепотом у чиновника верфей.

— Ну, вам надо просто взять в руки бутылку... вот так... размахнуться как следует и разбить ее о борт корабля. Постарайтесь попасть вон в ту головку болта!

Он делает несколько шагов вперед и указывает на блестящую заклепку.

А Клайд все поднимается...

Женщина протягивает руку в коричневой замшевой перчатке (видно, что рука слегка подрагивает) и сжимает бутылку шампанского. На эллинге воцаряется мертвая тишина! Все работы замирают! Подъемные краны останавливаются! Становится слышен стук молотков на том берегу Клайда. Буксирное судно, которое покачивается на приливной волне в ожидании нового корабля, включает сирену и трижды трубит приветствие: «Да-вай! Да-вай! Да-вай!» Кто-то

пронзительно свистит, в толпе раздаются крики, но они не могут заглушить стука молотков по деревянным блокам под днищем корабля. Напряжение достигает предела: огромный стальной великан, кажется, просыпается, наполняется жизнью! Он пока неподвижен, но вы знаете: через секунду корабль тронется с места! В эту немыслимо растянувшуюся секунду рука в замшевой перчатке покрепче сжимает бутылку, размахивается, и женский голос громко, отчетливо произносит:

— Счастливого пути «Императрице Востока»!

Ба-бах! Бутылка ударяется об стальную обшивку, осколки брызгают во все стороны, а вслед за ними взрывается фонтан шампанского — белые, как снег, брызги орошают малиновую платформу. Пошел-пошел! Корабль движется! Ура! Счастливого ему плавания!

На наших глазах вершится чудо! Мы наблюдаем, как огромное судно мягко соскальзывает в воду. Абсолютно бесшумно! Вся эта махина просто погружается в Клайд, оставляя за собой на деревянном настиле две широкие дорожки желтой смазки. Она похожа на безмолвный корабль-призрак! Корма уходит под воду, все глубже и глубже (так, что невольно возникает тревожная мысль: когда же она всплывет?). Затаив дыхание, все наблюдают, как судно ныряет в глубины Клайда, поднимая в воздух облако водяной пыли. Затем его движение замедляется, начинает сказываться сопротивление воды. Корабль почти на плаву! Он лежит на боку у берега — там, где заканчиваются две параллельные желтые дорожки. Он всплывает! И в следующий миг судно рывком поднимается, принимая вертикальное положение. Некоторое время стальное тело подпрыгивает на месте — высокое, светлое, грациозное, оно наслаждается первым соприкосновением с водой.

— Ура! Счастливого пути «Императрице Востока»!



Мы срываем с головы шляпы и подкидываем их в воздух. Какой-то старик в толпе рабочих стоит, сжимая в руке кепку, и со слезами на глазах смотрит вслед кораблю. Он машет промасленной кепкой, провожая взглядом свой восьмимесячный заработок.

— До свидания и — удачи!

Однако это еще не все. До наших ушей доносится незабываемый звук ломающегося дерева. Днище корабля крушит древесину и тащит огромные обломки с собой в реку, так что скоро вся поверхность воды оказывается усеянной плавающими кусками дерева.

Затем приходят в движение массивные железные цепи толщиной в человеческую руку. До этого момента они лежали двумя огромными кучами по обе стороны от стапеля. А теперь начали разматываться — сначала медленно, а затем с увеличивающейся скоростью. Гремя и подпрыгивая, они скользят в облаках пыли и обсыпающейся ржавчины, тянутся к судну, будто желая удержать его в колыбели. И вот наконец цепи полностью натянулись и замерли. Послушный корабль остановился в узком русле реки.

Я стоял на набережной с таким чувством, будто мне довелось наблюдать за рождением сказочного великана. На моих глазах он пробудился от векового сна, вырвался из пут и восстал, устремившись навстречу своей судьбе.

Я взглянул вниз сквозь жесткий деревянный каркас, где совсем недавно покоилось тело корабля, затем перевел взгляд на стального красавца — он все еще слегка подпрыгивал на волнах, словно радуясь обретенной свободе. Какой великолепный символ Глазго и Клайда!

Впереди его ждет долгая и счастливая жизнь. Этому кораблю предстоит бороздить воды океанов, заходить во множество портов и всюду нести гордое имя Глазго. Надеюсь, люди будут любить его, как любят корабли. На мостике — пока еще пустынном и голом — будут стоять

отважные капитаны. Они поведут «Императрицу» сквозь бури и шторма, научат ее всему, что надо, сделают опытной и мудрой.

Но ни один капитан, ни один акционер никогда не испытает такого чувства близости и сопричастности, как мы — те, кто наблюдал за ее рождением, видел, как она, такая нагая и юная, плавно выскользнула из нянчивших ее людских рук в темное гостеприимство Клайда.

## Глава двенадцатая

# Роберт Бернс и прощание с Шотландией

*Я встречаю людей, варящих сталь, и посещаю самый печальный дом Шотландии. Я отправляюсь в край Бернса, осматриваю жилище поэта, принимаю участие в импровизированном концерте в кабачке «Глоб инн» в Дамфрисе и в конце концов говорю «до свидания» Шотландии.*

### 1

В городе Мотеруэлл, который входит в состав конурбации Глазго, расположен крупный сталелитейный завод. Первый человек, с которым вы сталкиваетесь на территории завода, это посыльный — человек, который в свое время участвовал в знаменитом марше лорда Робертса на Кандагар<sup>[52]</sup>.

На стене его крохотного офиса до сих пор висит портрет лорда Робертса. Если принять за истину расхожее утверждение, что почтовый ящик — это последний храм романтики, тогда получается, что занимающиеся отправкой почты посыльные являют собой самое романтическое зрелище на земле. Мы сталкиваемся с ними повсеместно и не особенно обращаем внимание на этих старичков с медалями, воспринимая их как нечто само собой разумеющееся. А между тем для промышленного предприятия они то же самое, что и корабли для современного города: привносят в обычную жизнь привкус великих приключений и аромат истории.

Я отправился в гигантский город стали. Мне говорили, сколько миль железнодорожных путей проходит через него, но я не запомнил. Мне также сообщили, сколько акров занимает город, но и это я позабыл.

Единственное, что я вынес из своей экскурсии, — осознание драмы Человека с его уязвимым телом, который своими слабыми руками терзает жуткий, неподатливый металл, прежде чем дать ему путевку в жизнь. Человек нагревает металл до тех пор, пока он не начинает реветь, и только тогда выпускает из печи в виде багровой реки, искрящейся на холодном воздухе. Человек деформирует металл, придавая ему нужную форму; нацепив очки с синими стеклами, он стоит в недрах машины и нажимает на кнопки, выстреливает раскаленными болванками, швыряя их на прокатный стан; он раскатывает заготовки и делает пригодными к тому, чтобы нести локомотивы в Южной Африке, перекрывать реки в Южной Америке, формировать скелеты линкоров и пассажирских лайнеров.

Вооружившись длинными кочергами, люди стояли у заслонок печи, подобно бесам у входа в преисподнюю. Синие очки дали и мне, чтобы я мог подойти максимально близко и заглянуть в эту пышущую жаром печь. Внутри кипели шестьдесят тонн стали — вот такая каша варится на здешней кухне! На поверхности варева постоянно образовывались и лопались пузыри — крупные белые глаза лениво, медленно открывались и снова закрывались. Сами кирпичи, из которых сложена печь, были раскалены докрасна, до той температуры, при которой плавится железо и образуется сталь.

Люди, которые варят сталь, наверняка любят своих жен и детей. Дома они, как все простые люди, выгуливают собак и выращивают овощи. Здесь же, на работе, в них не чувствовалось ничего человеческого! Они казались придатками жутких фантастических

механизмов: громахая, двигались вдоль всего цеха, перетаскивали электрический коксовыталкиватель, который запускал в жерло печи клешню с тонной металла; подкрадывались к дверцам печи с железными прутьями и стояли в облаке пара от застывающего металла. Они переключали рычаги, которые перекидывали раскаленные заготовки с одного конца цеха на другой. Пот градом катился по лицам сталеваров, их рабочая одежда выглядела нарочито небрежной.

Правда, время от времени — когда печь только наполнялась и гул топки звучал на октаву ниже — те же самые рабочие скатывали бумажные шарики и швыряли ими друг в друга... или же обсуждали достоинства любимых команд, каких-нибудь «Рейнджерс» или «Селтика». Лично на меня подобные сценки действовали успокаивающе. Они доказывали, что сталевары все-таки обычные люди!

В городе стали я узнал, сколько замечательных творений вышло из здешних печей: это и Тей-Бридж, являющийся частью моста Форт-Бридж; и трагически погибшая «Лузитания», а также великолепные лайнеры «Аквитания», «Олимпик» и крупнейший в мире линкор «Худ», бесчисленные локомотивы, многие мили железнодорожных рельсов, балки и бесконечные котельные листы...

При посещении сталелитейного завода вы и сами вынуждены постоянно смотреть в оба и проявлять пыл (да простится мне этот невольный каламбур). В какой-то момент вас окатывает волной горячего воздуха: приближается нечто опасно горячее. Вы оглядываетесь по сторонам — ничего! Однако жар нарастает. Инстинкт самосохранения заставляет вас взглянуть вверх, и вы видите, как над вашей головой проносится раскаленная добела 20-тонная болванка — она зажата в клешне подъемного крана, и по всей поверхности металла

ежесекундно рождаются и умирают крохотные огненные саламандры! Вы непроизвольно пригибаетесь и лишь затем замечаете дьявола в синих очках: он сидит в кабине подъемного крана в пятидесяти ярдах от вас и насмешливо ухмыляется, склонившись над рычагами. Описав плавную дугу, раскаленная болванка опускается на прокатный стан — движение легкое и нежное, будто девичий вздох!

Болванка лежит — невинная, укрощенная, кажется, что вы могли бы наклониться и погладить ее. Однако попробуйте приблизиться к ней на ярд, и гарантирую — вы отскочите в сторону, как ужаленный. В этом куске металла ощущается адский жар, способный в одно мгновение испепелить плоть.

— Поторопитесь! — говорит мой гид, бросая взгляд на наручные часы. — Сейчас будут открывать заслонку!

Мы отправляемся в другой конец плавильного цеха, чтобы стать свидетелями самого впечатляющего зрелища в этом производственном спектакле. С минуты на минуту произойдет ежедневное чудо: шестьдесят тонн бурлящей жидкой стали выльются из жерла печи и потекут по наклонному желобу в 90-тонный литейный ковш. Возле заслонки стоят рабочие с железными прутьями, они осторожно подбираются к тонкой жаропрочной перегородке, которая разделяет нас и огнедышащий ад. Несколько движений — и в воздухе возникает двадцатифутовый фонтан огненных брызг, которые падают в радиусе тридцати ярдов. Сталь пошла!

Невозможно смотреть на нее незащищенными глазами. Даже сквозь темно-синие стекла жар расплавленного металла обжигает слизистую. Поток бежит густой маслянистой струей в просторный котел и там гудит и булькает, моргая вулканическими глазами, образуя белую пленку на поверхности... Сталь! Но разве возможно думать о ней как о стали? Кто может

представить эту субстанцию застывающей в болванки и пластины? Шестьдесят тонн жидкой стали больше всего напоминают огромную ванну жидкого белого крема!

Я стоял в безопасном удалении от фонтана искр и наблюдал за людьми, которые производят сталь. Это шотландцы, которые расхаживают в своих кожаных фартуках, с серьезными, угрюмыми лицами опираются на железные шесты. Шотландцы, которые внимательно вглядываются в фонтаны искр сквозь защитные стекла подъемных кранов, — ожидая мига, когда возможно будет наполнить гигантские ковши кипящим стальным варевом, вытекающим из открытых дверей печей. Я считаю, что каждый ребенок должен в процессе своего образования посетить сталелитейное производство. Это очень поучительное зрелище, которое прекрасно иллюстрирует матрицу современного мира. Лестница цивилизации сделана из металла. Человек двигался по ней от камня к бронзе, затем к железу и вот теперь — к стали. При помощи этих металлов он шаг за шагом прокладывал себе путь от болот к современным джунглям...

Покинув цех, я наткнулся во дворе на огромную кучу старого железа. Там были железные дверцы от домашних печек, проржавевшие кастрюли и чайники, ярды железных труб, а также неопознанные кусочки железа, некогда игравшие важную роль в жизни и в конце концов попавшие в руки человека, который бродит по дворам со своей тележкой и скупает железный лом. Расковыряв носком ботинка кучу высотой в фут, я откопал железный бюстик мистера Микобера!

Да уж, в самом ближайшем времени ему наверняка «что-нибудь да подвернется»<sup>[53]</sup>. В разбитой и искореженной компании бюсту предстоит отправиться в огненное чистилище.

Все старые, изрядно потрепанные временем формы будут стерты огнем, индивидуальность каждой вещи

бесследно сгинет, растворится в кипящем котле. Их смешают с веществами, которые помогут обрести им новые достоинства, присущие стали. И в таком виде — возрожденные, но неузнаваемые — старые железяки снова вернутся в наш мир.

Я попытался угадать, в каком обличье — в виде железнодорожных рельсов, бойлерных листов, локомотива или лайнера — начнет свое новое анонимное существование эта маленькая забавная вещица, которая некогда была мистером Микобером.

В химической лаборатории происходило тестирование произведенной стали. Люди в халатах склонялись над тонкими стеклянными трубочками, всматривались сквозь стекла очков, фиксируя изменение цвета, табулировали, взвешивали, подсчитывали содержание углерода, фосфора и серы.

И наконец, финальная сцена: в комнате находятся трое мужчин, они стоят с книжечками перед огромной машиной. Опытный образец закладывается в крепления, и машина начинает со страшной силой растягивать стальную полоску. По окончании испытания она выплевывает образец вместе с соответствующим приговором.

— Сорок два! — зачитывает вслух один из проверяющих и делает запись в книжечке.

Новая полоска стали поступает на испытание. И вновь слышится громкий щелчок и голос:

— Сорок два!

Таким образом метрологи измеряют предел прочности стали при растяжении и фиксируют его в терминах, не поддающихся моему пониманию. Звучит это примерно так: «Сила растяжения 38 тире 42 тонны на квадратный дюйм; при этом предел пропорциональности не менее шестнадцати тонн на квадратный дюйм» (надеюсь, хотя бы в «Ллойде» понимают, что это означает).



В управлении завода мне любезно предоставили статистические данные. Нет, меня буквально по самые уши завалили статистикой, и все это — со снисходительной улыбкой специалиста, который видит перед собой полного профана. Я и вправду не сильно продвинулся в металлургии, но одно теперь знаю точно: там, в Мотеруэлле, держат грозный вулкан под полным контролем.

## 2

В нескольких милях от Глазго стоит городок под названием Гамильтон, здесь же располагаются угольные шахты, по которым сэр Гарри Лаудер в свое время «бродил в подземных сумерках» с шахтерской лампой в руке. Вдалеке над живописными изгибами Клайда высятся мрачные трубы сталелитейного производства Мотеруэлла — они похожи на черные пальцы, устремленные в небо. И ровно посередине находится самый печальный дом в Шотландии. Я имею в виду наследственное поместье семейства Гамильтонов, старинный дворец первых герцогов Шотландии, герцогов Брэндона и Шательро во Франции. Сегодня это строение принадлежит эдинбургскому подрядчику, который потихоньку растаскивает его на камни. Хотел бы я знать, что чувствует человек, подрубающий корни шотландской истории...

Дворец Гамильтонов был, пожалуй, самым великолепным и величественным зданием во всей Великобритании. Рассказывают, будто король Эдуард — а он останавливался здесь в 1878 году, еще в бытность принцем Уэльским — признавался хозяину: «У моей матушки чертовски много отличных дворцов, но ни один из них и в подметки не годится вашему!»

Я услышал эту историю из уст старика-шотландца, который в те годы служил у Гамильтонов помощником конюха. Не берусь утверждать, будто принц изъяснялся именно такими словами, однако смысл высказывания сохранился, а стиль... Да кто я такой в конце концов, чтобы приглаживать вербальную традицию шотландского народа?

В пору расцвета дворец Гамильтонов, наверное, выглядел как старший брат Букингемского дворца. Величественное здание в георгианском стиле стояло посреди парка. Коринфские колонны поддерживали огромный портик, рядом находились превосходные конюшни, при которых работала школа верховой езды, и добротные надворные постройки.

Парадная лестница из черного голуэйского мрамора не менее знаменита, чем хрустальная лестница старого Девонширского дворца; она вела в тронный зал, где некогда восседали герцоги, представители древнейшего рода, породнившегося с шотландской короной. Роль трона играло великолепное посольское кресло, вывезенное из Санкт-Петербурга Александром Гамильтоном, десятым герцогом, который служил послом в России. Теперь дворец лежит в руинах. Небо заменяет ему крышу, а звезды — канделябры. Отсыревшие кусочки позолоченного карниза отваливаются и падают вниз, собираясь на полу просторного вестибюля у ног двух гигантских кариатид, выполненных французским литейщиком Луи Сойером.

Я не ведаю более драматического конфликта (по крайней мере в пределах Великобритании) между старым миром и новым. Дворец Гамильтонов, несомненно, принадлежит прошлой эпохе, как и окрестные леса, где еще нет-нет да и вспорхнет фазан или мелькнет заячий хвостик. Но дымовые трубы с каждым годом подбираются все ближе и ближе к прекрасному строению, а угольные шахты уже проходят

непосредственно под дворцом. Если присмотреться, то в полях можно заметить полосу более светлой травы — она вдвое шире, чем прогулочная аллея в парке Сент-Джеймс, и тянется, прямая, как стрела, меж двумя рядами деревьев. Это все, что осталось от парадных подъездных путей к дворцу, по которым в прошлом пронеслась не одна блестящая кавалькада, а то и карета с королевским гербом...

Я потерянно бродил по мертвому дворцу Гамильтонов. Тишину нарушали лишь тихий шорох дождя да грохот время от времени отваливавшейся штукатурки. Во время экономического спада, последовавшего за наполеоновскими войнами, десятый герцог Гамильтон нанял рабочих в соседнем городке (том самом Гамильтоне) для капитальной перестройки дворца. Сохранились записи, свидетельствующие, что 22 528 лошадей притащили 28 056 тонн камня для самого здания, еще 5153 лошади доставили 7976 тонн камня для конюшен, а 1024 лошади привезли 1361 тонну извести, песка и шифера.

Огромные коринфские колонны — высотой в двадцать пять футов и диаметром три фута три дюйма — были выточены каждая из цельного блока на каменоломнях Далсерфа в восьми милях от дворца. Чтобы доставить одну такую колонну, использовали гигантскую телегу, запряженную тремя десятками клайдсдельских тяжеловозов. Эта стройка стала событием века! Наверняка герцог Александр не думал не гадал, что все его титанические усилия поглотят зыбучие пески исторических перемен!

Во дворце был Египетский зал, в котором герцог хранил купленный для себя гроб. Это был базальтовый саркофаг египетской принцессы, который Гамильтон приобрел на торгах за 10 тысяч фунтов стерлингов (переторговав, таким образом, Британский музей). Сегодня пустой зал мокнет под дождем, и, прогуливаясь

по нему, я услышал предостерегающий крик: «Посторонись!» Посмотрев вверх, я увидел, что по оголившимся перекрытиям пробирается человек. В руках он нес кирку, очевидно, намереваясь, обрушить очередной центр того, что некогда было полом библиотеки.

Однако особенно остро трагедия Гамильтоновского дворца ощущается в помещении мавзолея — в прошлом самой величественной частной усыпальницы на территории Великобритании. На ее строительство герцог Александр потратил 130 тысяч фунтов стерлингов и рассчитывал, что его набальзамированное тело будет лежать в этом здании рядом с останками других Гамильтонов — как он думал, вечно. Когда дошло до продажи имения, город Гамильтон — очевидно, в порыве сентиментальных чувств — приобрел здание мавзолея (кстати, за сущие гроши!). Отцы города намеревались устроить здесь грандиозный военный мемориал, который прославил бы Гамильтон на всю страну.

Массивное здание по соседству с дворцом больше всего напоминает мавзолей Адриана в Риме. Человек, которого город назначил присматривать за бывшей гробницей Гамильтонов, на протяжении восемнадцати лет служил герцогской семье. Раньше в его задачу входила чистка и полировка восемнадцати величественных гробов, в которых покоились бывшие герцоги и их супруги. Полагаю, никто не способен прочувствовать весь пафос дворца Гамильтонов так, как этот старый верный слуга. Ему с детства было привито почтение к древнему роду и дворцу, оно вошло в его плоть и кровь, и благодаря этому сегодня он производит впечатление человека, пережившего день Страшного Суда. Вооружившись ключами, он повел меня к бывшей герцогской гробнице.

Это удивительное место, своеобразная крепость, предназначенная противостоять губительным веяниям времени. Над многочисленными склепами высится круглая часовня с внушительным куполом. Мозаичный пол выложен яшмой, белым и желтым мрамором, красным и зеленым порфиром. Цветные плитки разделены полосами черного голуэйского мрамора. Часовня знаменита эхом, которое длится шесть секунд. Легчайший шепот в одном конце галереи шепотов под куполом переносится на другой. Напротив входа в мавзолей располагается большой блок из черного мрамора, на котором раньше лежало тело герцога Александра в саркофаге из Древнего Египта.

Служитель, который на протяжении многих лет полировал саркофаг, описал его мне во всех подробностях. По его словам выходило, что это был один из чудеснейших саркофагов во всем мире. Он принадлежал будто бы дочери Рамзеса I. Сделан он был из черного базальта, причем так тщательно, что полностью воспроизводил формы почившей принцессы. Старик утверждал, что в твердом камне четко виднелись даже ногти на руках и ногах. Вся поверхность саркофага — от головы до пят — была покрыта древнеегипетскими иероглифами.

— И где же он теперь? — поинтересовался я.

В ответ я услышал невероятную историю. Оказывается, в 1923 году после продажи мавзолея все гробы с телами высокородных герцогов извлекли из ниш, погрузили на телегу и вывезли в чистое поле рядом с городским кладбищем Гамильтона. Этой постыдной участи сумели избежать лишь одиннадцатый и двенадцатый герцоги: по просьбе герцогини Монтроз (дочери того самого двенадцатого Гамильтона) их тела транспортировали на остров Аран и захоронили там. Остальных герцогов закопали в общей могиле даже не на кладбище, а в поле. Среди них оказался и несчастный

Александр Гамильтон в своем бесценном базальтовом саркофаге.

— Нет, вы когда-нибудь слышали нечто подобное? — возмущался старик-смотритель.

Я отправился на кладбище, которое значительно расширилось за последние годы. Теперь пресловутое поле уже входит в территорию кладбища. На могиле стоит общая табличка, в которой указываются фамилии всех шестнадцати герцогов. Здесь лежит Гамильтон, в 1712 году погибший от руки лорда Мохэна во время знаменитой дуэли в Гайд-парке. С ним вместе похоронен шестой герцог, который был женат на одной из прекрасных сестер Ганнинг. Я отыскал имя десятого герцога Гамильтона — создателя, увы, недолговечных дворца и мавзолея. Этот человек был лордом-распорядителем на коронациях Вильгельма IV и королевы Виктории. Он являлся носителем двух титулов маркиза, трех графских и восьми баронских титулов. В возрасте сорока трех лет он женился на Сюзанне Юфимии — младшей дочери Уильяма Бекфорда, легендарного автора романа «Ватек». И такой человек покоится в общей могиле вместе со своим гробом, который сейчас уже стоит, наверное, 50 тысяч фунтов стерлингов. Всего в нескольких ярдах оттуда, сразу за кладбищенской стеной, громоздятся дымящийся шлаковый отвал и огромное колесо на входе в шахту... На мой взгляд, это великолепный урок на тему тщеты человеческих амбиций!

После кладбища я отправился в расположенный по соседству парк Кэдзоу, в котором обитало последнее стадо диких белых коров — тех самых, что бродили по шотландским просторам во времена древних римлян. Парк Кэдзоу — одно из самых замечательных мест в Шотландии. Только что вы находились в промышленном городе и вдруг попадаете в уголок нетронутой природы, остаток древнего Каледонского леса, который раньше

простирался от Клайда до самого Приграничья. Здесь растут дубы-великаны, хотя от половины из них сохранилась лишь внешняя оболочка. Одно из деревьев — «Дуб Уоллеса» — имеет такое гигантское дупло, что в нем свободно помещаются восемь человек. Шлепая по сырой траве и глядя на эти древние деревья, которые тянули свои корявые сучья к небу, я подумал: вот идеальное место для «проклятой пустоши у Форреса»<sup>[54]</sup>.

Я подошел к воротам, на которых красовалось объявление «Осторожно! Дикие коровы представляют опасность», перелез через них и углубился в парк. Долгое время мне не удавалось увидеть никаких диких коров. Я прошел, должно быть, три мили по мокрой траве, прежде чем эти неуловимые животные внезапно возникли передо мной. Они выглядели настолько опасными, насколько может быть опасным дикий скот! Коровы были чисто белыми с черными мордой, ушами и копытами. Они в большей степени походили на американских бизонов, чем на обычных хайлендских коров.

Эти животные являются последними представителями вымирающей породы. В некоторой степени эту честь с ними разделяют чиллингемские коровы из Нортумберленда. Но там порода выражена не столь явно, поскольку в ходе селекции черными отметинами жертвовали в пользу случайно возникшей розовоухой разновидности. В парке же Кэдзоу с этим строго: мне рассказывали, что все телята, имеющие хоть малейшие отклонения от идеального экстерьера, безжалостно уничтожаются.

Недалеко от маленького, но столичного города Эйр, поблизости от знаменитого моста через реку Дун, на обочине дороги стоит старая глинобитная хижина. В ней в 1759 году родился Роберт Бернс.

Этот маленький домик с низкими белеными стенами и соломенной крышей является центром паломничества многих поклонников поэта. В этом смысле он похож на Стратфорд-на-Эйвоне, хотя я бы сказал, что Бернс значит для Шотландии больше, чем Шекспир для Англии. В то время как англичане глубоко почитают Шекспира, Бернса попросту любят.

Культ Шекспира в Англии носит несколько академический и холодный оттенок (если речь не идет об откровенном лицемерии) — и, между прочим, вспомните, где находится Шекспировский театр<sup>[55]</sup>. В то же время Бернс и поныне остается теплой и живой частью повседневной жизни шотландцев. Всякий раз, когда вижу кипящий чайник на очаге шотландца, я вспоминаю Бернса, ведь он был певцом обычных вещей и вложил в них частичку своей души. Я уверен, если бы он избрал себе участь драматурга, то целая сеть театров Бернса раскинулась бы по всей Шотландии.

Ведь Бернс воплощал в себе не традицию, а живую силу. Шотландцы повторяют его стихи, каждое слово, сказанное Бернсом, продолжает жить в народе.

Для англичанина встреча с настоящим бардом — экстраординарное событие. Мы часто используем данный термин, но, по сути, не знаем, что он означает. Ведь у нас, в Англии, много поэтов, но нет ни одного барда. Скажу больше, у нас есть первоклассные поэты, уровнем выше, чем Бернс. Но ни один из них не повлиял на наши жизни так, как повлиял Роберт Бернс на жизни шотландцев. Его, конечно же, бессмысленно сравнивать с Шекспиром: второй — всемирно известный художник слова, принадлежащий всему человечеству; первый — поэт местного значения. Если уж с кем и



сравнивать Бернса, так с Данте: итальянец был певцом своего города, шотландец — своей округи. Данте писал на тосканском диалекте, Бернс — на провинциальном наречии.

В то время как сэр Вальтер Скотт открыл свою страну окружающему миру, Бернс объяснил Шотландию самой себе. Многие из тех, кто не прочел ни одной строчки из Бернса, тем не менее его цитируют. А все потому, что его песни носятся в воздухе, его стихи звучат в домашней обстановке, возле камелька. Порой глядишь на человека весьма скромного происхождения и образования и гадаешь: откуда он взял эти строчки из Бернса — из прочитанной книжки или же запомнил с детства и на всю жизнь. Я не знаю ни одного английского поэта, чьи стихи, фигурально выражаясь, лежали бы у камина, свернувшись клубком, как старый верный пес. Увы, как я уже сказал, у нас в Англии нет своих бардов.

Лично я воспринимаю Бернса как шотландского Пана (и полагаю, Хенли задолго до меня пришел к такому же выводу!). Он был подвержен всем языческим соблазнам, и это стало естественной реакцией на воинствующий кальвинизм той эпохи. Я легко могу вообразить, какую нечестивую радость доставляли бы мне стихи Бернса — а он всю жизнь пел хвалу вину, женщинам и поэзии, — живи я в тогдашней Шотландии и страдая от перегибов старорежимного пресвитерианства.

Столетия религиозных репрессий сказались на характере и творчестве этого человека. По сути, он стал единственным всплеском чувственной гуманности и простодушной радости жизни, который Шотландия позволила себе со времен реформации. Бернс постоянно дразнил гусей, щелкал своими языческим пальцами перед носом у мрачной церкви, у злобного и уродливого, недалекого и злопамятного, у вечно сующего свой нос в чужие дела бога шотландских лавочников. Они были

антагонистами — этот мстительный бог и поэт. Ведь Бернс любил жизнь во всех ее проявлениях, с готовностью раскрывал объятия природной красоте. Он был фавном, родившимся в век штиблет с резинками. Он много грешил в жизни, однако периодически наследственность и воспитание брали верх, и тогда Бернса одолевали угрызения совести и приступы почтительности перед мрачной моралью. Неоднократно случалось, что пророческий запах серы достигал ноздрей поэта и заставлял на время отказаться от обычной беспутной жизни. В конце концов это обычное дело! Покажите мне такого шотландца, который, шествуя «стезей веселья в вечный огонь ада»<sup>[56]</sup>, время от времени не останавливался бы на этом пути и не прислушивался к далекому перезвону церковных колоколов. А Бернс был шотландцем до мозга костей! Для него самого было бы лучше, если бы он не афишировал свои пантеистические эскапады, а жил тихо-спокойно и по воскресеньям, как все, ходил на праздничную службу в церковь. Но нет, он не мог поступать, как все. Только два человека в истории Шотландии открыто, не скрываясь, шли на адюльтер: Босуэлл и Бернс. Первый привык не обращать внимания на общественное мнение, второму было плевать на себя. Из этого вовсе не следует, что эти двое были похожи. Демонстративное пренебрежение к общепринятым нормам морали — единственное, что их роднило, и, скорее всего, это простое совпадение.

Бернс мне видится наиболее привлекательным и в некотором смысле наиболее достойным сочувствия персонажем шотландской истории. По масштабам своей жизненной драмы он вполне достоин стоять плечом к плечу с Марией Стюарт, и кстати, мне почему-то кажется, что эти двое прекрасно ладили бы между собой! Бернс на протяжении всей жизни сохранял некую по-детски невинную душевную обнаженность. Никто не

смеет судить поэта, пока не прочтет его писем и стихов (причем опубликованных в первоначальном виде, без редакторских купюр). Бернс поразительно искренен. Даже пытаясь рисоваться, он выдает себя самым характером своих претензий. По сути дела, он был простым крестьянином, которому выпала нелегкая обязанность стать голосом своего народа, озвучить чаяния многих поколений безмолвных крестьян. Его стихи — простые, грубоватые и жизнерадостные — стали средством выражения всех тех печалей и радостей, которые на протяжении веков безмолвным грузом лежали на душе у простых шотландцев. И Бернс блистательно нарушил это молчание! За тридцать шесть лет жизни он умудрился воспеть все то, что копилось веками и что другие шотландцы (в точности похожие на него) выразить не сумели. Немудрено, что он прожил так мало. Слишком уж большая нагрузка для одного-единственного голоса! Многие критики считают, что Бернс родился не на своем месте. Что, окажись он в положении Байрона, жизнь поэта сложилась бы куда счастливее. Не знаю, не знаю... Бернс ведь в первую голову (да и в последнюю тоже!) был крестьянином. И обладай он возможностями Байрона, это вряд ли сделало бы его более счастливым. А срок жизни обоим отпущен одинаковый.

Если рассуждать чисто по-человечески, то из всех сынов Шотландии Бернс был, пожалуй, самым ярким и привлекательным. Многие последующие поколения респектабельных лавочников пытались втиснуть его в общепринятые каноны, изобразить добропорядочным шотландским христианином. Напрасное занятие! Бернса затруднительно представить себе почтенным, уважаемым гражданином — по крайней мере в том смысле, в каком это слово понимает церковный староста. Аморальное поведение Бернса, грехи Марии Стюарт и пьянство Красавца Принца Чарли в последние

годы жизни — вот три момента, которых гордые шотландцы предпочитают не касаться в разговоре. Не было этого, и все! Кальвинистская церковь, выросшая на основе католической нетерпимости, вообще отказывается обсуждать темы, из которых невозможно вывести должной христианской морали (понимай, восславить добродетель). А в случае с Бернсом это, мягко говоря, весьма и весьма затруднительно. Тот факт, что принц Чарли на склоне жизни напивался пьяным и поколачивал жену, наверное, можно как-то объяснить. Однако трудно придумать оправдание Бернсу, когда речь заходит о его незаконнорожденных детях. Он по крайней мере мог бы предаваться страсти тайно, не разглашая свои скандальные похождения. Это существенно бы облегчило задачу его потомкам, желающим обелить память поэта и ввести его в круг добропорядочных мещан. Странно, но я почему-то не могу отделаться от мысли, что Джон Нокс скорее бы понял Бернса, чем какого-нибудь среднестатистического пресвитера кальвинистской церкви.

Недавно мне довелось прочитать любопытное замечание по поводу чисто гэльского экстремизма шотландцев, которые с одинаковым энтузиазмом воспринимают и Бога Кальвина, и пантеизм Роберта Бернса. Какова же их истинная религия? Ведь невозможно примирить одно с другим. А ни один порядочный пресвитер не допустил бы Бернса в свое жилище. Какое право имеет этот распутный пьяница и соблазнитель находиться в благочестивом доме! С другой стороны, кто возьмется утверждать, будто Генеральная ассамблея пресвитерианской церкви — более значимое событие в Шотландии, нежели Ночь Бернса? Не стану дальше развивать эту мысль, иначе эдак я скоро договорюсь до того, что именно Пан (а вовсе не Моисей) является признанным пророком Севера.

Как поэт Бернс представляет собой неизменную загадку для англичан. Его произведения служат лишним доказательством того, что шотландцы — совершенно чуждая для нас нация. Средний англичанин не способен понять стихи Бернса, даже вооружившись глоссарием. А если средний англичанин чего-то не понимает, то он этому не доверяет.

Сегодня, когда к списку современных тиранов добавилось еще и радио, все население Британских островов имеет возможность двадцать пятого января присутствовать (пусть и заочно) на торжественном приеме в Клубе Бернса. И вот англичане слушают трансляцию из Шотландии, где под звон бокалов льются бесконечные речи с нагромождением непривычных «р-р», и искренне недоумевают: действительно ли эти сумасшедшие шотландцы искренне верят в то, что говорят, или же просто пользуются благовидным предлогом, чтобы напиться? Сами-то англичане предаются послеобеденному патриотизму лишь несколько раз в году, в дни памятных исторических побед. Ну не странно ли, что шотландцы — в общем-то трезвая и здравомыслящая нация — поднимают такой шум из-за какого-то поэта! Трудно себе представить, чтобы весь цвет английского бизнеса собрался вместе с местными баронетами, «шишками» из торговой палаты и духовенством ради того, чтобы поднять бокал за здоровье Шекспира, Мильтона или даже Шелли.

Следует признать, что иностранцев вообще обескураживает непомерная любовь шотландцев ко всяческим литературным обществам. Здесь практически в каждом городе есть общество Бернса, общество Стивенсона и общество Скотта. Я абсолютно уверен: стоит только какому-нибудь достаточно знаменитому шотландскому писателю скончаться, как тут же в Эдинбурге или Глазго соберутся его почитатели и примут решение образовать очередное литературное

общество. Наверняка от такой участи не застрахован даже сэр Джеймс Барри (хоть он и покинул Шотландию ради Англии).

Некоторые англичане, черпающие свое представление о шотландцах из юмористического «Панча», считают явной аномалией тот факт, что такая практичная нация, как их северные соседи, делает культ из кучки национальных идеалистов. Для шотландцев было бы естественнее сформировать Общество Макадама или же Общество Макинтоша — в честь изобретателя непромокаемого дождевика. А еще правильнее (опять же, опираясь на образ, созданный «Панчем») было бы организовать Обеденный клуб Паттерсона, дабы почтить память основателя Банка Англии! Но повальное увлечение шотландцев литературой (да еще вкупе с фанатичным стремлением задним числом обелить некоторых ее представителей) воспринимается беспристрастными наблюдателями как некая эксцентричность общественной жизни Шотландии. Никто из этих независимых наблюдателей не взял на себя труд проанализировать: помогает ли такое полуофициальное поклонение лучшему пониманию литературы, или, может быть, организованные почитатели слишком заняты организацией нескончаемых обедов в честь своего кумира, чтобы читать его книжки. Однако факт остается фактом: литературные общества в Шотландии процветают, и тенденция эта требует своего объяснения.

Я уже высказывал мысль, что у шотландцев особый талант к созданию военных мемориалов. Сознание каждого шотландца уже само по себе национальный мемориал. Если добавить к этому клановый дух и крайне сильный местный патриотизм, то вы сможете понять человека, который за всю свою жизнь не прочел ни

строчки из Стивенсона, но тем не менее является самым ревностным членом его литературного сообщества.

Как жалко подчас выглядят дома, в которых увидели свет гении. Маленькая хижина, которую отец Бернса собственными руками построил у обочины дороги на Аллоуэй, сегодня с выражением легкого удивления взирает на современный домище, возведенный по соседству. В этом доме собрано множество разрозненных предметов, так или иначе связанных с жизнью великого поэта.

Я миновал турникет. Сопровождать меня взялся старичок-смотритель. Он благоговейно снимал фланелевые покрывала с застекленных витрин и демонстрировал личные письма и рукописи Бернса. Старик на память цитировал произведения поэта, и никогда еще я не слышал такого грамотного и проникновенного чтения. Он придавал значение каждому слову. В музее хранилась часть первоначальной рукописи «Тэма О'Шентера», семейная Библия Бернсов и множество хрупких страничек, исписанных коричневыми чернилами и посвященных путешествию поэта по Хайленду.

Кто-то заглянул в комнату и вызвал моего гида на несколько слов. Я остался один на один с типичной музейной экспозицией, представлявшей собой случайное сборище старых книг с личными посвящениями Бернса, фрагментов его переписки с различными людьми, кусочков стекла, на которых он алмазом нацарапал несколько слов. Все эти экспонаты помогают благодарным потомкам как-то приблизиться к давно умершему гению. Я подумал: какую блистательную поэму мог бы написать Роберт Бернс по поводу «Музея Роберта Бернса»!

Старик вернулся, дабы завершить экскурсию, но я почувствовал, что он утратил ко мне интерес. До того,

как его вызвали из комнаты, он горел желанием показать мне абсолютно все. Теперь же казалось, будто он хочет поскорее меня выпроводить и запереть музей. Мы подошли к очередной витрине — на ней лежал текст «Стихов о Мэри, которая ушла на небеса». Смотритель остановился и начал декламировать:

Уходит медленно звезда,  
Встречая розовый рассвет,  
Напоминая, как всегда,  
О том, что Мэри больше нет  
Моя возлюбленная тень,  
Ты знаешь ли в ином краю,  
Что для меня померкнул день,  
Что плач терзает жизнь мою?[\[57\]](#)

Мне это наскучило. Я предпочел бы, чтобы этот человек со своим чудесным голосом почитал что-нибудь на родном шотландском наречии. Только я было собрался вежливо прервать зрителя, как заметил, что глаза его полны слез. Он стоял передо мной в лучах послеполуденного солнца и выглядел таким потрясенным, что мне сделалось стыдно за свое нетерпение. Справившись с волнением, старик перешел ко второй строфе, затем к третьей... Он прочитал все стихотворение, и снова я подумал, что никто еще не вкладывал столько чувства в старую погребальную песнь. Голос его дрожал от слез, и я почувствовал себя очень неуютно, осознавая свою беспомощность перед лицом чужого горя. Что же все-таки происходит? Было ясно, что простая декламация стихотворения Бернса не могла так расстроить старика. А он тем временем продолжал:



С годами вижу все ясней  
Тебя, угасшую навек.  
С годами воды все сильнее,  
Все глубже роют русла рек.  
Моя возлюбленная тень,  
Ты знаешь ли в ином краю,  
Что для меня померкнул день,  
Что плач терзает жизнь мою?

Слезы собирались у него в уголках глаз и скатывались по морщинистым щекам.

— Прошу простить, — сказал старик, — я только что узнал, что моя жена умерла...

После такого известия я поспешил ретироваться. Однако перед этим у нас состоялся знаменательный разговор. Старик сообщил, что жена его скончалась на операционном столе и, отвернувшись — так, чтобы я был избавлен от необходимости смотреть ему в глаза — добавил:

— Знаете, в стихах Бернса есть все — на любые случаи жизни, как хорошие, так и плохие. Я обнаружил в них сочувствие. Наверное, Бернс хорошо понимал, что должен чувствовать человек в такую минуту...

Остановившись взглядом окинул он помещение музея. Машинально набросил покрывало на витрину с рукописями, посмотрел на портрет Горянки Мэри. Затем, как бы очнувшись от забытья, старик встрепенулся и указал на стоявшую в сторонке хижину Бернса.

— Наверное, вам придется сходить туда самому, — произнес он. — Если вы, конечно, не возражаете...

Какие тут могли быть возражения! Я был только рад уйти и оставить старика наедине с его горем. Я брел по дорожке и думал: как странно, в эту печальную минуту, что рано или поздно наступает у всех в жизни, Бернс

снискал дань уважения, которая стоит признания десятков академических критиков.

#### 4

Я уже отметил, что родной дом Бернса стоит у дороги и взирает на мир с робким удивлением. То же самое безропотное выражение написано на лице дома Шекспира в Стратфорде-на-Эйвоне. Так и кажется, будто оба этих скромных жилища вырвали из их привычного мира (в котором они выглядели вполне уместными) и поставили на службу вековому почитанию.

Свой новый священный долг они принимают с видимым смущением. Оно и понятно: маленькая белая мазанка, сложенная из плитняка, в прошлом вообще ничего не стоила и вдруг стала важной для всего мира. Люди старательно отреставрировали колченогие стулья, кровать в алькове, на которой когда-то родился Роберт Бернс, и прочую разрозненную грошовую мебель. Они почтительно взирают на весь этот хлам, сдувают с него пылинки и тем самым создают странную атмосферу нереальности происходящего. Пустующие особняки выглядят не так противоестественно, как эти убогие хижины, которым самой судьбой предназначено везти тяжкий воз труда и нищеты. Праздность выглядит органично в роскошном дворце, а эти жалкие халупы с самого момента своей постройки привыкли к непрестанному труду. Отсутствие работы для них равносильно смерти! Я подумал: если в домике и водятся призраки, то это, должно быть, крайне огорченные и озабоченные призраки. Мне легко себе представить, как покойная миссис Бернс озадаченно покачивает головой: да что же такое случилось с ее старым домом? Какие непонятные чары наложило на него время? И зачем сюда приходят все эти мужчины и

женщины, которые с трепетом прикасаются к старому креслу и со слезами на глазах заглядывают в расположившийся напротив очага темный альков? Во имя всего святого, пусть ей объяснят, что здесь происходит! Вот интересно, удивилась бы покойница, если бы узнала, что Шотландское общество Бернса выложило за ее ветхую хижину четыре тысячи фунтов? Скорее всего, она как истинная шотландка объявила бы это греховным расточительством и не на шутку рассердилась.

А что уж говорить про семейную Библию за тысячу семьсот фунтов!

Здесь, под крышей этого дома, Китс написал откровенно неудачный сонет и письмо к Рейнолдсу, в котором высказывал совершенно удивительную мысль в отношении Бернса (во всяком случае ничего более удивительного мне читать не доводилось).

Мы отправились к аллоуэйскому «пророку в своем отечестве» — писал Китс, — подошли к домику и выпили немного виски. Я написал сонет только ради того, чтобы написать хоть что-нибудь под этой крышей; стихи вышли дрянные, я даже не решаюсь их переписывать. Сторож дома надоел нам до смерти со своими анекдотами — сущий мошенник, я его просто возненавидел. Он только и делает, что путает, запутывает и перепутывает. Стаканы опрокидывает «по пять за четверть, двенадцать за час». Этот старый осел с красно-бурой физиономией знал Бернса... да ему следовало бы надавать пинков за то, что он смел с ним разговаривать! Он называет себя «борзой особой породы», а на деле это всего лишь старый безмозглый дворовый пес. Я бы призвал калифа Ватека, дабы тот обрушил на него достойную

кару. О вздорность поклонения отчим краям! Лицемерие! Лицемерие! Сплошное лицемерие! Мне хватит этого, чтобы в душе заболело, словно в кишках. В каждой шутке есть доля правды. Все это, может быть, оттого, что болтовня старика здорово осадила мое восторженное настроение. Из-за этого тупоголового барбоса я написал тупой сонет. Дорогой Рейнолдс, я не в силах расписывать пейзажи и свои посещения различных достопримечательностей. Фантазия, конечно, уступает живой осязаемой реальности, но она выше воспоминаний. Стоит только оторвать глаза от Гомера, как прямо перед собой наяву увидишь остров Тенедос; и потом лучше снова перечитать Гомера, чем восстанавливать в памяти свое представление. Одна-единственная песня Бернса будет ценнее всего, что я смогу передумать на его родине за целый год. Его бедствия ложатся на бойкое перо свинцовой тяжестью. Я старался позабыть о них — беспечно пропустить стаканчик тодди<sup>[58]</sup>, написать веселый сонет... Не вышло! Он вел беседы со шлюхами, пил с мерзавцами — он был несчастен. Как это часто бывает с великими, вся его жизнь с ужасающей ясностью предстает перед нами в его творениях, «как будто мы поверенные Божьи»<sup>[59]</sup>.

Даже не говоря о блистательной фразе «поверенные Божьи», это изречение ценно тем, что является полностью исчерпывающим по теме «Роберт Бернс». Да и для чего, скажите на милость, нужно описывать жизнь поэта? Я понимаю: его личность столь привлекательна, что как магнитом притягивает биографов. Но стоит ли пытаться улучшить то, что уже сделано превосходно?

Стихи Бернса являются лучшей его биографией. И, читая их, мы и впрямь ощущаем себя «поверенными Божьими».

Покидая маленький белый домик, я думал: если бы Бернсу представилась возможность вернуться на землю — ненадолго, на часок, чтобы успеть написать единственное стихотворение, то он наверняка провел бы этот час в своем родном доме на обочине Аллоуэйской дороги. Хотел бы я прочесть это стихотворение...

## 5

Поклонников Бернса можно считать счастливыми по сравнению с другими литературными пилигримами. Если бы вы задались целью совершить тематическое путешествие «По следам Шекспира», вам пришлось бы плутать в потемках.

Иное дело с Бернсом: уж здесь-то никаких неясностей, вы движетесь по маршруту в ослепительном сиянии топографических фактов. Графства Эйршир и Дамфрисшир буквально усеяны названиями, связанными с «бернсианой» (ужасное название, столь милое сердцу издателей). Когда вам надоест обходить здания, освященные встречей с великим бардом, вы можете для разнообразия заняться возложением венков на могилы героев произведений Бернса. Никогда еще поэт не оставлял столько памятных мест для грядущих поклонников.

«Бернсиана» начинается в Килмарноке. Здесь в 1786 году Джон Уилсон издал первый том стихов Роберта Бернса. Старая церковь Килмарнока (позже, правда, перестроенная) стала той самой церковью, которую поэт описал в своем «Рукоположении». А местная гостиница «Ангел» фигурирует в том же стихотворении под названием «У Бегби». На церковном кладбище можно видеть эпитафию «Тэма Сэмсона», написанную самим

Бернсом. В Кей-парке возведен Мемориал Бернса, здесь же находится музей, в котором хранится принадлежавшая поэту доска для игры в шашки.

Следующее созвездие названий сосредоточено вокруг Мохлина. Здесь раскинулись сто восемнадцать акров земли, которые Бернс приобрел вместе со своим братом Гилбертом. Поле, на котором трудился поэт, позже перекочевало в его стихи. Неподалеку располагается Бэллохмил-хаус, упоминающийся в двух стихотворениях — «Берегах Бэллохмила» и «Девушке из Бэллохмила». А еще чуть в стороне стоит Кэтрин-хаус, в котором Бернс обедал накануне своего знаменитого литературного триумфа в Эдинбурге.

В нескольких милях от этого места находится Тарболтон: в этом городке Бернс вступил в масонское общество и организовал собственный «Клуб холостяков». Здесь еще сохранилась мельница, которую поэт упоминает в стихотворении «Смерть и доктор Горнбук». А всего в полумиле от Тарболтона на холмах стоит замок Монтгомери, где таинственная Мэри Кэмпбелл — «Горянка Мэри», как любовно называл ее Бернс — работала на молочной ферме. Неподалеку от слияния рек Эйр и Фэйл установлен памятник поэту: здесь, по слухам, юный Бернс расставался со своей ненаглядной Мэри. Эта сцена очень любима горцами, ее можно видеть чуть ли не в каждой хижине Хайленда: Бернс замер на одном берегу реки, девушка на другом, и оба клянутся на Библии в вечной любви.

Рядом с Охинкруйвом стоит лес Леглен. Легенда утверждает, что именно в этом лесу скрывался Уоллес, и Бернс приезжал сюда, дабы выразить почтение национальному герою Шотландии.

Дальше мы попадаем в Эйр. Главные достопримечательности — гостиница «Тэм О'Шентер», а также Старый мост и Новый мост. В Аллоуэе, вы помните, стоит дом, где родился Роберт Бернс, возле

него — музей и памятник поэту. Здесь же располагается прелестно изогнутый мостик Бриг-О'Дун и «старая церковь с привидениями». На церковном кладбище Керкосвальда вам продемонстрируют могилы «Тэма О'Шентера» и «сапожника Джонни» (прототипами послужили реальные люди по имени Дуглас Грэм и Джон Дэвидсон). Судьба уготовила этой парочке самый странный вид бессмертия: они оказались затянутыми в орбиту славы поэтического гения, подобно мухам, законсервированным в куске янтаря.

Если город Эйр известен во всем мире как место рождения Роберта Бернса (деревушка Аллоуэй находится совсем рядом), то у Дамфриса своя стезя и своя слава: здесь мятежный гений обрел последний покой. В Дамфрисе вы сможете осмотреть дом поэта и его могилу, а также две таверны, куда часто заходил Бернс — «Глоб» и «Дыра в стене» (то же самое, что у нас «Распивочная»). В нескольких милях от города располагается колледж Линклуден, возле которого Бернса посетило его знаменитое «Видение Свободы». Здесь же неподалеку стоит ферма Эллисленд, где поэт некоторое время жил и работал (в частности, сочинил уже упомянутые «Стихи о Мэри, которая ушла на небеса»).

И это лишь краткий путеводитель по местам «бернсианы». Не сомневаюсь, что ревностные поклонники поэта найдут много иных достопримечательностей в графствах Эйр и Дамфрис — да тут можно сносить не одну пару башмаков, если поставить целью посетить каждый берег, каждый ручей или «хауфф» (постоялый двор), так или иначе связанные с именем Бернса. По сравнению с такой топографической избыточностью Вордсворт в Озерном краю выглядит просто кратковременным постояльцем. Имя Бернса настолько прочно ассоциируется с этой

частью Шотландии, что все прежние знаменитости вынуждены скромно удалиться из памяти потомков.

Благодарение Богу, что хоть Вальтер Скотт проживал не здесь, а в Твидсайте. В противном случае человеческий разум был бы не в состоянии разобраться в хитросплетениях этого литературного Хэмптон-Корта, а географическая карта Шотландии оказалась бы безнадежно запутанной!

## 6

В Дамфрисе уже стемнело, когда я вышел на улицу с тем, чтобы прогуляться до старого моста. Полагаю, это самый древний шотландский мост. Он был построен примерно в тринадцатом веке по приказу вдовствующей королевы Деворгиллы, той самой, которая основала оксфордский Баллиол-колледж. До чего же странные связи существовали между городами в древнем государстве!

Река Нит несла свои темные воды под живописным шестиарочным мостом, а чуть поодаль стоял выстроенный под другим углом, но выполняющий те же функции новый мост. Забавно, что все три «бернсовские» реки (Эйр, Дун и Нит) могут похвастать такой, в общем-то необычной, картиной: два моста, стоящие бок о бок — старый и новый.

Я проследовал через старый скотный рынок к Хай-стрит, на которой, как я помнил, стояла любимая таверна Бернса под названием «Глоб». Мне рассказывали (правда, так и не смогли показать письменных свидетельств), что как-то раз Бернс вышел из таверны, основательно нагрузившись на очередной пирушке. Он якобы поскользнулся на ступеньках и рухнул прямо в сугроб. В результате поэт подхватил сильнейшую простуду, которая и приблизила его смерть.



В наше время «Глоб» производит впечатление своеобразного храма: здесь культивируется дух веселых дружеских попоек, которые так любил «поэт-пахарь». Дамфрисские выпивохи, подобно жрицам-весталкам, пронесли через многие века алкогольный энтузиазм своего кумира. После того как я заглянул в бар и отдал дань местной традиции, меня повели осматривать заведение. В таверне царил всепоглощающий, почти фанатичный дух преклонения перед Бернсом. На протяжении нескольких поколений она принадлежала одной и той же семье, которая из уважения к великому поэту не хотела ничего менять в таверне. Даже вынужденное расширение бара воспринималось как оскорбление памяти Бернса. Это почитание носило самый искренний характер и никак не было связано с финансовой стороной дела. Результат превзошел все ожидания: в этом коммерческом заведении я чувствовал себя намного ближе к поэту, чем в торжественной обстановке старой аллоуэйской хижины. Разница была примерно та же, как между покинутым храмом и живой церковью.

Мне продемонстрировали любимый стул Бернса, отгороженный деревянной загородкой от посягательств недостойных потомков. Сохранилась также чаша для пунша и несколько других реликвий, которые бережно передавались от отца к сыну. Здесь же можно было видеть знаменитую надпись на стекле, которую Бернс нацарапал алмазом во славу какой-то своей знакомой.

— Некоторые американцы ужасно недоверчивы, — рассказывал мне человек, проводивший экскурсию. — Помнится, одна пожилая дама, увидев эту надпись, сказала: «А мне казалось, что Бернс был слишком беден, чтобы иметь алмазы». Забавно, что сейчас...

— И что же вы ей ответили?

— Ну, я посмотрел на нее и сказал: «Мне кажется, он был похож на вас, мадам. Своих алмазов у него не было,

зато имелись друзья с алмазами!»

Полагаю, такой ответ сокрушил американку.

Я спустился вниз, полюбовался на блеск старинной мебели красного дерева и решил, что этот древний паб занял бы достойное место в составе Национального мемориала Бернса. Здесь практически ничего не изменилось со времен поэта. И если бы сегодня Бернс заглянул сюда на огонек — промокший, замерзший, на взмыленном коне, — он нашел бы «Глоб» точно таким же, каким оставил его в 1796 году. Как бы в подтверждение моих мыслей из бара донесся взрыв громкого смеха и звон монет, падавших на деревянную стойку. Я направился внутрь. Помещение показалось мне чрезвычайно маленьким. За стойкой, где располагались полки с бутылками, и то было больше места, чем в самом баре. К тому же он оказался заполненным до предела (то есть, я хочу сказать, что там собралось человек девять местных жителей). Все, за исключением одного старика, были довольно молоды — лет тридцати с небольшим. Большая часть посетителей носила кепки. У одного из них (которого я про себя окрестил Джоком) на красной от загара шее был повязан черный шейный платок. Как я узнал позже, он трудился на строительстве дорог. Мое внимание привлек другой мужчина — мягкий, деликатный, с потрясающим чувством юмора и грустной улыбкой незрячего (полагаю, он потерял зрение где-то под Ипром). Все эти люди, за исключением старика, в прошлом были солдатами, и разговор крутился вокруг событий минувшей войны. В частности, обсуждалось, как трудно добираться из Франции в Шотландию, когда у тебя в запасе всего десять отпускных дней.

Хозяин таверны — огромных размеров шотландец, но не толстый, а крепкий, мускулистый — стоял за стойкой с засученными рукавами. Судя по всему, он хорошо знал посетителей и называл их по именам.

От него исходили волны добродушия, симпатии и юмора. Думаю, он бы пришелся по душе Бернсу. Он возился со стаканами и пивными кружками, но время от времени принимал участие в общей беседе, вставляя то меткое замечание, то какую-нибудь веселую историю.

Иностранцу не так-то легко вписаться в подобную компанию, и я с известным опасением вступил в комнату. Не знаю, как уж так получилось, но мне довольно скоро предложили выпить. А через четверть часа я оплачивал на редкость разнообразный набор алкогольных напитков: Джок пил ром с пивом, остальные предпочитали не смешивать эти напитки, кто-то и вовсе меня удивил, заказав себе виски с полквартой горького эля. Я почувствовал, что попал в самое сердце страны Бернса!

С некоторой долей сомнения я попытался перевести разговор на личность поэта (полагаю, если бы я упомянул имя Шекспира в стратфордском пабе, то ответом мне стало бы гробовое молчание!). Здешний народ, однако, с готовностью поддержал тему. Внезапно все наперебой стали что-то говорить о Бернсе! Англичане, наверное, не поверят, если я скажу, что каждый из присутствовавших оказался вполне сведущим специалистом по данному вопросу и без труда цитировал на память целые строфы из Бернса. Хозяин таверны веселил нас историями о различных забавных посетителях, которые собираются здесь в разгар туристического сезона. Лично я был немало удивлен, услышав, что среди иностранных поклонников поэта сыскалось немало японцев! Японские студенты, рассказывал хозяин, всегда желают обедать в комнате с панелями. Я выразил сомнение, но он уверил меня, что это установленный факт: Бернс действительно переведен на японский язык! И японские студенты неизменно декламируют его стихи во время обеда в комнате с панелями.

— О Господи, и как же это звучит? — изумился я.

— А знаете, не так уж и плохо! — великодушно признал хозяин.

— Да уж наверняка не так плохо, как «Шотландский виски» в исполнении Джока! — добавил кто-то со смехом.

Надеюсь, Джок на меня не обидится, если я скажу: миг был исключительно подходящий для данного стихотворения. Он действительно поднялся и начал декламировать с жестким, как шотландская ель, акцентом:

Пускай поэты в споре рьяном  
О лозах, винах, Вакхе пьяном,  
Шумят; и рифмой и романом  
Наш режут слух,  
Я воспеваю над стаканом  
Шотландский дух<sup>[60]</sup>.

Джок читал медленно, но решительно. Порой он сбивался и тогда закрывал глаза, стараясь припомнить слова. Во время одной из таких заминок сидевший рядом мужчина обратился ко мне с вопросом:

— Вы понимаете, что значит «o'lug»? Ну да, это «слух»! А «Scotch bear» — знаете, что такое? Виски! «Ячменное пиво» и есть виски.

Тем временем Джок с грехом пополам добрался примерно до восьмой строфы. Пыл его заметно угас, а, слушая смех друзей, он вскоре и вовсе умолк.

— Когда Джок малость переберет, это всегда видно, — прошептал мой сосед. — Он начинает читать стихи, и его невозможно остановить. Сегодня, судя по всему, он еще не достиг кондиции!

Снаружи раздался шум, кто-то распахнул дверь и стал требовать пианиста. Мне объяснили, что каждый

четверг в «Глоб» собирается народ, «чтобы немного попеть». Из соседней комнаты пришли за слепым солдатом и чуть ли не силой повели его к пианино. Там уже ждали: солидная компания расположилась с пивными кружками за столами и, похоже, сгорала от нетерпения. Слепец сел за инструмент и заиграл с неожиданным чувством. Понятно, что по качеству звука это пианино не соответствовало стандартам Альберт-холла, но наш исполнитель знал, как с ним управляться. Один из его друзей сообщил мне, что на пианино он научился играть уже после того, как ослеп. Чтобы не сидеть без дела, как выразился мой собеседник.

Это был странный концерт. Простенькие современные песенки из репертуара мюзик-холла перемежались неустаревающими шедеврами вроде «Анни Лори» и «Лох-Ломонда». Во время наступавших пауз пальцы пианиста, казалось, бесцельно бродили по клавиатуре. Но затем из случайных аккордов незаметно оформлялась знакомая мелодия, и кто-нибудь обязательно начинал подпевать. Вот и сейчас молодой парень залпом осушил свой стакан и встал возле пианино:

Гнал он коз  
Под откос,  
Где лиловый вереск рос,  
Где ручей прохладу нес, —  
Стадо гнал мой милый.

Пойдем по берегу со мной.  
Там листья шепчутся с волной.  
В шатер орешника сквозной  
Луна глядит украдкой...

Но он ответил мне: — Пока  
Растет трава, течет река

И ветер гонит облака,  
Моей ты будешь милой![\[61\]](#)

Что-то невыразимо трогательное было в той неотвратимости, с которой снова и снова всплывали стихи Бернса. Обычный самодеятельный концерт перерастал в вечер памяти великого поэта. Время от времени звучали более современные вещи, но пианист неизменно возвращался к Бернсу, и всегда в зале находился человек, который — пусть неумело, но с душой — подхватывал песню. Было видно, что люди, собравшиеся этим вечером в «Глоб», гордятся своим творческим сообществом (хоть и не говорят об этом вслух). Они все были поклонниками Бернса. И не только потому что Бернс великий поэт. Но еще и потому, что все, что они о нем читали или слышали, доказывало: этот человек такой же, как они сами. Отличный парень, всегда готовый забежать в гости к другу и поделиться последними новостями. Я понимал это, однако знал: даже если бы Бернс и не был таким насквозь родным и понятным, они все равно пели бы его песни! Потому что эти песни нравятся им больше всего. Я уверен: нет в мире другого поэта, который был бы столь же тесно связан с обычной, повседневной жизнью своих соотечественников.

Мне кажется, что даже Ночь Бернса — с обязательным хаггисом, с бесконечными панегириками и проверенными временем песнями — не столь красноречиво свидетельствует о «бессмертной памяти» поэта, как эта рядовая сходка простых рабочих и механиков в старой таверне Дамфриса.

Я вернулся в крохотный бар. Джок был на ногах: одна рука простерта вперед, на лице — серьезное и вдохновенное выражение. Не обращая внимания на смех

и оскорбительные комментарии, он декламировал нараспев:

Сильнее красоты твоей  
Моя любовь одна.  
Она со мной, пока моря  
Не высохнут до дна...

Новые взрывы смеха и крики: «Довольно, Джок! Садись!» И еще: «Да ладно тебе, Джок! Даже если моря высохнут до дна, это не мешает тебе читать стихи. Так что можешь не беспокоиться...»

Джок — устремив остановившийся взгляд на невидимую чаровницу — невозмутимо продолжал:

Не высохнут моря, мой друг,  
Не рушится гранит,  
Не остановится песок,  
А он, как жизнь, бежит...

— Джок! Ты слышал, что тебе сказали? Сядь на место!

— Джок! Ты усядешься наконец? Или тебя вышвырнуть отсюда?

— Джок! Тебе пора домой!

Это вышибло Джока из состояния сентиментального экстаза, и он взревел громовым голосом: «Все не так!» Затем вновь вернулся к прежнему прочувственному тону и продолжал декламировать, плавно размахивая рукой:

Будь счастлива, моя любовь,  
Прощай и не грусти.  
Вернусь к тебе, хоть целый свет  
Пришлось бы мне пройти![\[62\]](#)

Закончив стихотворение, он послал воздушный поцелуй в адрес воображаемой возлюбленной и резко уселся в кресло. Затем обернулся в мою сторону и, наставив на меня указательный палец, произнес запальчивым тоном:

— Я читал Робби Бернса для тебя, парень! Теперь можешь уезжать в свою Англию и всем рассказывать, что ты слышал, как настоящий шотландец читает родную поэзию. Ты меня понял? И скажи своим друзьям-англичанам, что во всем мире больше нет таких стихов! Усек?

Его поэтический пыл сменился на внезапную агрессию.

— Ты, может, со мной не согласен?

Я понимал, что возражать не стоит. Несмотря на изначальную симпатию (а мы явно понравились друг другу), этот парень, не задумываясь, двинет мне в челюсть. Поэтому я миролюбиво ответил:

— Конечно, согласен, Джок!

— Ну и отлично! Дай пять, дружище!

Теперь Джок вовсе не выглядел злобным или пьяным. В нем было что-то от бога-олимпийца: он взирал на мир с высот своего добродушия и находил его вполне сносным. Он даже готов был любить такой мир! Джок пребывал в том настроении, в каком мы видим рыцарей, и судей, и университетских профессоров, и — не побоюсь сказать! — даже священников в Ночь Бернса.

В его тоне слышались доверительные нотки.

— Ведь мы все человеческие создания, так? Нет, ты мне скажи: так или не так?

— Конечно, так.

Джок придвинулся к столу и стукнул по нему кулаком.

— Вот и Робби Бер-р-нс был таким же!

И он огляделся с победным видом. Это был достойный финал! Последнее слово оратора. К этому



нечего было прибавить. И в тот миг мне показалось — ибо я никак не отношу себя к сторонникам запрета на алкоголь, — что мой друг Джок изрек неоспоримую истину. И тот факт, что сказал это он — именно Джок с его огромными грубыми ручищами и с красным, обветренным лицом бывшего солдата, Джок в своей дешевой кепке, надвинутой на сияющие, смеющиеся глаза, — показался мне куда важнее и значимее, чем пространные рассуждения Стивенсона, Хенли и Локхарта на ту же самую тему. Мне почудилось, что даже бутылки на полках склонились в знак одобрения, а мебель красного дерева особенно ярко засияла в знак согласия.

— Время, джентльмены! — раздался голос хозяина таверны.

— Как хорошо, что Бер-р-рнса уже нет в живых, — произнес кто-то из присутствующих. — Потому что он не стал бы стоять и спокойно смотреть, как попираются исконные права человека...

— Время, джентльмены!

— Спокойной ночи!

Джок поднялся из-за стола и запел:

Забыть ли старую любовь  
И не грустить о ней?

— Пошли, Джок! Самое время отправиться домой!

— Мы должны пожелать счастливого пути нашему гостю! — воскликнул Джок, указывая в мою сторону. Он снова запел, и постепенно все к нему присоединились. В крохотном баре звучала самая замечательная песня на свете:

И вот с тобой сошлись мы вновь.  
Твоя рука — в моей.

Я пью за старую любовь,  
За дружбу прежних дней!

За дружбу старую — До дна!  
За счастье прежних дней!  
С тобой мы выпьем, старина,  
За счастье прежних дней<sup>[63]</sup>.

— Спокойной ночи! Спокойной ночи всем!

— Спокойной ночи, Сэнди! Спокойной ночи, Бен!

Мы кучкой толпились на улице, когда хозяин таверны вышел на крыльцо и дернул за цепочку, которая гасила фонарь над входной дверью. И тут мы увидели, какая большая луна сияет над Дамфрисом. Ее мягкий, призрачный свет заливал старые площади и узкие переулки, образуя густые тени под скосами крыш и козырьками крылечек.

— Спокойной ночи, Сэнди!

— Спокойной ночи, Бен!

— Спокойной ночи, Джок!

Джок тронул меня за локоть.

— У вас есть свободная минутка? — вежливо спросил он. — Понимаете, я бы не хотел отнимать у вас время, но...

Мы прошли по маленькому переулку, где пряталось здание «Глоб», и остановились возле каменной ступеньки.

— Видите этот камень? — проговорил Джок, тыча пальцем в ступеньку. — То самое место, откуда бедняга Робби сверзился в снег незадолго до смерти. Да-да, та самая ступенька... вы смотрите прямо на нее. Да, дружище, та самая ступенька.

Джок сокрушенно покачал головой и вздохнул. В этом вздохе воплотилась вся слабость маленького

человека перед неисповедимыми превратностями жизни.

— Скажите, Джок, это все правда или просто легенда? — спросил я с живым интересом.

— Конечно, правда! Каждый младенец в Дамфрисе вам это подтвердит! Бер-р-рнс вышел в тот день из «Глоб», основательно нагрузившись виски (в те дни выпивка стоила совсем дешево), и решил немного прогуляться — ну, чтобы прийти в себя и в приличном виде вернуться к миссис Бернс. Однако он был ужасно пьян, его качало и шатало из стороны в сторону... вот и случилось несчастье. Его нашли только утром — совсем окоченевшего и больного. Конец настал старине Робби Бер-р-рнсу! Его отнесли домой, но это уже не помогло — вскоре он скончался, — Джок горестно вздохнул. — А ведь ему было всего тридцать семь! Как подумаю о тех книжках, которые он мог бы написать...

— Скажите, Джок, — решился я задать вопрос, — а вы поете его песни? Ну, сами для себя... когда работаете на дороге или еще где.

— О да, — ответил он со всей серьезностью. — Я уже говорил вам: для меня важна его человечность. И потом, скажите на милость, вы видали другого человека, который бы так понимал природу? Он ведь чувствовал каждую птичку, которая порхает за окном... и каждый цветок, который растет в саду. Робби все знал и понимал, и он не мог поступать неправильно...

— За это вы его и любите?

— Да, люблю! И поверьте, я не один такой! Знаете ли, сэр, я ведь не шибко образованный парень. Сегодня — слушая, как я читаю стихи — вы могли подумать, что я изучаю литературу. Ничуть не бывало! — воскликнул он с ожесточением, толкнув меня в плечо. — По мне, так эта чертова поэзия гроша ломаного не стоит. Но Бер-р-рнс — совсем другое дело! В свои стихи он описывал все, что видел вокруг... и все, что происходило с ним.

Понимаете, о чем я? Все, что он писал, было настоящее... и правдивое! И это тот самый камень, который убил нашего Робби Бер-р-рнса...

Мы дошли до Хай-стрит и там распрощались. Я смотрел, как Джок бредет по залитой лунным светом улице: руки засунуты в карманы, кепка надвинута под немыслимым углом на один глаз. Разок он обернулся и неопределенно махнул рукой в мою сторону. Пройдя несколько шагов, снова остановился — будто хотел что-то добавить к уже сказанному. Но затем передумал и пошел дальше.

Я стоял и думал: вот идет простой шотландский парень со своими мыслями и представлениями, со своими достоинствами, которые можно найти только у подлинной аристократии. Мне представилось, как он стучит тяжелым молотом в такт с мелодией песни. И прежде чем ночные тени поглотили удаляющийся силуэт Джока, в мозгу моем возникла еще одна картина: как он, запахнувшись в килт, шагает по дорогам Фландрии — под ту же самую мелодию.

Вечер выдался исключительно приятным, переполняло чувство близости и симпатии к этим веселым и открытым людям. Тем острее было ощущение ужасного одиночества, охватившее меня посередине пустынной дороги. Дамфрис спал, лишь вдалеке тархтел припозднившийся междугородный автобус.

Это был мой последний вечер в Шотландии. Завтра мне предстояло снова пересечь границу, но теперь уже по пути на юг. Я уезжал, увозя в своей душе сотни воспоминаний о Севере: о дружелюбных лицах и дружелюбных голосах, о щедрых шотландских хозяевах, великодушно уступавших место у своего очага, о том ощущении уюта и счастья, которое дарили такие встречи. Я знал, что карта этих островов навечно изменилась для меня. Север перестал быть абстрактным понятием. Теперь он наполнился особым смыслом,

включающим в себя теплоту чувств и глубину любви, которые останутся со мной до конца жизни. И в какие бы дальние края ни закинула судьба, меня всегда будет греть мысль о стране по имени Шотландия.

В тот самый миг, когда я стоял на темной площади Дамфриса, в моем кармане лежало письмо с такими словами: «Счастлив сообщить Вам, что маленький кусочек Вашей любимой Шотландии вполне успешно растет и зеленеет в лесу...» Дело в том, что я вывез с острова Скай маленький клочок зеленого моха и корешок первоцвета. Я отправил их на юг и распорядился, чтобы этот живой кусочек Шотландии посадили в лесу, на нашей английской почве. И вот теперь, перечитывая письмо, я представлял себе это место под раскидистым платаном. Вы скажете, сентиментальность? Ну и пусть, мне ни чуточки не стыдно! Для меня это живая связь с Шотландией, с простой и непритязательной красотой, которую я встретил по ту сторону от границы. И я вновь подумал о тенистых гленах и глубоких мрачных ущельях, о светлых ручьях, в которых плещутся медлительные коричневые осетры, о лиловых контурах могучих гор, которые четко выделяются на фоне неба. Мне припомнились маленькие хижины на западных холмах и торфяной запах дыма, который тянется из печных труб и легким облачком застаивается возле горящих каминов — последним напоминанием об эпохе мечей.

Вдоль ночной Хай-стрит стояли темные дома, лишь в одном из них светилось окошко. Оттуда доносились взрывы смеха — теплого смеха друзей, расходящихся после веселой вечеринки и желающих друг другу спокойной ночи. И в следующее мгновение (о, как часто мне доводилось слышать это на просторах Шотландии, от Эдинбурга до Абердина и от Инвернесса до Глазго!) в ночной тишине прозвучал национальный гимн,

вобравший в себя все тепло и дружелюбие этой прекрасной страны:

Забыть ли первую любовь  
И не грустить о ней?  
Забыть ли первую любовь  
И дружбу прежних дней?

За дружбу старую — До дна!  
За счастье прежних дней!  
С тобой мы выпьем, старина,  
За счастье прежних дней.

Новый взрыв смеха, гортанные голоса, пожелания спокойной ночи.

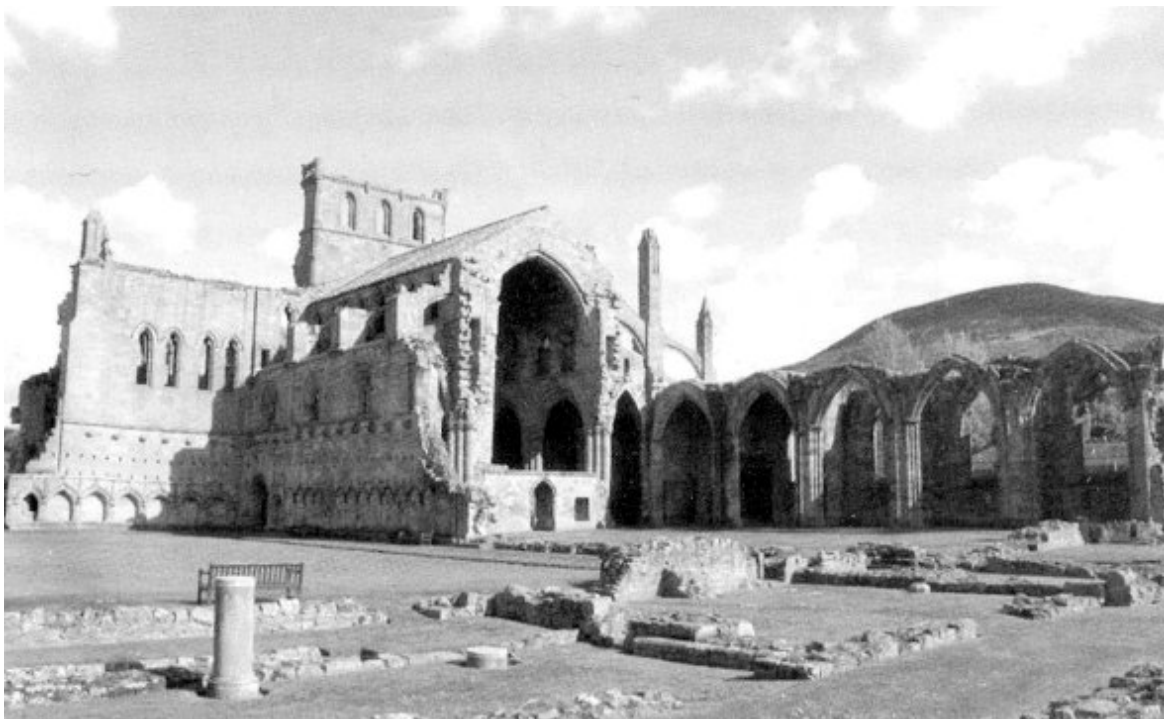
Затем наступила тишина...

И в этой тишине иностранец от всего сердца сказал Шотландии «спасибо и до свидания».

## Иллюстрации



*Картер-Бар. Указатель на границе Англии и Шотландии. Фото М. Башкатова*

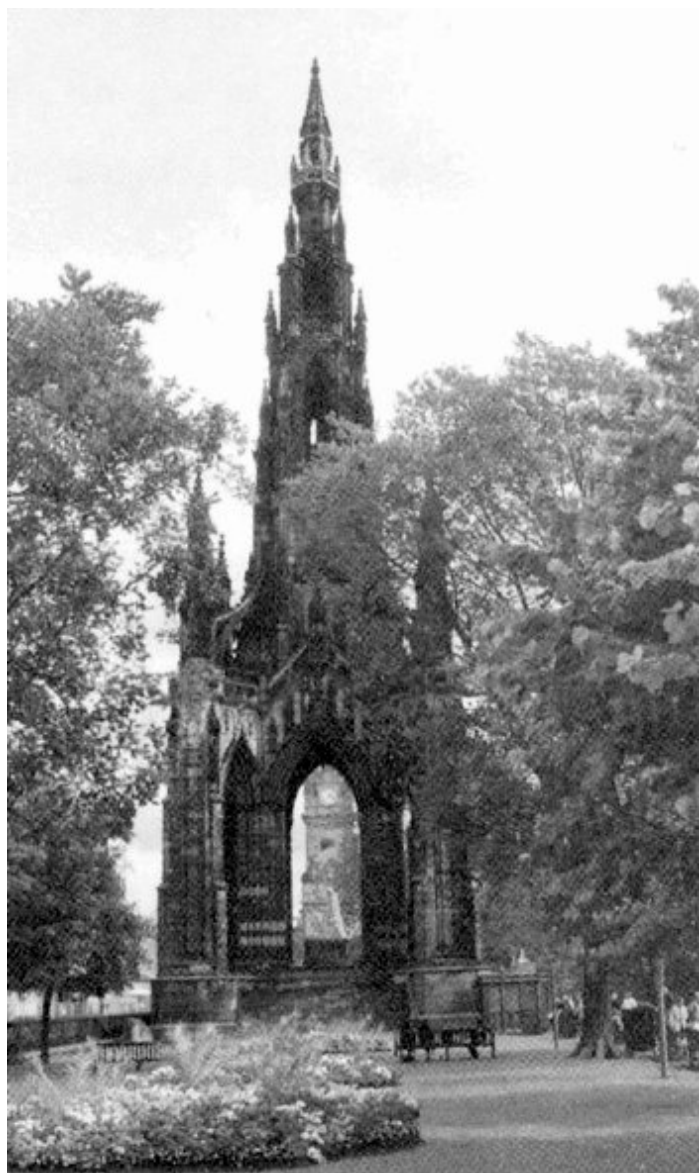


*Аббатство Мелроуз. Фото М. Башкатова*



*Эдинбургский замок. Фото О. Королевой*





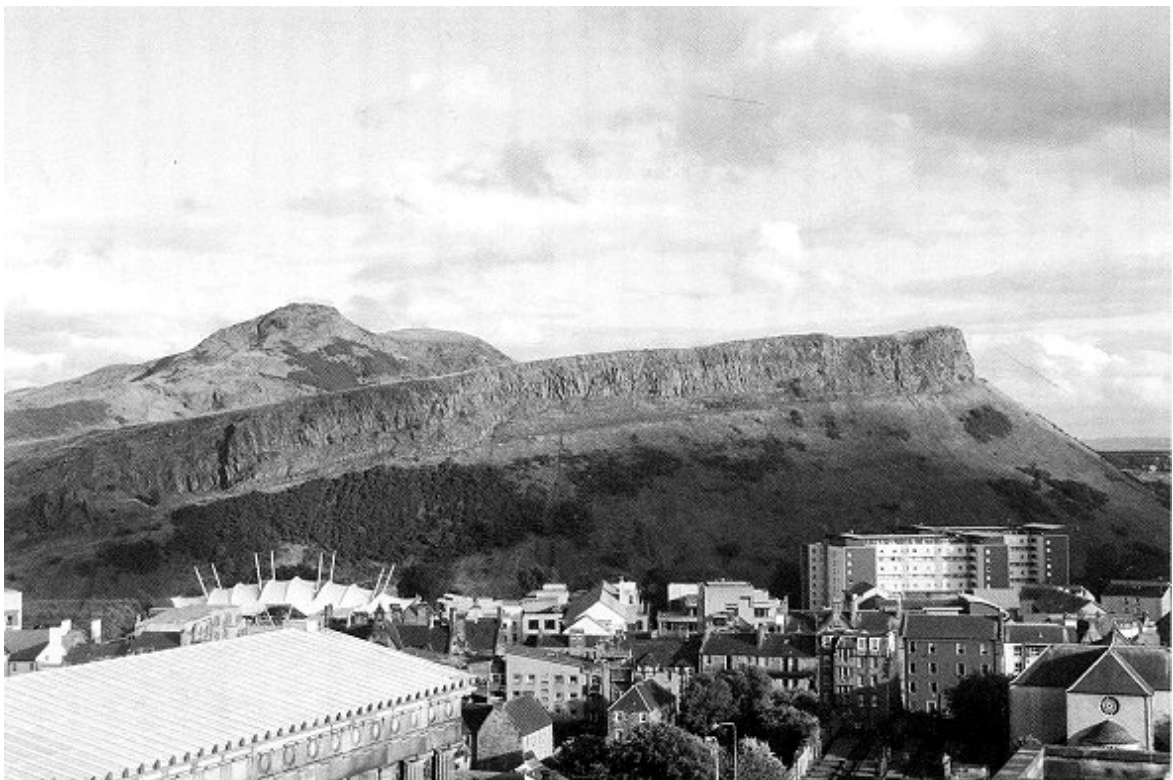
*Эдинбург. Монумент В. Скотта. Фото О. Королевой*



*Эдинбург. Королевская миля. Вид от дворца Холируд. Фото О. Королевой*



*Эдинбург. На Королевской миле. Фото О. Королевой*



*Эдинбург. Холм Кресло Артура. Фото О. Королевой*



*Эдинбург. Дворец Холируд и развалины Холирудского аббатства. Вид с холма Кэлтон-Хилл. Фото О. Королевой*



*Эдинбург. Дворец Холируд. Фото О. Королевой*



*Железнодорожный и автомобильный мосты через реку Форт. Первый построен в правление королевы Виктории, второй — современный. Фото О. Королевой*



*Замок Стерлинг. Фото М. Башкатова*



*Замок Рослин. Фото М. Башкатова*





*Автомобиль «Моррис». На такой машине Г. В. Мортон и совершал свои поездки «в поисках Британии». Фото О. Королевой*





*Городок Питлохри — ворота в Хайленд. Фото  
О. Королевой*



*Дороги Хайленда. Фото О. Королевой*



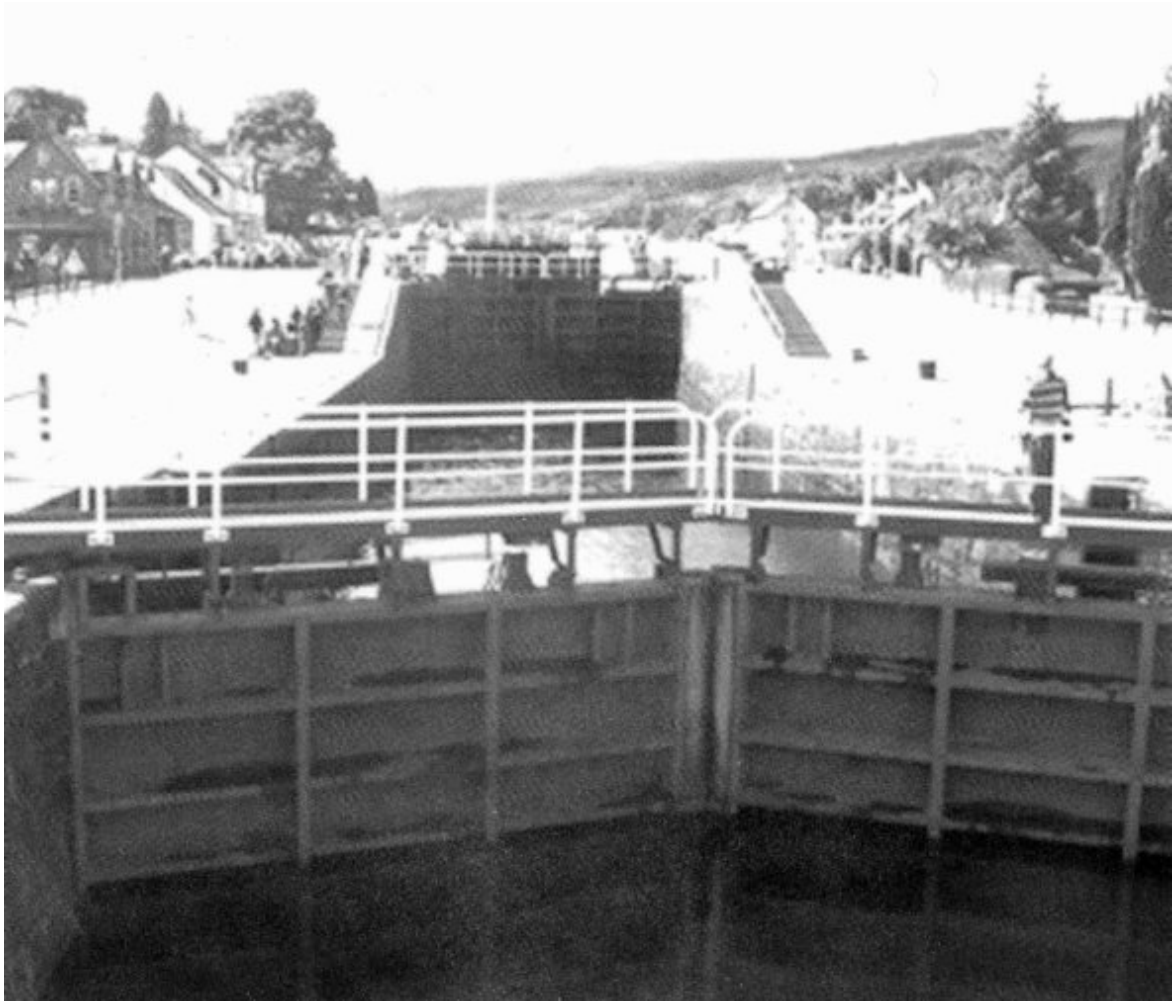
*Типичный пейзаж Хайленда. Фото О. Королевой*



*Сент-Эндрюс. Поле для гольфа. На заднем плане — здание «Королевского и старейшего» гольф-клуба. Фото О. Королевой*



*Сент-Эндрюс. Развалины аббатства, разрушенного Дж. Ноксом и его сторонниками-протестантами. Фото О. Королевой*



*Шлюзы на Календонском канале между озерами Лох-Несс и Лох-Лохи. Фото О. Королевой*



*Озеро Лох-Несс. Вид от Форт-Огастеса. Фото  
О. Королевой*



*Волинщик на берегу Каледонского канала. Фото  
О. Королевой*



*Грампианские горы. Правая седловина ведет к вершине Бен-Невис. Фото О. Королевой*



*Устье долины Гленко. Фото О. Королевой*





*Долина Гленко. В эту сторону бежали немногие уцелевшие Макдональды, а Кэмпбеллы настигали их и убивали. Фото О. Королевой*



*Замок Дунвеган. Фото М. Башкатова*



*Город Перт. Набережная. Фото М. Башкатова*

---

## notes

## Примечания

**1**

Как она есть (*англ.*).

Перевод С. Маршака.

Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, перевод стихов М. Башкатова.

Перевод Ю. Петрова.



Ф. Сидни. «Защита поэзии». Перевод Л. Володарской.

В. Скотт. «Песнь последнего менестреля». Перевод  
Т. Гнедич.

«Бар», «Кафе» (*фр.*).

Перевод Э. Линецкой, В. Жуковского, Н. Рыковой,  
В. Бетаки, М. Донского.

Здесь и далее перевод С. Маршака.

Вими — горная гряда на северо-западе Франции, где в апреле 1917 г. канадский корпус за 6 часов кровопролитного боя одолел превосходящие силы германской армии. — *Примеч. перев.*

Джок — прозвище шотландцев, как Пэдди — прозвище ирландцев. — *Примеч. ред.*

Это прозвище вошло в русский язык благодаря переводам романов В. Скотта. На самом деле точнее переводить его как «Старый вонючка»: столь неблагозвучным прозвищем город обязан болоту на месте нынешних садов Принсес-стрит — вплоть до начала XIX века туда стекали нечистоты с Замковой скалы. — *Примеч. ред.*



«Милые, милые берега Лох-Ломонда» — народная шотландская песня, послужила основой Э. Лэнгу для стихотворения «Милые берега Лох-Ломонда». — *Примеч. перев.*

Согласно утвержденному протоколу визита, король в этот день принял 457 дам из лучших шотландских семей и каждую был обязан поцеловать в щечку. — *Примеч. перев.*

«Династии» — эпическая драма Т. Гарди, посвященная войне с Наполеоном; критики называли ее «европейской Илиадой». — *Примеч. перев.*

Перевод И. Токмаковой. В оригинале вместо «стукнет» — дословно «тирлит». — *Примеч. ред.*

Перевод. Т. Озерской.

Перевод А. Кривцовой.

«Терпение, или Невеста Банторна» — комическая опера У. Гилберта и А. Салливана. — *Примеч. перев.*

В 1448 г. группа мятежных аристократов захватила Джеймса и использовала в качестве номинального предводителя в битве с войсками его отца (где тот был убит). Позднее Джеймс IV стал носить железные вериги — во искупление невольного соучастия в отцеубийстве. — *Примеч. перев.*



Любовная переписка Марии Стюарт с лордом Босуэллом, использовалась как дискредитирующий документ в суде против шотландской королевы. — *Примеч. перев.*

Местечко, где был убит супруг Марии Стюарт Генри Дарили. — *Примеч. перев.*

Название деревни созвучно «Dolour» — скорбь. —  
*Примеч. перев.*

Якобы в 1800 г. здесь произошел трагический инцидент: поднимавшаяся в гору коляска опрокинулась, пассажиры вместе с кучером погибли. — *Примеч. перев.*

«Скин ду» — в переводе с гэльского «черный нож»,  
непременный атрибут костюма шотландского горца. —  
*Примеч. перев.*

Сегодня в Шотландии бытует присловье: якобитов жаль, но если бы они не проиграли, то хайлендеры не спустились бы с гор и не принесли с собой виски. — *Примеч. ред.*

Кейбер — очищенный от сучьев ствол молодого дерева; метание кейбера — шотландский национальный вид спорта. — *Примеч. перев.*

Государственного переворота (*фр.*).



Название одной из яacobитских песен. — *Примеч. перев.*

Так в целях конспирации называли Джеймса Стюарта, который находился в эмиграции на континенте. — *Примеч. перев.*

Микобер — неунывающий оптимист (по имени одноименного персонажа из романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд»). — *Примеч. перев.*

«Горящий крест» — крест, сооруженный из двух орешин, которые сначала поджигают, а затем окунают в кровь свежесрезанной козы. Его прикрепляют к концу копья и отправляют с гонцом по всем городам и весям в качестве призыва к экстренному сбору боеспособных мужчин. — *Примеч. перев.*

Боннет — мужская шотландская мягкая шапочка без полей, похожая на берет; обычно украшена лентами или перьями. — *Примеч. перев.*

Дункан Бан (Прекрасный) Макинтайр — шотландский бард. — *Примеч. перев.*

Пиброх — тема с вариациями для волынки. —  
*Примеч. перев.*

Пиип-вор — большая шотландская волынка. —  
*Примеч. перев.*



Так в Лондоне называют победителей конкурса традиционной одежды уличного торговца и его жены. —  
*Примеч. перев.*

Келпи — в шотландском фольклоре водяной в образе лошади, который развлекается тем, что топит случайных путников. — *Примеч. перев.*

Его мать была внучкой польского короля Яна III Собеского. — *Примеч. перев.*

«Для победы нам нужна смелость, смелость и еще раз смелость!» (*фр.*) — из речи Ж. Дантона в Законодательном собрании. *Примеч. перев.*

Следует помнить, что при Куллодене, как и в других битвах периода якобитских восстаний, шотландцы Хайленда сражались не столько с англичанами, сколько с другими шотландцами, жителями Лоуленда, которые поддерживали англичан. — *Примеч. ред.*

«Немецкий лэрд» и «Джорди» — прозвища английского короля Георга I. — *Примеч. ред.*

Перевод И. Ивановского.

Ныне остров Скай соединяет с Шотландией автомобильный мост. — *Примеч. ред.*



Туссор — шелк типа чесучи. — *Примеч. перев.*

Херевард Уэйк (род ок. 1035 г.) — лидер народного сопротивления в период норманнского завоевания Англии. — *Примеч. перев.*

«Угол Битти» — наклон фуражки к правому уху (в соответствии с привычкой адмирала Д. Битти). — *Примеч. перев.*

«Неаполитанский лед» — первое европейское мороженое, которое изобрел в середине XVII века итальянский кулинар Тортони. — *Примеч. перев.*

Согласно местной традиции, после проигранной битвы у Лэнгсайда королева вынуждена была бежать; якобы возле этой деревушки она положила распятие (cross) на свою ладонь (loof) и поклялась, что когда-нибудь еще сюда вернется. — *Примеч. перев.*

Рубленное мясо — *(фр.)*.

«Давний союз» — серия договоров, заключенных в 1295–1560 гг. между Францией и Шотландией против Англии. — *Примеч. перев.*

В ходе Второй Афганской войны (1878–1880) британская армия под командованием фельдмаршала лорда Робертса совершила марш-бросок из Кабула в Кандагар (310 миль), где разбила войска Айюб-хана и способствовала снятию осады Кандагара. — *Примеч. перев.*



Любимое высказывание мистера Микобера, персонажа романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд». — *Примеч. перев.*

У. Шекспир. «Макбет».

Восстановленный театр «Глобус» находится на южном, «непрестижном» берегу Темзы. — *Примеч. ред.*

У. Шекспир. «Макбет». Акт II, сцена 3. Перевод  
Б. Пастернака.

Здесь и далее перевод Е. Фельдмана.

Тодди — алкогольный напиток из сока некоторых видов пальм. — *Примеч. перев.*

Перевод С. Сухарева.

Перевод Ю. Князева.



Перевод С. Маршака.

Перевод С. Маршака.

Перевод С. Маршака.